

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2023 Volume 27 No. 3

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia Named after Patrice Lumumba**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

DOI: 10.22363/2687-0088-2023-27-3

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

ISSN 2687-0088 e-ISSN 2686-8024

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 01.09.2023. Выход в свет 30.09.2023. Формат 70х108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1133. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. LARINA, RUDN University, Russia
e-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, USA
e-mail: ikecskes@albany.edu

ASSOCIATE EDITORS

Douglas Mark PONTON, University of Catania, Italy
Olga A. LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, RUDN University, Russia
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (UNED), Spain
Steven A. BEEBE, Texas State University, USA
Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University, Russia
Donal CARBAUGH, University of Massachusetts, USA
Vadim DEMENTYEV, Saratov State University, Russia
Jean-Marc DEWAELE, Birkbeck, University of London, UK
Yulia EBZEEVA, RUDN University, Russia
Cliff GODDARD, Griffith University, Australia
Svetlana IVANOVA, Saint-Petersburg State University, Russia
Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University, Russia
Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Hungary
Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute, Russia
Eleonora LASSAN, Vilnius University, Lithuania
Carmen MAÍZ-ARÉVALO, Complutense University of Madrid, Spain
Sara MILLS, Sheffield Hallam University, UK
Andreas MUSOLFF, University of East Anglia, UK
Etsuko OISHI, Tokyo University of Science, Japan
Aneta PAVLENKO, University of Oslo, Norway
Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau, Germany
Klaus SCHNEIDER, University of Bonn, Germany
Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Olga A. SOLOPOVA, South Ural State University (National Research University), Russia
Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages, China
Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University, India
Rafael Guzman TIRADO, University of Granada, Spain
Maria YELENEVSKAYA, Technion, Israel Institute of Technology, Israel
Anna ZALIZNIAK, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Franco ZAPPETTINI, University of Liverpool, UK

Review editor *Konstantin V. Zenkin*
English language editor *Julia B. Smirnova*
Computer design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАРИНА Татьяна Викторовна, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

КЕЧКЕШ Иштван, Университет штата Нью-Йорк, США
e-mail: ikecskes@albany.edu

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

ПОНТОН Дуглас Марк, Катанийский университет, Италия
ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Испания
БИБИ Стивен А., Университет штата Техас, США
БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
ГОДДАРД Клифф, Университет Гриффит, Австралия
ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет, Испания
ДЕВАЕЛЕ Жан-Марк, Лондонский университет, Великобритания
ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт, Израиль
ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН, Россия
ЗАПЕТТИНИ Франко, Ливерпульский университет, Великобритания
ИВАНОВА Светлана Викторовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ИРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Россия
КАДАР Дэниел, Институт лингвистики Венгерской академии наук, Венгрия
КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
КАРБО Донал, Массачусетский университет, США
ЛАССАН Элеонора, Вильнюсский университет, Литва
МАИС-АРЕВАЛО Кармен, Университет Комплутенсе де Мадрид, Испания
МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания
МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии, Великобритания
ОИСИ Эцуко, Токийский исследовательский университет, Япония
ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло, Норвегия
ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау, Германия
СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии, Греция
СОЛОПОВА Ольга Александровна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Россия
СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков, КНР
СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, Делийский университет, Индия
ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет, Германия
ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Россия

Литературный редактор **К.В. Зенкин**
Редактор англоязычных текстов **Ю.Б. Смирнова**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Olga A. SOLOPOVA, Don NILSEN and Alleen NILSEN The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse	521
Alina G. MONOGAROVA, Tatyana A. SHIRYAEVA and Elena V. TIKHONOVA The words that make fake stories go viral: A corpus-based approach to analyzing Russian Covid-19 disinformation	543
Amir H.Y. SALAMA and Rania Magdi FAWZY The spatiotemporal constitution of Dubai as a semiotically assembled touristscape	570
Bahareh KORDESTANCHI, Mehdi SARKHOSH and Fatemeh MOAFIAN The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant	592
Svetlana I. IVANOVA and Svetlana N. MEDVEDEVA Unveiling semantic complexity of the lexeme ‘reputation’: Corpus analysis	615
Roman V. KUPRIYANOV, Olga V. BUKACH and Oksana I. ALEKSANDROVA Cognitive complexity measures for educational texts: Empirical validation of linguistic parameters	641
Damina SHAIBAKOVA, Ekaterina PROTASSOVA and Maria YELENEVSKAYA Linguistic pluricentrism and the Russian language	663
Svetlana A. MOSKVITCHEVA, Alain VIAUT and Radif R. ZAMALETDINOV Language representations and language attitudes in the Mishar dialect continuum	687
Olga I. MORKOVINA, Luiza N. GISHKAEVA and Anastasia A. SHARAPKOVA Picture naming test: Linguistic challenges of the method and ways to solve them	715
Book reviews	
Fariz ALNIZAR Review of Eda Derhemi and Christopher Moseley (eds.). 2023. <i>Endangered Languages in the 21st Century</i> . London: Routledge	745
Marina L. NOVIKOVA Review of Igor Mel’čuk. 2023. <i>General Phraseology: Theory and Practice</i> . Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins	750
Anniversaries	
Tribute to Svetlana G. TER-MINASOVA	758

СОДЕРЖАНИЕ

Olga A. SOLOPOVA, Don NILSEN, Alleen NILSEN The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse Зооморфные метафоры в моделировании образа России: диахронический анализ американского медиадискурса	521
Alina G. MONOGAROVA, Tatyana A. SHIRYAEVA, Elena V. TIKHONOVA The words that make fake stories go viral: A corpus-based approach to analyzing Russian Covid-19 disinformation Язык вирусных фейковых новостей: корпусный подход к анализу русскоязычной дезинформации о Covid-19	543
Amir H.Y. SALAMA, Rania Magdi FAWZY The spatiotemporal constitution of Dubai as a semiotically assembled touristscape Пространственно-временная организация туристического ландшафта Дубая с позиций семиотики	570
Bahareh KORDESTANCHI, Mehdi SARKHOSH, Fatemeh MOAFIAN The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant Тонкое искусство говорить «нет» в персидском и английском языках: кросс-культурный и кросс-лингвистический аспекты	592
Svetlana I. IVANOVA, Svetlana N. MEDVEDEVA Unveiling semantic complexity of the lexeme ‘reputation’: Corpus analysis Исследование семантической сложности лексемы ‘reputation’: корпусный анализ	615
Roman V. KUPRIYANOV, V. Olga BUKACH, Oksana I. ALEKSANDROVA Cognitive complexity measures for educational texts: Empirical validation of linguistic parameters Оценка когнитивной сложности учебных текстов: эмпирическая валидация лингвистических параметров	641
ШАЙБАКОВА Д., ПРОТАСОВА Е., ЕЛЕНЕВСКАЯ М. Лингвистический плюрицентризм и русский язык	663
МОСКВИЧЁВА С.А., ВЮ А., ЗАМАЛЕТДИНОВ Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме	687
МОРКОВИНА О.И., ГИШКАЕВА Л.Н., ШАРАПКОВА А.А. Тест на название изображений: лингвистические проблемы метода и пути их решения	715
Рецензии	
Fariz ALNIZAR Рецензия на книгу Eda Derhemi and Christopher Moseley (eds.). 2023. <i>Endangered Languages in the 21st Century</i> . London: Routledge	745
Marina L. NOVIKOVA Рецензия на книгу Igor Mel’čuk. 2023. <i>General Phraseology: Theory and Practice</i> . Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins	750
Юбиляры	
К юбилею С.Г. ТЕР-МИНАСОВОЙ	758

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

EDN: LDUKRP

Research article / Научная статья

The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse

Olga A. SOLOPOVA¹ , Don NILSEN² , Alleen NILSEN²

¹South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

²Arizona State University, Tempe, Arizona, the USA

o-solopova@bk.ru

Abstract

The image of a country has a critical impact on the degree of its political, economic and cultural influence in the world. This indicates a need to understand various perceptions of a country that exist among other nations and mechanisms of their formation and change in an ever-shifting world. This qualitative case study seeks to examine the changing nature of wild animal metaphors employed to model the image of Russia in American media discourse in the XIX–XXI centuries. The study is limited by two source domains, namely, the beast and the bear. They were analyzed within particular contexts: American English, culture and media discourse. The research data were drawn from dictionaries and corpora. The dictionaries included etymological and explanatory entries, as well as those covering idioms, symbols, and metaphors. The corpora research data were collected from the Corpus of Contemporary American English and *Chronicling America*, a collection of historic digitalized texts. A total of 218 metaphors were selected from 4929 texts. The metaphors were studied through lexicographic, conceptual metaphor, culture-specific, corpus, discourse, and diachronic methods. The findings of this study suggest that the two metaphors “Russia is a beast” and “Russia is a bear” are frequently used in realizing the strategy of ‘othering’ in XXI century American media discourse. Still, their meanings allowed for variation and modification in the periods of the two countries’ amity and cooperation. In the XIX century and in the years of US-Soviet alliance in WWII the metaphors could evoke positive images of Russia, thus, realizing the strategy of ‘bridging’ or ‘belonging’. The contribution of this study has been to confirm that, whatever metaphorical projections exist in language and culture, historical factors determine choices in any sample of discourse. This could be important for understanding the mechanisms involved in modeling the image of modern Russia in foreign media discourses.

Keywords: *conceptual metaphor, animal source domain, country image, image of Russia, American media discourse, diachronic approach*

For citation:

Solopova, Olga A., Don Nilsen & Alleen Nilsen. 2023. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

© Olga A. Solopova, Don Nilsen & Alleen Nilsen, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Зооморфные метафоры в моделировании образа России: диахронический анализ американского медиадискурса

О.А. СОЛОПОВА¹ , Д. НИЛЬСЕН² , Э. НИЛЬСЕН²

¹Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

² Университет Штата Аризона, Темпе, Аризона, США

 o-solopova@bk.ru

Аннотация

Образ государства влияет на позиционирование страны в мировом сообществе. Актуальность исследования связана с необходимостью понимания механизмов формирования этого образа и факторов, обуславливающих его трансформацию в условиях постоянно меняющегося мира. Цель исследования – выявить особенности эволюции концептуальных метафор, используемых для репрезентации образа России в американском медиадискурсе XIX–XXI вв. В статье мы ограничились двумя зооморфными метафорами со сферами-источниками «зверь» и «медведь». Смыслы, транслируемые метафорами, анализируются на материале американского английского в рамках американской лингвокультуры и медиадискурса. Источниками материала послужили авторитетные словари: этимологические, толковые, идиоматические, словари символов и метафор и корпусы текстов: COCA – Корпус современного американского английского языка и *Chronicling America* – корпус исторических оцифрованных текстов. Общее количество метафор, отобранных из 4929 текстов, составляет 218 единиц. Для анализа языкового материала привлекаются метод метафорического моделирования, лексикографический, лингвокультурный, корпусный, дискурсивный и диахронический методы. Результаты исследования показали, что в современном дискурсе рассмотренные зооморфные метафоры реализуют отрицательные смыслы, закрепленные в языке и культуре, и транслируют смыслы чуждости и инаковости. Однако те же метафорические единицы способны развивать дополнительные оценочные коннотации в исторических условиях геополитической дружбы и сотрудничества двух государств. В дискурсе XIX в. и в период союзничества во время Второй мировой войны метафоры моделируют положительный образ России, включают государство в круг «своих», нивелируя различия, существующие между странами. Исследование динамики метафор может дать результаты, важные для понимания особенностей моделирования образа современной России в зарубежном медиадискурсе, поскольку они свидетельствуют о прямой зависимости этого образа, смыслов и коннотаций метафор от экстрадискурсивного контекста.

Ключевые слова: концептуальная метафора, зооморфная метафора, образ государства, образ России, американский медиадискурс, диахронический подход

Для цитирования:

Solopova O.A., Nilsen D., Nilsen A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

1. Introduction

The image of a country has always played a crucial role in politics and intercultural communication as it affects political, economic, military, and cultural dimensions and can influence decision-making. It remains as important in increasingly globalized media societies as it was centuries ago. As the process of

this image formation is ideological and linguistic in nature, it is a continuing concern within different academic disciplines, with linguistics being no exception. The external image, or how people around the world feel about the country, is a multidimensional concept based on knowledge about the country, cognitive assessments, affective, or emotional evaluation, and the country links, or the relations of the country with other nations (Berács & Malota 2000). Images formed about a foreign country can originate from knowledge that people get either directly from their own experiences or indirectly through various channels, with mass media being one of them.

Existing research recognizes the critical role of media discourse in shaping images of countries (Dolea et. al 2021, Giffard & Rivenburgh 2000, Jenes 2005, Kopylova & Kilina 2020). As noted by Zappettini et al. (2021), one cannot overstate “the role of the media in creating and swaying public opinion” (Zappettini et al. 2021: 589), which relates to modeling the image of a country to the full extent. This image is thought to be a set of salient beliefs which tend to be emotional, subjective, and biased, making stereotypes predominant in shaping perceptions of foreign countries, particularly ones with different political structures and cultural backgrounds (Arendt et al. 2015, Bouchat & Rime 2018, Cuddy et al. 2009, Dovidio et. al).

Society has been forming national stereotypes for centuries. Countries are known for different civilizational traits and peculiar habits or political, social and cultural norms that often tend to crystallize into metaphors that have come to be closely identified with a country or nation over time. Most research has emphasized the use and role of metaphorical framing in structuring and understanding stereotypes (Maass et al. 2014, Ervas 2017). It has commonly been assumed that the power of metaphors in the process of stereotyping is determined by their cognitive and emotional aspects: “since metaphors provide a vivid, condensed and image-evoking medium, the reader draws stronger stereotype-consistent inferences from metaphors than from presumably equivalent literal terms” (Borelli & Cacciari 2019).

Although extensive research has been carried out on understanding the means of the country image formation, few studies exist which focus on development and change of animal metaphors, admittedly used in modeling the image of the ‘other / them’ and portraying behavioral traits related to countries since ancient times. The study follows a qualitative case-study design, with an in-depth analysis of two fundamental schemas with the target domain ‘Russia’, namely, the source domains ‘the bear’ and ‘the beast’, to provide an understanding of their performance within particular contexts: linguistic (the English language), cultural (the American culture), and discursive ones (media discourse about Russia), with the time period for the latter starting from the XIX century and finishing up with the XXI century. The main reasons for choosing these source domains are their frequency and negative meanings, predicted by revulsion and fear felt toward the animals and by the dehumanizing view of the targets that they imply, with ‘beast’ being a generic

term for wild animals and ‘bear’ – a present-day symbol of Russia. The key research questions of the study are whether or not the two source domains that tend to evoke negative perceptions, when used to conceptualize “the other / them”, allow for modeling any positive images of Russia, if that is the case, what the reasons influencing these shifts in the meanings are.

2. Theoretical framework

Conceptual metaphor theory (Lakoff & Johnson 1982) has fast become a key instrument in structuring and understanding a real world: one’s whole life experience goes into creating and understanding metaphors. There are three things to consider when dealing with a conceptual metaphor: the source, the target, and the ground (what the source and the target have in common). Metaphor sources tend to be common, ordinary, old, prototypical, simple, and concrete aspects of life while typical metaphor targets are abstract, complex, and new. Metaphors give us a way to talk about the unknown through references to the known: “metaphor relies on what has been experienced before; it transforms the strange into the familiar” (Ozick 2021). The metaphor ground is what the metaphor source and the metaphor target have in common. People must see the item being referred to (the target) in relation to the basis of the comparison (the source) and then they must figure out the nature of the grounding, which is what the source and the target have in common.

Over the past decades, numerous studies have attempted to explain both universal and culture-specific nature of conceptual metaphors in language, culture, and discourse (Kövecses 2009, Kozlova 2020, Tran 2022). There is a consensus among scholars that the nature of universal metaphors is panchronic as they come from the collective unconscious, mirror all that man has experienced throughout the history of mankind and reflect similar thinking patterns and universal properties of language. Still, the use of any metaphor in the actual language depends on a great number of factors that affect and alter its meanings across different languages, discourses, and cultures.

Both universality and variation of metaphors fit into the scope of diachronic metaphor research (Allan 2008, Geeraerts 2015, Solopova & Chudinov 2018, Trim 2011). As Anderson states, “the diachronic dimension of metaphor in language offers a fuller understanding of the nature and importance of metaphor and of language itself” (Anderson 2017: 233). Up to now, the diachronic metaphor studies have tended to focus on the problems of historical evolution of figurative language (Díaz-Vera 2015, Smith et al. 1981), the origins of our present-day metaphoric conceptualization (Kövecses 2021, Trim 2007), changes in metaphorical models, clusters, and systems over time (Zeng et al. 2021, Solopova & Chudinov 2018), rationale and patterns of metaphor development in language (Cánovas 2015, Geeraerts 2015), culture (Kövecses 2005, Trim 2015), and discourse (Benczes & Ságvári 2018, Solopova & Kushneruk 2021). Factors thought to be influencing metaphor variations along the diachronic scale are historical

experiences, transmitted through language, social and cultural boundaries, cognitive preferences and patterns, properties of languages, which signals that metaphors greatly depend upon historical, cultural, social, psychological and discourse aspects (Gibbs 2017, Kövecses 2009, Littlemore 2019).

In the new globalized world and modern media societies, modeling and forming images of countries have become a central issue in political and media discourse. The concept of the country image, was first introduced by Boulding (1959) and defined as “the total cognitive, affective and evaluative structure of the behavioral units or its internal view of itself and its universe” (Boulding 1959: 120–1211). Currently, the role, effects, and means to form country images are a major area of interest not only for scholars in the fields of public diplomacy and international relations, but also for various adjacent domains such as discourse analysis (Dolea et al. 2021, Giffard & Rivenburgh 2000, Kopylova & Kilina 2020) and metaphor studies.

As the country image determines the degree of the country’s political and economic influence in the international system, scholars have devoted considerable critical attention to understanding its nature, components, and effects from their areas perspectives. Most scholars, as is shown in (e.g., Kalinin & Ignatenko 2022, Ponton 2020, Solopova & Kushneruk 2021, Solopova & Chudinov 2018, Sun et al. 2021 among others), note that a) being a result of cognitive beliefs, stereotypes, and prejudices that people hold about the country, this image is fundamentally biased: it does not often correspond to or measure any objective reality in the national development, vice versa, this image is based on opinions and illusions, and interpreted through the filter of past experiences and expectations for the future. b) The country image is emotional: it consists of general feelings of liking or disliking, fascination or repulsion for the country. c) The country image, as any other media representation, is always constructed deliberately to convey a certain message, thus, its construction is affected by institutional, social, situational, discursive and even personal contexts. d) The country image is a dynamic concept: it possesses both constant components (a geographical area, population, history) and innumerable variables (a form of government, ideology, economic and technological development, military strength, cultural, social, religious, environmental, and other factors), with the latter influencing its melioration or deterioration at different historical periods. e) The country image influences and shapes the behavior of individuals, social groups and other nationalities towards the country. f) Metaphor is thought to be one of the fundamental and most frequent means of the country image construction.

One of the basic metaphors in classical political writing is thought to be an animal metaphor (Bisschops 2019, Dwyer 1979², Goatly 2007, Talebinejad & Dastjerdi 2005). The archetypal nature of the animal metaphor is traced back to

¹ Boulding, Kenneth E. 1959. National images and international systems. *Journal of Conflict Resolution* 3 (2). 120–131.

² Dwyer, Peter D. 1979. Animal metaphors: An evolutionary model. *Mankind* 12. 13–27.

ancient myths, tales, fables or legends (Bisschops 2019: 3). The model for metaphorization, developed by Dwyer (1979), accepts that “the domain of animals is more familiar than that of social existence and, thus, the former affords metaphoric possibilities for explication of the latter” (Dwyer 1979: 24–25). Goatly (2007) notes that the metaphor ground here lies in the fact that “humans, along with animals, are basically competitive and selfish; because of this reason and the scarcity of resources, humans, like animals, are involved in a competition for survival of themselves and their progeny” (Goatly 2007: 336). Linguistic or conceptual animal metaphors in English and other languages fall into several categories: a) domestic animals; b) wild animals; c) fish and water animals; d) insects; e) fantastic animals, etc.

Previous studies such as those conducted by Dobrosklonskaya (2021), Lung (2018), Ponton (2020), Solopova & Chudinov (2019) suggest that animals have always been a frequent source domain for modeling images of countries; their meanings and perceptions have constantly evolved throughout history (Dobrosklonskaya 2021, Lung 2018, Ponton 2020, Solopova & Chudinov 2019). A wide range of metaphorical connections and constant associations of a country with stereotypic properties of an animal indicate that this systematic mapping between the two domains of countries and animals is characteristic of political discourse. In her analysis of animal metaphors, Lung (2018) notes that “in the international ‘jungle’ the American eagle, the Chinese dragon, the Russian bear, the French rooster, and many other large and small beasts can either coexist peacefully or devour each other in a continuous quest to become the king of the jungle” (Lung 2018: 235–236). Considering interactions between humans and animals, DeMello convincingly unpacks the different identities humans fashion for themselves and for others through animals (DeMello 2012).

In the latter case animal names are used to describe characteristics of a country in a derogatory and demonizing manner (Ozyumenko & Larina 2021); animal imagery is then combined with effects of criticism, condemnation, hostility and fear, which results in “othering”, i.e., a cross-cultural tendency to conceptualize “other / them” as in some way less than “us”, by attributing negative characteristics to this country (Carver 2008: 162–163). The foundation stones of “othering” via metaphorical projections are wild animal metaphors. Amongst the wild animal source domain, the most popular is undoubtedly a large brutal beast. As noted by Lakoff and Johnson (1999), “a wild, unruly, unpredictable person is commonly conceptualized as a wild animal” (Lakoff & Johnson 1999: 368), which is equally applicable to modeling a country’s image. When a country is viewed as a brutal beast, it reflects both its status as an international pariah and a subconscious reinforcement for its punishment. However, commenting on the use of scary wild animal metaphors, Ponton (2020) points out that they often “represent a nexus of conflicting cultural attitudes, values and themes which cannot be reduced simply to membership of a category of dangerous animals” (Ponton 2020).

In the paper we are interested in the connotations of two wild animal metaphors in the English language and the American culture, and the way these metaphors are used to shape a country's image over time, particularly that of Russia, in American media discourse. The rationale behind concentrating on American media discourse about Russia and diachronic representation of its image is the fact that the current political scenario (the USA versus Russia) and mounting tensions between the two countries are of a primary concern for the public eye today. The image of Russia in modern American discourse is deeply negative (see, e.g., Ozyumenko 2017, Tang 2023, Wood 2023 among others). To better understand the mechanisms of Russia's image formation, it is crucial to look to the past to understand where it came from and whether Americans have always ascribed negative characteristics to Russia.

3. Data and methodology

The first reading of our corpus revealed that among animal imagery two metaphors in particular stood out for the frequency with which they occurred, namely, Russia as a BEAST and a BEAR. For this reason, we decided to focus on the specific cases of these metaphors. Methodologically, this case-study combined lexicographic, conceptual metaphor, culture-specific, corpus, discourse, and diachronic analyses. First, lexicographic, conceptual metaphor, culture-specific methods were applied when working with dictionaries. Several types of dictionaries were used to compile a generalized lexicographic (both linguistic and cultural) description of each word chosen as a source domain: a) an etymological dictionary offers a reliable account of the origin and history of the words (Online Etymology Dictionary); b) explanatory dictionaries provide the most comprehensive and accurate coverage of their meanings in present-day American English (New Oxford American Dictionary 2010, The American Heritage Dictionary of the English Language 2018); c) dictionaries of idioms show the use of the words under analysis in proverbs, informal phrases, and common sayings in natural American English (Ammer 2013, Spears 1988); d) dictionaries of symbols help to explore their meanings collected from the worlds of mythology, archeology, psychology, literature, and history (Dictionary of Symbolism 1994, Online Symbolism Dictionary); e) metaphor dictionaries list the words in their figurative meanings and explain those basic metaphorical ideas that have influenced the way particular concepts are expressed in everyday contemporary English (Metaphors in English – MacMillan Dictionary, Pasanek 2015); f) a specialized dictionary of animal metaphors includes an illustration of the grammatical use of the animal metaphor; the date it was first recorded as metaphor in English (where possible); the name of the animal (or class of animals) that is the source of the metaphor; the date of the first recorded use of the animal name (Palmatier 1995).

Second, we focused on corpus, discourse, and diachronic analyses of the metaphors. Two representative collections of texts were chosen as sources of the data: the Corpus of Contemporary American English (COCA) and *Chronicling America: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress*

(CA). COCA is a large and representative corpus of American English, containing texts from 1990 up to 2019 and having (among others) two special sections of popular magazines and newspapers. The range of the queries that we used when working with the corpus, limiting the date range from 2000 to 2019, was a) browsing a frequency list of the top 60,000-word list and searching by individual word (the word that we thought a possible source domain was to be included into the list (Fig. 1: for example, ‘bear’ as a noun ranks 1982 among top 60,000 lemmas (words) in the corpus), b) analyzing its collocates, clusters, and concordance lines: it was obligatory that some of them (collocates, clusters, or concordance lines) contained ‘Russia’ or ‘Russian’ (Fig. 2: for example, ‘RUSSIAN BEAR’ is registered in clusters for ‘bear’ as a noun and in concordance lines), c) interpreting its meanings and use in the context of the XXI century media discourse (Fig. 3).

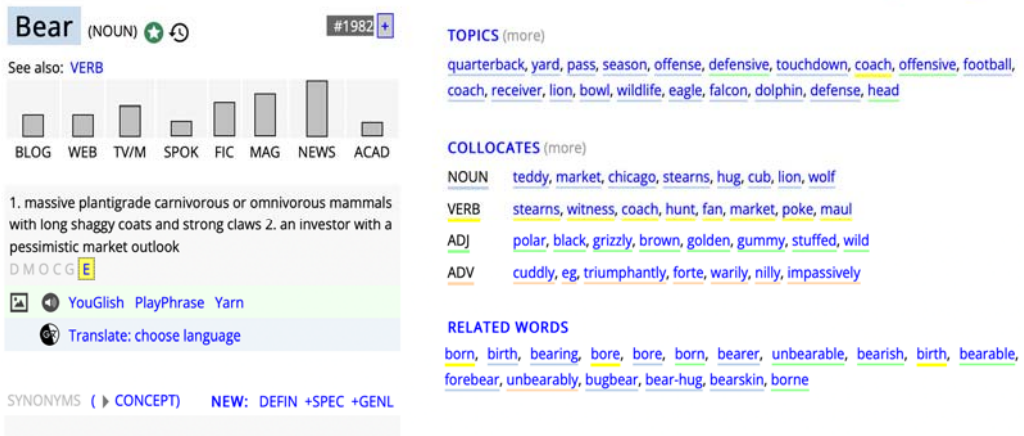

Fig. 1. Fragment of the search by individual word (BEAR as a noun) (COCA)

71	bears need	58	other bears	13	bears are playing
68	bear hunting	58	russian bear	13	bears no yds
67	bears defense	57	berenstain bears	13	bear stearns analyst

Fig. 2. Fragment of clusters for BEAR as a noun (COCA)

oil as a weapon of foreign " diplomacy " over missile deployments. The Russian Bear is still a bear. // President Bush looked into Putin's soul. Secretary . In " Stories from the Chinese Forest " the British Tommy asks the Russian bear why he has such a big mouth and paws. The bear answers, " England's Politics " the British bulldog growls menacingly at Michel, ignoring the Russian bear that is eating other people: " Michel is being peaceful. Russia's the

Fig. 3. Fragment of contexts for the cluster RUSSIAN BEAR (COCA)

The second corpus, used for collecting the data, CA, is a searchable database of US newspapers with descriptive information and select digitization of historic pages from 1770 up to 1963. The most common formats for storing texts found in

this digital archive are jpg and pdf. For this reason, the only possible way to collect the data from the corpus was to use the Advanced Search engine, limiting the search by language (English), period (1800–1899, 1900–1963), option of searching all the words that included the target domain (Russia) and a source domain (the name of the animal) within 5 words of each other (the fewest possible that the engine allows) (Fig. 4: for instance, the search results with the option of searching all the words (Russia, BEAR) within 5 words of each other in the date range from 1800 to 1899 contain 1739 texts).

Fig. 4. Fragment of the search results with the option of searching all the words (Russia, bear) within 5 words of each other (1800–1899) (CA)

The reader should bear in mind that there are some limitations, concerned with and determined by working with the corpora: a) not each wordform, found in the corpora, can be taken as an expression of the analyzed conceptual metaphors; b) not any target-source pairing, fixed in the corpora, can count as metaphorical; c) another limiting case concerns COCA: the search by individual word (Fig. 1) comprises the information about a lexeme (taken as a source domain in the research) in both direct and indirect meanings; only further analysis of its collocates, clusters, concordance lines (Fig. 2), and contexts (Fig. 3) allows for differentiating direct meanings of a lexeme from its specific, situated, metaphorical meanings; d) some limitations are imposed by CA corpus as well: as it stores digitalized documents of the XVIII–XX centuries, the quality of the text, processed by the Optical Character Recognition technology (OCR), greatly depends on the physical condition of the original source, including paper quality, color, fading and damage defects, which might affect the search results (for example, processed by OCR ‘dear’, ‘fear’, ‘pear’, etc., can be taken for ‘bear’); e) another potential problem lies in the fact that CA does not have any linguistic mark-up (no grammatical tagging), thus, the search results could comprise all the homonymous lemmas (for instance, ‘bear’ as a noun and ‘bear’ as a verb), f) differences in time periods (the XIX century (1800–1899), the XX century: 1900–1963, the XXI century: 2000–2019) can also be accounted by the data, stored in the corpora.

These limitations made us forgo quantitative analysis in favor of qualitative: rather than discuss findings in terms of statistical patterns or trends derived from a

large sample, we focused on analyzing two conceptual source domains, following a number of procedures: a) based on the data, enlisted in the dictionaries, we compiled a generalized lexicographic (both linguistic and cultural) description of the words that comprises the scope of their rich and varied meanings in the language and shows the symbolic and cultural significance of each metaphor. b) Using the corpora data, we followed a reversed chronological order listing illustrative examples from newest (2000–2019) to oldest (1900–1963, 1800–1899): we started with the most recent data, as it is quite obvious that in the XXI century American media discourse about Russia the two metaphors should be quite negatively loaded, and moved backwards to fix the shifts in their meanings (if any) over time. c) All the texts were manually searched for metaphors. Besides the limitations listed above, it must be noted that a conceptual metaphor is not always expressed within the boundaries of a word or an expression; it is not necessarily dead or conventionalized; on the contrary, it is often live and novel. Moreover, it can be extended over several sentences or throughout the text, which proves the necessity to process the initial results of the corpus searches manually. The metaphors were identified and extracted from the metaphorical expressions with the help of metaphorical modeling method, following the procedures proposed by Chudinov et al. (2020, 2023). d) We examined both synchronic and diachronic instantiations of the two metaphors with the target domain ‘Russia’ in contexts of American media discourse, fixing their conceptual, cultural and discourse constancy or variation over time, and explaining those factors that underlie them.

4. Results and discussion

4.1. RUSSIA IS A BEAST metaphor

Turning now to the experimental evidence, it must be stated that the noun ‘beast’ originated from Middle English beste, from Old French, from Latin bēstia, which is of unknown origin (Online Etymology Dictionary). In Modern English it is used to denote “a) an animal other than a human, especially a large four-footed mammal; b) an animal, especially a dangerous or strange one; c) animal nature as opposed to intellect or spirit; d) a very large or powerful person or thing; someone brutal and contemptible (New Oxford American Dictionary 2010, The American Heritage Dictionary of the English Language 2018). The meanings of many English idioms are driven by explicit and implicit understanding of the conceptual metaphor: *a whole different beast, feed the beast, in / into the belly of the beast, be no good to man or beast, a beast of burden, a beast with two backs, the nature of the beast*, etc. (Ammer 2013, Spears 1988). The complicated etymology underscores the ambiguous status of ‘beast’ in the metaphors of mind, and Old English shows the adjectival use of ‘animal’ mixed up with the attributive uses of the noun, with the medieval usage of ‘animalis’ varying from ‘bestial’ to ‘spiritual’. Thus, metaphorically and symbolically ‘beast’ is assigned two meanings: “a brute creature, void of reason; a lewd, filthy, or inhuman person” (Metaphors in English

– MacMillan Dictionary, Pasanek 2015, Dictionary of Symbolism 1994). The Dictionary of Animal Metaphors lists the following meanings of ‘beast’: “a (human) beast is brutal, coarse, contemptible, cruel, and lacking in intelligence, morality, reason, and self-control (the XIV century) – i.e., is bestial or displays signs of bestiality, although such qualities are sometimes excused as being the nature of the beast (Palmatier 1995: 20).

Thus, there’s sufficient similarity in basic, contextual and metaphorical meanings of ‘beast’ as recorded in the dictionaries: brutality, oddity, immorality, unpredictability, power, and a large size. As the source and the target must have much in common, BEAST, used with the target domain A COUNTRY, should represent a state, large in size (either in terms of its geopolitical power or territory), whose conduct on the global stage is seen as immoral, dangerous, strange, impulsive, and uncontrollable, which makes other actors in world politics either oppose this state or isolate it from the rest of the world. As noted by Steel (2020), “to be a beast is to be outside of all categories of custom or society” (Steel 2020), thus, the use of the metaphor representing a country as a demonic monstrosity of animals is likely to make one believe that it should be dealt with by using punitive measures.

Regarding the corpora data, it must be stated that BEAST as a noun ranks 3575 in COCA, it is found with the target domain RUSSIA in concordance lines (35 texts). In CA there are 37 search results for the period of 1800–1899 and 96 search results for the period of 1900–1963 (see the limitations in section 3). A total of texts selected for analysis is 168, with a number of metaphors being 53.

The very senses of the source domain BEAST with the target RUSSIA are actualized in examples 1–2:

- (1) *Russia is a rapacious beast that seeks to expand its borders at the expense of its neighbors. It suffers from extreme paranoia and has done for centuries* (COCA: Aviation week, April 16, 2021).
- (2) *Russia is a cantankerous beast of a Nation – and everybody in the United States seems to know that that’s what is the trouble with the old bear. Maybe patience is a virtue after all, inasmuch as Russia is being pushed behind the Iron Curtain* (CA: Milford Chronicle, March 11, 1949).

In (1), the image of Russia is modelled through the BEAST metaphor that retains its negative meanings, registered in the dictionaries and accentuated by the attribute *rapacious* in the co-text: the country is seen as aggressive and greedy, living by “killing and eating” other states, having a huge appetite and a selfish desire for territorial possessions, with this irrational and persistent anxiety making it paranoid. Moreover, the country’s thinking and behavior patterns are considered to have been invariable for centuries, which is explicitly represented by the tense and aspect verb-forms (Present Simple, denoting typical states, conditions, and actions, or something which is always true, and Present Perfect, expressing states or actions that started in the past and are still going on). The metaphor not only activates the

reader's fear of Russia, it provokes processes of exclusion and dehumanization. In (2) the senses of BEAST are approximately the same, accentuated by the attribute *cantankerous*, modeling Russia as an ill-tempered and uncooperative country. Compared with (1), example (2) contains an explicit marker of 'othering': a conscious assumption that the country poses a threat, and, thus, an unambiguous call to exclude it – *to push behind the Iron Curtain*. The use of RUSSIA IS A BEAST metaphor in examples (1–2) is highly affected by largely adversarial US-Russian relations in the current century and after World War II.

One interesting finding is that the negative meanings of RUSSIA IS A BEAST metaphor, which tends to symbolize evil, darkness, and violence, suggesting carnage and destruction (as has been shown above in the generalized lexicographic description of the word), are dramatically transformed and ameliorated under different geopolitical conditions: example (3) is from the XIX century American media discourse when American-Russian relations were in the period of mutual admiration and cooperation:

- (3) *Probably, it is something in our very dissimilarity that makes us have a friendly regard for each other. "Like seeks unlike," they say. Perhaps surly old **Russia**, like **the good-natured beast of the fairy tale**, is attracted toward America by her brave beauty. Perhaps fair and light-hearted America loves Russia on account of **that giant strength which she uses so little like a giant**. But whatever the underlying reason may be, it would seem that international sympathy, like kissing, goes by favor, and, like love, "comes without thy call." (CA: The New York Herald, October 22, 1871).*

The names of both characters – Beauty (America) and the Beast (Russia), presented in (3) – are retained from the fairytale. In the original tale these "talking names" identify the characters with their most important traits, similarly, in the context of the XIX century media discourse America was thought to be beautiful, brave, fair, and light-hearted, while Russia was seen as old and surly, but good-natured and having immense strength. While recognizing and celebrating the differences between the countries (*like seeks unlike*), the journalists actively participated in co-creating a world, or an international society based on amity, mutual understanding and cooperation, which the two countries could both belong to (*a friendly regard, international sympathy, kissing that goes by favor, love that comes without thy call*). Quite remarkable in (3) is the intertext *love "comes without thy call"*³ that underlines not only the senses of America's deep affection for Russia

³ What love is, if thou wouldst be taught,
Thy heart must teach alone, –
Two souls with but a single thought,
Two hearts that beat as one.
And whence comes **love**? Like morning's light,
It **comes without thy call**.
And how dies love? A spirit bright,

but also the two countries' solidarity (*Two souls with but a single thought, two hearts that beat as one*) and shapes their ideal relationships in the future (*Love never dies at all*), which alludes to the most popular endings in fairytales (*and they lived happily ever after*). Both the senses rendered by RUSSIA IS A BEAST metaphor of that period and the rhetoric about Russia were extremely different: instead of breaking and pulling away from it – a strategy of 'othering', typical of the XXI and XX centuries American media discourse, there was a tendency to use a strategy of 'bringing' and 'belonging', reaching across to Russia and towards shared interests and connection.

4.2. RUSSIA IS A BEAR metaphor

The origin and historical development of the noun 'bear' can briefly be described as follows: Old English *bera* originated from Proto-Germanic *bero*, literally 'the brown'. Some etymologists connect the Germanic word with Latin *ferus* 'wild', as if it meant 'the wild animal of the northern woods'. It is noted that 'bear' has been symbolic of Russia since 1794 (Online Etymology Dictionary). Currently, 'bear' is a polysemous word, having multiple meanings; among them are "a) any of various usually omnivorous mammals of the family Ursidae that have a shaggy coat and a short tail and walk with the entire lower surface of the foot touching the ground; b) large, clumsy, or ill-mannered person; c) something difficult or unpleasant" (New Oxford American Dictionary 2010, The American Heritage Dictionary of the English Language 2018). Modern English offers many examples of bear-related idioms and phrases: *angry / cross / hungry / gruff as a bear, cranky as a bear with a sore paw, like a bear with a sore head, bears in the woods, to growl like a bear, to have a bear by the tail, a bugbear*, etc. (Ammer 2013, Spears 1988). Native American teachings emphasize the spiritual or symbolic value of animals. Of all the animals, it is the bear that they hold in highest regard. There is a duality or ambivalence that adds power to the symbol. In Native American mythology, the bear characteristics range from "wise and noble, morally upright but somewhat stupid and gullible, to aggressive and intimidating, but in most cases, bears do not bother and harm people who have not done anything wrong" (Native American Bear Mythology)⁴. Symbolically and metaphorically, it is stressed that the bear is a creature of contrasts: it possesses enormous strength and yet generally thrives on fruit and honey. Because of its habit of hibernation during winter months, it can stand for resurrection. In Jungian psychology, the bear represents danger caused by the uncontrollable content of the unconscious and is associated with someone or something cruel and crude. It was the emblem for the kingdoms of Persia and Russia, and appeared on the flags of Russia and California (Dictionary of Symbolism 1994, *Metaphors in English – MacMillan Dictionary*, Online Symbolism Dictionary, Pasanek 2015). The Dictionary of Animal

Love never dies at all! (Halm 1997)

⁴ *Native American Bear Mythology*. <http://www.native-languages.org/legends-bear.htm> (accessed 23 April 2023).

Metaphors defines ‘bear’ as “a) an animal that has a huge size, great strength and endurance, b) a carnivore that relentlessly pursues its prey and is extremely difficult to stop, even with a high-powered rifle” (Palmatier 1995: 18).

As can be noted from the definitions above, the components constituting the meanings of ‘bear’ are contradictory: an incredible size, strength, power, endurance, ferocity, danger, clumsiness, stupidity, and crudeness. Having A COUNTRY as its target domain, BEAR should represent a mighty, sizable, formidable state, a ‘master of survival’, and a ‘powerful hunter’ that is extremely difficult to stop when it pursues its aims.

If we now turn to the data obtained from the corpora, it must be stated that BEAR as a noun ranks 1982 among top 60,000 lemmas (words) in COCA. RUSSIAN BEAR is registered in clusters for BEAR as a noun, and in concordance lines (100 texts). In CA there are 1739 search results for the period of 1800–1899 and 2922 search results for the period of 1900–1963 (see the limitations in section 3). A total of texts selected for analysis is 4761, with a number of metaphors being 165.

The results of the study show that BEAR is often used as a source domain of metaphors when referring to the image of Russia, which supports the idea that it has been a symbol of Russia in American media discourse for centuries. As the bear is among the most dangerous creatures in the wild, it is conceptually quite natural to see “elements of (this) animal anatomy as types of (the country’s) weapons and armor, performing the same basic functions” (Izdebska 2016) as illustrated in (4–6):

- (4) *The bear’s teeth and claws were Russia’s nuclear arsenal* (COCA: Time, August 3, 2022).
- (5) *I sincerely hope that soon the Russian Bear will stick his sharp pointed paws in Hitler’s assets* (CA: The Apache Sentinel, February 16, 1945).
- (6) *THE EASTERN QUESTION* by Lillian H. Picken
The Russian Bear is gaunt and long.
His scent is keen, his paw is strong:
The Chinese Empire rubs his flanks;
His back scrapes all the Arctic banks;
His tracks are swashed on Okhotsk beach;
Two continents within his reach:
He drinks from Black and Baltic Seas,
Poor Poland crushed between his knees ...
The Russian Bear is gaunt and strong,
His patience great, his future long:
No Christian rite will he revoke.
He’ll gently hold Mahomet’s yoke.
He’s laid his jaws in Turkey’s lap:
He’s put his paws on Turkey’s map.
No hostile declaration tells –
He means to use the Dardanelles

(CA: The Iola Register, November 13, 1896).

The most obvious finding to emerge from the analysis is that RUSSIA IS A BEAR metaphor as well as the bear body parts metaphors (a paw, a jaw, a back, a knee, etc.), which activate related concepts and images, does not focus only on “Russia’s barbarism and unpredictable behavior” or serve as “tacit acknowledgement of the possibility that the Russian bear may turn aggressive when it feels threatened” as was shown in earlier findings (Pynnöniemi 2015: 2, Solopova & Chudinov 2019: 59) and represented in (4) in the XXI century American media discourse.

In contrast to that, in (5) the use of the metaphor realizes positive senses: the Russian bear is expected to successfully use its powerful armaments against the common enemy and to defeat him. A possible explanation for the positive senses of the metaphors might be that example (5) is dated February 1945, when the two countries were allied in World War II to oppose the Axis powers. In (5) the efficiency of the Russian Bear’s weapons – its strong paws with enormous claws – is accentuated thrice: in the meaning of the verb-predicate *will stick* (*pierce* with a *pointed* instrument, to kill by *piercing*) and the attributive use of two closely related synonyms expressed by the adjectives *sharp* (adapted to cutting or *piercing*, having a thin keen edge or fine *point*) and *pointed* (*sharp*, obviously directed to a particular person or thing) (The American Heritage Dictionary of the English Language 2018).

There are certain similarities between the connotations of the bear-related metaphors in (5) and (6). In the latter case a 64-line poem made up of eight stanzas (400 words), is built around extended metaphorical mappings. The opening line sets up the metaphor (*the Russian Bear*) for the entire poem. Its anaphoric use at the beginning of each stanza emphasizes and reinforces the metaphorical ideas, with the content of each stanza serving as an extended metaphor meant to enhance the poem’s premise: *the Russian Bear* is a highly capable and opportunistic hunter. The country’s foreign policy and territorial expansion evoke a broad set of associations with the way bears hunt. The image of the Russian Empire is modelled as that of a hungry, strong, and heavily armed bear that uses everything to spot, chase and capture its prey (*a keen scent, strong paws, a right hind paw, a left hind paw, wily claws, jaws, knees, etc.*). Still, the Russian Bear’s assertive behavior on the international stage doesn’t seem to evoke a negative emotional response. Russia’s ambitions and desires are considered justified and undisputable (6): *And who shall dare his right impeach?* Its manners and approaches in solving international problems are seen as direct, acceptable and worthy of respect (6): *The Great Bear growled – Japan retired.* Moreover, the future of the country is modelled as full of new opportunities to satisfy its urges, needs, and desires (6): *His need is great; his hope is strong; His envy keen, desire is strong; His patience great, his future long.* The power of the Russian Bear is the very recurring idea that ties together all the stanzas of the poem. The positive senses of the BEAR metaphor in the XIX century American media discourse are consistent with those of the BEAST metaphor, analyzed in 4.1. These wild animal metaphors are not used to demonize Russia and create fear around the perceived “Other”, on the contrary, they activate positive

meanings, portraying Russia as a strong and powerful ally, recognizing its needs and goals, and understanding its perspective.

Thus, when Russia was a close US ally, it was metaphorically ‘rated’ in a favorable light in American media discourse; when it had tensions with the USA, it was viewed overwhelmingly negative as a critical threat. With respect to RUSSIA IS A BEAR metaphor, the present findings partly mirror those observed in earlier studies. They further support the idea that the XIX century American media discourse about Russia primarily centered on the country’s power, strength, support and friendliness that were positively evaluated (Solopova & Chudinov 2019). The same holds true for the image of Russia and the Soviet Union in the WWII media discourses of the Allied powers: America, Britain, and France (Dobrosklonskaya 2021, Solopova 2019, Solopova & Saltykova 2019). In the case of RUSSIA IS A BEAST metaphor, prior studies have noted neither its use in modeling the image of the country nor variations of its senses across time.

5. Conclusion

Metaphor offers a fascinating study of the way in which language, culture and discourse are structured and work. As the international country image, transmitted via mass media, often influences and shapes the behavior of other nations towards the country, the means used to form it, including the conceptual metaphor, remain one of the most significant current discussions in various areas of research. This qualitative case study presented two contextualized profiles of the metaphors, namely, RUSSIA IS A BEAST and RUSSIA IS A BEAR, and traced the developmental pathways of strong animal (beast) imagery to develop both positive and negative qualities in American English, American culture and American media discourse about Russia (XIX–XXI centuries). The findings suggest that Americans have conceptualized Russia as a bear and a beast, cognitively applying all the connotations of the animals to the Russian nation, so that they might have a framework for understanding the way Russia behaves. The two metaphors have been used to represent Russia in American media discourse over centuries. It can be explained by two core reasons: first, by the common ground between the source and the target domains as the country whose image is modeled is a very strong and assertive nation; second, by the extensive use of these metaphors in realizing the strategy of ‘othering’, which makes it easy to tell and believe stories of ‘us versus them’, consequently, supporting practices that dehumanize ‘the Other / them’. Because of the competitive nature of strong nations, most of this imagery tends to be negative, but at the same time respectful.

Although the current study is based on the analysis of a small sample of animal metaphors, it contributes additional evidence that suggests that metaphor is a malleable tool in producing the image of the country: when the meanings of the source domain, that primarily tends to evoke negative associations and images in language and culture are ambiguous (as is the case with the BEAR metaphor), and even when they are not (as is the case with the BEAST metaphor), in discourse the metaphor can still realize explicit positive connotations and build geopolitical

‘bridges’ across differences between the countries. Whichever negative metaphorical projections exist in language and culture, the one, chosen in discourse, is influenced by the historical context: positive meanings of the two metaphors are found in the XIX century media discourse (in the time of America’s longest and perhaps most important international friendship when the United States and Russia supported each other in the international arena), and in the years of World War II which forged an alliance between the once-opposing countries to overcome a history of ideological conflicts and work toward a common goal (1941–1945).

The evidence from this research provides an opportunity to advance our knowledge of metaphors used to form the image of Russia abroad. It can be seen that, when analyzed diachronically, the senses and connotations of one and the same metaphor with RUSSIA as its target domain vary across time in American media discourse. This is evident in the case of the two metaphors analyzed in the paper. These shifts are not gradual (from negative to positive or, vice versa, from positive to negative) but situationally conditioned, resulting from deliberate choices of media professionals, influenced by a complex combination of historical circumstances.

REFERENCES

- Allan, Kathryn. 2008. *Metaphor and Metonymy: A Diachronic Approach*. Oxford, Wiley Blackwell. <https://doi.org/10.1017/S1360674311000189>
- Anderson, Wendy. 2017. Metaphor and diachronic variation. In Elena Semino & Zsófia Demjén (eds.), *The Routledge handbook of metaphor and language*, 233–246. Series: Routledge handbooks in linguistics. Routledge.
- Arendt, Florian, Franziska Marquart & Jörg Matthes. 2015. Effects of right-wing populist political advertising on implicit and explicit stereotypes. *Journal of Media Psychology* 27 (4). 178–189. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000139>
- Benczes, Réka & Bence Ságvári. 2018. Life is a battlefield: Conceptualizations of life among Hungarian adults. *Society and Economy* 40 (4). 571–586. <https://doi.org/10.1556/204.2018.40.4.6>
- Bisschops, Ralph A. 2019. Pursuing a diachronic approach to metaphor: Metaphorical precedents and emblems. In Antonio Barcelona-Sánchez (ed.), *Spanish Cognitive Linguistics Association (AELCO): 11th International Conference of the Spanish Cognitive Linguistics Association (AELCO), 17th–19th October 2018, Universidad Nacional de Córdoba*, 1–3.
- Borelli, Eleonora & Cristina Cacciari. The comprehension of metaphorical descriptions conveying gender stereotypes. An exploratory study. *Frontiers in Psychology* 10. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02615>
- Cánovas, Cristóbal P. 2015. Cognitive patterns in Greek poetic metaphors of emotion: A diachronic approach. In Javier E. Díaz-Vera (ed.), *Metaphor and metonymy across time and cultures: Perspectives on the sociohistorical linguistics of figurative language*, 295–318. Berlin, Munich, Boston, Walter de Gruyter Publ. <https://doi.org/10.1515/9783110335453>
- Carver, Terrell. 2008. Real construction through metaphorical language: How animals and machines (amongst other metaphors) maketh (hu)man (what ‘he’ is). In Carver Terrel & Jernej Pikalo (eds.), *Political language and metaphor: Interpreting and changing the World*, 151–164. London: Routledge.

- Chudinov, Anatoly, Edward Budaev & Olga Solopova. 2020. *Political Metaphor Studies: Discursive Turn*. Moscow: Flinta.
- Chudinov, Anatoly, Edward Budaev & Olga Solopova. 2023. *政治隐喻学：认知-话语研究*. Peking: Peking University Press.
- Cuddy, Amy J. C., Susan T. Fiske, Virginia S. Y. Kwan & Peter Glick. 2009. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology* 48. 1–33. <https://doi.org/10.1348/014466608x314935>
- DeMello, Margo. 2021. *Animals and Society: An Introduction to Human-Animal Studies*. Columbia University Press.
- Díaz-Vera, Javier E. 2015. Figuration and language history: Universality and variation. In Javier E. Díaz-Vera (ed.), *Metaphor and metonymy across time and cultures: Perspectives on the sociohistorical linguistics of figurative language*, 3–13. Berlin, Munich, Boston, Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110335453>
- Dobrosklonskaya, Tatiana G. 2021. Markers of emotionality in Russian news coverage of the 75-th anniversary of WWII Victory. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 705–722. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-705-722>
- Dolea, Alina, Diana Ingenhoff & Anabella Beju. 2021. Country images and identities in times of populism: Swiss media discourses on the “Stop Mass Immigration” initiative. *International Communication Gazette* 83 (4). 301–325.
- Dovidio, John F., Miles Hewstone, Peter Glick & Victoria M. Esses. 2010. Prejudice, stereotyping and discrimination: Theoretical and empirical overview. In John F. Dovidio, Miles Hewstone, Peter Glick & Victoria M. Esses (eds.), *The SAGE handbook of prejudice, stereotyping and discrimination*, 3–29. <https://doi.org/10.4135/9781446200919.n1>
- Ervas, Francesca. 2017. Another metaphor is possible. Challenging social stereotypes in figurative language comprehension. *Reti, Saperi, Linguaggi, Italian Journal of Cognitive Sciences* 1. 79–96. <https://doi.org/10.12832/87357>
- Goatly, Andrew. 2007. *Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Geeraerts, Dirk. 2015. Four guidelines for diachronic metaphor research. In Javier E. Díaz-Vera (ed.), *Metaphor and metonymy across time and cultures: Perspectives on the sociohistorical linguistics of figurative language*, 15–28. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110335453.15>
- Gibbs, Raymond W. Jr. 2017. *Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781107762350>
- Giffard, Antony C. & Nancy K. Rivenburgh. 2000. News agencies, national images, and global media events. *Journalism & Mass Communication Quarterly* 77 (1). 8–21. <https://doi.org/10.1177/107769900007700102>
- Halm, Friedrich. 1997. Der Sohn der Wildnis. In Henry Garland & Mary Garland (eds.), *The Oxford companion to German literature* (3 ed.). Oxford University Press.
- Izdebska, Daria. 2016. Metaphors of weapons and armour through time. In Wendy Anderson, Ellen Bramwell & Carole Hough (eds.), *Mapping English metaphor through time*, 221–242. Oxford University Press.
- Jenes, Barbara. 2005. Possibilities of shaping country image. *Marketing és Menedzsment* 2. 18–29.
- Kalinin, Oleg I. & Alexander V. Ignatenko. 2022. Comparative analysis of the use of metaphors in Russian, English and Chinese media texts of informational and influencing nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 13 (4). 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082>
- Kopylova, Tatiana & Liliya Kilina. 2020. The media image of the country in political discourse: Speech methods of creation. *Mundo Eslovo* 19. 77–88.

- Kozlova, Lyubov A. 2020. Metaphor as the reflection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925>
- Kövecses, Zoltán. 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511614408>
- Kövecses, Zoltán. 2009. *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230594647_2
- Kövecses, Zoltán. 2021. Metaphoric conceptual pathways. *Cognitive Semantics* 7 (1). 135–153. <https://doi.org/10.1163/23526416-07010003>
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1982. *Metaphors We Live By*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.
- Littlemore, Jeannette. 2019. *Metaphors in the Mind: Sources of Variation in Embodied Metaphor*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lung, Ioana. 2018. Jungle politics: Animal metaphors in international relations. *European View* 17 (2). 235–237. <https://doi.org/10.1177/1781685818809330>
- Maass, Anna, Caterina Suitner & Luciano Arcuri. 2014. The role of metaphors in intergroup relations. In Mark J. Landau, Michael D. Robinson & Brian P. Meier (eds.), *The power of metaphor: Examining its influence on social life*, 153–177. American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14278-008>
- Musolff, Andreas. 2021. Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 628–644. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644>
- Ozyumenko, Vladimir. 2017. Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 203–220. <https://doi.org/10.22363/231291822017211203220>
- Ozyumenko, Vladimir I. & Tatiana V. Larina. 2021. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 746–766. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>
- Ozick, Cynthia. 2021. *Metaphor and Memory*. Knopf Doubleday Publishing Group.
- Ponton, Douglas Mark. 2020. *Understanding Political Persuasion: Linguistic and Rhetorical Analysis*. Vernon Press.
- Smith, Michael K., Howard W. Pollio & Marian K. Pitts. 1981. Metaphor as intellectual history: Conceptual categories underlying figurative usage in American English from 1675 to 1975. *Linguistics* 19. 911–935.
- Solopova, Olga A. 2019. Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 4. 124–134. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-124-134>
- Solopova, Olga & Anatoly Chudinov. 2018. Diachronic analysis of political metaphors in the British corpus: From Victory bells to Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics* 22 (2). 313–337. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337>
- Solopova, Olga & Anatoly Chudinov. 2019. Prognostic potential of political metaphors. [Special Issue]. *Fachsprache. Journal of Professional and Scientific Communication*. 48–64. <https://doi.org/10.24989/fs.v41iSpecial%20Is.1765>
- Solopova, Olga A. & Svetlana L. Kushneruk. 2021. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745>
- Solopova, Olga A. & Maria S. Saltykova. 2019. Constructing the ideal future in foreign military media discourses of the World War II period. *Russian Journal of Linguistics* 23 (3). 762–783. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783>

- Steel, Karl. 2020. Beasts, animals, and animal metaphor, in Shakespeare and his fellow dramatists. In Holly Dugan & Karen Raber (eds.), *Routledge handbook of Shakespeare and animals*, 61–73. Routledge.
- Sun, Yuhua, Oleg I. Kalinin & Alexander V. Ignatenko. 2021. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in the political public speeches. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>
- Talebinejad, Reza M. & Vahid H. Dastjerdi. 2005. A cross-cultural study of animal metaphors: When owls are not wise! *Metaphor and Symbol* 20. 133–150.
- Tang, Na. 2023. The image of Russia in the Russian-Ukrainian war from the perspective of American media: A corpus-based critical discourse analysis. *Open Access Library Journal* 10 (2).
- Tran, Ba Tien. 2022. Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 74–94. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>
- Trim, Richard. 2007. *Metaphor Networks: The Comparative Evolution of Figurative Language*. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan.
- Trim, Richard. 2011. *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan.
- Trim, Richard. 2015. The interface between synchronic and diachronic conceptual metaphor: The role of embodiment, culture and semantic field. In Javier E. Díaz-Vera (ed.), *Metaphor and metonymy across time and cultures: Perspectives on the sociohistorical linguistics of figurative language*, 95–122. Berlin, Munich, Boston, Walter de Gruyter Publ. <https://doi.org/10.1515/9783110335453>
- Wood, Steve. 2022. Political imagery and the Russia-Germany-America triangle. [Special Issue on Nation-Building in the Post-Soviet States]. *Nationalities Papers* 51 (1). 136–156. <https://doi.org/10.1017/nps.2021.41>
- Zappettini, Franco, Douglas M. Ponton & Tatiana V. Larina. 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
- Zeng, Winnie H., Christian Burgers & Kathleen Ahrens. 2021. Framing metaphor use over time: ‘Free economy’ metaphors in Hong Kong political discourse (1997–2017). *Lingua* 252. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102955>

Dictionaries and other sources

- Ammer, Christine. 2013. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
- CA – *Chronicling America*: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress. <https://www.chroniclingamerica.loc.gov> (accessed: 25 May 2023).
- COCA – *Corpus of Contemporary American English*. <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 13 May 2023).
- Dictionary of Symbolism – Dictionary of Symbolism: Cultural Icons and the Meanings behind Them*. 1994. Biedermann, Hans (ed.). New York: Meridan.
- Metaphors Dictionary*. 2001. Sommer Elyse & Dorrie Weiss (eds.). Detroit: Visible Ink Press.
- Metaphors in English – MacMillan Dictionary*. <https://www.macmillandictionary.com/learn/metaphor/> (accessed 23 April 2023).
- New Oxford American Dictionary* (3 ed.). 2010. Stevenson Angus & Christine A. Lindberg (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Online Etymology Dictionary*. <https://www.etymonline.com> (accessed 25 May 2023).
- Online Symbolism Dictionary – University of Michigan*. <http://websites.umich.edu/~umfansdf/symbolismproject/symbolism.html> (accessed 27 May 2023).

- Palmatier, Robert A. 1995. *Speaking of Animals: A Dictionary of Animal Metaphors*. Greenwood Publishing Group.
- Pasanek, Brad. 2015. *Metaphors of Mind: An Eighteenth-Century Dictionary*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Spears, Richard A. 1988. *NTC's Thematic Dictionary of American Idioms*. NTC/Contemporary Publishing Company.
- The American Heritage Dictionary of the English Language* (5 ed.). 2018. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

Article history:

Received: 24 June 2023

Accepted: 10 September 2023

Bionotes:

Olga A. SOLOPOVA is Dr Habil. in Philology, Professor at the Department of Linguistics and Translation of the Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (national research university). Her research interests include metaphor studies, discourse analysis, diachronic linguistics, and linguistic political prognostics.

South Ural State University (national research university)

76, Lenina Av., Chelyabinsk, 454080, Russia

e-mail: o-solopova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4170-7267>

Don NILSEN is Assistant Dean of Arizona State University's (ASU) Emeritus College's Division of the Humanities, a co-founder of the International Society for Humor Studies (ISHS), a co-winner of the Lifetime Achievement Award by the Association of Applied and Therapeutic Humor Association (AATH). Since his retirement from ASU's English Department in 2011, he has taught courses for the Arizona State University Honors College, Osher, New Adventures, New Frontiers, Sagewood, Stonegate, Sun City, Friendship Village, and the Arizona Humanities Council. His research interests include humor studies, metaphor studies, cultural linguistics, and comparative research.

Unit C-163, Friendship Village, 2625 East Southern Avenue Tempe, AZ 85282-7664

e-mail: don.nilsen@asu.edu

<https://orcid.org/0009-0003-4620-8181>

Alleen NILSEN is Arizona State University's (ASU) Assistant Vice President for Personnel, a co-founder of the International Society for Humor Studies (ISHS), a co-winner of the Lifetime Achievement Award by the Association of Applied and Therapeutic Humor Association (AATH). Since her retirement from ASU's English Department in 2011, she has taught courses for the ASU Honors College, Osher, New Adventures, New Frontiers, Sagewood, Stonegate, Sun City, Friendship Village, and the Arizona Humanities Council. Her research interests include humor studies, metaphor studies, cultural linguistics, and comparative research.

Unit C-163, Friendship Village, 2625 East Southern Avenue Tempe, AZ 85282-7664

e-mail: don.nilsen@asu.edu

<https://orcid.org/0009-0001-4404-7084>

Сведения об авторах:

Ольга Александровна СОЛОПОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Сфера ее научных интересов включает метафорологию, дискуртологию, диахроническую лингвистику и лингвополитическую прогностику. Южно-Уральский государственный университет
Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
e-mail: o-solopova@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4170-7267>

Дон НИЛЬСЕН – заместитель декана отделения гуманитарных наук Почетного колледжа Университета штата Аризона, учредитель Международного сообщества исследования юмора, лауреат премии за выдающиеся достижения Ассоциации прикладного и терапевтического юмора. Преподавал в университетах и колледжах различных штатов Америки. В сферу его научных интересов входят юмор, лингвокультурология, метафорология, сопоставительные исследования. Unit C-163, Friendship Village, 2625 East Southern Avenue Tempe, AZ 85282-7664
e-mail: don.nilsen@asu.edu
<https://orcid.org/0009-0003-4620-8181>

Эллин НИЛЬСЕН – помощник вице-президента по персоналу Университета штата Аризона, соучредитель Международного сообщества исследования юмора, лауреат премии за выдающиеся достижения Ассоциации прикладного и терапевтического юмора. Преподавала в университетах и колледжах различных штатов Америки. Ее научные интересы включают юмор, лингвокультурологию, метафорологию и сопоставительные исследования. Unit C-163, Friendship Village, 2625 East Southern Avenue Tempe, AZ 85282-7664
e-mail: don.nilsen@asu.edu
<https://orcid.org/0009-0001-4404-7084>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-33757>

EDN: MRDMOZ

Research article / Научная статья

The words that make fake stories go viral: A corpus-based approach to analyzing Russian Covid-19 disinformation

Alina G. MONOGAROVA¹, Tatyana A. SHIRYAEVA¹✉
and Elena V. TIKHONOVA²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²MGIMO University, Moscow, Russia

✉shiryaevat@list.ru

Abstract

Since the outbreak of the Covid-19 pandemic in 2020, the spread of the new virus has been accompanied by the growing infodemic that became a dangerous prospect for Internet users. Social media and online messengers have been instrumental in making fake stories about Covid-19 viral. The lack of an efficient instrument for classifying digital texts as true or fake is still a big challenge. Deceptive content and its specific characteristics attract attention of many linguists, making it one of the most popular contemporary topics in corpus-based research. This paper explores the language of viral Covid-related fake stories and identifies specific linguistic features that distinguish fake stories from real (authentic) news using quantitative and qualitative approaches to text analysis. The study was conducted on the material of the self-compiled diachronic corpus containing Russian misleading coronavirus-related social media posts (a target corpus of 897 texts) which were virally shared by Russian users through social media platforms and mobile messengers from March 2020 to March 2022 and the reference corpus containing genuine materials about the virus. First, we compared two corpora using an interpretable set of features across language levels to find whether there is evidence of significant variation in the language of fake and real news. Then, we focused on frequency profiling to extract other over-represented groups of words from both corpora. Finally, we analyzed the corresponding contexts to indicate whether these features can be considered as linguistic trends in Russian Covid-related fake story making. Findings regarding the role of these over-represented groups of words in fake narratives about coronavirus revealed efficiency of frequency profiling in indicating lexical patterns of the language of deception.

Keywords: Covid-19, fake story, infodemic, disinformation, frequency profiling

For citation:

Monogarova, Alina G., Tatyana A. Shiryayeva & Elena V. Tikhonova. 2023. The words that make fake stories go viral: A corpus-based approach to analyzing Russian COVID-19 disinformation. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 543–569. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33757>

© Alina G. Monogarova, Tatyana A. Shiryayeva & Elena V. Tikhonova, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Язык вирусных фейковых новостей: корпусный подход к анализу русскоязычной дезинформации о Covid-19

А.Г. МОНОГАРОВА¹, Т.А. ШИРЯЕВА¹✉, Е.В. ТИХОНОВА²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²МГИМО МИД России, Москва, Россия

✉shiryaevat@list.ru

Аннотация

С самого начала пандемии Covid-19 в 2020 году распространение нового вируса сопровождалось нарастанием инфодемии, в результате которой Интернет-пользователи получали огромное количество ложной и потенциально опасной информации. Социальные сети и онлайн-мессенджеры сыграли важную роль в транслировании различных фейковых сообщений о Covid-19. Отсутствие эффективного инструмента обнаружения текстов, содержащих дезинформацию, по-прежнему является серьезной проблемой. Интересным видится рассмотрение специфических характеристик подобного контента с позиций корпусной лингвистики. Цель настоящей статьи – на основе изучения русскоязычных текстов вирусных фейковых историй о Covid-19 определить ключевые языковые черты, отличающие подобные истории от аутентичных новостей, а также выявить лексические особенности языка фейков. Исследование проводилось на материале составленного авторами диахронического корпуса русскоязычных фейков о Covid-19 (целевой корпус, состоящий из 897 текстов), распространяемых российскими пользователями через социальные сети и мобильные мессенджеры в период с марта 2020 по март 2022 года, а также референтного корпуса, в текстах которого представлена подтвержденная факт-чекинговыми организациями информация о коронавирусе. В качестве первого шага мы сравнили представленность различных лингвистических особенностей в целевом и референтном корпусах. Кроме того, мы извлекли из целевого корпуса несколько высокочастотных групп слов и проанализировали соответствующие контексты ложных нарративов, чтобы сделать вывод о том, можно ли рассматривать данные лексические группы в качестве специфических характеристик языка фейковых новостей. Полученные результаты позволяют выделить ключевые лексико-грамматические и стилистические различия фейковых историй и верифицированных новостей о Covid-19, а также демонстрируют эффективность корпусного подхода к выявлению лексических паттернов языка дезинформации.

Ключевые слова: Covid-19, фейк, инфодемия, дезинформация, анализ частотности

Для цитирования:

Monogarova A.G., Shiryayeva T.A., Tikhonova E.V. The words that make fake stories go viral: A corpus-based approach to analyzing Russian Covid-19 disinformation. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 543–569. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33757>

1. Introduction

Social media's power to spread deceptive content instantly has become one of the key factors in the development of the Covid-19 digital infodemic that fueled a lot of conspiracy theories and misinformation about the new virus in 2021–2022 (Kopytowska & Krakowiak 2020, Gisondi et al. 2022, Pavlina 2022). Unfortunately, anxiety over distressing fake news is not the biggest impact of the infodemic. The recent study (Islam et al. 2020) claims that in the first year of the

Covid-19 pandemic more than 5,800 people around the world were admitted to hospitals after following fake medical recommendations virally shared on social networks.

Academic research on the nature of fake news may contribute to overcoming the challenges and dangers offered to the public by the viral dissemination of deceptive content. Although the term ‘fake news’ has already entered scholarly discourse (Tandoc & Lim 2017), there is still no unambiguous and simple definition of the phenomenon. Grieve and Woodfield (2023) explained this by pointing to the shifts in fake news due to the explosive growth of social networks and media. Habgood-Coote (2019) stated that the term ‘fake news’ does not have a stable publicly accepted meaning and is used to undermine the credibility of the media. We believe, however, that the key difference between fake news and simply untrue information is the driving force behind them, namely, fake stories and news are written deliberately to spread a false message. Therefore, we follow Allcott and Gentzkow (2017) who define ‘fake news’ as news articles that are intentionally and verifiably false and could mislead readers. It is most likely that motivation for creating fake news is either commercial (viral messages attract attention of potential customers) or ideological (false stories can be used to promote a candidate or to ruin a reputation). Thus, when analyzing linguistic features of fake news, it is necessary to focus on the fact that fake news providers may use different strategies to appeal to different readers.

However, we must note the ambiguous role of fake news in highlighting some significant social issues. According to Beckett (2017), fake news gives mainstream quality journalism the opportunity to show that it has value based on expertise, ethics, and experience. Besides, fake news can provoke a meaningful debate. During the Covid-19 pandemic, fake news has surprisingly contributed to the development of the discussion about public health measures and vaccines. Many people frightened by fake stories about vaccines and tests began to study these issues more deeply. However, fake news broadcasts false information, trust in which can lead readers to wrong conclusions and, as a result, wrong decisions. Therefore, an in-depth study of these materials it is necessary to detect false information more effectively.

The language of the narratives deliberately created to mislead people is of great interest to contemporary linguistics (e.g., Gjylbegaj 2018, Sutu 2020, Ahmed et al. 2018). Corpus technologies can be implemented to mine quantitative and qualitative information about content structure and style of electronically stored data. Frequency profiling proved to be useful in uncovering some techniques used in fake story making (Zhang & Ghorbani 2020). Recent works on the language of fake news feature extraction techniques such as detection of unreliable news using *n*-grams and application of semantic similarity metrics (Ahmed 2017). Besides, corpus-based quantitative data analysis is used to identify systematic nuances between fake and fact-checked news with the focus on exploring the social context (Mahyoob 2021).

This study aims to identify specific linguistic features that distinguish Russian viral fake stories about Covid-19 from real news and to display some lexical patterns frequently used in coronavirus-related fake story making. The methodology used in this paper involves: 1) building a corpus of viral fake stories that circulated on social media during the first two years of the Covid-19 pandemic (March 2020 – March 2022), and compiling a reference corpus containing news collected from reliable sources (websites of fact-checking organizations); 2) indicating differences in the target and reference corpora using a set of interpretable linguistic features; 3) analyzing three groups of words over-represented in the corpus of Russian Covid-related fake stories (references to influential social actors, coronavirus-related neologisms and dysphemisms); 4) exploring corresponding contexts to indicate whether the use of these groups of words can be considered as lexical trends in Russian coronavirus-related fake story making.

2. Corpus-based approach to text analysis

The growing application of the corpus-based approach to text analysis (e.g., Chen et al. 2020, Muslimah 2020, Lu et al. 2021) can be attributed to the fact that it offers a number of efficient tools for exploring large amounts of digital data, searching for lexical and structural units and evaluating their statistical significance (Kytö 2010). However, the choice of the tools for performing corpora in-depth investigation depends on the research agenda, and we should first outline the objectives that are achievable within the framework of the study.

Fake stories about Covid-19 began spreading almost immediately after the first reports of the new virus. Over time, the number of viral misleading narratives grew, as did the number of plots around which fake stories were created. A diachronic corpus can facilitate the analysis of the word frequency distribution in different periods of the pandemic. Counting frequencies of specific units diachronically is one of the methods of historical corpus linguistics that offers researchers a set of instruments for mining evidence of language change (Baron et al. 2009). According to (Curzan 2009), historically organized data captures stages of linguistic development over time providing linguists access to contrastive or comparative studies of the language. Our research adopts this approach as we focus on the diachronic evolution of the language of deception. It allows us to capture peaks and troughs in collected data (Brezina 2018), in other words, to indicate the periods when analyzed tokens were used more or less frequently, which is important for understanding whether rises and drops in the word frequencies are determined by social context.

The new pandemic has produced a number of corpus-based studies (e.g., Christopher & Simon-Vandenberg 2021, Goddard & Wierzbichka 2021, Ponton 2021, Lun et al. 2022, Peng & Hu 2022) that use frequency profiling as an effective tool in diagnosing Covid-related digital content. In particular, quantitative and qualitative collaboration method can be applied to explore a wide range of issues from discourse characteristics of different text types to influence of Covid-19 on

language patterns. Muslimah revealed high frequency of critical strategies in digital content about the new coronavirus based on the frequency of the corresponding tokens representing indirect criticism (Muslimah 2020).

A number of statistical techniques can be applied to compare distributions of specific groups of words and to determine the words that can be found in the corpus significantly more or less frequently than expected (Baron et al. 2009). When the word count indicates notable changes in frequencies of the units, which generally have a stable distribution, it may provide significant information on the types of text being studied (Sinclair 1991).

This work can be viewed as an application of Rayson's approach to qualitative corpus-based research (Rayson 2019) which involves comparing a target corpus with a reference corpus to discover differences in the language. In our case, we need to evaluate the differences between the corpus containing fake stories about Covid-19, and the corpus containing reliable materials about the same range of topics. However, differences observed when comparing corpora may be purely accidental. Therefore, the extracted features must be tested for significance using the log-likelihood coefficient (computing a *p-value*) (Rayson & Garside 2000).

The proposed method can be extended to comparative diachronic studies to track the transformation of language strategies used for covering a topic during different time periods (Essam & Abdo 2021). Analyzing English and Chinese Covid-19 discourse, Yu compares Covid-related news before and after the lockdown (extracting frequently used vocabulary and *n*-grams from self-built corpora) demonstrating transformation of "Covid-19 descriptions in the UK media into a more objective and neutral one than before" with an increased use of expressions of restriction and social conflicts (Yu et al. 2021). Therefore, a corpus-based approach can be beneficial in indicating distinctive features of fake news.

3. Materials and methods

3.1. Methodology

This study employs mixed methods adopting quantitative and qualitative approaches to text analysis. The overall research strategy involves six main tasks: building a target corpus (Corpus 1 and Corpus 2) of Russian Covid-related fake stories for each year of the pandemic (with distribution of texts by months) and compiling a reference corpus of the materials published by reliable fact-checking organizations; evaluating and comparing representation of specific linguistic features in Russian coronavirus-related fake stories and in real news by applying QDA Miner to raw corpora; further data preprocessing (lemmatization, stop words removal, lowercasing); making a word frequency list for each corpus and checking the lists for other over-represented categories (or groups of words) which were not captured with QDA screening; testing the significance of the observed differences by calculating log-likelihood values and sorting the words by the significance score; analyzing corresponding contexts (actual fake stories and news about Covid-19

form Corpus 1 and Corpus 2) to indicate whether these features (observed differences) can be considered as lexical trends in Russian coronavirus-related fake story making.

3.2. Data collection and preprocessing

For our previous study of fake narratives about Covid-19 (see Monogarova et al. 2021), we compiled a corpus of false Covid-19-related stories that had been virally shared by Russian social media users from March 2020 to March 2021 (hereinafter referred to as Corpus 1). However, over the next year, as the pandemic continued, the accompanying infodemic did not slow down either. Therefore, new data were added to Corpus 1, and it was expanded by a collection of digital texts (hereinafter referred to as Corpus 2), representing the same types of fake stories – deliberately false texts, virally shared by Russians via Telegram, Viber, WhatsApp, Vkontakte, Odnoklassniki, Facebook and Instagram¹ from March 2021 to March 2022 (Table 1). When compiling Corpus 2, we relied on the same principles of building specialized text corpora, which were described in detail in our study of topic change in the Covid-19 disinformation (Ibid, p. 87). To ensure the balance of Corpus 2 we only included texts that meet the following criteria: verifiability (reliable fact-checking organizations proved that the stories are false); viral popularity (within the framework of this study a text is considered viral if it has more than 50,000 unique digital views); maximum character limit of 2000 characters.

Notably, Corpus 1 is characterized by a larger genre diversity of viral texts, which is associated with the fading public interest in this topic in mid-2021. By comparison, Corpus 2 contains only 3 scripted audio messages with fake announcements, while this genre was popular during the first year of the pandemic (with 77 scripts included in Corpus 1). In this case, we believe that a slight register variation in the data structure is acceptable, since the purpose of this work is to indicate the distinctive linguistic features of all the fake stories about Covid-19 that gained viral popularity and most likely were perceived as reliable by many Russian social media users (judging by the high numbers of reposts). Corpus 1 was registered with the Russian Federal Service for Intellectual Property as a database², and Corpus 2 is in the process of obtaining a certificate at the time this paper is being prepared. When presenting examples of fake narratives in this paper, we refer to the episode number under which the stories are found in these two databases.

To compare the linguistic features represented in fake stories and real news about Covid-19, we built the reference corpus containing actual fact-checked news. When compiling the reference corpus, we consider its balance and

¹ Facebook and Instagram are social media services, parts of Meta Platforms Inc., added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation.

² Monogarova, Alina & Alexander Bagiyan. 2021. Russian text bank of fake news and their linguistic features. Database #2021621693, registered with the Federal Service for Intellectual Property of the Russian Federation 08/14/2021.

representativeness, including a comparable number of texts on similar coronavirus-related topics from trusted sources (materials on Covid-19 published by the fact-checking organization StopFake and translated articles published by Covid Infodemic Europe and Coronavirus Facts Alliance). As a result, we prepared two corpora to be compared – the target corpus consisting of two collections of texts representing fake stories of the first (Corpus 1) and the second (Corpus 2) years of the Covid-19 pandemic and the reference corpus containing real news about Covid-19.

Table 1. Corpus Structure before and after Data Cleansing

<i>Corpus ID</i>	<i>Time periods covered</i>	<i>Number of episodes</i>	<i>Before data cleansing</i>		<i>After data cleansing</i>	
			<i>Total words</i>	<i>Unique word forms</i>	<i>Total words</i>	<i>Unique word forms</i>
Corpus 1 (fake stories)	March 2020-March 2021	491	45,205	23,552	26,964	16,002
Corpus 2 (fake stories)	April 2021-March 2022	406	39,966	20,193	22,261	14,984
Reference Corpus (real news)	March 2020-March 2022	825	76,017	38,931	39,895	21,011
Total		1722	161,188	82,676	89,120	51,997

Further corpora transformations were determined by the specifics of the following analytical operations. To evaluate the distribution of linguistic features in the language of fake stories and genuine coronavirus-related materials, we applied QDA miner to the raw corpora, only removing such elements as graphic materials, dates, timing, and numbers of episodes. However, frequency profiling used to discover other distinctive features of the Russian fake stories about Covid-19 was carried out on the preprocessed data. We preprocessed the target and the reference corpora performing text lemmatization and stopwords removal (which is extracting and deleting the words such as pronouns, prepositions, and conjunctions that do not give significant information about analyzed discourse) using Natural Language Toolkit (NLTK) written in Python. Further data cleansing involved lowercasing and removal of punctuation.

3.3. Exploring differences between Russian fake stories and real news about Covid-19

The proposed method of the linguistic analysis of fake and real coronavirus-related news is based on the investigation of differences between the target and the reference corpora using an interpretable set of linguistic features for identifying meaningful distinctive characteristics between deceptive and non-deceptive content. However, the choice of linguistic attributes for analyzing differences between fake news and real news is a very challenging task. In this regard, we

should mention Grieve & Woodfield's (2023) detailed analysis of the real and fake articles by Jayson Blair of the *New York Times* based on Multidimensional Analysis Tagger. This approach proved to be effective in comparing patterns of grammatical variation in Blair's real and fake news as it allowed researchers to identify differences in the values of forty-nine features measured across every article in two corpora making interesting conclusions about the variations in frequencies of nouns and redicative adjectives in fake news. Mahyoob et al. (2021) compare collections of real and false news from social networks based on a bundle of discriminating linguistic features and attributes which are chiefly stylistic features of news (e.g., reported speech, quotation, proper nouns). As part of the lexical approach to text comparison, various lexical resources (e.g., LIWC) are applied to real and fake news articles (see Rashkin et al. 2017). This method may be insightful in revealing specific features of the lexicon used in fake news.

To compare representation of the linguistic features in Russian coronavirus-related fake stories and reliable news, we make use of a QDA Miner, which is research software for coding and analyzing qualitative data. The matrix of linguistic features used in this study is based on a set of linguistic attributes that could representatively reveal the distinguishing features of fake and real news. For example, we compared the use of superlative, comparative and subjective adjectives because creators of deceptive content tend to use a lot of subjective words as they dramatize or sensationalize a news story, while authentic news items use more comparative adjectives (Raskin et al. 2017). We also compared the use of stative verbs, passive voice, and modal verbs, as according to recent studies (see Kuzmin et al. 2020), misleading texts are often characterised by frequent use of these verbs and verb-forms. We also included the first, second and third person pronouns in the set of features, because their frequent occurrences are traditionally attributed to the language of deception (Pisarevskaya 2017).

Using QDA Miner, we assigned codes to a set of features across language levels and applied them to annotate the data in both corpora. These features include first person pronoun, second person pronoun, third person pronoun, stative verb, modal verb, passive voice, proper noun, abstract noun, adverb of manner, conjunctive adverb, comparative adjective, superlative adjective, subjective, sentence length (short < 10 words; long > 20 words), reported speech, quotation, negation, interrogative, exclamation, and terminology (Figure 1).

Then we investigated information about distribution of these 21 linguistic features in both corpora and extracted linguistic characteristics using the QDA clustering. After that we retrieved relative frequencies of 21 codes/linguistic features from both collections of texts and tested for differences in the relative frequencies of 21 linguistic features between the target and the reference corpora. The automatic count performed with the UCREL log-likelihood wizard was used to show how frequently a linguistic feature appears in fake stories and in real news (significance testing based on log-likelihood values is described in more detail in 3.3).

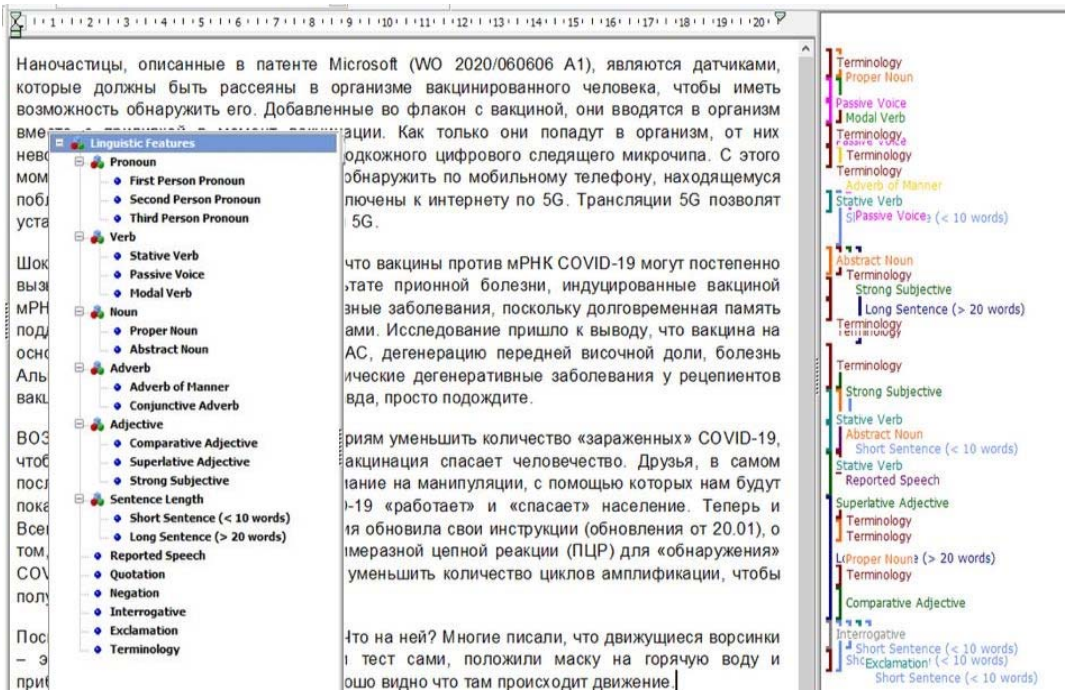

Figure 1. Sample of the target corpus annotated with the QDA Miner codes assigned to the linguistic features

3.4. Testing significance of other observed differences

After comparing patterns of lexico-grammatical variation in the target and the reference corpora, we performed frequency profiling to check for other significant language patterns in Russian fake news stories that were not captured by QDA screening. After generating two frequency lists displaying raw frequencies of all the words in both corpora, we found two groups of words (coronavirus-related neologisms and dysphemisms) that were over-represented in the target corpus. Frequency lists also revealed that although the numbers of overall occurrences of proper names in the two corpora are comparable, fake stories often used certain proper nouns to refer to some influential social actors, but these names were significantly under-represented in real news. To make sure that the observed differences are not just a random deviation, we tested the significance of these three groups of words (proper nouns referring to real-life personalities, neologisms and dysphemisms) using the log-likelihood (hereinafter referred to as LL) test. In other words, we compared frequencies of the words in the target corpus with the frequencies of the same words in the reference corpus taking account of the sizes of both corpora.

LL values help us determine discourse significance of the words (Baron et. al. 2009) to see if a significant difference in the frequency of use of the same words in the target and the reference corpora can flag some lexical trends and give us considerable information about the way deceptive content is organized (Ahmed,

2017). We calculated the log-likelihood statistics for each of the words in the two lists using the UCREL log-likelihood wizard, created by Paul Rayson, and sorted the words by significance score (Table 2) establishing significance at the $p < 0.05$ level as a cut-off point. That means that the results displaying $LL < 3.84$ are considered not significant and the observed differences between corpora are most likely accidental (Rayson & Garside 2000).

Table 2. Observed Differences sorted by LL values (generated with the UCREL log-likelihood wizard)

<i>Word</i>	<i>Observed frequency in the target corpus</i>	<i>%1</i>	<i>Observed frequency in the reference corpus</i>	<i>%2</i>	<i>LL</i>
гейтс/gates	185	0.38	14	0.04+	140.82
рокфеллер/rockefeller	73	0.15	0	0.00+	86.66
ротшильд/ rothschild	73	0.15	0	0.00+	86.66
пандемия/plandemic	34	0.07	0	0.00+	40.36
намордник/muzzle	31	0.06	0	0.00+	36.80
сорос/soros	26	0.05	0	0.00+	30.87
фаучи/fauci	44	0.09	5	0.01+	27.98
хондзэ/honjo	11	0.02	0	0.00+	13.06
гебреисус/ghebreyesus	55	0.11	23	0.06+	7.66
радзуэлина/rajoelina	14	0.03	3	0.01+	5.60
...					
%1 and %2 – observed frequencies in normalized (percentage) form					
+ sign indicates that the word is more frequent, on average, in the target corpus					

According to the results of the LL test, three main differences observed while comparing the target and the reference corpora (the frequent use of certain names, neologisms and dysphemisms) are statistically significant. The big LL values of these words are determined by their zero or minimum representation in the reference corpus. For instance, some key names (Rothschild, Soros, Rockefeller), around which many viral fake coronavirus-related stories were created, were not found at all in the reference corpus. Thus, we assume that the frequent use of this vocabulary in intentionally deceiving narratives may indicate the use of certain linguistic strategies by the authors of fake stories. Although frequent use of proper names is traditionally attributed to authentic news (Mahyoob et al. 2021), over-represented references to some influential personalities found in fake narratives about Covid-19 might be an interesting feature for an in-depth linguistic analysis. In the Results section (4.2. and 4.3.), we will take a closer look at this vocabulary and the way it is represented in the Russian coronavirus-related fake story making.

A number of Voyant tools (open-source application developed by S. Sinclair and G. Rockwell for analyzing digital texts) were also applied to the preprocessed target corpus to extract collocates of the words of interest and to visualize relative frequencies of individual words diachronically depicting the distribution of a word's occurrence in every month of the analyzed period – from March 2020 to March 2022 (graphs in sections 4.2., 4.3. are generated with Voyant tools).

4. Results and discussion

4.1. Linguistic features reflecting differences between Russian coronavirus-related fake stories and real news

In this section, we present the quantitative results, testing for differences in the relative frequencies of 21 features across language levels between 897 fake and 825 real news stories about Covid-19, and discuss discovered distinctive features.

Table 3 displays differences between fake and real news indicated by differences in LL values and classifies variables as showing large ($p < 0.0001$; critical value = 15.13), medium ($p < 0.001$; critical value = 10.83), small ($p < 0.01$; critical value = 6.63), or insignificant effects ($p < 0.05$; critical value = 3.84). We sorted LL values so that the largest LL value is placed at the top of the list representing the most distinctive feature of fake stories as compared to real news.

Table 3. Significance testing for the differences in the relative frequencies of 21 features between the coronavirus-related fake and real news

Codes/ linguistic features	O1	%1	O2	%2	LL	Ratio	Effect
Exclamation	319	4.45	17	0.21+	374.97	4.43	large
Interrogative sentence	387	5.39	154	1.87+	138.83	1.53	large
Conjunctive adverb	105	0.13	315	0.41-	126.87	-1.70	large
Short sentence (< 10 words)	853	11.89	548	6.64+	116.28	0.84	large
Reported speech	673	9.38	438	5.31+	88.26	0.82	large
Passive verb	305	0.37	514	0.68-	71.44	-0.87	large
Second person pronoun	511	0.62	263	0.35+	62.75	0.85	large
Comparative adjective	206	0.24	347	0.46-	54.17	-0.92	large
Abstract noun	619	0.75	815	1.07-	44.30	-0.51	large
Stative verb	931	1.13	628	0.83+	38.04	0.46	large
First person pronoun	105	0.13	32	0.04+	35.51	1.60	large
Subjective adjective	132	0.16	60	0.08+	22.36	1.03	large
Terminology	875	1.15	769	0.94+	17.58	0.30	large
Proper noun	519	0.63	601	0.79-	14.09	-0.32	medium
Quotation	347	4.84	298	3.61+	13.69	0.42	medium
Superlative adjective	157	0.19	94	0.12+	11.46	0.63	medium
Modal verb	501	0.61	370	0.49+	10.90	0.32	medium
Long sentence (> 20 words)	785	10.94	824	9.99+	3.32	0.13	insignificant
Adverb of manner	291	0.35	304	0.40-	2.20	-0.18	insignificant
Third person pronoun	5298	6.45	4978	6.55-	0.62	-0.02	insignificant
Negation	364	5.07	405	4.91+	0.21	0.05	insignificant

O1 – observed frequency of the feature in the target corpus
O2 – observed frequency of the feature in the reference corpus
%1 – relative frequency of the feature in the target corpus
%2 – relative frequency of the feature in the reference corpus
+ sign indicates that the word is more frequent, on average, in the target corpus
- sign indicates that the word is more frequent, on average, in the reference corpus
Ratio refers to how frequently the feature appears in fake stories as compared to real news

As observed in Table 3, such linguistic features as third person pronoun (LL 0.62), adverb of manner (LL 2.20), long sentence (LL 3.32) and negation (LL 0.21) do not reflect any substantial linguistic differences in real or fake stories. However, retrieved quantitative data provides strong evidence of significant variation in other 18 lexico-grammatical and stylistic patterns used in viral coronavirus-related fake stories and real news about Covid-19.

The most distinctive feature between Russian coronavirus-related fake and real news is the use of **exclamation**, which is very common in the fake stories but is significantly under-represented in the real news. Most likely, this is due to the desire of fake news providers to emphasize personal attitude to the problem expressing shock, surprise or other strong emotions. This finding is in line with the results of the recent research on political misinformation (Oehmichen et al. 2019) which show statistical significance of the differences in syntactic style of misleading and reliable news. Writers of misleading posts do not generally avoid emotional statements, otherwise, they tend to be “distinctive in their use of language” making greater use of exclamation marks and capitalization (Ibid). While news writers try to appear unbiased (Rashkin et al. 2017) focusing on unemotional presentation of unbiased stories, fake stories providers tend to overuse the patterns of spoken language.

We found four common patterns of use of exclamation marks in coronavirus-related fake stories (see Table 4). We see that exclamation is not only used as an intensity marker, but also indicates the bits of information that should be the focus of the reader’s attention. Sociolinguists point to the shifts in use and perception of exclamation marks in informal communication on social networks. According to McCulloch (2019), exclamation is being used not as an “intensity marker, but as a sincerity marker”, showing politeness and softening polite requests. This observation may contribute to the understanding of pragmatic reasons for overrepresentation of exclamatory sentences in the language of fake stories. Thus, we can assume that the frequent use of the indicated exclamation patterns is due to the writer’s intention to appeal more personally to the reader.

Table 4. Relative frequencies of the exclamation patterns in fake news

Pattern	Examples	%
Exclamation mark in a declarative sentence	(1a) <...> <i>Ко всем будут ходить врачи с полицейскими. Отказывайтесь, от любых тестов на вирус. ЭТО ВАШЕ ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ!!!</i> <...> [<...> <i>Doctors and policemen will visit everyone. Refuse to take any tests for the virus. IT'S YOUR RIGHT TO REFUSE!!!</i> <...>] (episode #73, April 2020)	47.02
Exclamation + imperative verb	(1b) <i>Ни за что не делайте ПЦР-тест! В Германии врач провел под микроскопом исследования теста ПЦР на COVID-19. И обнаружил на кончиках тестов, металлические скобы, которые реагируют на волны 5G...</i> <...> [<i>Do not take a PCR test! In Germany, a doctor examined a PCR test for COVID-19 under the microscope. And he found metal staples that respond to 5G waves on the tips of the tests ...</i> <...>] (episode #42, March 2020)	28.21

Exclamation + interrogation	(1c) ВОЗ признала самоизоляцию граждан вредной для борьбы с COVID-19. И зачем тогда нас посадили на эти карантинкулы?! Глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Гебреисус признал, что самоизоляция граждан ... <...> [The WHO acknowledged that self-isolation hampers the fight against COVID-19. Why do we need this lockdown then?! The head of the World Health Organization (WHO), Tedros Ghebreyesus, admitted that the self-isolation of citizens ... <...> (episode # 97, March 2020)	18.81
Exclamation mark as intensifier inside a sentence	(1d) Испанские исследователи обнаружили, что вакцина Pfizer содержит 99: оксид графена (!) и практически больше ничего. <...> [The Spanish researchers found that Pfizer's vaccine contains 99% graphene oxide (!) and practically nothing else. <...>] (episode #303, December 2020)	5.96

Similarly, *interrogative sentences* tend to be substantially more common in fake news. Browsing the context for this feature in the fake news corpus allowed us to discover that interrogative sentences are frequently embedded into the beginning of a fake story as a means of formulating and defining the topic (2a), and into the conclusion (2b) giving the readers “food for thought” and leading them to certain conclusions. In our dataset 148 coronavirus-related stories began either with a general or with a special question (using interrogative adverb *почему* (*why*), and 128 fake news articles used disjunctive question as a closing remark.

- (2a) *Почему* доктора в Германии начали массово писать увольнительные? Докторам предлагают 12000 евро в месяц за участие в геноциде – проведении массовой вакцинации. <...> [Why have the doctors in Germany started quitting their jobs recently? The doctors are offered 12,000 euros a month for participating in a genocide – mass vaccinations. <...>] (episode #330, December 2020)
- (2b) <...> Все, что мы видим, означает, что есть специальные поддельные шприцы, чтобы обмануть общественность. В свою очередь, это имеет вряд ли какой-то смысл, если вакцинация безвредна, **не так ли?** [<...> We see that there are special fake syringes to deceive the public. In turn, this doesn't make any sense if the vaccination is so harmless, **does it?**] (episode #339, December 2020)

We suppose that in addition to structuring the narrative, interrogative sentences also have a pragmatic meaning. As can be seen from the examples above, questions help the authors of fake news to dialogize the narrative. A similar conclusion was reached by Ivanova (2020) who stated that interrogatives make the argumentation more emphatic, and solicit active commitment to issues, feedback and empathy from the audience.

Another feature that exhibits a non-negligible difference between Russian fake and real news about Covid-19 is the use of *ultra-short sentences* which are more common for fake news. 482 sentences in the fake news corpus are just one or two words, and in 285 cases one of the words is an imperative verb (3a, 3b) or a noun (3c):

- (3a) <...> **Остановитесь!** В вакцине от COVID-19 есть вещества, повреждающие мозг! Эта упаковка от «атиковидной» вакцины фармацевтической компании Астра Зенека, которой будут вакцинировать британцев, я разобрала состав <...> [<...> **Stop it!** There are substances in the COVID-19 vaccine that damage your brain! This package is from Astra Zeneca's "Aticoid" vaccine, which will be used to vaccinate the British people, I studied the ingredients ... <...>] (episode #314, December 2020)
- (3b) Этот вирус не был выделен. Положительный результат теста может получить кто и что угодно. Даже курица или апельсин. **Просто прочитайте!** За последние 55 лет <...> [This virus has not been isolated. Anyone can get a positive test result. A chicken or an orange. Just **read this!** Over the past 55 years <...>] (episode #375, January 2021)
- (3c) <...> Итак, графеновая ковидная жижа от Pfizer содержит: ХЛОРИСТЫЙ КАЛИЙ, ОДНООСНОВНЫЙ ФОСФАТ КАЛИЯ, ХЛОРИД НАТРИЯ, ФОСФАТ НАТРИЯ. **Внимание!** Липидные наночастицы, защищающие РНК <...> [<...> So, Pfizer's graphene covid slurry contains: POTASSIUM CHLORIDE, POTASSIUM MONONE PHOSPHATE, SODIUM CHLORIDE, SODIUM PHOSPHATE. **Attention!** Lipid nanoparticles protecting RNA <...>] (episode #508, June 2021)

Interestingly, the number of long sentences (>20 words) in both datasets is not significantly different. However, long sentences in fake news differ from the long sentences in real news in terms of structure. Most of them are simple, or compound sentences joined with coordinating conjunctions. Real news is characterized by a much greater variety of complex sentences. This explains the fact that reliable news tends to use more conjunctive adverbs, as seen in Table 3.

The use of **terminology** is the most distinctive lexical feature under analysis. Most notably, terminology is used at substantially higher rates in fake news. In addition to basic Covid-related terms, e.g., *коронавирус* (*coronavirus*), *ПЦР-тест* (*PCR test*), *вакцинация* (*vaccination*), fake news tends to contain more frequent use of specific medical terminology. Besides, fake stories often use domain-specific terms which do not appear in real news (Figure 2). This finding, however, does not corroborate previous work by Torabi & Taboada (2019) who stated that on average fake news articles use overly emotional language, while frequent use of terminology was indicative of reliable news. However, the fact that terminology appeared to be a significantly presented lexical group in the fake news about Covid-19 may be determined by the nature of the topic (disease, its symptoms, safety measures). Register and genre variations affect the distribution of terminology in fake stories. Social media posts are less likely to contain terms, while deceptive articles often use domain-specific terminology. This result is best explained by functional theories of language use (Biber & Conrad 2019) according to which differences in communicative purpose and context are reflected in linguistic structure.

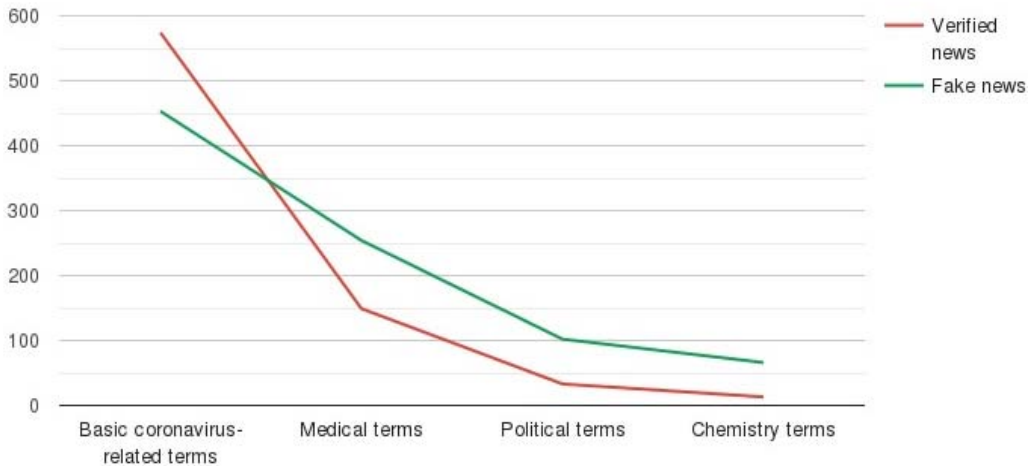

Figure 2. Distribution of the terminology in fake and real news about Covid-19

Overall, we find that, on the one hand, Russian fake news about Covid-19 is characterized by more frequent use of various lexico-grammatical and stylistic features associated with emotional discourse. On the other hand, fake news tends to use a lot of terminology, reported speech and quotations which indicates the intention of fake story writers to create well-structured, highly informative texts. We will further illustrate and discuss other distinctive features of fake and real news in Sections 4.2 and 4.3. using the material of some fake stories virally shared during the Covid-19 pandemic.

4.2. Real-life people as central characters of fake stories

As noted in 3.4, references to some real-life personalities which were over-represented in the Russian Coronavirus-related fake news, appeared much less frequently in real news or did not occur at all. In this section, we will take a closer look at how viral fake stories about some influential people are organized in terms of composition and style, and attempt to evaluate the role of the frequent use of these names in the language of coronavirus-related disinformation.

The most common proper noun within Corpus 1 and Corpus 2 is Bill Gates (token *зѣѣмс* (*gates*) has 185 occurrences as a reference to a person and 15 occurrences as part of the phrase *Фонд Бѣлла и Мѣлѣнды Гѣѣтс/The Bill and Melinda Gates Foundation*). The following three positions are occupied by the names of billionaires—Rockefeller (token *рокфеллер* (*rockefeller*) ranks 134th with 73 occurrences), Soros (token *сорос* (*soros*) appeared 26 times in Corpus 1), and Rothschild (token *ротшильд* (*rothschild*) is mentioned 73 times). The name of the Madagascar President Rajoelina (token *радзуѣлина* (*rajoelina*) appeared in fake stories 15 times during the spring and summer of 2020. The name of the Japanese scientist Honjo (token *хондзѣ*) appeared 11 times in August 2020, becoming the most popular proper noun of this period.

The context analysis of the episodes containing corresponding names showed that these famous persons are turned into either protagonists or antagonists of fake stories—either villains and organizers of the pandemic (Gates, Rockefeller, Rothschild, Soros), or truth-tellers exposing secret information about the WHO (Rajoelina), and the Wuhan laboratory (Honjo). During the second year of the Covid-19 pandemic, the proper nouns *gates*, *rothschild*, *rockefeller* were also frequently used in viral fake stories (Figure 3). In addition, the texts of conspiracy theories involving the current Director-General of the WHO Tedros Adhanom Ghebreyesus (*гѳбреуcыc* (*ghebreyesus*) – 55 occurrences within Corpus 2) and the American infectious disease specialist Anthony Fauci (*фаучи* (*fauci*) – 44 occurrences within Corpus 2) began to gain popularity during the period from April 2021 to December 2021 (Figures 3 and 4).

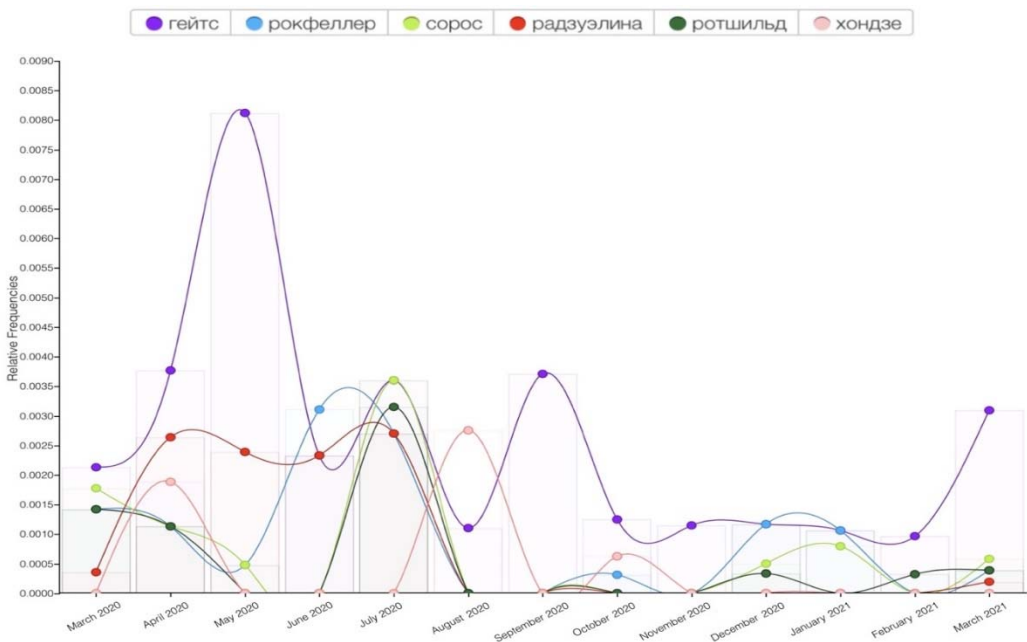

Figure 3. Frequencies of the references to influential social actors in fake stories across Corpus 1 (March 2020–March 2021)

Notably, most episodes (97 out of 118) involving real-life personalities represent “international” fake stories. Russians actively shared translations of English-language texts or retellings of conspiracy theories. Public figures from Russia are practically absent in viral fakes. Although the names of some Russian politicians and experts are found in Corpus 1 and Corpus 2 (e.g., *мясников* (*miasnikov*) – 14 occurrences, *юдин* (*yudin*) – 10 occurrences, *гаряев* (*garyaev*) – 7 occurrence), none of them is the central character of a separate story.

Browsing for contexts in the target corpus indicated several compositional patterns used by fake news writers. As can be seen in Table 3, coronavirus-related fake news often used reported speech, references to reputable sources, citations of

field experts to appear more credible. The high frequency of quotes in fake texts seems to be an interesting finding: 113 of 118 untruthful texts with references to influential people, officials or field experts contained quotes or reported speech. A similar pattern of results was obtained by Mahyoob et al. (2021) who found that fake news articles tend to use more quotes and reported speech than reliable news. However, we are also interested in the way quotations were embedded in the fake stories. The writers of Russian Covid-related fake news articles most often chose the ‘distorted quote’ strategy, shortening the real quote, changing its meaning. The transformed quote was often placed in the headline of fake news to attract more public attention. The next strategy involves extracting a quote outside of the original context, namely embedding the real quote in a fake story to give it more credibility. Less commonly, a completely made-up text was attributed to a well-known expert in the field (Table 5).

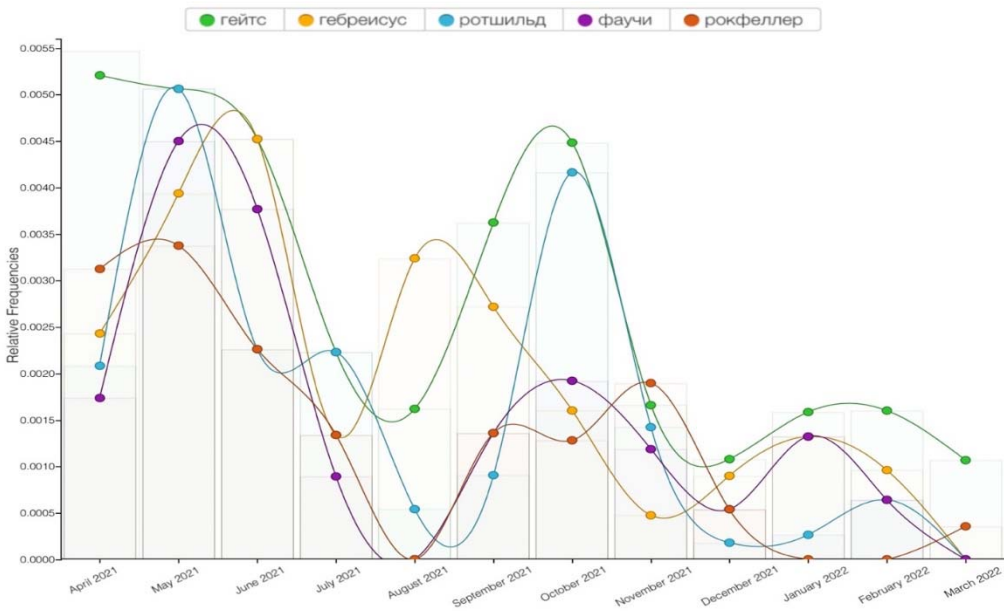

Figure 4. Frequencies of the references to influential social actors in fake stories across Corpus 2 (April 2021-March 2022)

Table 5. Patterns of embedding quotations, reported speech and references into fake stories

Pattern	Number of episodes Corpus 1	Number of episodes Corpus 2
Distorted quotation	37	21
True quotation embedded in a fake story	25	16
Fake story falsely attributed of an expert in the field	9	5
Total	71	42

The first strategy can be illustrated with a fake story about President of Madagascar Andry Rajoelina (4). In 2020 Rajoelina became the central character in a series of international viral fake stories about coronavirus as his name occurred

in 11 episodes attributing to him the words that he never said. In all the stories united by this term, Rajoelina appears as a whistleblower disclosing the information about WHO's proposal to poison the COVID-19 medication developed in Madagascar. The following text that was actively shared by Russian Internet users from March to July 2020 promotes the most popular Rajoelina-related storyline claiming that the WHO offered the President of Madagascar a \$ 20 million bribe to add poison to local experimental coronavirus medicines. The example shows that the reported quotation was significantly distorted by inserting the words *взятка* (bribe) and *отравление* (poisoning) which originally did not appear in Rajoelina's statement.

- (4) *Президент Мадагаскара Андри Радзуэлина заявил, что ВОЗ предложила ему взятку в размере 20 миллионов долларов за отравление используемого в стране лекарства от COVID-19 под названием «COVID-19 Organics», изготовленное из артемизии. Мадагаскар попросил прикрыть эту лавочку из аферистов и призвал все страны выйти из ВОЗ. [Madagascar President Andry Rajoelina stated that the WHO had offered him a \$20 million bribe to poison the country's artemisia-based COVID-19 drug called COVID-19 Organics. Madagascar called for the dissolution of this organization of swindlers and called on all countries to withdraw from the WHO] (episode #161, July 2020).*

The third pattern does not use a quotation but the name of an influential expert, embedding it in a fake story. This can be illustrated with a virally shared story about the Japanese scientist-immunologist, the Nobel Prize winner in physiology or medicine Tasuku Honjo, who was turned into one of the major ideologists of Covid-19 dissidence in Russia by fake story makers in April 2020 (5). According to a text widely shared on Russian social media, Honjo allegedly states that Covid-19 is an artificial virus that leaked from a Chinese laboratory. This false statement, which the scientist never made, exists in several variations with minor transformations. This example also demonstrates another distinguishing feature of fake materials which is frequent use of the first-person pronouns.

- (5) *Шок!!! Японский профессор физиологии и медицины, доктор Тасуку Хондзэ, вызвал сегодня сенсацию в средствах массовой информации, заявив, что коронавирус не является естественным. «<...> Я работал уже четыре года в Уханьской лаборатории в Китае и знаю весь персонал этой лаборатории. Я позвонил им всем после появления информации о коронавирусе, но все их телефоны были отключены уже не менее трех месяцев <...>. [Shocking!!! Japanese professor of physiology and medicine, Dr. Tasuku Honjo, caused a media sensation today by saying that the coronavirus is not a natural virus. “<...> I have been working for four years at the Wuhan laboratory in China and I know all the staff of this laboratory. I called them all when the news about the coronavirus came out, but all their phones had been switched off for at least three months <...>”] (episode #176, August 2020).*

The choice of these strategies by Russian fake story writers can be explained in both social and psychological terms. In April 2020, due to the increasing adverse effects of the infodemic, the Russian authorities began an active fight against fakes through the release of official refutations of fake news and materials debunking the conspiracy theories. The level of public skepticism towards unverified information grew. This was accompanied by the employment of new strategies in fake story making. Since anonymous statements on Covid-related topics appeared to be less credible than the words of well-known scientists, fake news often contained references to reputable sources and citations of field experts. This idea is in line with the recent work by Khan et al. (2021) who pointed to the use of references to influential persons to elevate credibility of deceptive content.

The majority of Covid-19 fake news posts and articles involving businessmen Bill Gates, George Soros, the Rockefellers, and the Rothschilds are based on the claim that the Covid-19 pandemic was planned by billionaires in cooperation with the WHO to “turn people into slaves” by vaccinating them against an “invisible virus” that does not exist. Since the beginning of the pandemic, Bill Gates has been the main target of multiple conspiracy theories spread on social media. The BBC even called him “the voodoo doll of Covid conspiracies” (Wakefield 2020). In Russian viral narratives during the first year of the pandemic, Bill Gates was often referred to as «создатель дивного нового мира» (*the creator of a new brave world*), «стоящий за пандемией» (*a person behind the pandemic*), «главный вакцинолог» (*the main vaccinator*).

A common feature of the fake news articles involving references to Bill Gates is the excessive use of subjective adjectives (*шокирующий, невероятный, гениальный, необъятный, катастрофический* / *shocking, incredible, ingenious, immense, catastrophic*) and superlatives (*хитрейший, мощнейший, богачейший* / *the smartest, the most powerful, the richest*) as well as abstract nouns related to the semantic category of LIE (*обман, грабеж, надувательство, афера* / *deceit, robbery, swindle/fraud*). This feature can be illustrated by a very popular fake story (6), according to which the Covid-19 pandemic was planned and funded by Bill Gates back in 2012 to be executed in 2019 to make money from the coronavirus vaccine.

- (6) <...> Если кто не в курсе, то все драконовские меры, принятые во многих странах, были разработаны **хитрейшим Биллом** Гейтсом при прогоне тренировочных действий при Всемирной пандемии в октябре 2019 года. <...> Поэтому, сразу после объявления пандемии, ВОЗ дала правительствам план реагирования, который и заключался в принятии, **глупейших** в научном плане и **катастрофических** в экономическом плане, мер. <...> [<...> Just for your information, all the draconian measures taken in many countries were developed by **the most cunning** businessman Bill Gates during the training activities during the World Pandemic in October 2019. <...> Therefore, immediately after the announcement of the Covid-19 pandemic, the WHO gave governments the plan, which involved taking

the stupidest and the most disastrous measures <...>] (episode #89, April 2020)

After analyzing the relevant contexts, we conclude that the over-representation of the names of real influential persons is more related to the specifics of the Covid-19 conspiracy making but is not characteristic of fake news.

4.3. Neologisms, dysphemisms and negative opinion shaping

According to the frequency distribution data, other lexical trends in Russian Covid-19 fake story making is the use of neologisms and dysphemisms. Most of the neologisms found in the analyzed narratives dated March 2020 – March 2021 are nouns formed as a result of morphological and syntactic word composition. They do not give names to new objects or emerging realities but are used to devalue and discredit the phenomena that already have names (*пандемия/пландемия* – *pandemic/plandemic*; *коронавирус/барановирус* – no English equivalent, rough translation – *a virus that only sheep (stupid people) believe in*; *прививка/прибивка* – no English equivalent, rough translation – *a vaccine that will kill you*). Although there is a small variety of forms of dysphemisms in the corpus (7 tokens) (Figures 4 and 5), their actual frequency (204 occurrences per 26,964 words) is high compared to zero number of occurrences in the reference corpus.

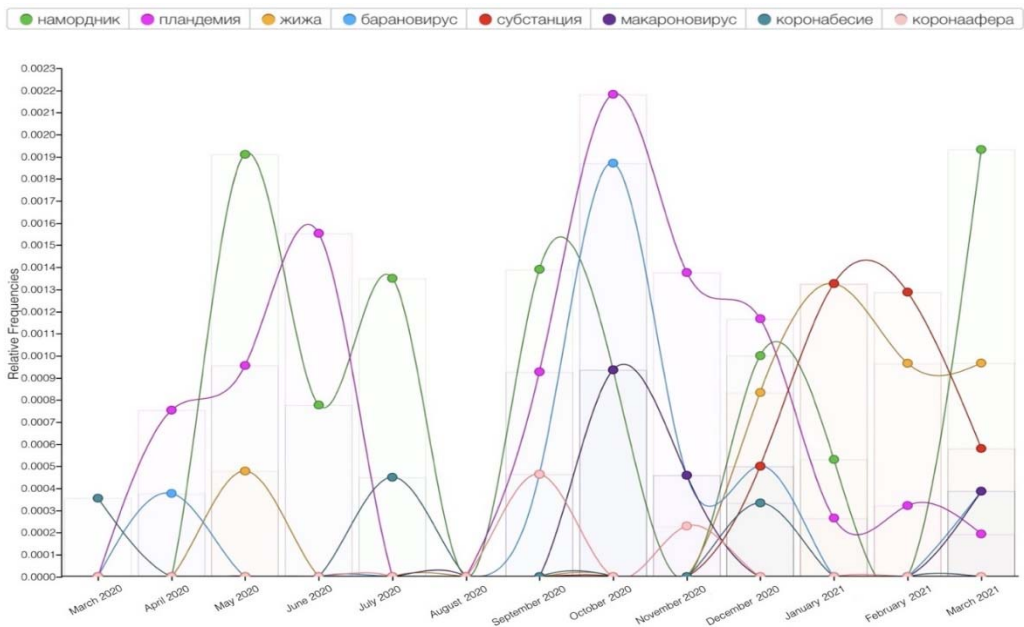

Figure 5. Frequencies of neologisms and dysphemisms in fake stories across Corpus 1 (March 2020-March 2021)

Analysis of the corresponding episodes containing neologisms shows that in all contexts these words have negative connotations, and their use in texts is associated with the author's desire to criticize the new rules dictated by the

pandemic (wearing masks, vaccination, testing for covid, etc.). The most common corpus neologism *пандемия/plandemic* (план+пандемия/ plan+pandemic) ranking 115th with 34 occurrences, is used as a substitute for the Russian term *пандемия* (*pandemic*) and is associated with the conspiracy theory about the coronavirus pandemic being planned by world’s elite in cooperation with the WHO a decade ago.

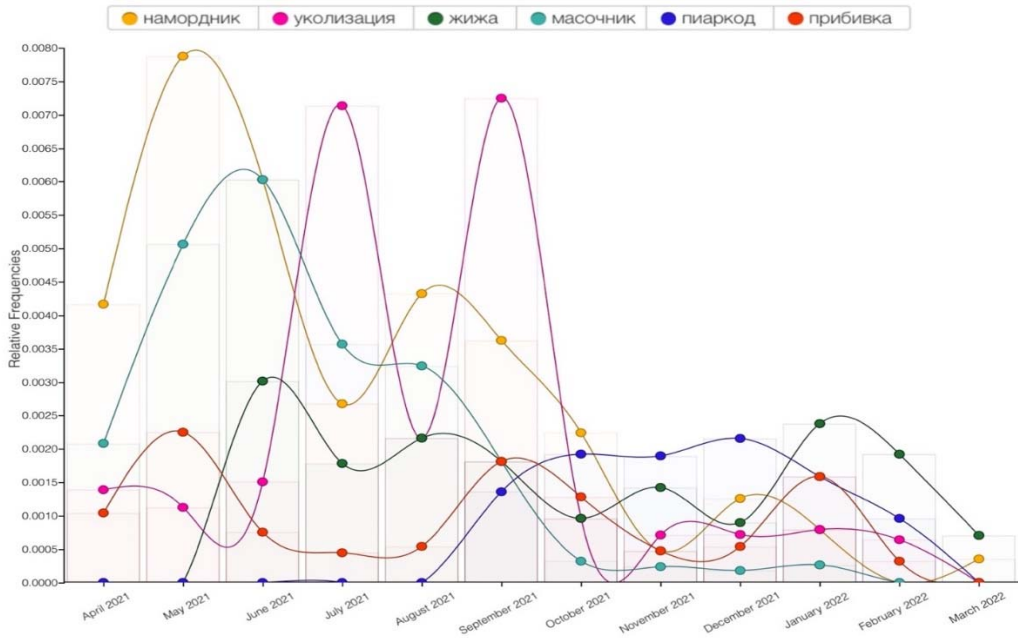

Figure 6. Frequencies of neologisms and dysphemisms in fake stories across Corpus 2 (April 2021–March 2022)

The frequency distribution list shows 5 newly coined lexemes denoting *Covid-19* which were often used in viral texts calling for vaccine refusal or denying the existence of the virus as an effective language tool for negative opinion shaping. These neologisms are formed by replacing one of the stems: *корона* (*corona*) or *вирус* (*virus*) in the compound term *коронавирус* (*coronavirus*). The word *барановирус* (баран+вирус/ ram+virus) is based on a comparison of people who believe in Covid-19 with sheep/rams. Another popular neologism *макаронавирус* (макароны+вирус/ noodles+virus) compares the new virus with deceiving the population. It is based on the Russian set expression “вешать лапшу на уши” which is equivalent to the English idiom “to hang noodles on one’s ears” meaning “to fool or mislead someone”. Other new words are based on the analogy of the coronavirus with madness – *коронабесие* (корона+бес, бешенство / corona+ madness), analogy with fraud – *коронаафера* (корона+афера / corona+fraud) and comparison with paranoia: *коронапаранойя* (корона+паранойя/ corona+paranoia).

The new nouns denoting groups of people are significantly less represented in both Corpus 1 and Corpus 2: *масочник* (a person wearing a mask) (10 occurrences), *безмасочник* (a person not wearing a mask) (14 occurrences), *ковидиот* (covid+idiot) (5 occurrences). Interestingly, the term *ковидиот* is used in the texts of fake stories in two opposite meanings – to name the people who deny the pandemic and its danger, neglect precautions, as well as the people who, on the contrary, are very afraid to get infected and panic severely. The surge in new words during the Covid-19 pandemic is in line with the thesis by Al-Salman & Haider (2021) who stated that linguistic change and creativity as a universal property of language reflects global social changes.

The neologisms listed above are found in clusters with different terms, as they are used in various fake stories covering a range of topics. However, all the episodes where new evaluative substitutions for the term *Covid-19* were found (e.g., 7) are united by the idea of Covid-dissidence (denial of the fact that this virus exists).

- (7) *Не прошло и полтора года, как CDC признал, что PCR-тесты не подходят для тестирования на барановирус, поскольку не могут отличить его от других болячек, находят в пепси-коле и арбузе. Лабораториям дан срок до 31 декабря, после чего им нужно будет перейти на другие способы тестирования <...> [In less than a year and a half, the CDC recognized that PCR tests are not suitable for testing for **baranovirus** (Russian neologism – ram+virus), as they cannot distinguish it from other diseases, the tests find the virus in pepsi cola and watermelon. Laboratories are given a deadline of December 31, then, they will need to switch to other testing methods <...>]* (episode #212, September 2020)

Dysphemisms are marked word forms which differ from neutral vocabulary as they are motivated by either fear or hatred or humor and expresses an author's attitude towards the subject (Terry, 2020: 59). In Russian fake Covid-19 stories, the aggressive potential of these words was used to criticize masks and vaccines. In 31 episodes, the term *маска* (*mask*) is substituted with a word *намордник* (*muzzle*). From December 2020 to March 2021 COVID-19 vaccine was frequently called *жижа* (*slurry*), *бульон* (*broth*) and *субстанция* (*substance*). In fake narratives, means of protection are framed as instruments of control and deception of the population.

Periods of the increasing popularity of the texts that use the dysphemism *намордник* (*muzzle*) to aggressively convince the readers of the futility of face masks coincide with the introduction of the requirement to wear masks and gloves in public places in Moscow (May 12, 2020) and active public debate on the mandatory masks in schools in September 2020 (the beginning of the school year in Russia) and in December 2020 – January 2021 (the end of distance learning for schoolchildren). The word *бульон* (*broth*) as a substitution for the term *вакцина* (*vaccine*) was used several times before the start of mass vaccination in Russia.

However, from November 2020 to March 2021, the nouns *жу́жа* (*slurry*) and *су́бстанция* (*substance*) occupy the leading positions among dysphemisms in the corpus. We assume that a large number of texts that became viral during this period contribute to the rapid "fading" of dysphemisms, namely, when a frequently used derogatory word ceases to produce the desired effect on the reader, and a new expressive replacement is required.

5. Conclusions

Significant growth of deceptive content on the Internet has exposed the urgent need for further development of automatic text analysis in order to classify data as fake (misleading) or factual (reliable). Using experimental procedures described above, we demonstrated the application of corpus technologies to determining lexical patterns typical of a deliberately misinforming narrative.

This study provides clear evidence of lexico-grammatical and stylistic variation in the language of Russian coronavirus-related fake and real news. We found that 18 of 21 analyzed linguistic features indicate significant differences between misleading and reliable data. The most distinctive features are the use of terminology and subjective adjectives, systematic stylistic nuances between fake and real news include the use of exclamation, interrogation, ultra-short sentences, quotations and reported speech.

Frequency profiling helped us determine the trends in the use of particular groups of words achieving specific goals of the authors of fake narratives. The high frequency of references to influential celebrities is related to the fact that a series of fake Covid-19 stories are based on false storylines where famous real-life people were associated with the actions that they did not perform or the words that they did not say. The names of real people in Covid-related fake narratives are used either to make disinformation sound more convincing (e.g., information on behalf of scientists or experts), or to fuel conspiracy theories (e.g., stories about famous businessmen being involved in the spread of the virus). A higher-than-expected frequency of neologisms and dysphemisms across the target corpus points to the desire of fake story makers to shape negative attitudes towards the objects of the new reality for promoting Covid-dissidence. Fake news writers tend to introduce many substitution words with negative connotation, e.g., *маска* (*mask*) – *намордник* (*muzzle*) or *вакцина* (*vaccine*) – *жу́жа* (*slurry*) to discredit the WHO-approved recommendations for the prevention and treatment of the new virus.

Significant differences in the use of coronavirus-related neologisms and dysphemisms in fake and real news might flag specific linguistic strategies used by Russian fake story providers. However, we suppose that outside the context of the Covid-19 pandemic, the use of these words is just a feature of expressive speech and cannot be considered as a reliable factor in fake news detection.

Unfortunately, new fake stories about Covid-19 and related aspects still emerge. Therefore, future research endeavors can be focused on including a larger corpus in the study by adding new false narratives which have gone viral since

March 2022. We also hope to expand on the observations made in the present paper by discovering linguistic trends on the level of collocations.

REFERENCES

- Ahmed, Hadeer. 2017. *Detecting Opinion Spam and Fake News Using n-Gram Analysis and Semantic Similarity*. University of Ahram Canadian.
- Ahmed, Hadeer, Issa Traore & Sherif Saad. 2018. Detecting opinion spams and fake news using text classification. *Security and privacy* 1 (1). 1–15. <https://doi.org/10.1002/spy2.9>
- Allcott, Hunt & Matthew Gentzkow. 2017. Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives* 31 (2). 211–236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
- Al-Salman, Saleh & Ahmad S. Haider. 2021. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 24–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>
- Baron, Alistair, Paul Rayson & Dawn Elizabeth Archer. 2009. Word frequency and key word statistics in historical corpus linguistics. *Anglistik: International Journal of English Studies* 20 (1). 41–67.
- Biber, Douglas & Susan Conrad. 2019. *Register, Genre, and Style*. Cambridge University
- Brezina, Vaclav. 2018. *Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316410899.008>
- Chen, Lian-Ching, Kuei-Hu Chang & Hsiang-Yu Chung. 2020. A novel statistic-based corpus machine processing approach to refine a big textual data: An ESP Case of COVID-19 News Reports. *Applied Sciences* 10 (16). 5505. <https://doi.org/10.3390/app10165505>
- Christopher, S. Butler & Anne-Marie Simon-Vandenberg. 2021. Social and physical distance/distancing: A corpus-based analysis of recent changes in usage. *Corpus Pragmat* 5 (4). 427–462. <https://doi.org/10.1007/s41701-021-00107-2>
- Curzan, Anne. 2009. Historical corpus linguistics and evidence of language change. In Anke Lüdeling & Merja Kytö (eds.), *Corpus linguistics: An international handbook*, 1091–1109. De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.1091>
- Essam, Bacem A. & Muhammad S. Abdo. 2021. How do Arab tweeters perceive the Covid-19 pandemic? *Journal of Psycholinguistic Research* 50. 507–521. <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09715-6>
- Gjylbegaj, Viola. 2018. Fake news in the age of social media. *International E-Journal of Advances in Social Sciences* 4 (11). 383–391. <https://doi.org/10.18769/ijasos.455663>
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2021. Semantics in the time of coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 7–23. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-7-23>
- Grieve, Jack & Helena Woodfield. 2023. The Language of fake. *News Series: Elements in Forensic Linguistics*, <https://www.cambridge.org/core/elements/language-of-fake-news/7B37014A5C0768AEE806167E8ADD5897>. (accessed 11 January 2023).
- Habgood-Coote, Joshua. 2019. Stop talking about fake news! *Inquiry* 62. 1033–1065.
- Ivanova, Irina. 2020. Pragmatic functions of interrogatives in media texts. *Media Linguistics* 7 (4). 501–515.
- Islam, Md Saiful, Tonmoy Sarkar, Sazzad Hossain Khan, Abu-Hena Mostofa Kamal, S M Murshid Hasan, Alamgir Kabir, Dalia Yeasmin, Mohammad Ariful Islam, Kamal Ibne Amin Chowdhury, Kazi Selim Anwar, Abrar Ahmad Chughtai & Holly Seale. 2020. Covid-19–Related infodemic and its impact on public health: A global social media analysis. *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene* 103 (4). 1621–1629.
- Khan, Ali, Kathryn Brohman & Shamel Addas. 2021. The anatomy of ‘fake news’: Studying false messages as digital objects. *Journal of Information Technology* 37 (2).

- Kopytowska, Monika & Radosław Krakowiak. 2020. Online incivility in times of Covid-19: Social disunity and misperceptions of tourism industry in Poland. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 743–773. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-743-773>
- Kuzmin, Gleb, Daniil Larionov, Dina Pisarevskaya & Ivan Smirnov. 2020. Fake news detection for the Russian language. In *Proceedings of the 3rd International Workshop on Rumours and Deception in Social Media (RDSM)*. 45–57.
- Kytö, Merja. 2010. Data in historical pragmatics. In Jucker Taavitsainen & Irma Taavitsainen (eds.), *Historical pragmatics*. Berlin/New York: Walter de Gruyter Handbooks of Pragmatics <https://doi.org/10.1515/9783110214284.2.33>
- Lun, Wong Wei, Mazura Masture Muhammad, Muhamad Fadzllah Zaini, Rahimy Damit, Carrine Teoh-Ong, Charanjit Kaur Swaran Singh & Norhayati Yusoff. 2022. Analysis of Covid-19 related phrases using corpus-based tools: Dualisms language & technology. *Journal of Positive School Psychology* 6 (3). 5034–5044.
- Mahyoob, Mohammad, Jeehaan Algaraady & Musaad Alrahaili. 2021. Linguistic-based detection of fake news in social Media. *International Journal of English Linguistics* 11 (1). 99–109. <https://doi.org/10.5539/ijel.v11n1p99>
- McCulloch, Gretchen. 2019. *Because Internet: Understanding the New Rules of Language*. Riverhead Books.
- Monogarova, Alina, Tatiana Shiryayeva & Nadezda Arupova. 2021. The language of Russian fake stories: a corpus-based study of the topical change in the viral disinformation. *Journal of Language and Education* 7 (4). 83–106. <https://doi.org/10.17323/jle.2021.13371>
- Muslimah, Ryza Wahyu. 2020. A corpus-based analysis of critical strategies in Covid-19 corpora. *Journal of Linguistics and Literature* 4 (2). 258–268. <https://doi.org/10.33019/lire.v4i2.89>
- Oehmichen, Axel, Kevin Hua, Julio Amador Diaz Lopez, Miguel Molina-Solana, Juan Gómez-Romero & Yike Guo. 2019. Not All Lies Are Equal. A Study Into the Engineering of Political Misinformation in the 2016 US Presidential Election. *IEEE Access* (99) 1–1. 1–6.
- Pavlina, Svetlana. 2022. Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 162–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>
- Peng, Zhibin & Zhiong Hu. 2022. A bibliometric analysis of linguistic research on COVID-19. *Frontiers in Psychology* 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1005487>
- Pisarevskaya, Dina. 2017. Deception detection in news reports in the Russian language: Lexics and discourse. In *Proceedings of the 2017 EMNLP Workshop: Natural Language Processing meets Journalism*. 74–79.
- Ponton, Douglas M. 2021. “Never in my life have I heard such a load of absolute nonsense. Wtf.” Political satire on the handling of the COVID-19 crisis. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 767–788. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-767-788>
- Rashkin, Hannah, Eunsol Choi, Jin Yea Jang, Svitlana Volkova & Yejin Choi. 2017. Truth of varying shades: Analyzing language in fake news and political fact-checking. In *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2931–2937. <https://doi.org/10.18653/v1/D17-1317>
- Rayson, Paul. 2019. Corpus analysis of key words. In Carol A. Chapelle (ed.), *The encyclopaedia of applied linguistics*, 1–7. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Rayson, Paul & Roger Garside. 2000. Comparing corpora using frequency profiling. In *The Workshop on Comparing Corpora. Hong Kong, China. Association for Computational Linguistics*. 1–6. <https://doi.org/10.3115/1117729.1117730>
- Sinclair, John. 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press.
- Sutu, Rodica Melinda. 2020. Fake news, from social media to television case study of the Romanian presidential elections 2019. *Styles of Communication* 11(2). 81–92.

- Tandoc, Edson & Zheng Wei Lim. 2017. Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism* 6 (3). 1–17. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>
- Torabi Asr, Fatemeh & Maite Taboada 2019. Big Data and quality data for fake news and misinformation detection. *Big Data & Society* 6 (1).
- Yu, Hangyan, Huiling Lu & Jie Hu. 2021. A corpus-based critical discourse analysis of news reports on the COVID-19 pandemic in China and the UK. *International Journal of English Linguistics* 11 (2). 36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v11n2p36>
- Zhang, Xichen & Ali A. Ghorbani. 2020. An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion. *Information processing and management* 57 (2). <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>

Other sources

- Beckett, Charlie. 2017. ‘Fake news’: The best thing that’s happened to Journalism at Polis. (<http://blogs.lse.ac.uk/polis/2017/03/11/fake-news-thebest-thing-thats-happened-to-journalism/>) (accessed 11 January 2023).
- How Bill Gates became the voodoo doll of Covid conspiracies (6 June 2020). BBC News. (<https://www.bbc.com/news/technology-52833706>) (accessed 25 October 2022).

Article history:

Received: 07 March 2023

Accepted: 20 August 2023

Bionotes:

Alina G. MONOGAROVA is Assistant Professor of the English Language and Professional Communication Department at Pyatigorsk State University, Russia. Her research interests embrace corpus linguistics, text mining and text analysis, as well as standardization of developing terminologies.

e-mail: alinach12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4098-0341>

Tatyana A. SHIRYAEVA is Professor of Linguistics, Head of the English Language and Professional Communication Department at Pyatigorsk State University, Russia. She is Editor-in-Chief of the research journal *Professional Communication: Top Issues of Linguistics and Teaching Methods*. Her research interests focus on discourse analysis, sociocognitive linguistics with particular emphasis on professional discourse studies, theory and practice of intercultural professional and business communication, English for special purposes, genre analysis and pragmatics. She is author and co-author of over 200 publications. Several research articles were published in high ranking journals, including *Heliyon*, *Humanities and Social Sciences Reviews*, *International Journal of Arabic-English Studies*, *Journal of Language and Education*, among others.

e-mail: shiryaevat@list.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

Elena V. TIKHONOVA is Associate Professor at the Department of Foreign Languages of MGIMO University, Moscow, Russia. She is also Deputy Editor-in-Chief of the *Journal of Language and Education*. Her areas of interest include discourse analysis, sociocognitive linguistics, and psycholinguistics. She conducts research in the field of English for specific purposes, genre analysis, pragmatics, and academic writing. She has authored numerous

articles in high-impact international journals. She is a member and lecturer of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP).

e-mail: etihonova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8252-6150>

Сведения об авторах:

Алина Геннадьевна МОНОГАРОВА — доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета. Ее исследовательские интересы включают корпусную лингвистику, анализ текста, стандартизацию терминологий развивающихся сфер.

e-mail: alinach12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4098-0341>

Татьяна Александровна ШИРЯЕВА — профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета, главный редактор научно-исследовательского журнала «Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы языкознания и методики обучения». Ее научные интересы сосредоточены на дискурс-анализе, социокогнитивной лингвистике, в особенности на исследованиях профессионального дискурса, теории и практики межкультурного профессионального и делового общения, английского языка для специальных целей, жанрового анализа и прагматики. Она является автором и соавтором более 200 публикаций, среди которых статьи в высокорейтинговых журналах, включая *Heliyon*, *Humanities and Social Sciences Reviews*, *International Journal of Arabic-English Studies*, *Journal of Language and Education* и др.

e-mail: shiryaevat@list.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

Елена Викторовна ТИХОНОВА – доцент кафедры иностранных языков МГИМО МИД России. Является заместителем главного редактора международного научно-исследовательского журнала *Journal of Language and Education*. Сфера ее научных интересов – дискурс-анализ, социокогнитивная лингвистика, психолингвистика. Реализует исследования в сфере английского языка для специальных целей, жанрового анализа, прагматики, академического письма. Опубликовала ряд статей в высококвартильных международных журналах. Является членом и лектором Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

e-mail: etihonova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8252-6150>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-31963>

EDN: MUKQOK

Research article / Научная статья

The spatiotemporal constitution of Dubai as a semiotically assembled touristscape

Amir H.Y. SALAMA¹   and Rania Magdi FAWZY²

¹ Prince Sattam Bin Abdulaziz University, Al-Kharj, Saudi Arabia
Kafr El-Sheikh University, Kafr El-Sheikh, Egypt

² Arab Academy for Science, Technology and Maritime Transportation, Cairo, Egypt
 amir.salama79@gmail.com; ah.salama@psau.edu.sa

Abstract

Mobile technologies mark an increasing construct of heterogeneous semiotic resources which coexist in a networked symmetrical interrelations. This area of research is still understudied, especially in terms of demonstrating how app-mediated touristscapes are co-told, transduced, and augmented by networked assemblage between participants and mobile interfaces. Drawing on a pragma-semiotic approach, the present study aims to investigate the spatiotemporal constitution of Dubai as a mobile-mediated touristscape. We draw on a newly synthesized approach that combines Cooren and Matte's (2010) model of constitutive pragmatics and Pennycook's (2008, 2017) notion of "semiotic assemblages." Such a methodological synergy has been applied to the *Dubai Travel* mobile app in a way that revealed how the touristscape of Dubai has been pragmatically constituted of the semiotic assemblage of heterogeneous figures in the app's interface-human interaction. This form of techno-human interaction was demonstrated to be situated in three spacing practices: (i) *presentifying* or making materially present hybrid interactions of techno-human figures, (ii) *ordering* or systematizing the scripted trajectories of Dubai touristscape by creating more space and time across framed intervals, and (iii) *accounting* or linking spatiotemporal augmentation to affective semiotic assemblages. The study found that Dubai touristscape has been constituted via a human-non-human semiotic assemblage with augmented and multilayered spatiotemporal possibilities. The pragma-semiotic approach has thus helped in arguing against what accounts as a touristscape with fixed spatiotemporal properties. The study contributes to understanding the increasing role of networked communication through developing a dialogue with linguistic pragmatics.

Keywords: *configuration, constitutive pragmatics, networked communication, Dubai touristscape, semiotic assemblage*

For citation:

Salama, Amir H.Y. & Rania Magdi Fawzy. 2023. The spatiotemporal constitution of Dubai as a semiotically assembled touristscape. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 570–591. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31963>

Пространственно-временная организация туристического ландшафта Дубая с позиций семиотики

Амир Х.Й. САЛАМА¹ , Рания Магди ФАУЗИ²

¹*Университет принца Саттама ибн Абдель Азиза, Саудовская Аравия;
Колледж естественных и гуманитарных наук в Аль-Хард, Египет*

²*Арабская академия наук, технологии и морского транспорта, Каир, Египет*
 amir.salama79@gmail.com; ah.salama@psau.edu.sa

Аннотация

Мобильные технологии представляют собой набор семиотических ресурсов, сосуществующих в симметричных взаимоотношениях. Эта область исследований еще недостаточно изучена, особенно с точки зрения того, как туристические ландшафты отражаются в приложениях, преобразуются и становятся средством взаимодействия между пользователями и мобильными интерфейсами. Опираясь на прагматический подход, авторы рассматривают пространственно-временную организацию Дубая как туристического ландшафта, опосредованного мобильными устройствами. Для достижения поставленной цели мы опираемся на недавно синтезированный подход, который объединяет модель конститутивной прагматики (Сооген Матте 2010) и теоретическое понятие «семиотические комплексы» (Penycook 2008, 2017). Этот комплексный подход был применен к мобильному приложению Dubai Travel, чтобы показать, что в интерфейсе приложения, предназначенном для взаимодействия с человеком, туристический ландшафт Дубая прагматически организован как семиотическая совокупность разнородных фигур (человеческих и нечеловеческих). Было продемонстрировано, что данная форма взаимодействия между человеком и техническим средством реализуется в трех пространственных практиках: (i) представлении или материальном присутствии гибридного взаимодействия между человеком и техническим средством, (ii) упорядочивании или систематизации заданных траекторий туристического ландшафта Дубая путем создания расширенного пространства и времени в рамках определенных интервалов, и (iii) учета или установления связи между увеличением пространственно-временной организации и аффективными семиотическими комплексами. Исследование доказало, что эти три практики связаны с мультимодальной конфигурацией, в соответствии с которой прагматическая организация города Дубай представляет собой единое семиотическое целое, включающее пространство, время, образ жизни и действия, которые позволяют презентовать, упорядочивать и принимать во внимание анализируемый туристический ландшафт. Таким образом, прагматический подход помог опровергнуть точку зрения, согласно которой туристический ландшафт обладает фиксированными пространственно-временными свойствами. Данное исследование способствует пониманию возрастающей роли сетевого общения посредством развития диалога с лингвистической прагматикой

Ключевые слова: *конфигурация, конститутивная прагматика, сетевая коммуникация, туристический ландшафт Дубая, семиотический комплекс*

Для цитирования:

Salama A.H.Y., Fawzy R.M. The spatiotemporal constitution of Dubai as a semiotically assembled touristscape. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 570–591. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31963>

1. Introduction

The current study attempts to construct an interactional view of spatiotemporality to reflect on the configuration of multiple spatiotemporal orders of touristscapes. With this in mind, we explore how touristscapes are co-told, transduced, and augmented by interactional assemblage between participants and the interface. However, analysing techno-semiotically mediatized data with multimodal representations necessitates the operationalization of methodologies that are epistemologically capable of engaging with diverse analytic aspects at both communicative and linguistic levels. This would entail the presence of synthesized methods drawn from the disciplines of communication studies and linguistics. Although there is a plethora of research on the analysis of multimodal data *contextualized* in technological modes of communication, the majority of this research has remained captive of methods grounded in the fields of social semiotics and semio-pragmatics (notably, Kress & van Leeuwen 2006, Fawzy 2021, Salama 2022, Salama & Fawzy 2023) or communication studies (e.g., Mifsud 2019, Kirchenbauer 2020, Beckers 2022 among others); but rarely, if ever, has there been research with methods synthesizing the two fields towards the analysis of techno-semiotically mediatized data. (Perhaps, whilst François Cooren's research (e.g., Cooren 2010, 2018, 2020, Cooren et al. 2017) qualifies as an exception to this generalization, the analysis conducted through his research has been confined to far less complex data sets). This can be considered one facet of current research problem: the dearth of linguistic-communicative methods whereby techno-semiotically mediatized data can be analysed. At this point, another facet of the problem surfaces: the *de facto* emergence of mobile-app-mediatized touristscapes as an ideal model or site for this type of data.

Indeed, the techno-semiotic complexity of multimodal representations should be a research focus with the advent of high-tech mobile apps that advertise touristscapes in a way that features the attractions of these touristscapes at different levels: historical, geographical, architectural, recreational, and even technological. The commingling of such attractions tends to emerge within the ambit of specific space and time frames that are technologically compressed as a spatiotemporal configuration; this is especially so should we consider the modern presence of empirical data with a multiplicity of communicative modes of expression that utilize semiotic assemblages (Pennycook 2017) of various techno-semiotic milieus; and one such representative data set is *Dubai Travel* mobile app.

As demonstrated in the analysis section below, the multimodal representations technologically mediatized by this mobile app in presenting and communicating Dubai city as a touristscape are so semiotically complex, in that different modalities overlap through the app's interface, viz. images, videos, music, colour, and verbal

language; with such modalities there may emerge heterogeneous figures that are pragmatically constituted within specific communicative situations which are bounded by well-defined dimensions of space and time – recognizable in the present set of mobile-app data as a *spatiotemporal configuration*. Further, adding to the empirical complexity of such a set of data, the techno-human actors interacting through the app’s interface and its affordances provide a complex medium that enables both human and non-human actors to communicate at a posthuman era; it is an era which is sensitive to this type of communication, with humans becoming no longer centralized and technological actors coming to the fore in a fashion that emphasizes the ‘dialogicity of things’ (Caronia & Cooren 2014).

It can safely be said here that, with Cooren’s scholarly efforts to reconcile linguistic phenomena with communication studies, the two-facet problem outlined above has been partially resolved; this has been undertaken on research fronts whereupon the organizational properties of communication have been demonstrated to be structured by a form of critiqued and reinterpreted speech acts as well as the notion of textual agency (Taylor & Cooren 1997, Cooren 2010, among others). Notwithstanding the potentials for Cooren’s linguistics-cum-communication research applicability, to date no scholarly attempt has been made to apply Cooren and Matte’s (2010) model of pragmatics as constitutive of heterogeneous figures in multimodally communicative situations and Pennycook’s (2008, 2017) theoretical notion of “semiotic assemblages.” Thus, here, we hypothesize that, in order for this scholarly attempt to be made, there need be a methodological synergy of Cooren’s model of constitutive pragmatics and relevant semiotic assemblages; and that, for this to empirically materialize, the *Dubai Travel* mobile app may be utilized as a techno-semiotic medium to which a synergized pragma-communicative approach can be applied.

In order to (dis-)prove the above-stated hypothesis, we should address two research questions, one is methodological and the other practical; both can be formulated respectively thus: (1) In what way are Cooren and Matte linguistic model of constitutive pragmatics and Pennycook’s theoretical notion of “semiotic assemblages” methodologically synergizable? (2) How can this methodological synergy (if any) be utilized in the analysis of Dubai city as a touristscape that is mediatized by *Dubai Travel* mobile app? The remaining sections of this study are structured in a way that answers these two research questions, and thereby (dis)prove our research hypothesis. Section 2 is a brief review of the literature relevant to analysing mobile apps, with a focus on two types of mobile-app data analysis: general-purpose-app analyses and tourism/touristscape-app ones. Section 3 presents a synthetic approach of Cooren and Matte’s model of constitutive pragmatics and the notion of “semiotic assemblages.” Section 4 utilizes the synthetic approach adopted in this study with a view to conducting an analysis of Dubai city as a touristscape mediatized by *Dubai Travel* mobile app. Section 5 offers a detailed discussion of the findings emerging from the data analysis. Section 6 concludes the study with a summary of the main research point and a presentation of prospects for relevant future research.

2. Mobile-apps research in focus

Arguably, mobile communication derives its value from the mobile-communication devices themselves as constitutive of “a very peculiar kind of techno-objects”; an assumption that has been based on twofold rationale (Caronia & Katz 2010: 24): First, these devices are deemed material tools for communication whereby humans effectively construct their socio-cultural worlds; second, the design of such devices renders them “embodied technologies of communication”, with the logos inscribed in them being “perpetual contact”. More narrowly, as one type of mobile communication, mobile apps are subdivided into three categories: native, web-based, and hybrid (Joorabchi et al. 2013). Based on this categorization, mobile apps “can provide direct access to an existing website, can function as an independent software, and can collect data from device hardware” (Zhang et al. 2018: 181). For the practical needs of covering the literature on current research point, we find it appropriate and relevant to divide this literature into general-purpose mobile-apps analyses and touristscape-/tourism-bound ones; the latter are focused on touristscapes, or are concerned with mobile tourism apps, and the former involve those studies pertaining to mobile apps with research interests other than tourism/touristscapes.

To begin with, the first/former general-purpose research on mobile apps abounds; there have recently been studies on mobile apps germane to various spheres of life. For example, Islam et al. (2010) presented the utility and impact of mobile application at the different levels of individuals, business, and social areas; but with a focus on how individual mobile users contribute to the facilitation of using mobile apps. Towards this end, different statistical data of past and present situations of using mobile apps have been utilized in a way that demonstrated the impact of mobile apps communication. Zydney and Warner (2016) provided a comprehensive 2007–2014 review of articles on mobile apps for science learning. Employing a qualitative content analysis, the authors investigated the science mobile app research in terms of its design features and theoretical foundations as well as the measurable outcomes of students. The review found that the mobile apps under investigation afforded specific similar design features, namely, knowledge-sharing mechanisms, technology-bound scaffolding, digital knowledge-construction tools, audio/visual representations, and location-aware functionality.

Likewise, Zhang et al. (2018) conducted a systematic 2007–2017 review on field experiments involving mobile apps, with a particular concern about 7 databases that were scanned by means of a predefined search strategy. Practically, 4,810 citations were retrieved from the databases, with 101 articles meeting the inclusion criteria. The authors’ review concluded that only in the last 4 years have scholars begun to employ apps in field experiments, with the observation that the majority of studies, instead of using them as an experiment platform, used apps as an experiment treatment; further, the review revealed that only 7 studies have made use of smartphone sensors for data collection, and that only one study has given an account of cost and ethical concerns with respect to using apps for the experiment.

Also, Fuad and Al-Yahya (2021) examined the link between features of Arabic mobile apps and investigated whether the categories of Google Play app represented the genre and type of Arabic mobile apps. Crucially, the authors supported the hypothesis that the method of textual app descriptions, recognized as Topic Modelling, has proven effective in offering new categories for Arabic mobile apps in Google Play app store. With this hypothesis supported, the study offered a contribution to Arabic mobile app analysis as well as improved app search and investigation in various domains, viz. technical development, business, and marketing. Additionally, Stocchi et al. (2022) proposed an integrative review of marketing research on mobile apps with a view to demonstrating how mobile apps shape customer experiences across iterative journeys of customers; the authors conducted an in-depth bibliographic analysis of 471 studies, and found that mobile apps could enhance consumer perceptions of value at the early stages of the customer journey; but, according to the authors, this could be feasible should a synthetic method be adopted towards combining market orientation, digital customer orientation, customer journey and experience, value (co)creation, and competitive advantage.

Now, let us move to the specific type of literature on touristscape-/tourism-bound mobile-app analysis. Kennedy-Eden and Gretzel (2012) proposed a taxonomy of mobile apps in tourism with two perspectives in mind: one is concerned with a taxonomy of the services travel-bound apps afforded to users; the other perspective concerns a taxonomy related to the customization level accessible to mobile-app users. With the two types of taxonomy, both authors managed to provide insights in the landscape of mobile apps and their development in the sphere of tourism. Kuo et al. (2019) provided an assessment of both how tourism mobile apps have been utilized by consumers and how those consumers have used such apps towards adapting consumers' communicative intentions to visit touristic destinations. The authors adopted the integrative approach of technology acceptance model (TAM) with a view to investigating customers' intentions to take up tourism mobile apps. With a survey of 630 tourism respondents, the study found that the 'e-servicescape environment' and 'e-word-of-mouth communication' played significant roles in specifying and deciding on intentions to adopt tourism apps and visit tourism destinations. Also, drawing on the text-analysis methods of Sentiment Analysis and Topic Modelling, Masrury et al. (2019) were concerned with analysing the perceived quality of tourism mobile apps, with a focus on the two popular Online Travel Agent (OTA) mobile apps for travel-specific activities: Traveloka and Tiket.com. The authors found that positive/negative sentiments towards aspects of online travel agent apps qualities could be unveiled by means of the Sentiment Analysis method; further, they concluded that the method of Topic Modelling could bring up clusters of significantly topic-indicating words related to each mobile app service quality dimensions. Finally, Abdul Rashid et al. (2020) have recently provided an assessment of the strengths and weaknesses of how mobile apps have become a substitution for a great deal of tourism workers'

functions as well as the effectiveness of these apps in helping and satisfying tourists during their tour visit. The authors have drawn on a broad swathe of research on the use of mobile apps in tourism over the time period 2011–2020. They found that mobile apps in tourism communication have not entirely replaced the function of human workers in the tourism industry; and, according to them, these apps' strengths could be enhanced and their weaknesses required improvements that should be made to meet tourists' needs.

Having surveyed the two types of literature on mobile apps, general-purpose and tourism-specific, we may readily claim the presence of a tangible research gap insofar as the empirical analysis of mobile-apps data is concerned, at least from a pragma-communicative perspective; a perspective that can explicate crucial pragmatic and communicative aspects of the multimodal techno-semiotic complexity of this type of data. Indeed, towards bridging this gap, we propose the pragma-communicative approach outlined in the coming section, and then apply it to the analysis of *Dubai Travel* mobile app in the following section.

3. Interfacing constitutive pragmatics and semiotic assemblages: A synthetic approach

Here, we propose an approach that synthesizes Cooren and Matte's (2010) linguistically oriented model of constitutive pragmatics with the general understanding of semiotic assemblages introduced by Pennycook (2008, 2017). In the following subsections, we begin with the constitutive pragmatics model, then move on to elucidating the notion of semiotic assemblages and relating to Vásquez and Cooren's (2013) practices of presentifying, ordering, and accounting.

3.1. *The constitutive pragmatics model and its mechanism of configuration analysis*

Cooren and Matte (2010) have argued for a model of constitutive pragmatics that transcends the limited potentials of the classic models of speech act theory. Whilst the latter models had long remained monological and human-centric in approaching language use as action, the former model (constitutive pragmatics) has methodologically attended to interaction and communication, particularly beyond human actors. As Cooren and Matte (2010: 14; italics in original) argue, the constitutive view of pragmatics demonstrates that a great deal of things “can also be said to *do things with words*, since it is through their performances that these things will present/incarnate/embody themselves in given situations.” Thus, the two authors, with their proposed constitutive model, have made a contributory advance on the traditional field of pragmatics as historically focused on the agency of people in speaking and writing – being exclusively doing things with words.

Indeed, in order to secure a richer model that investigates heterogeneous agency of people and things in interaction, Cooren and Matte have utilized the crucial term “figures” to emphasize Latour's (1996) conceptualization of action as

being inter-objectively shared. Far from the term's technically convoluted history, they proposed to define "figures" as such:

We will speak of figures to refer to faces, to someone's physical appearance, to what someone performs or accomplishes when she is skating or doing gymnastic (a quadruple back somersault, for instance), to an illustration, a (written) character, a number, a diagram, a musical motif, a status, a role, or the special usage of a word or phrase (as in figure of speech). (Cooren & Matte 2010: 18)

Crucially, according to constitutive pragmatics, figures can be presentified (see below the term "presentification" as a spacing practice) materially/explicitly or invoked implicitly – or more generally, mobilized – in given situations; and the degree of pragmatic force of such figures can be pinpointed in terms of their potential for making a difference in such given situations – what is metaphorically described as 'lending weight to' what is being done.

Further, in their proposition of constitutive pragmatics, Cooren and Matte (2010) have particularly attended to the "ordering effects" enabled by the heterogeneous agencies embodied in speech acts; these effects materialize in two subtle forms: first, presence-and-absence effects in interactional situations; second, representation effects made in the case of "principals." Apropos the first form of ordering effects, pragmatic constitution follows Derrida's (1994) concept of "spectral logic," whereby a figure – recognized as a spectre – can simultaneously be both present and absent: thus, a constitutive pragmatics "should not make any a priori distinction between what is present and what is absent, active or passive in a given situation" (Cooren & Matte 2010: 16). Regarding the second form of ordering effects, the pragmatic constitution of figures is influenced by Taylor and Van Every's (2000) notion of "principal" as "an actor that is represented by an agent who/that is supposed to be acting for it/him/her" (Cooren & Matte 2010: 28).

Among all potentially analysable figures, those of time and place are strictly focused in the present context of research, where the mobile-app-mediatised touristic landscape of Dubai is empirically investigated in terms of its *spatiotemporal configurations*; and, more specifically, the pragmatic constitution of those configurations and their ordering effects on such a touristic landscape. Here, we argue that this can best be captured in terms of what is theoretically established now as the semiotic assemblages of human and non-human figures as a means of spatiotemporal organization (see subsection 3.2 below).

3.2. Semiotic assemblages and spatiotemporal organization

The notion of "semiotic assemblages" helps us discuss the entangled, spatiotemporal multiplicity of mobile apps communication where different semiotic figures interact. An understanding of this notion allows extending knowledge on how heterogeneous semiotic resources (including human interactants) constitute a particular moment of interaction. It "expands the semiotic inventory and *relocates*

repertoires in the dynamic relations among objects, places and linguistic resources, an emergent property deriving from the interactions between people, artefacts and space” (Pennycook 2017: 11–12, authors’ italics). A significant concept that is essential to our understanding of the notion of ‘semiotic assemblages’ is ‘relocation.’ Relocation, Pennycook argues, addresses the “remaking” of meaning in different contexts, the “inscription” of different meanings into different settings, and, most importantly, the “redistribution” of meaning between the human body and the physical surroundings (Pennycook 2008: 40).

Studies adopting this approach focus primarily on the interactions between language, visual resources, bodies and other spatial resources that appear in a specific communicational space. The notion of ‘spatial repertoires’ is suggestive here. Spatial repertoires describe the emergent and interactant affordances of communicational spaces. Approaching mobile apps through the notion of semiotic assemblages allows perceiving this peculiar medium of communication as distributed in human-non-human interaction. It also aids in addressing the complexity of the resultant spatiotemporal repertoires, the figures that come together in the form of semiotic assemblages. Such figures, we argue, can be co-presented and relocated into material spacing practices that organize the form of human-non-human interaction indicated above. In their Communicative Constitution of Organizing approach, Vásquez and Cooren (2013) offer three of such spacing practices, namely, presentifying, ordering, and accounting. Our theoretical focus here is the constitutive nature of these practices in terms of certain spatiotemporal assemblages of human and non-human resources.

To begin with, the spacing practice of presentifying explicates how the making-presence of persons or objects can take up a material form through the various human and non-human agents’ actions (Vásquez & Cooren 2013: 33). Crucially, presentifying, as Salama and Fawzy (2023: 7, online version) point out, emphasizes the experience of materiality as being “inseparable from the making-someone-or-something-present process in time and space.” The second spacing practice of ordering, according to Vásquez and Cooren (2013), denotes the spacing sense of ordering various things at regular intervals in a way that semiotically assembles heterogeneous actors in space and time in an orderly fashion. The third, and last, spacing practice of accounting is argued to make accounts (quantities and/or numbers) and stories (certain narrative) in the communicative scene of interacting semiotic assemblages.

4. Data analysis

The present section endeavours to apply the pragma-communicative approach, outlined in the preceding section, to *Dubai Travel* mobile app. Based on the touristscape’s semiotic assemblages of human-non-human figures pragmatically constituted within the spacing practices of presentifying, ordering, and augmentation-adduced accounting as well as their respective analytic foci, a corresponding three-strand analysis is neatly presented in the coming subsections.

4.1. The material experiences of Dubai touristscape made present: Touristic experiential presentification

As a point of departure, conceiving of ‘Dubai’ as a touristic experience stems from acknowledging that there is a form of dynamic human-non-human interaction between *Dubai Travel* mobile app and its users. In so doing, we argue that Dubai-touristscape’s configuration is realized as a *presentifying spacing practice* with human and non-human figures that are made materially co-present in different communicative scenes of touristic experience. This is evident in the hybrid communicative scenes and their semiotically assembled presentifications by the mobile app as ‘Best Experiences’ in Dubai in Figure 1. The scenes exhibited could be viewed as a touristic configuration of the whole scenery made present by the app itself, but it should be noted *a priori* that this configuration is particularly selected and organized for its attractively hybrid-style embodiment of the following figures: (i) the Islamic style of ‘Jumeirah mosque’, (ii) the traditional Arab style of a desert-camel landscape, and (iii) the modern style of a swimming-pool recreation.

Equally important is the fact that putative users are likely to be assembled as figures in the utterance scene that constitutes an Islamic-Arab Dubai in space and time. Extending a modern figure from a traditional (if not classic) one can be perceived as a hybrid augmentation of tourist scenery that is communicated as a real-world object through two speech-act figures: the directive speech act ‘BOOK NOW’ and the informative speech act ‘Likely to Sell Out’. Users are assembled in the app-based touristscape as being the addressed figures: (i) the presumed subject ‘You’ instructed by the directive act and (ii) the implicit subject informed by the representative act. Conceivably, then, the assembled figures, humans and non-humans, are pragmatically constitutive of a spatiotemporal configuration whose space-bound affordances and timely produced speech acts have jointly enabled the mobile-app mediatization of the touristic ‘Best Experiences’ in Dubai.

As shown in Figure 2, Dubai’s ‘Best Experiences’ is presentified as a dislocated touristscape and captioned with the configuration ‘Sightseeing Attraction Tickets’. This configuration seems to be spatiotemporally linked with the specific moments of visiting Dubai’s ‘Sahara Dunes & Camels’ and ‘Abu Dhabi Full-Day Sightseeing’ – presented here as two figures. Indeed, this spatiotemporally flowing configuration is achieved by assembling the figure of ‘Tickets’ as a nonhuman actor whereby the directive speech act of ‘Do the booking’ is enabled in the utterance context of sightseeing. Also, the same utterance event assembles human actors as ‘figures’ who dynamically participate in this speech act event with a *temporally augmented presence* that oscillates between the different temporalities of the past and the present: First, explicitly, human figures are made materially present in touristic scenes; second, implicitly, the human actors are *spectrally* presentified as reviewers of the touristic places through the Classification Golden Star Victors associated with an accreditive speech act: being themselves technological figures enabling human figures to pragmatically constitute previous positive and negative reviewing practices. Thus, the practices of past reviewing acts

(positive or negative) are materially presented by the app as a hybrid relational nexus between human and technological figures beyond the app users' *here* and *now*. Further, one may observe the informative speech act of place representation connected with the material realization of the figure of 'Jumeirah mosque' as located 'Near Dubai' in Figure 2 – another locative figure that contributes to app's mediatization of the overall touristic configuration.

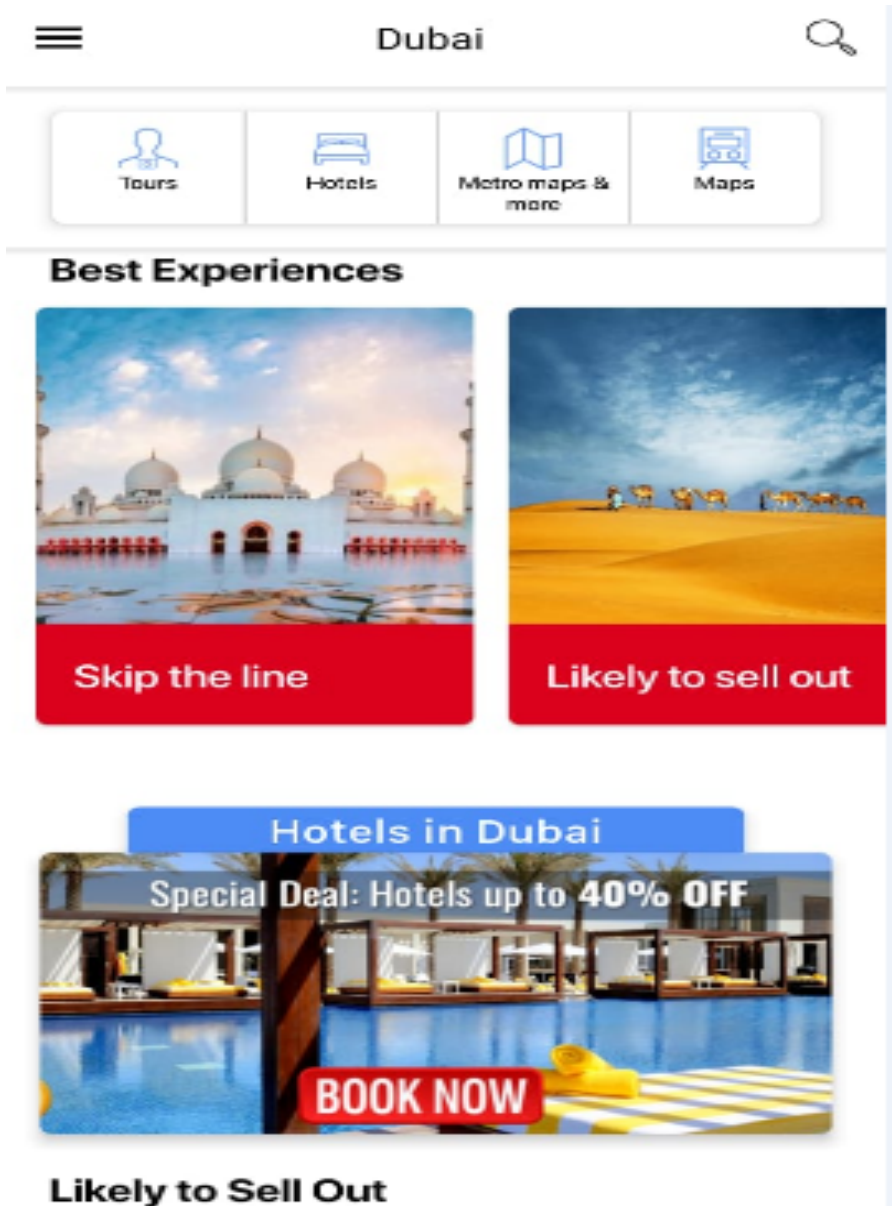

Figure 1. The made-present configuration of 'Best Experiences' in Dubai

Sightseeing Attraction Tickets

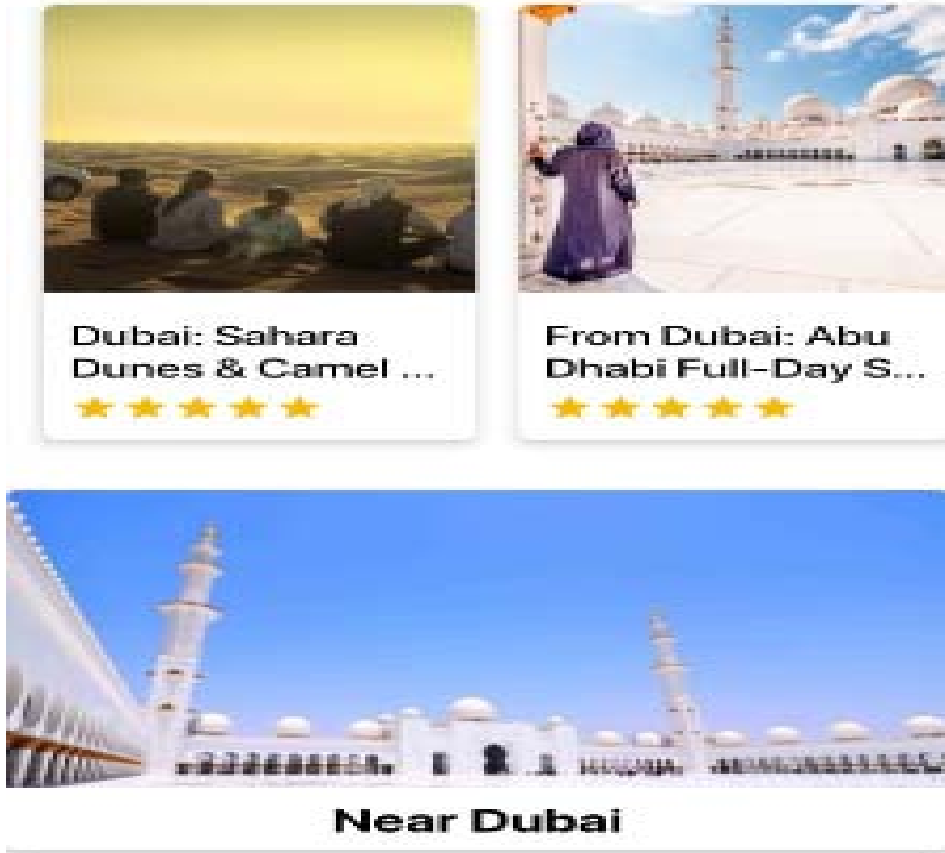

Figure 2. Material scenes presented with the locational figure ‘Near Dubai’

Now, having discussed the spacing practice of presentifying touristic locations as a material configuration of heterogeneous agentive figures, it is time we moved to the practice of ordering and its semiotic assemblages of scripting in the *Dubai Travel* app in the coming subsection.

4.2. Ordering the Dubai touristscape: Scripting the touristic scene

Ordering, as a spacing practice, can be viewed as a spatiotemporal scripting of the touristscape of Dubai with certain semiotic assemblages of human and non-human figures. This can readily be observed in Figures 3 and 4, where the overall touristscape can be described as a typical realization of spacing as an ordering process of place and time respectively; that is, a “scripted trajectory” (Vásquez & Cooren 2013: 42) of (i) a list of ordered locational figures in a sequence near Dubai (Figure 3) and (ii) a five-day regular framework which can be viewed here as a temporal configuration of time figures (Figure 4). Let us take each in turn. Spatially, as exhibited in Figure 3, the list of scripted touristic locations can be said to

constitute a nexus of three spatial figures, namely, ‘Abu Dhabi’, ‘Kish Island’, and ‘Sharjah’. Temporally, as displayed in Figure 4, a time configuration is constituted across a temporal framework of five days – each is a standing figure with pragmatically constituted agency – ordered as Day1 through Day5. As such, virtually all locational figures in the present communicative scene are temporally organized in an orderly fashion within augmented space; this can be assumed to afford what is described as “the rhythm to the organization” (Vásquez & Cooren 2013: 36) to the current configuration of touristic locational figures.

Figure 3. Ordering spatial figures ‘Near Dubai’

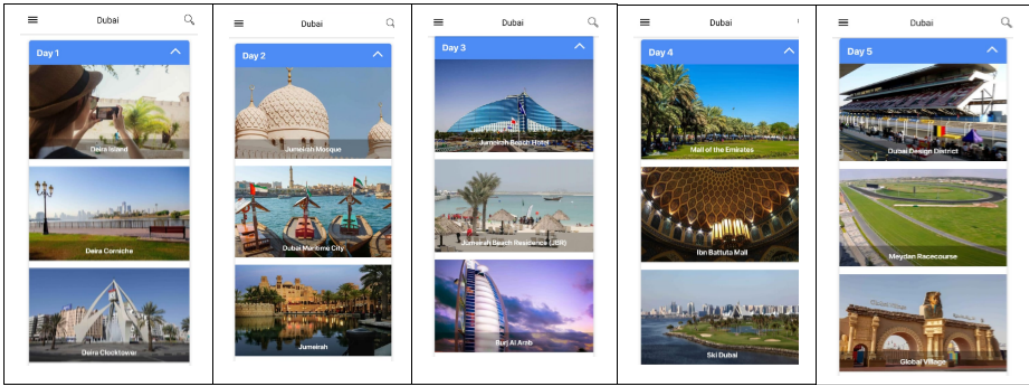

Figure 4. Temporal ordering of Dubai touristscape as a scenic configuration

Also, on closer inspection of Figure 4, the temporal ordering the Dubai touristscape can be further considered to be a scenic configuration of touristic locational figures. Here, these figures are pragmatically constituted by the directive speech act of instructing potential app users into an ordered spatiotemporal framework; it is such a communicative situation that seems to offer those users the opportunity to be “instructed by the [ordered] script to do something” (Latour 2008: 5, cited in Vásquez & Cooren 2013: 37). Human figures dynamically interact with the locational figures assembled here. Another communicative situation is then invoked and is pragmatically constituted by the informative illocutions of telling the app users about the organization of the space and time of visiting touristic locations. The spacing practice of ordering can be interpreted as a dislocated assemblage of human-non-human figures presented as a technologically scripted trajectory. This trajectory conduces to an order of heterogeneous organizational actors which are in effect mediatized by the *Dubai Travel* app; these actors can be conceived of here as ordered figures – touristic in essence.

Now, let us move to the last augmentation-bound spacing practice of accounting and its role in constituting the affective semiotic assemblages associated with Dubai touristscape in the present context of analysing the *Dubai Travel* app.

4.3. Augmentation by constitutive accounting of affective semiotic assemblages

The semiotic assemblages brought into the *Dubai Travel* context of utterance diffuse and distribute accountability between participants and the app affordances. This can be exemplified through the display of participants’ past experiences and ratings of the various touristscapes they have visited. That is, experiencing Dubai as a mobile-app-mediatised touristscape is a product of the constitutive affective accounting distributed between the digital/analogue participants and the interface assemblages. As demonstrated in Figure 5, the left screen displays participants’ narrative which warns other app participants against the bad experience of a specific tour itinerary, whereas the right screen encodes participants’ past experiences into

numerical and yellow star ratings. The interface deploys ‘pretextual’ (see Jones 2020) accreditives so as to gather data from participants concerning their visits. The accreditive illocutions allow participants to share their past experiences and rate specific touristscapes. The resulting short timescales narratives of past experiences are layered and multiplied into longer timescale ones, representing them as longer historical events. Other participants distributed across different spaces, who interact with the app for information about specific touristscapes, become part of the spatial event, thus adding various other layers to the tourist destinations. Spatiotemporal augmentation is thus achieved.

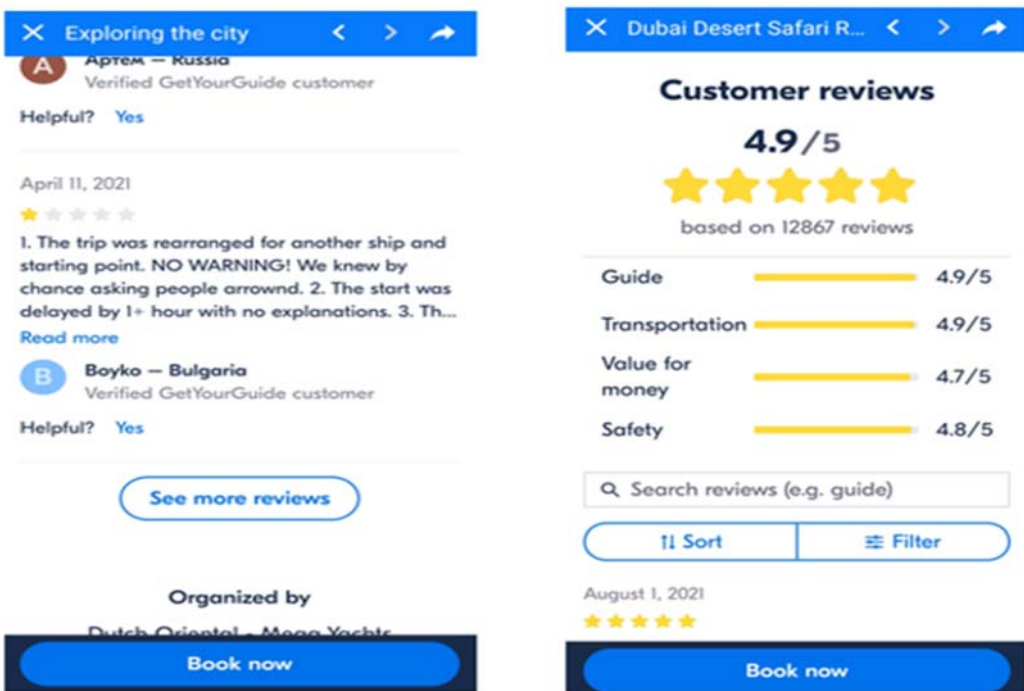

Figure 5. Accounting of the semiotics of affective positive/negative reviewing

Additionally, the typographies of fonts, colours, and layout are semiotically assembled to codify specific affective values of participants’ experiences. This corresponds to Kitchin and Dodge’s (2011) notion of “transduction of space”; that is the transformation of space by code. The informative illocutions of numbers and yellow stars account for coding participants’ touristscapes experience, in terms of guide, transportation, service and organization. Thus, the algorithmic mediation of the touristscape seems to have agentively rendered participants’ affect materialized with the performative illocutions of numbers and colours, assigning touristscapes *new* algorithmically coded spatial repertoires. Deploying the informative contents of warning or promise, the figure of past experience accounts for adding new attributes, whether positive or negative, to the mentioned touristscapes.

Also, crucially, in Figure 6, the informative illocutions in “Travel memories you’ll never forget” instantiate the commissive forces of a future promise of

“Unforgettable cultural experiences.” These illocutions are activated by participants’ clicking on the typographically emphasized directive “GET YOUR GUIDE” button placed at the top of the screen. Clicking the button, the accreditives of choosing between sports, culture, food, or nature destinations are then activated, allowing participants to customize their own experience based on past participants’ “Likely to sell out” ones. Affect in this particular instance is specifically defined as the “prediscursive, embodied experiences that are subsequently codified into subjective emotions” (Lorimer 2009: 334). A further instance of affective positioning is achieved in the fourth screenshot offering the cumulative results of multiple feedbacks over time, which even assume the role of deciding who this destination is “not suitable for.” That is, *Dubai Travel* accounts for instantiating spatial repertoires through the interface qualification of participants’ spatial experiences, thus rendering them more experiential.

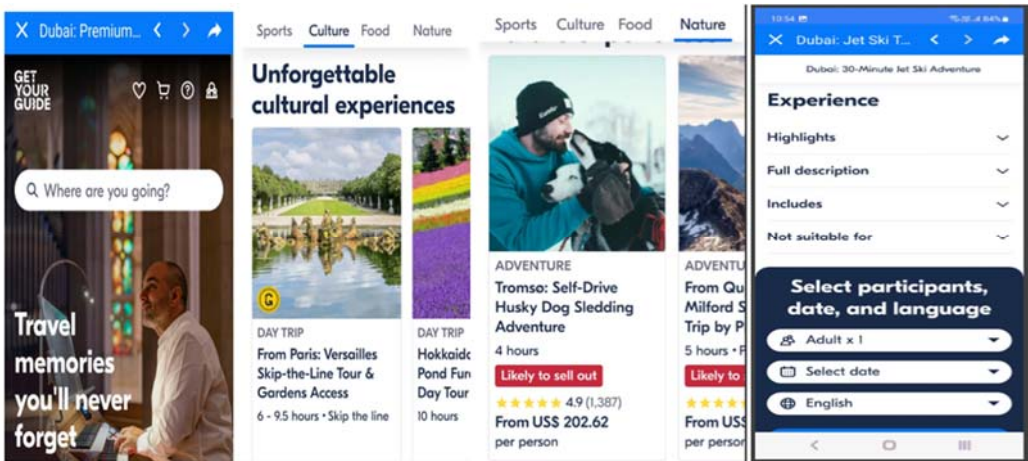

Figure 6. Accounting of participants’ cultural experiences and affective positioning

It can be argued, then, that Dubai touristscapes are heterogeneously connected into semiotic assemblages “enabling action-at-a-distance and ‘distance-at-an-action’: distance-(in time and space of the multiple environments of human experience)-at (or attending to)-an-action” (Bridge 2021: 428). The multiplicity of time and spaces of diverse environments of participants’ experience is numerically and typographically compressed (distance-at-an-action) producing new repertoires and ramifying its effects (action-at-a-distance). In fact, the *Dubai Travel* participants and interface affordances discursively frame, shape and sort the various tourist destinations, contributing to the construction of new spatial repertoires. The resulting space is of a particular hybrid and augmented spatio-temporalities. First it is divided down by being algorithmically presented as abstract de-territorialized touristscapes. Second, it is reassembled in different timescapes by different participants through a series of data flow.

The result is an emerging form of continual spatializations of negative/positive connotational bearings. Correspondingly, it can be argued that the assemblage of

human-non-human affective semiosis conflates the information space (instantiated by the interface) and the lived space of the body (participants' past experience) as socio-technical assemblies or 'congeries' (Nayar 2014: 64). Involving corporality, the assembled figures produce effects of presence which is in a constant state of reconstruction for "another next first time" (Cooren & Matt 2010) by the putative app participants who encounter those narrations of past experience and thus co-produce them. Furthermore, it can be argued that past experience in this instance is a figure that accounts for transforming spatial identities by adding incorporeal attributes to the touristscapes, enacting a touristscape strung out between a built environment and a screened environment that could be described as a "hypertopia" wherein "a 'here' is full of 'elsewheres'" (Casetti 2015: 131, 151).

5. Discussion

The analysis has yielded that the touristscapes perceived through the interactional assemblages afforded by *Dubai Travel* carry peculiar spatiotemporal representations which are multiple, interactional, contingent, constitutive and entangled with human-non-human assemblages. The touristscapes produced through *Dubai Travel* mediation are augmented in interaction. That is, *Dubai Travel* offers interaction-based configurations of space and time which refute linear, portioned, clockwork but are permeable, fluid and multiple. Dubai touristscape is thus presented as not just a space or location but an 'event' defined by human-non-human and analogue-digital interaction. This has been analytically realized above via three spacing practices of presentifying, ordering, and accounting.

The first practice of presentifying has allowed for making materially present hybrid interactions of techno-human figures. The most important instance of such a practice was demonstrated to be the app's communicative situations associated with the 'Best Experiences' in Dubai (see Figure 1); such experiences have been pragmatically constituted as a touristic configuration heterogeneously presentified via relational figures: (i) the Islamic style of 'Jumeirah mosque', (ii) the traditional Arab style of a desert-camel landscape, and (iii) the modern style of a swimming-pool recreation. The communicative agency of such figures was shown in relation to potential app users as human figures in a way that constituted the spatiotemporal presentification of a modern figure vis-à-vis a traditional or classic one. The speech acts observed in the constitution of this spatiotemporal presentification were directives and informatives.

The second spacing practice of ordering was demonstrated to consist in systematizing the scripted trajectories of Dubai touristscape by means of the pragmatic constitution of more spaces and time frames across framed intervals, all recognized as figures in themselves and assigned an agency role in some communicative situations. For instance, a configuration of place figures was shown to offer the list of spatially scripted touristic locations, namely, 'Abu Dhabi', 'Kish Island', and 'Sharjah' (see Figure 3). Also, a scripted trajectory of five days was viewed as a whole temporal configuration of time figures whose agency role has

taken the form of a narratively mediatized ordering – ordered as Day1 through Day5 – whereby more space and time frames were communicatively co-produced; such an ordering narrative was argued to operate on a spatial level with Dubai’s touristic locations figuring in the app’s techno-semiotic milieu (see Figure 4).

The third, and final, spacing practice of accounting was demonstrated in relation to the process of augmentation by constitutive accounting of affective semiotic assemblages of two analytic instances. The first was instantiated in the accounting of the semiotics of affective positive/negative reviewing (see Figure 5), where the typographies of fonts, colours, and layout were shown to have been assembled with a view to codifying specific affective values of participants’ experiences. Also, the accounts of informative illocutions of numbers and yellow stars constituted participants’ touristic experience, in terms of guide, transportation, service and organization. The second analytic instance of augmentation by constitutive accounting was presented in the form of accounting of participants’ cultural experiences and affective positioning (see Figure 6). With the investigation of this instance, a multiplicity of time and spaces of diverse environments of participants’ experience was shown to constitute numerically and typographically compressed (distance-at-an-action) producing new repertoires and ramifying its effects (action-at-a-distance). Crucially, a form of continual spatializations of negative/positive connotational bearings ensued. At this point, it was made clear how the assemblage of human-non-human affective semiosis conflated the information space (instantiated by the interface) and the lived space of the body (participants’ past experience) as socio-technical assemblies.

6. Conclusion

The present study has investigated the spatiotemporal configuration of *Dubai Travel* mobile app as a mediatizing medium of Dubai touristscape; this has been methodologically enabled by virtue of a newly synthesized pragma-commutative approach that combines Cooren and Matte’s (2010) linguistic model of constitutive pragmatics and Pennycook’s (2008, 2017) theoretical notion of “semiotic assemblages.” The study has empirically demonstrated how the present synthesized approach analytically revealed the pragma-communicative constitution of Dubai’s touristic attractions: being a spatiotemporal configuration of heterogeneous figures (human and non-human) in the app’s interface-human interaction. This form of techno-human interaction has been proven to be situated in three spacing practices; and, on a rather dialectical level, it is through the co-emergence of these three practices that the approach has been proven methodologically robust for the analysis of techno-semiotically mediatized data of the sort. The discussion above reflected on how the two methodological and analytic questions raised in the introduction have been addressed: respectively, the question on the synergizability of the model of constitutive pragmatics and the notion of “semiotic assemblages” as well as that on the applicability of the synthesized approach to the mobile app of *Dubai Travel*. Indeed, we argue here that this discussion should be focused on how

the three mediatized spacing practices (presentifying, ordering, and accounting) have been pragmatically constituted in forms of spatiotemporal configurations of heterogeneous figures.

Finally, by now, we are in a position to reflect on the methodological significance of the pragma-communicative approach adopted in the present study in view of the outline of the crucial aspects of multimodal data analysis above. Synergizing Cooren and Matte's (2010) constitutive-pragmatics model and Pennycook's (2008, 2017) notion of "semiotic assemblages" has significantly correlated the non-human figures appearing in the app's multimodal interface and the human app-user figures (as heterogeneous configurations) with their communicative contexts; such contexts have been pragmatically constituted via speech-act forces associated with the various agencies of such inter-objective figures. Crucially, this interesting correlation can be deemed to unravel a configuration of the app's interface and its users as an "augmented space," where "the virtual becomes a powerful force that reshapes the physical" (Manovich 2006: 227). Such an augmented-space realization has become increasingly established as the foregoing analysis proceeded, particularly at the point where the past (typically ancient Arab style of architecture) was shown to literally cut into the present (modern attractions style), and thus geo-historical dataspace has materialized to become a sort of attractive touristscape that is techno-semiotically mediatized by a mobile app.

Acknowledgments

The corresponding author acknowledges that this study is supported via funding from Prince Sattam bin Abdulaziz University project number (PSAU/2023/R/1444/45).

REFERENCES

- Abdul Rashid, Roswati, Radhia Ismail, Mazlina Ahmad, Nurul Ain Abdullah, Rosdi Zakaria & Roslina Mamat. 2020. Mobile apps in tourism communication: The strengths and weaknesses on tourism trips. *Journal of Physics: Conference Series* 1529. 1–6. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1529/4/042056>
- Beckers, Kathleen. 2022. Power of the people or the expert? The influence of vox pop and expert statements on news-item evaluation, perceived public opinion, and personal opinion. *Communications: The European Journal of Communication Research* 47 (1). 114–135. <https://doi.org/10.1515/commun-2019-0186>
- Bridge, Gary. 2021. On pragmatism, assemblage and ANT: Assembling reason. *Progress in Human Geography* 45 (3). 417–435. <https://doi.org/10.1177/0309132520924710>
- Caronia, Letizia & François Cooren. 2014. Decentring our analytical position: The dialogicity of things. *Discourse & Communication* 8 (1). 41–61. <https://doi.org/10.1177/1750481313503226>
- Caronia, Letizia & James Katz. 2010. Between the subject's agency and the strength of things: An introduction. In Massimiliano Tarozzi (ed.), *Encyclopaideia*, 11–34, XIV (28). Bologna: Bononia University Press.
- Cooren, François. 2010. *Action and Agency in Dialogue*. Amsterdam: John Benjamins.

- Cooren, François, Lise Higham & Romain Huët. 2017. Analyzing online suicide prevention chats: A communicative constitutive approach. *Language and Dialogue* 7 (1) 3–25. <https://doi.org/10.1075/ld.7.1.02coo>
- Cooren, François. 2018. A communicative constitutive perspective on corporate social responsibility: Ventriloquism, undecidability, and surprisability. *Business & Society*. <https://doi.org/10.1177/0007650318791780>
- Cooren, François. 2020. Discourse as ventriloquy: A pragmatic/relational analysis of media as agents. In Klaus Krippendorff & Nour Halabi (eds.), *Discourses in action: What language enables us to do*, 37–50. New York: Routledge.
- Cooren, François & Frédéric Matte. 2010. For a constitutive pragmatics: Obama, Médecins Sans Frontières and the measuring stick. *Pragmatics and Society* 1 (1). 9–31. <https://doi.org/10.1075/ps.1.1.02coo>
- Fawzy, Rania. 2021. You are just a No: The quantified self from a semio-pragmatic perspective. *Social Semiotics*. <https://doi.org/10.1080/10350330.2021.1971491>
- Fuad, Ahlam & Maha Al-Yahya. 2021. Analysis and classification of mobile apps using topic modelling: A case study on Google Play Arabic apps. *Complexity*. <https://doi.org/10.1155/2021/6677413>
- Islam, Rashedul, Rofiqul Islam & Tahidul Mazumder. 2010. Mobile application and its global impact. *International Journal of Engineering & Technology* 10 (6). 104–111.
- Joorabchi, Mona E., Ali Mesbah & Philippe Kruchten. 2013. Real challenges in mobile apps. *Proceedings of the 2013 ACM–IEEE International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement*, 15–24. Baltimore, MD: Conference Publishing Services.
- Kennedy-Eden, Heather & Ulrike Gretzel. 2012. A taxonomy of mobile applications in tourism. *E-review of Tourism Research* 10 (2). 47–50.
- Kirchenbauer, Alena. 2020. The concept of integrated communication under close scrutiny: A study on the effects of congruity-based tactics. *Communications: The European Journal of Communication Research* 45 (3). 363–377. <https://doi.org/10.1515/commun-2019-0117>
- Kitchin, Rob & Martin Dodge. 2011. *Code/Space: Software and Everyday Life*. Cambridge, MA, MIT Press
- Kress, Gunther & Theo van Leeuwen. 2006. *Reading Images: The Grammar of Visual Design* (2nd ed.). New York: Routledge.
- Kuo, Tung-Sheng, Kuo-Chung Huang, Thang Nguyen & Phuc Nguyen. 2019. Adoption of mobile applications for identifying tourism destinations by travellers: An integrative approach. *Journal of Business Economics and Management* 20 (5). 860–877. <https://doi.org/10.3846/jbem.2019.10448>
- Latour, Bruno. 1996. On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity* 3 (4). 228–245. https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2
- Lorimer, Jamie. 2009. Posthumanism/Posthumanistic Geographies. *International Encyclopaedia of Human Geography* 8. 344–354. <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00723-9>
- Manovich, Lev. 2006. The poetics of augmented space. *Visual Communication* 5 (2). 219–240. <https://doi.org/10.1177/1470357206065527>
- Masrury, Riefvan, Fannisa Fannisa & Andry Alamsyah. 2019. Analyzing tourism mobile applications perceived quality using sentiment analysis and topic modeling. *The 7th International Conference on Information and Communication Technology (ICoICT)*.
- Mifsud, Mari L. 2019. To the humanities: What does communication studies give? *Review of Communication* 19 (2). 77–93. <https://doi.org/10.1080/15358593.2019.1599411>
- Nayar, Pramod. 2014. *Posthumanism*. London and New York: Polity Press.

- Pennycook, Alastair. 2008. Translingual English. *Australian Review of Applied Linguistics* 31. <https://doi.org/10.2104/ara10830>
- Pennycook, Alastair. 2017. Translanguaging and semiotic assemblages. *International Journal of Multilingualism*. <https://doi.org/10.1080/14790718.2017.1315810>
- Salama, Amir H. Y. 2022. Exploring the multimodal representation of Covid-19 on the official homepage of World Health Organization (WHO): A social-semiotic approach. In Andreas Musolff, Ruth Breeze, Kayo Kondo & Sara Vilar-Lluch (eds.), *Pandemic and crisis discourse: Communicating COVID-19 and public health strategy*, 31–46. London: Bloomsbury.
- Salama, Amir H. Y. & Rania Fawzy. 2023. The constitution of Dubai's mobile-app-mediated spatiotemporal glocalization: Postphenomenology and postdigitality in dialogue. *Space and Culture*. <https://doi.org/10.1177/12063312231159222>
- Stocchi, Lara, Naser Pourazad, Nina Michaelidou, Aray Tanusondjaja & Paul Harrigan. 2022. Marketing research on Mobile apps: Past, present and future. *Journal of the Academy of Marketing Science* 50. 195–225. <https://doi.org/10.1007/s11747-021-00815-w>
- Taylor, James R. & François Cooren. 1997. What makes communication organizational: How the many voices of a collectivity become the one voice of an organization. *Journal of Pragmatics* 27. 409–438. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(96\)00044-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(96)00044-6)
- Taylor, James R. & Elizabeth J. Van Every. 2000. *The Emergent Organization*. *Communication as Site and Surface*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates
- Vásquez, Consuelo & François Cooren, F. 2013. Spacing practices: The communicative configuration of organizing through space-times. *Communication Theory* 23. 25–47. <https://doi.org/10.1111/comt.12003>
- Zhang, Jingwen, Christopher Calabrese, Jieyu Ding & Biying Zhang. 2018. Advantages and challenges in using mobile apps for field experiments: A systematic review and a case study. *Mobile Media & Communication* 6 (2). 179–196. <https://doi.org/10.1177/2050157917725550>
- Zydney, Janet & Zachary Warner. 2016. Mobile apps for science leaning: Review of research. *Computers & Education* 94. 1–17. <http://dx.doi.org/10.1016/j.compedu.2015.11.001>

Article history:

Received: 16 September 2022

Accepted: 20 July 2023

Bionotes:

Amir H. Y. SALAMA is Professor of Linguistics Department of English, College of Science & Humanities in Al-Kharj, Prince Sattam Bin Abdulaziz University, Saudi Arabia. His research interests are corpus linguistics, discourse analysis, pragmatics, and social semiotics/ He has published in international journals such as *Discourse & Society*, *Critical Discourse Studies*, *Pragmatics and Society*, *Semiotica*, *Corpora*, *Translation Spaces*, *Space and Culture*, and *WORD*.

e-mail: amir.salama79@gmail.com; ah.salama@psau.edu.sa

<https://orcid.org/0000-0001-9320-558X>

Rania Magdi FAWZY is Associate Professor of applied linguistics. She is an editorial board member for *Discourse Context & Media*, Elsevier at the Arab Academy for Science, Technology and Maritime Transportation, Cairo, Egypt. Her work in Linguistics cuts across and contributes to research and debates within a wide range of interrelated disciplines including sociology, communication, journalism, political science and virtual

reality genres. Her areas of research interest include pragmatics, social semiotics and multimodality, with a present focus on understanding communication in a post-digital era and algorithmic governance.

e-mail: raniamagdi@aast.edu

<https://orcid.org/0000-0002-3638-0514>

Сведения об авторах:

Амир Х.Й. САЛАМА – профессор лингвистики факультета английского языка Колледжа естественных и гуманитарных наук в Аль-Хард Университета принца Саттама ибн Абдель Азиза, Саудовская Аравия. Его научные интересы – корпусная лингвистика, анализ дискурса, прагматика и социальная семиотика. Он публиковался в международных журналах *Discourse & Society*, *Critical Discourse Studies*, *Pragmatics and Society*, *Semiotica*, *Corpora*, *Translation Spaces*, *Space and Culture* и *WORD*.

e-mail: amir.salama79@gmail.com; ah.salama@psau.edu.sa

<https://orcid.org/0000-0001-9320-558X>

Рания Магди ФАУЗИ – доцент кафедры прикладной лингвистики, член редакционного совета журнала *Discourse Context & Media*, Elsevier. Ее работы охватывают широкий спектр взаимосвязанных дисциплин, включая социологию, коммуникацию, журналистику, политологию и жанры виртуальной реальности. Области ее научных интересов включают прагматику, социальную семиотику и мультимодальность; в настоящее время она также уделяет внимание алгоритмическому управлению и коммуникации в постцифровую эпоху.

e-mail: raniamagdi@aast.edu

<https://orcid.org/0000-0002-3638-0514>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>

EDN: MZTMMH

Research article / Научная статья

The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant

Bahareh KORDESTANCHI¹ , Mehdi SARKHOSH¹
and Fatemeh MOAFIAN²

¹Urmia State University, Urmia, Iran

²Kosar University of Bojnord, Bojnord, Iran

kordestanchibahare@gmail.com

Abstract

Refusals have proven to be problematic since they are the source of so many cross-cultural misunderstandings in that they are face threatening acts, which require that the speaker utilize redress, mitigation or politeness markers. The present study’s goal was to investigate the realization of the speech act of refusal in the Iranians and Americans contexts to identify the similarities and differences. It also explored the effect of social status on the choice of refusal strategies. Two well-known popular family drama film series were selected as the sources of the data. Totally, 455 refusal words, expressions, and utterances were collected from the two series. The collected data was coded using Beebe et al.’s (1990) taxonomy of refusal strategies. Descriptive statistics, Binomial, and Chi-square tests were used to analyze the data. The frequency of the refusal strategies and also the frequency of utilizing these strategies with respect to the interlocutors’ social status were analyzed. The results revealed no statistically significant differences between the two cultures with respect to the prevalence of refusal strategies, shift, and content of semantic formulae used in refusals. However, there were statistically significant differences in the frequency of the two major refusal categories, namely, Direct and Indirect strategies. Furthermore, concerning social status, the differences were statistically significant in the frequency of the refusal strategies utilized by the three social levels as regards the main categories in both cultures. The findings enhance intercultural understanding and provide valuable insights into the realization of refusals in different cultural contexts, the influence of social status, and the implications for intercultural communication. It highlights the significance of pragmatic issues and cultural awareness in promoting effective communication and mutual understanding across cultures, hence, ameliorates mutual cross-cultural communication and warrant teachers and material developers about the significance of pragmatic issues in developing the learners’ communicative competence.

Keywords: *speech act, refusal strategies, social status, film series, Persian, English*

For citation:

Kordestanchi, Bahareh, Mehdi Sarkhosh & Fatemeh Moafian. 2023. The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 592–614. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>

© Bahareh Kordestanchi, Mehdi Sarkhosh & Fatemeh Moafian, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Тонкое искусство говорить «нет» в персидском и английском языках: кросс-культурный и кросс-лингвистический аспекты

Бахаре КОРДЕСТАНЧИ¹✉, Мехди САРХОШ¹,
Фатеме МОАФИАН²

¹Урмийский государственный университет, Урмия, Иран

²Косарский университет Боджнорда, Боджнорд, Иран

✉kordestanchibahare@gmail.com

Аннотация

Отказы создают сложности в коммуникации, поскольку они нередко являются источником межкультурного непонимания и могут восприниматься как угрожающие действия, требующие от говорящего извинений, смягчения речи или использования маркеров вежливости. Цель настоящего исследования – рассмотрение реализации речевого акта отказа между иранцами как представителями коллективистского общества и американцами, относящимися к индивидуалистическому обществу. Также исследовалось влияние социального статуса на выбор стратегии отказа. В качестве источников данных были выбраны два популярных сериала в жанре семейной драмы. Из двух сериалов в совокупности было отобрано 455 слов, фраз и высказываний, выражающих отказ. Собранные данные были закодированы с использованием таксономии стратегий отказа (Veebe et al. 1990). Для анализа данных использовались описательная статистика, биномиальные тесты и тесты Chi-square. Анализировалась частотность использования стратегий отказа с учетом социального статуса собеседников. Результаты не выявили статистически значимых различий между двумя культурами в отношении распространенности стратегий отказа, смещения и содержания смысловых формул, используемых при отказах. Однако наблюдались статистически значимые различия в частотности двух основных категорий отказов, а именно с использованием прямой и косвенной стратегий. Кроме того, учет социального статуса коммуникантов позволил выявить статистически значимые отличия в частотности стратегий отказа, используемых на трех социальных уровнях в обеих культурах. Результаты исследования способствуют межкультурному взаимопониманию и могут быть полезны для учителей и разработчиков дидактических материалов, направленных на развитие коммуникативной компетентности учащихся.

Ключевые слова: речевой акт, стратегии отказа, социальный статус, сериалы, персидский язык, английский язык

Для цитирования:

Kordestanchi B., Sarkhosh M., Moafian F. The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 592–614. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>

1. Introduction

Language and culture can interact in a variety of manners. One of the possible approaches is to investigate the impact of society on linguistic structure (Wardhaugh 2006). The study of pragmatics, particularly speech acts, is strongly tied to discussions of language and communication in society (Putri, Ramendra & Swandana 2019). The theory of speech acts was first propounded by Austin (1962) and defined as a set of utterances by which people perform a specific function such

as apologizing, complaining, requesting, refusing, complimenting, or thanking. Language and culture are inextricably bound, and the culture-specificity of how speakers realize these acts have been observed in studies in the literature (see Chen 1996, Eslami, Larina & Pashmforoosh 2023, Gladkova & Larina 2018).

People's perspectives on the proper use of speech acts vary widely in different societies (see Chen 1996). With the same token, the conception of polite realization of speech acts varies from culture to culture; what is polite in one community seems far from polite or even unclear or puzzling or too formal or flattering in another (Chang 2009, Larina 2015). In fact, speech acts are of paramount importance to be studied among different communities as they are the thrust of cross-cultural incertitude and miscommunication (see e.g., Liao & Bresnahan 1996, Nelson et al. 2002).

Among the different types of speech acts, the speech act of refusal is the epicenter of the current study. It is performed when a speaker directly or indirectly says 'no' to a request, invitation, suggestion, or offer (Brown & Levinson 1987, Chang & Ren 2020). The overriding significance of refusals emanates from the fact that they are the radix of many cross-cultural misunderstandings (Allami & Naeimi 2011). They are types of speech acts with a certain degree of offensiveness and are classified as face-threatening acts (FTAs) that damage the addressee's face (Brown & Levinson 1987). To settle accounts with this, a face-threatening act like refusal warrants going along with redress, mitigation, and politeness markers (Tamimi & Mohammadi 2014). Hence, the present study targets to investigate the realization of the speech act of refusal in the two communities of Iran, a collectivist society, and America, an individualistic society (see Hofstede 2011, Hofstede & Minkov 2013). The study aims to answer the following research questions:

1. What refusal strategies do Americans and Iranian use more frequently?
2. What are the differences between the refusal strategies used by Iranians and Americans?
3. How does social status impact on the frequency of the different refusal strategies used by the Persian and English speakers?

2. Literature review

2.1. Theoretical framework

A refusal is a speech act whereby the presenter repulses to participate inside an event offered by the interlocutor (Chen, Lei & Zhang 1995). Refusals as undesirable responses have been the foundation of several studies since the 1980s, mainly due to the intricacy of their linguistic structure (see Drew 1984, Levinson 1983). Levinson (1983) identified many structural characteristics of these non-preferred forms of second turns, comprising aspects of delay (i.e., planned pauses), preambles as in the form of discourse markers (i.e., *well*, *yeah*), explanations, statements of uncertainty, or regrets. However, the utilization of such linguistic

resources has been documented to differ from culture to culture (Moafian, Yazdi & Sarani 2019).

As refusals are intrinsically discourteous speech acts, using inappropriate refusal strategies might mar the relationship between the parties involved (Hassani, Mardani & Dastjerdi 2011). As a matter of fact, refusal is deemed a face-threatening act and it may menace the interlocutor's positive or negative face (Brown & Levinson 1987). Failing to identify the variables can result in threatening an interlocutor's positive or negative face and lead to impoliteness. The knowledge about these emic perceptions may contribute to pragmatically appropriate cross-cultural communication (Tajeddin & Moqadam 2023). Positive facial expressions convey a desire to be accepted by and contribute to a specific group of individuals, whereas negative face denotes a desire to be free of imposition and also have freedom of choice (Moaveni 2014). In order to minimize the face-threatening latency of refusals, the refuter must intersperse repudiation with politeness strategies while expressing the refusal (Chang 2009).

Brown and Levinson (1987) set forth three factors that impact the seriousness of an FTA. The first is the social distance between the interlocutors (Distance) (e.g., strangers vs. family members); the second is the relative power of addressor over addressee (Power) (e.g., a dialogue between a mentor and an apprentice vs. an interaction between two teachers); and the third is the weight, or rank of the imposition (Rank) (e.g., asking someone to open the window vs. making a request to use someone's car). It should be pointed out that Brown and Levinson claimed the universality of these three factors (Morkus 2009).

2.2. Previously conducted studies

There have been cross-cultural studies on the refusal speech act which have reported that refusal strategies seem overwhelmingly culture-specific (see Chang 2009). The following paragraphs summarize the previously conducted cross-cultural studies on this topic.

In a recent study, Litvinova & Larina (2023) examined culture-specific elements of refusals to invitations performed by American and Russian speakers in contexts with different levels of social and power distance between the participants. A Discourse Completion Task (DCT) was employed to collect the data. The findings revealed some differences in the role of social factors in the realization of refusals, while the most salient factor appears to be that of cultural context. Americans showed a tendency toward being more verbose and indirect. However, Russians were less frequent users of politeness strategies and frequently turned to directness.

In another study, Tajeddin & Moqadam (2023) looked into how native Persian and English speakers perceived and reacted to impoliteness in refusals. DCT was used to collect the data. The results demonstrated native Persian and English speakers used different criteria to determine how impolite a speech behavior was.

Deveci & Midraj (2021) examined refusals among 94 Emirati English-speaking students. The researchers created a written survey to collect the data. The study revealed that a statement of regret, a thank-you note, and an excuse, reason, or explanation were the most frequently employed elements of the refusal speech act.

Another study was conducted by Moafian et al. (2019) in which they compared Persian, English, and Balouchi speakers regarding their refusal strategies. It also investigated whether the interlocutors' social status affected the frequencies of refusal strategies. DCT was employed to elicit the participants' refusals. The results showed that there were significant differences between the three groups of speakers concerning both the total frequency and the frequency of the three main categories, namely, direct, indirect, and adjuncts to refusals.

In a similar study, Bella (2014) investigated refusal strategies used by participants at three different proficiency levels under situations of equal and unequal status. 80 participants including 20 Greek native speakers and 60 non-native speakers from various L1 backgrounds participated in the study. Open role-plays as well as retrospective verbal reports were used to collect the data. Reasons and explanations were reported as the most common strategies. Besides, advanced learners performed worse than expected in comparison to native speakers.

Although the studies are all illuminating in augmenting cross-cultural understanding, they suffer from certain shortcomings. The majority of the previous works used a small sample size, which reflects the target population inadequately. Using an appropriate instrument for data collection also influences the findings of the study. For instance, using DCTs as the main and preferred data collection tool has many weaknesses, which downgrade the value of the results. DCT utterances were short, simple in phrasing and less face-attentive than naturally occurring speech in such investigations; there seems to be no conclusive evidence that DCT is indeed a reliable, valid, or acceptable approach for gathering speech act evidence (see Yuan, 2001 for shortcomings of DCT). However, in the majority of the studies, DCTs were used as the main data collection instrument except for the study of Bella (2014) which utilized role-plays with verbal reports, including face-to-face interactions. Whether orally obtained data is somewhat more authentic than written data or observational field notes are better than elicited DCT data, is currently inconclusive (see Yuan 2001). Role play, too, has already been criticized for having failed to reflect the actual variety and dynamicity of natural negotiations representative of real conversations (Cohen 1996). On that account, observing naturally occurring conversations across individuals in a social community is a desirable way of gathering data. That is, natural data constitute the best source for analyzing interactions (see e.g., Kasper 2000). That being the case, the authors of the current study attempted to approach natural data as much as possible. Due to the high value of naturalistic observation, the authors gleaned refusal strategies across the two different cultures of Iran and America via TV film series. Such data gathering method does have strengths over the earlier methods of data collection

like DCTs or role play: It should be conceded that real-life languages, cultural information, and pleasure are all embedded in movies and film-series (Mecheti & Hudson 2014). Indeed, there is not much difference between naturally occurring data and scripted data. Naturally occurring data are the data that are not directly elicited by the researcher, but are the data observed without the researchers' intervention (Potter 2002). Films or film series are the exact facsimiles of natural life, and that being the case, possible shortcomings of DCTs are circumvented and natural and real-life data are secured (Yang 2008). Besides, clips of television episodes offer contextual, natural data, which are critical for pragmatic analysis. Second, the majority of TV shows depict ongoing plots about a particular group of people in a given region doing certain cultural activities. Third, they illustrate not only different cultures and languages, but also how native speakers use such phrases within particular situations. Finally, in comparison to role play, video clips from TV series allow for the collection of more information in a shorter period of time (Yang 2008). Accordingly, the current research is an attempt to study refusal speech act within series.

To fulfill the aims of the study, two popular family drama series were selected to obtain the study's goals. By comparing the findings of this study with those of the previous studies, researchers can secure a more comprehensive picture of the use of refusal strategies with respect to frequency and social status in different languages and cultures. Accordingly, the current research is an attempt to study refusal speech acts within film series. To throw light on the significance of the study, the following table summarizes the research studies which looked into the refusal speech act within films or film series.

Having caught a glimpse of the related literature, we realized that only Yang (2008) and Ghazanfari et al. (2013) investigated refusal speech act in film series. However, Yang (2008) studied refusals in merely one language. The only cross-cultural and cross-linguistic study in this area is Ghazanfari et al. (2013), who investigated the realization of refusal strategies in English and Persian film series in terms of linguistic devices. The frequency and content of semantic formulae were also considered. The findings revealed socio-cultural differences, reporting that when Iranians refused others, they were more likely to consider themselves as a community. Moreover, the Persian speakers were more prone to be more sociable and used more indirect refusal strategies in comparison to English speakers who used fewer excuses and were much more straightforward and direct. Therefore, Ghazanfari et al.'s study is the sole cross-cultural and cross-linguistic study in respect of examining refusal speech act in film series warranting conducting further research in this regard. Ghazanfari et al.'s (2013) study also suffers from some limitations. For instance, the authors did not examine the interlocutors' relative social statuses which impact the way refusals are expressed (Brown & Levinson 1978). The gaps in the existing literature incentivized the researcher to plan the current study to investigate the speech act of refusal in American and Persian communities vis-a-vis the social statuses of the interlocutors.

Table 1. Previously Conducted Studies on the Speech Act of refusal in Film Series or Movies

Study	Film-Series or Movies	Models	Aim(s)	Main Findings
Ghazanfari, Bonyadi, & Malekzadeh, (2013)	50 Persian and 50 English movies	Beebe et al. (1990)	-To investigate refusal speech acts with respect to semantic formulas as well as gender differences	-The findings revealed notable distinctions between the two languages in terms of refusal responses and gender.
Yang (2008)	'The Sky of the Green Bird,' 'Youth does not understand amorous feelings,' 'The Desire,' 'Stories in the Editors' office' and 'Trifles over the ground.'	Beebe et al. (1990)	-To examine refusal strategies based on various initiation acts as well as the motivating acts leading to refusals	-Requests, offers, invitations, and suggestions caused the initiation of refusals.

America was selected as an individualistic society and the Iranian community with its Persian speakers was selected as an instance of a collectivist society (see Hofstede 2011), who are believed to use speech acts differently from individualistic societies, for example, as regards the speech act of complimenting (see Sarkhosh & Alizadeh 2017).

To fulfill the goals of the study, the following research questions were set fourth:

1. What refusal strategies do Americans and Iranian use more frequently?
2. What are the differences between the refusal strategies used by Iranians and Americans?
3. How does social status impact on the frequency of the different refusal strategies used by the Persian and English speakers?

3. Data and methods

3.1. Instrument

Two popular family drama series were selected as the sources of data. The reasons underlying the selection of social drama are that this genre reflects daily social life and the playwright seeks to represent it as an actual world experience via drama. Drama is mimetic, which indicates it resembles real life. Drama is a form of art that attempts to emulate life and portray it to the audience in a realistic manner (Iwuchukwu & Yesufu 2013). Moreover, video clips display not only linguistic expressions, but also how language users use such utterances in real-life situations (Yang 2008).

In the United States, a TV series titled "This is Us" was appointed as a Top TV Program, based on its popularity, which received an 8.7 out of ten ranking, affording a high index¹. In the context of Iran, the Persian series "Shahzad" was selected because of its popularity across Iranians – it is evaluated as one of the most

¹ see https://www.imdb.com/title/tt5555260/?ref_=vp_wbr_btf_wo

interesting TV series in the history of Iran’s private cinema and television and has gripped Iranian audience since its initial broadcasting with the index² of 8.1 out of ten. Hereupon, 1320 minutes (22 episodes, each lasting 60 minutes) of the first season of “Shahzad” and 1305 minutes (29 episodes, each lasting 45 minutes) of the first and second seasons of “This is Us” were watched and subjected to scrutiny. However, we limited the data analysis just to the verbal interactions and excluded the non-verbal refusals although they were very infrequent in the series. As a matter of fact, the most efficient strategy of interacting with people is verbal communication. The ability to manage everyday tasks with ease is provided by verbal communication which aids in reaching a speedy output because feedback is immediate and the message communicated in a verbal version is brief and to the point (Reddy 2021). Moreover, examining nonverbal performance is not a precise science where particular gestures can be interpreted differently by different researchers (Krauss, Morrel-Samuels & Colasante 1991). The data used for this study was compiled from two of the most popular television shows, which were produced after 2015. Totally, 455 refusal words, expressions, and utterances were listed and identified in order to acquire the expected data. Both of the episodes were carefully watched. The refusal-laden words were thoroughly documented by pausing the series while the refusal strategies were observed.

3.3. Coding scheme and data analysis

The data gleaned via film series were analyzed and coded on the basis of Beebe, Takahashi, and Uliss-Weltz’s (1990; cited in Moafian et al. 2019) taxonomy of refusal strategies. However, the authors also adopted the expanded version of Moafian et al.’s (2018) refusal strategy taxonomy (the new strategies observed by Moafian et al. are shown by star in the table). The study only investigated verbal refusals, whereas non-verbal refusals are out of the scope of the present article. Besides, in this research a new semantic formula in the indirect refusal categories was discovered, which is marked by two stars in the table. The new semantic formula, which is refusal by means of proverbs, is illustrated in the following example, which was derived from participant responses.

(All examples are translated hereinafter by the authors from Persian to English).

Example (The Persian Series; Season1, Episode 19, 00:44:25): In the yard, Ghobad and Shirin are disputing. Shirin rushes out of the house, outraged, and Shahzad asks Ghobad to accompany and soothe her.

شهرزاد: کاش میرفتی دنبالش.

(Šhahrzād: kāš mirafti donbāleš.)

Shahrzad: I wish you would go with her.

قباد: چی میگی؟ واسه من شدی کاسه ی داغ تر از آش؟

(Qobād: čī mīgi? vase man šodi kāse-ye dāq tar az āš?)

² see https://www.imdb.com/title/tt5332732/?ref_=nv_sr_srsrg_0

Ghobad: What exactly are you saying? (**Criticize the request/requester, etc.**)
Why are you being more catholic than the Pope? (**Proverb/expression/saying**)

Since data coding is subject to the coder's bias, the entire series was watched again after a month by the same researcher and the refusals were coded again; then, the codings on both observations were compared. The inter-coder reliability estimated via Chi-square was found to be 0.95. Due to space limitations, only a few examples of the refusals as well as how they were coded are presented below.

Direct refusal **used as illustrations**

Example 1 (The English Series; Season 1, Episode 1, 00:39:44): Jack and the man standing in the hospital looking out of the window at a baby room

Man: Smoke?

Jack: No. (**Non-performative statement; No**)

Indirect refusal

Example 1 (The Persian Series; Season 1, Episode 19, 00:21:38): Shirin asks the servant to tell Shahrzad to take the baby to her.

خدمتکار: خانم فرمودن که بچه رو ببرم پیششون.

(Xedmatkār: xānum farmudan ke bačče-ro bebaram piš-ešun.)

Servant: the madam told me to take the child to her.

شهرزاد: ببخشید بچه یه مقدار ناخوش احواله بگید یه وقت دیگه.

(Šahrzād: be-baxšid, bačče ye-meqdār nāxoš ahvāle, begid ye-vaqte dige.)

Shahrzad: I'm sorry, (**Statement of regret**) the baby is sick, (**Excuse, reason, explanation**), next time (**Promise of future acceptance**).

Adjuncts to refusals

Example 1 (The American Series; Season 1, Episode 6, 00:02:10): Jack is talking to his co-worker at the office.

Co-worker: I got promoted, project manager; I'm bringing you with me.

Jack: Oh ...Uh... (**pause filler**) thanks (**Grattitude/appreciation**), but no (**Non performative statement, "No"**).

Once the coding procedure was accomplished, the frequencies of refusal strategies were calculated with regard to the types of refusal strategies and the relative social status of the interlocutors. Binomial and Chi-square tests were employed to find out whether the intended cultural differences were statistically significant. To this aim, SPSS. 22 was applied and the level of significance was set at .05. It is worthy of note that Chi-square was not run on the groups of data with the expected frequencies of less than 5.

Since the researchers are Iranian and were born and raised in the Iranian culture, they could identify the interlocutors in the series as having equal, lower, or higher social statuses. In lay terms, the social statuses of the actors were determined based on the relationships between them. When talking in intimate circles, friends and family members were considered as having equal social status; however, more important or older people were considered to have higher statuses when addressing younger or less important adults who were deemed lower in the Iranian culture.

Social status in the Iranian culture is not necessarily determined based on a person's job or rank in society. Since Iran is a collectivist culture (Hofstede 2011), older people are deemed to have higher social statuses in family relations and are less often refused when making a request or offering something, and refusing them is violating their positive face and a sign of disrespect. On the other hand, younger people are considered lower in their status in the Iranian culture, and refusing to accept their invitations or suggestions by older people is not deemed impolite. In the American culture, interactions between the actors were used to define their social positions. A friend, classmate, coworker, or sibling were regarded as having similar social standing when talking in intimate circles. In the workplace, hospital, and school, the employee and more important individuals in higher positions had higher statuses while speaking to less important people who were perceived to have lower social statuses in the American culture.

4. Results

The instances of the strategies and sub-strategies are presented in Table 3. The Binomial test was run to examine if the differences between the two cultures were statistically significant. (McClenaghan 2022).

As Table 3 demonstrates, the total frequency of the refusal strategies produced by the American and Persian speakers did not differ significantly (Observed proportion (Prop) Persian= .47, Observed Prop.English = .53, significance level or p-value (P)=0.160). Among the total of 455 refusal utterances employed by the users, the highest number of the applied strategies belonged to the American series (243) and the Persian series evinced fewer number of refusals (212). In respect of the subcategories, as Table 3 illustrates, statistically significant differences were found between the Americans and Iranians with respect to “Non-performative statement”, (IB1: Observed Prop.Persian=.23, Observed Prop.English=.77, p=0.000); IB2: Observed Prop.Persian=.29, Observed Prop.English =.71, p=0.003), in the first main category, that is, direct refusal. The Americans articulated IB1, 73 times over the entire film series and the Persian speakers tended to apply it 22 times. IB2 was used in both languages with the American speakers tending to apply this strategy more frequently than the Persian speakers (39 vs. 16). And the total frequency of the refusal strategies employed by the American and Persian speakers differed significantly in direct refusals (Observed Prop.Persian=.25, Observed Prop.English=.75, P=0.000).

In the next category which is related to the indirect strategies, the languages differed significantly with regard to the use of IIC (Observed Prop.Persian=.33, Observed Prop.English=.67, p=0.008), III1 (Observed Prop.Persian=1, Observed Prop.English = .000, p=0.31), IIK2a (Observed Prop.Persian=.71, Observed Prop.English=.29, p=0.036), IIK2c (Observed Prop.Persian=.85, Observed Prop.English=.15, p=0.022), and IIN in the proposed taxonomy (Observed Prop.Persian=.95, Observed Prop.English=.05, p=0.000). Additionally, the total frequency of the refusal strategies used by the American and Persian speakers

differed significantly in Indirect refusals (Observed Prop._{Persian}=.58, Observed Prop._{English}=.42, $P=0.009$). With respect to the use of IIC, the results reported that the Persians employed this strategy 21 times while the intended strategy was observed 43 times more prevalent in the American series. III1 was articulated by the Persians 6 times over the entire film series while it was not employed at all by the Americans. IIK2a was used in both languages with the Persian speakers, who tended to apply this strategy more frequently than the American speakers (20 vs. 8). Concerning IIK2c, the Iranians tended to repeat the part of request 11 times more than what Americans did (2 times). With respect to the use of IIN, the results also reported that the Americans employed this strategy only once while the intended strategy was observed 21 times more prevalent in the Persian series.

In the third main category which is related to the adjuncts, the languages differed significantly in the two strategies of IIIC (Observed Prop._{Persian}=.11, Observed Prop._{English}=.89, $p=0.039$) and IIID (Observed Prop._{Persian}=1.000, Observed Prop._{English}= 0.00, $p=0.008$). The American speakers tended to apply IIIC more frequently than the Persian speakers (8 vs. 1). On the other hand, the Iranians tended to use IIID 8 times while the Americans (0) did not employ this type of refusal.

The instances of the strategies and sub-strategies are presented in Table 3. The Binomial test was run to examine if the differences between the two cultures were statistically significant. Binomial test is used when a binary variable of interest is being investigated and one has a hypothesized or expected value to compare it to. Q-square, which is employed in Table 4 serves to evaluate a relationship between categorical variables, for example, lower or higher social statuses in our study.

Table 3. The Frequency (F) of the Refusal Strategies Used by the Characters of the Two Film Series and the Results of the Binomial test Applied to the Data

Refusal Strategies	Persian (F)	English (F)	Observed Prop.		
			Persian	English	P
I. Direct					
A. Performative (IA)	0	0	-	-	-
B. Non-performative statement					
1. "No" (IB1)	22	73	.23	.77	.000
2. Negative willingness/ability (IB2)	16	39	.29	.71	.003
Total	38	112	.25	.75	.000
II. Indirect					
A. Statement of regret (IIA)	3	10	.23	.77	.092
B. Statement of wish (IIB)	0	2	-	-	-
C. Excuse/reason/explanation (IIC)	21	43	.33	.67	.008
D. Statement of alternative (IID)	2	0	-	-	-
E. Set condition for future or past acceptance (IIE)	2	0	-	-	-
F. Promise of future acceptance (IIF)	10	10	.50	.50	1.000
G. Statement of principle (IIG)	0	4	-	-	-
H. Statement of philosophy (IIH)	2	0	-	-	-
I. Attempt to dissuade interlocutor					

Refusal Strategies	Persian (F)	English (F)	Observed Prop.		
			Persian	English	P
1. Threat or statement of negative consequences to the requester (III1)	6	0	1	.000	.031
2. Guilt trip (III2)	0	0	-	-	-
3. Criticize the request/requester, etc. (statement of negative feeling or opinion); insult/attack (III3)	19	9	.68	.32	.087
4. Request for help, empathy, and assistance by dropping or holding the request. (III4)	0	0	-	-	-
5. Let interlocutor off the hook (III5)	3	2	.60	.40	1.000
6. Self-defense (III6)	1	0	-	-	-
7. Statement of positive consequences/benefits of refusal for the requester* (III7)	0	0	-	-	-
J. Acceptance that functions as a refusal					
1. Unspecific or indefinite reply (IIJ1)	7	6	.54	.46	1.000
2. Lack of enthusiasm (IIJ2)	4	6	.40	.60	.754
K. Avoidance					
1. Nonverbal					
a. Silence (IIK1a)	5	1	.83	.17	.219
b. Hesitation (IIK1b)	0	2	-	-	-
c. Do nothing (IIK1c)	1	2	.33	.67	1.000
d. Physical departure (IIK1d)	5	2	.71	.29	.453
2. Verbal					
a. Topic switch (IIK2a)	20	8	.71	.29	.036
b. Joke (IIK2b)	0	0	-	-	-
c. Repetition of part of request, etc. (IIK2c)	11	2	.85	.15	.022
d. Postponement (IIK2d)	8	2	.80	.20	.109
e. Hedging (IIK2e)	0	1	-	-	-
L. Resorting to third party* (III)	5	0	1.000	0.000	.063
M. Swearing* (IIIM)	1	0	-	-	-
N. Proverb/Expression/By word/Saying**(IIIN)	21	1	.95	.05	.000
Total	157	113	.58	.42	.009
III. Adjuncts to Refusals					
A. Statement of positive opinion/feeling or agreement (IIIA)	2	4	.33	.67	.678
B. Statement of empathy (IIIB)	3	2	.60	.40	1.000
C. Pause filler (IIIC)	1	8	.11	.89	.039
D. Gratitude/appreciation (IIID)	8	0	1.000	-	.008
E. Showing respect * (IIIE)	2	3	.40	.60	1.000
F. Addressing with intimacy * (IIIF)	0	1	-	-	-
G. Addressing with respect * (IIIG)	1	0	-	-	-
Total	17	18	.49	.51	1.000
Total	212	243	.47	.53	.160

The frequency of refusal strategies used by the American and Persian speakers in relation to the social statuses of their interlocutors was also assessed. In doing so, Chi-square was run to analyze the data. It was discovered that the total frequency of the refusal strategies used with individuals from various social statuses throughout the Persian and English languages differed significantly (Total_{Persian}:

$\chi^2=94.028$, Degrees of Freedom (df)=2, $p=0.000$, Total_{English}: $\chi^2=409.645$, df=2, $p=0.000$), which means that different social statuses performed the speech act of refusals significantly differently. As seen in Table 4, the interlocutors of equal social status received a significant number of exchanged refusals (136) in the Persian culture; the lowest number of refusals (27) was delivered from the people of the lower social statuses to the higher ones, and the number of refusals (49) from the higher statuses to the lower ones was in the middle. Likewise, the Americans' refusals were mostly observed among the people of the equal status (229) with an exception that the number of the refusal of the higher status was 3 and lower statuses was 11.

Regarding the major categories, the total frequencies of Direct strategies used by the Persians and Americans were significantly different with respect to the social statuses (Persian \rightarrow Direct_{higher}:14, Direct_{equal}:21, Direct_{lower}:3; $\chi^2=13.000$, df=2, $p=.002$) (English \rightarrow Direct_{higher}:1, Direct_{equal}:110, Direct_{lower}:1; $\chi^2=212.161$, df=2, $p=0.000$) (see table 4). Concerning the second category of refusal strategies, the total frequencies of Indirect strategies utilized by the Persians and Americans were notably different in terms of social statuses (Persian \rightarrow Indirect_{higher}:34, Indirect_{equal}:104, Indirect_{lower}:19; $\chi^2 =78.662$, df=2, $p=.000$) (English \rightarrow Indirect_{higher}:2, Indirect_{equal}:103, Indirect_{lower}:8; $\chi^2 =170.460$, df=2, $p=.000$). The final statistically significant difference involved 'Adjuncts to Refusals,' the third major type of refusal strategies that was mostly exchanged among the individuals with equal social status (Persian \rightarrow Adjunct_{higher}:1, Adjunct_{equal}:11, Adjunct_{lower}:5; $\chi^2 =8.941$, df = 2, $p =.011$) (English \rightarrow Adjunct_{higher}:0, Adjunct_{equal}:16, Adjunct_{lower}:2; $\chi^2 =10.889$, df = 1, $p = 0.001$) (See table 4).

To go into details of the subcategories, both Americans and Persians indicated a statistically significant difference regarding the use of IB1 with respect to the social status (Persian \rightarrow IB1_{higher}:7, IB1_{equal}:13, IB1_{lower}:2; $\chi^2=8.273$, df=2, $p=0.016$) (English \rightarrow IB1_{higher}:0, IB1_{equal}:72, IB1_{lower}:1; $\chi^2=69.055$, df=1, $p=0.000$). In Persian, the highest number of the exchanged refusals (13) were related to the speakers of the equal social status, the lowest number of refusals (2) was offered by the lower status, and the number of refusals (7) expressed by the higher status was somewhere in between. In English, the highest number of exchanged refusals (72) also was related to the speakers of the equal status and the number of refusals (0) expressed by the characters with higher status and the number of refusals (1) expressed by the individuals with lower status were close to each other. The Americans indicated a statistically significant difference concerning the use of IB2 with respect to the social status (IB2_{higher}:1, IB2_{equal}:38, IB2_{lower}:0; $\chi^2=35.103$, df=1, $p=0.000$). The highest number of exchanged refusals (38) was related to the speakers of the equal status, the lowest number of refusals (0) was offered by the lower status, and the number of refusals (1) expressed by the higher status was somewhere in between. Both the Americans and Persians indicated a statistically significant difference regarding the use of IIC with respect to the social status (Persian \rightarrow IIC_{higher}:3, IIC_{equal}:14, IIC_{lower}:4; $\chi^2=10.571$, df=2, $p=0.005$) (English \rightarrow

IIC_{higher}:0, IIC_{equal}:41, IIC_{lower}:2; $\chi^2=35.372$, $df=1$, $p=0.000$). In Persian, the highest number of the exchanged refusals (14) was related to the speakers of the equal status, the lowest number of refusals (3) was offered by the higher status, and the number of refusals (4) expressed by the lower status was in the middle. Likewise, the Americans' IIC was mostly exchanged among the speakers of the equal status (41) while the lowest number of refusals (0) was offered by the higher status, and the number of refusals (2) expressed by the lower status stands in the middle. Regarding the use of IIF, only the Americans indicated a statistically significant difference with respect to the social status (IIF_{higher}:1, IIF_{equal}:9, IIF_{lower}:0; $\chi^2=6.400$, $df=1$, $p=0.011$). The highest number of exchanged refusals (9) was related to the speakers of equal status, the lowest number of refusals (0) was offered by the lower status and the number of refusals (1) expressed by the higher status was in the middle. Concerning IIK2a, only the Persians indicated a statistically significant difference with respect to the social status (IIK2a_{higher}:3, IIK2a_{equal}:15, IIK2a_{lower}:2; $\chi^2=15.700$, $df=2$, $p=0.000$). The highest number of exchanged refusals (15) was related to the speakers of equal status, the lowest number of refusals (2) was offered by the lower status, and the number of refusals (3) expressed by the higher status was in the middle. Finally, only the Persians indicated a statistically significant difference concerning the use of IIK2d with regard to their social status (IIK2d_{higher}:0, IIK2d_{equal}:7, IIK2d_{lower}:1; $\chi^2=4.500$, $df=1$, $p=0.034$). The intended strategy in Persian was commonly swapped between the equals (7), less frequently expressed by the lower status (1), and almost none by the higher status (0).

Table 4. The Frequency of the Refusal Strategies Used by the Characters in the Two Film Series with Respect to the Interlocutors' Relative Social Statuses and the Results of the Chi-Square Applied to the Data

	Persian			Persian			English			English		
	Lower	Equal	Higher	χ^2	df	P	Lower	Equal	Higher	χ^2	df	P
I. Direct												
IA	0	0	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
IB1	2	13	7	8.273	2	.016	1	72	0	69.055	1	.000
IB2	1	8	7	5.375	2	.068	0	38	1	35.103	1	.000
Total	3	21	14	13.000	2	.002	1	110	1	212.161	2	.000
II. Indirect												
IIA	1	1	1	.000	2	1.000	3	7	0	1.600	1	.206
IIB	0	0	0	-	-	-	0	2	0	-	-	-
IIC	4	14	3	10.571	2	.005	2	41	0	35.372	1	.000
IID	1	1	0	.000	1	1.000	0	0	0	-	-	-
IIIE	0	2	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
IIF	0	8	2	3.600	1	.058	0	9	1	6.400	1	.011
IIG	0	0	0	-	-	-	0	4	0	-	-	-
IIH	1	1	0	.000	1	1.000	0	0	0	-	-	-
III1	0	1	5	2.667	1	.102	0	0	0	-	-	-
III2	0	0	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
III3	0	13	6	2.579	1	.108	0	9	0	-	-	-
III4	0	0	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
III5	0	3	0	-	-	-	1	1	0	.000	1	1.000

	Persian			Persian			English			English		
	Lower	Equal	Higher	χ^2	df	P	Lower	Equal	Higher	χ^2	df	P
III6	0	1	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
III7*	0	0	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
IIIJ1	1	5	1	4.571	2	.102	0	6	0	-	-	-
IIIJ2	1	3	0	1.000	1	.317	0	6	0	-	-	-
IIIK1a	2	3	0	.200	1	.655	0	1	0	-	-	-
IIIK1b	0	0	0	-	-	-	1	1	0	.000	1	1.000
IIIK1c	0	1	0	-	-	-	0	2	0	-	-	-
IIIK1d	0	4	1	1.800	1	.180	0	2	0	-	-	-
IIIK2a	2	15	3	15.700	2	.000	0	8	0	-	-	-
IIIK2b	0	0	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
IIIK2c	2	7	2	4.545	2	.103	0	2	0	-	-	-
IIIK2d	1	7	0	4.500	1	.034	0	1	1	.000	1	1.000
IIIK2e	0	0	0	-	-	-	0	1	0	-	-	-
IIIL*	0	4	1	1.800	1	.180	0	0	0	-	-	-
IIIM*	0	1	0	-	-	-	0	0	0	-	-	-
IIIN**	3	9	9	3.429	2	.180	1	0	0	-	-	-
Total	19	104	34	78.662	2	.000	8	103	2	170.460	2	.000
III. Adjuncts to Refusals												
IIIIA	0	2	0	-	-	-	0	4	0	-	-	-
IIII B	0	3	0	-	-	-	0	2	0	-	-	-
IIII C	0	1	0	-	-	-	0	8	0	-	-	-
IIII D	4	4	0	.000	1	1.000	0	0	0	-	-	-
IIII E*	1	1	0	.000	1	1.000	2	1	0	.333	1	.564
IIII F*	0	0	0	-	-	-	0	1	0	-	-	-
IIII G*	0	0	1	-	-	-	0	0	0	-	-	-
Total	5	11	1	8.941	2	.011	2	16	0	10.889	1	.001
Total	27	136	49	94.028	2	.000	11	229	3	409.645	2	.000

5. Discussion

The overarching idea of the present study was to compare and contrast the frequency of different refusal strategies used by the Persian and American speakers in two popular film series. The study attempted to identify the types of refusal strategies utilized by the characters. Moreover, it examined whether the social status of the interlocutors impacted on the frequency of the refusal strategies employed by the Persian and English speakers. The results made manifest there were no statistically significant differences with respect to the prevalence of refusal strategies between the cultures inside the total frequency, but there were statistically significant differences in the frequency of the two major refusal categories, namely, Direct and Indirect between the two groups of the speakers. Moreover, no significant differences appeared between the two languages as regards the use of adjunct to refusals. The findings of this study are in line with those of Moafian et al. (2019), Ghazanfari et al. (2013), Hashemian (2012), who observed some similarities and differences between the Persian and English cultures. However, the results are not on the same page as those of the previous ones in that similar and different strategies used were not exactly the same.

As for the first research question (part one), among the major categories, Direct and Indirect strategies were the most frequently exchanged strategies among the English speakers, and Adjuncts to Refusals were the least employed ones. Regarding the subcategories, the ‘Non-performative statement’, “No” in the Direct category, ‘Excuse/reason/explanation’ in the Indirect category, and ‘Pause Filler’ in the Adjunct to Refusals were the most prevalent ones. Similar results were also observed in the previous findings. For instance, Moafian et al. (2019), in their empirical study, identified ‘Non-performative statement’, “No” as the most frequent type of direct refusal strategy. Hashemian (2012) also noted ‘Pause filler’ as the most common Adjuncts to Refusals strategy among English speakers.

Due to being the members of an individualistic society, the connection between the requester and the requestee was less prone to loss in the English culture via employing ‘Non-performative statement’, “No” (Moafian et al. 2019). With respect to ‘Excuse/reason/explanation’, these refusal strategies might serve to convince the interlocutor that he or she was still approved, but that there were some valid reasons for the refusal (Allami & Naeimi 2011). Concerning the ‘Pause Filler’, they seemed to be used by the people involved when they were looking for a proper expression or taking a breath as well as seeking for another phrase or double-checking what they had already stated (Okazawa 2014).

In respect of the first research question (part two), ‘Indirect strategies’ were the most ubiquitous strategies traded between the Persian speakers in the major categories. The second most frequent refusal strategies observed in the Persian language belonged to the major category of ‘Direct strategies’. ‘Adjuncts to Refusals’ held the third position. Regarding the subcategories, the ‘Proverb/Expression/Saying’, ‘Excuse/reason/explanation’, ‘Topic switch’, and ‘Criticize the request/requester’ in the Indirect category, ‘Non-performative statement, “No”’, in the Direct category, and ‘Gratitude/appreciation’ in the Adjunct to Refusals were the most frequently employed strategies among the Persian speakers. The obtained results are compatible with the previous findings. For instance, Moafian et al. (2019) and Ghazanfari et al. (2013), both in the Iranian context and among Persian speakers, also noted indirect strategies as the most prevalent types of refusal strategies in the Persian culture. The reason why the Persian speakers used Indirect strategies more frequently might be the effort to save the requester’s positive face as well as to save the rapport with the requester whose demand was ignored. Since the Persian speakers are the participants of a collectivist society (Hofstede 1986), the threat of losing social bonds and friendship might prompt them to make use of more indirect strategies to describe the refusal act in the hopes of maintaining the relationship with the requester (Moafian et al. 2019).

In keeping with the second research question, the findings unveiled that the overall frequencies of the refusal strategies used in the Persian and English languages were not considerably different. Likewise, there was no significant difference between the two languages apropos of Adjunct to refusals. However, there were statistically significant differences between the two cultures as regards

‘Direct’ and ‘Indirect’ strategies. The English speakers employed more Direct strategies, whereas the Persians employed more Indirect strategies. Pelto (1968; cited in Ghazanfari et al. 2013) places cultures on a ‘Tight-Loose’ Spectrum. English people originate from loose communities. In English-speaking countries, there is much less pressure and less cultural duty. Persian society, on the other hand, is at the tight end of the spectrum. In tight communities, there is a strong sense of responsibility to fulfill one’s duties. For instance, in some cultures, refusing to accept the interlocutor’s offer, advice, or request is considered far from polite, whereas this is not true in western individualistic cultures. This perspective can be seen in the findings. English speakers were much more straightforward, frank, and open in their encounters, employing more non-performative utterances than the Persian speakers (see Ghazanfari et al. 2013 for similar findings in the Persian context).

The findings revealed that there were significant differences across the cultures in the subcategories of Direct strategies including ‘Non-performative statements of “No” ’ and ‘Negative willingness/ability’. The English speakers were inclined to use these strategies significantly more often than the Persians. Among the subcategories of Indirect strategies, the findings intimated some discrepancies across the cultures. That is, there were statistically significant differences between the Persians and Americans regarding the strategies of ‘Excuse/reason/explanation’, ‘Threat or statement of negative consequences to the requester’, ‘Topic switch’, ‘Repetition of part of request’, ‘Proverb/Expression/Saying’. Compared to the Persian speakers, the English people availed themselves of more ‘Excuse/reason/explanation’. With respect to the other mentioned Indirect subcategories, the Persians surpassed the English speakers. Lastly, the findings indicated that there were significant differences between the two languages in respect of ‘Pause filler’ and ‘Gratitude/appreciation’ among the subcategories of Adjunct to Refusals. On the basis of the analysis, the Persian speakers exercised more ‘Gratitude/appreciation’ and less ‘Pause filler’ than the Americans. The observed results can be attributed to the fact that the Persian culture is regarded as a collectivist culture, whilst the English society is seen as an individualistic one (Hofstede 2011). As a consequence, the rules and values that guide relations in the two societies vary. By way of illustration, in the Persian culture, the other party apparently takes the interlocutor’s emotions into account in order to prevent hurting them. Denial of a request in an English-speaking culture, on the other hand, may actually be safer since privacy rights and self-comfort seem to be essential within this culture. As a corollary, Persians may employ additional strategies to save their speakers’ positive faces, eliminate the likely harmful impact of their refusals, and mitigate the aversive consequences, such as embarrassment (Moafian et al. 2019).

On the subject of the fourth research question (how does social status impact on the frequency of the different refusal strategies used by the Persian and English speakers?), the findings lay bare significant differences in the overall number of strategies among the three levels of social status in both cultures. The speakers of

equal social status traded the most refusal strategies in both languages. In the American culture, the lowest number of refusals was offered by the higher status, whereas in the Persian culture, the lowest number of refusals was offered by the lower status. It seems that in the American culture power has no considerable effect on the number of refusal strategies transmitted between the interlocutors. This is in line with Allami & Naeimi's (2011) study in which the native English speakers did not exhibit a significant frequency change in the use of formulae depending on the status of their interlocutors, and thus did not claim to be sensitive to a specific status type (Allami & Naeimi 2011). In the Persian society, it appears that the hierarchy of power was effective in the employment of refusal strategies. Although the highest number of refusal strategies were swapped between people of equal status, the second place was determined by the frequency in which people from higher social status offered to those of lower one. As a consequence, it may be assumed that the power hierarchy influenced the usage of refusal strategies in the Persian culture to some extent. This is congruent with the study of Allami & Naeimi (2011) in which native Persian speakers showed a relatively high level of frequency shift in the utilization of various semantic formulae with respect to social status.

Furthermore, the social status of the interlocutors yielded statistically significant differences in the frequency of the refusal strategies used by the three social levels regarding the main categories of 'Direct', 'Indirect', and 'Adjunct to Refusals' in both cultures. As for the interlocutors with unequal social status, in English, the number of refusals expressed by the characters with higher status and the number of refusals expressed by the individuals with lower status were the same for direct strategies, and with regard to indirect strategies, the people with lower social status offered more strategies to individuals with higher one. However, in the Persian culture, the number of refusals expressed by the characters with higher status outweighed the lower status in both Direct and Indirect strategies. In the Persian society, it appears that the hierarchy of power influenced the use of refusal strategies to some degree while in the American culture the power hierarchy was not prominent. Furthermore, it may be contended that cultures all over the world have their own set of beliefs, values, and customs, which differentiate them from one another (Zaw 2018). However, the 'Direct', 'Indirect', 'Adjunct to Refusals' strategies in both cultures were commonly swapped between the equals. In both groups, the highest number of the exchanged refusals were related to the speakers of equal social status. The same was observed concerning the subcategory strategies. 'Non-performative statement' "No", 'Negative willingness/ability', 'Excuse/reason/explanation', 'Promise of future acceptance' in English, and 'Non-performative statement' "No", 'Negative willingness/ability', 'Excuse/reason/explanation', 'Promise of future acceptance', 'Topic switch,' and 'Postponement' in Persian were mostly exchanged between the equals. Therefore, in spite of the differences, similarities were also detected between the two cultures. It seems that technological advances and globalization, which have converted the world into a global village, are not innocent in this regard. As Moaveni (2014: 1)

maintained, “the advent of new technologies such as the Internet has changed the way we interact. This technology has brought people of different cultures closer to each other.” In line with this view, social media facilitates the effective connection of a wide variety of people, customs, beliefs, and places from all over the world without ever being constrained by time or geography (Sawyer & Chen 2012). Such increasing international interactions, consequently, besides differences, bring similarities between the speech patterns of different societies and cultures.

5. Conclusion

The present research looked into the frequency and distribution of refusal strategies in the Iranian and American film series with a focus on linguacultural elements. The interlocutors’ relative social status was also probed into. The findings manifested both similarities and differences in the realization of the refusal speech act between the cultures. Furthermore, statistically significant differences were discovered between the two cultures among three levels of social status.

The study findings offer some implications to the people engaged in cross-cultural and cross-linguistic communication, learners, and those contributing to language education system. The first implication is that the individuals involved in cross-cultural and cross-linguistic communication, as well as learners, must be aware of the importance of knowing pragmatics and the culture-bound application of different speech acts. Teachers are recommended to provide required classroom instruction in this regard. Material developers are also advised to include the relevant materials in the text books, movies, as well as other educational resources. Regarding the theoretical implications, the findings can enhance intercultural understanding and provide valuable insights into the realization of refusals in different cultural contexts and the influence of social status. It highlights the significance of pragmatic issues and cultural awareness in promoting effective communication and mutual understanding across cultures.

It goes without saying that there were some limitations to the study. The cornerstone of the study was primarily refusals. Hence, it is recommended that the study be replicated by other researchers focusing on the role of gender and social statuses in the realization of other speech acts to secure a brighter picture of how different cultures realize different speech acts. Over and above that, in the current study, film series with social drama genre were selected. Further research is recommended to be carried out in this scope, using other genres such as comedy, etc. in order to compare the results.

REFERENCES

- Allami, Hamid & Amin Naeimi. 2011. A cross-linguistic study of refusals: An analysis of pragmatic competence development in Iranian EFL learners. *Journal of Pragmatics* 43 (1). 385–406.
- Austin, John Langshaw. 1962. *How to Do Things with Words*. London: Oxford University Press.

- Beebe, Leslie M, Tomoko Takahashi & Robin Uliss-Weltz. 1990. Pragmatic transfer in ESL refusals. In Robin C. Scarcella, Ebbe Sloth Andersen & Stephen D. Krashen (eds.), *Developing communicative competence in second language*, 55–73. New York: Newbury House.
- Bella, Spyridoula. 2014. Developing the ability to refuse: A cross-sectional study of Greek FL refusals. *Journal of Pragmatics* 61. 35–62.
- Brown, Penelope & Stephen C Levinson. 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge University Press.
- Chang, Yuh-Fang. 2009. How to say no: An analysis of cross-cultural difference and pragmatic transfer. *Language Sciences* 31 (4). 477–493.
- Chang, Yuh-Fang & Ren Wei. 2020. Sociopragmatic competence in American and Chinese children's realization of apology and refusal. *Journal of Pragmatics* 164. 27–39.
- Chen, Xing, Ye D Lei & Zhang Yanyin. 1995. Refusing in Chinese. In Gabriele Kasper (ed.), *Pragmatics of Chinese as native and target language*, 119–163. Manoa, HI: University of Hawai Press.
- Chen, Hongyin Julie. 1996. *Cross-cultural comparison of English and Chinese metapragmatics in refusals*. Unpublished Doctoral dissertation, Indiana University, Indiana, the United States.
- Cohen, Andrew. 1996. Speech acts. In Nancy Hornberger (ed.), *Sociolinguistics and language teaching*, 383–420. New York: Cambridge University Press.
- Deveci, Tanju & Jessica Midraj. 2021. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati Speakers. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>
- Drew, Paul. 1984 Speakers' reportings in invitation sequences. In J. Maxwell Atkinson & John Heritage (eds.), *Structures of social action*, 129–151. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eslami, Zohreh, Tatiana Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Ghazanfari, Mohammad, Alireza Bonyadi & Shirin Malekzadeh. 2013. Investigating cross-linguistic differences in refusal speech act among native Persian and English speakers. *International Journal of Research Studies in Language Learning* 2 (4). 49–63.
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>
- Hashemian, Mohammad. 2012. Cross-cultural differences and pragmatic transfer in English and Persian refusals. *The Journal of Teaching Language Skills* 4 (3). 23–46.
- Hassani, Roholla, Mehdi Mardani & Hossein Vahid Dastjerdi. 2011. A comparative study of refusals: Gender distinction and social status in focus. *Language, Society and Culture* 32. 37–46.
- Hofstede, Geert. 1986. Cultural differences in teaching and learning. *International Journal of Intercultural Relations* 10 (3). 301–320.
- Hofstede, Geert. 2011. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture* 2 (1).
- Hofstede, Geert & Michael Minkov. 2013. Values Survey Module 2013 Manual. Available online at: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (accessed 3 February 2020).
- Iwuchukwu, Onyeka & Abdul R Yesufu. 2013. *Elements of the Drama*. National University of Nigeria Lagos. Nigeria.

- Kasper, Gabriele. 2000. Data collection in pragmatics research. In Helen Spencer-Oatey (ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures*, 316–341. New York: Continuum.
- Krauss, Robert M., Palmer Morrel-Samuels & Christina C. Colasante. 1991. Do conversational hand gestures communicate? *Journal of Personality and Social Psychology* 61 (5). 743–754.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). Communicative Styles and Genres. [Special issue]. 195–215.
- Levinson, Stephen. 1983. *Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511813313>
- Liao, Chao & Mary I Bresnahan. 1996. A contrastive pragmatic study on American English and Mandarin refusal strategies. *Language Sciences* 18 (3–4). 703–727.
- McClenaghan, Elliot. 2022. The binomial test. Retrieved from <https://www.technologynetworks.com/informatics/articles/the-binomial-test-366022> (accessed 3 February 2023).
- Litvinova, Angela V. & Tatiana V. Larina. 2023. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture* 7 (1). 116–130. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>
- Mecheti, Marisa & Hudson Geogina. 2014. Sitcoms: A window of opportunity for teaching and learning. *Humanising Language Teaching* 14 (5). 245–256.
- Moafian, Fatemeh, Naji Yazdi & Abdullah Sarani. 2018. A gendered study of refusal of request speech act in the three languages of Persian, English, and Balouchi: A within language study. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching* 59 (1). 55–85.
- Moafian, Fatemeh, Naji Yazdi & Abdullah Sarani. 2019. The refusal of request speech act in Persian, English, and Balouchi languages: A cross-cultural and cross-linguistic study. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. <https://doi.org/10.1515/iral-2018-0357>
- Moaveni, Hiroko Tsuiki. 2014. *A study of refusal strategies by American and international students at an American University*. Unpublished master's thesis. Minnesota State University, Mankato, Minnesota, Gayle L. Nelson, Joan Carson, Mahmoud Al Batal & Waguida El. Bakary. 2002. Cross-cultural pragmatics: Strategy use in Egyptian Arabic and American English refusals. *Applied Linguistics* 23 (2). 163–189.
- Morkus, Nader. 2009. *The realization of the speech act of refusal in Egyptian Arabic by American learners of Arabic as a foreign language*. Unpublished Ph.D. dissertation. University of South Florida, USA.
- Okazawa, Sachiyo. 2014. Pauses and fillers in second language learners' speech. *Studies in Language and Culture* 23. 52–66.
- Pelto, Pertti J. 1968 The difference between tight and loose societies. *Transaction* 5 (5). 37–40.
- Potter, Jonathan. 2002. Two kinds of natural. *Discourse Studies* 4 (4). 543–548.
- Putri, I.a.p.s.a.d.p., D.p Ramendra & I.w Swandana. 2019. An analysis of speech act used in Harry Potter and The Goblet of Fire movie. *International Journal of Language and Literature* 3 (2). 78. <https://doi.org/10.23887/ijll.v3i2.20845>
- Reddy, Chitra. 2021. Verbal communication advantages and disadvantages. <https://content.wisestep.com/top-advantages-disadvantages-verbal-communications/> (accessed October 2021).
- Sarkhosh, Mehdi & Ali Alizadeh. 2017. Compliment response patterns between younger and older generations of Persian speakers. *Pragmatics and Society* 8 (3). 421–446.
- Sawyer, Rebecca & Guo-Ming Chen. 2012. The impact of social media on intercultural adaptation. *Intercultural Communication Studies* 21 (2). 151–169.

- Tajeddin, Zia & Hojjat Rassaei Moqadam. 2023. Perception of impoliteness in refusal and response to it by native speakers of English and Persian. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 88–110. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33391>
- Tamimi Sa'd, Seyyed Hatam & Mohammad Mohammadi. 2014. Iranian EFL learners' sociolinguistic competence: Refusal strategies in focus. *Journal of Language and Linguistic Studies* 10 (2). 48–66
- Wardhaugh, Ronald. 2006. *An Introduction to Sociolinguistics*. MA: Malden Publishing.
- Yang, Jia. 2008. How to say 'no' in Chinese: A pragmatic study of refusal strategies in five TV series. In Marjorie K.M. Chan & Hana Kang (eds.), *Proceedings of the 20th North American conference on Chinese linguistics*, 1041–1058. Ohio: The Ohio State University Press.
- Yuan, Yi. 2001. An inquiry into empirical pragmatics data-gathering methods: Written DCTS, oral DCTs, field notes, and natural conversations. *Journal of Pragmatics* 33. 271–292.
- Zaw, Hsu Thiri. 2018. The impact of social media on cultural adaptation process: Study on Chinese government scholarship students. *Advances in Journalism and Communication* 6. 75–89.

Received: 17 August 2022

Accepted: 27 January 2023

Bionotes:

Bahareh KORDESTANCHI holds a PhD in Applied Linguistics at Urmia State University, Iran. She is interested in undertaking research projects in the realm of pragmatics and discourse analysis. She also teaches BA courses at the University of Urmia, Iran.

e-mail: kordestanchibahare@gmail.com; b.kordestanchi@urmia.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-1736-3310>

Mehdi SARKHOSH has a PhD in Applied Linguistics from the University of Tehran and is currently a faculty member (assistant professor) at Urmia State University, Iran. His main research interests include: pragmatics, and discourse studies. He also teaches MA and PhD courses at the University of Urmia, Iran.

e-mail: m.sarkhosh@urmia.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-2483-4662>

Fatemeh MOAFIAN holds a Ph.D. in Applied Linguistics and is currently an assistant professor at Kosar University of Bojnord, Iran. She has co-authored several research articles in national and international scientific research journals such as *Frontiers in Psychology*, *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, *System*, *ELT*, *Asian EFL Journal*, etc. She has also co-authored two books. Her research interests are pragmatics, educational psychology, mindfulness, and teacher education.

e-mail: f.moafian@kub.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-3782-1561>

Сведения об авторах:

Бахарех КОРДЕСТАНЧИ получила степень PhD по прикладной лингвистике в Государственном университете Урмия (Иран) и преподает там в настоящее время. Она занимается исследованиями в области прагматики и дискурс-анализа.

e-mail: kordestanchibahare@gmail.com; b.kordestanchi@urmia.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-1736-3310>

Мехди САРКХОШ получил степень PhD по прикладной лингвистике в Тегеранском университете. В настоящее время он является старшим преподавателем в Государственном университете Урмия (Иран), где преподает ряд дисциплин магистрантам и аспирантам. Его исследовательские интересы сосредоточены в области прагматики и дискурс-анализа.

e-mail: m.sarkhosh@urmia.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-2483-4662>

Фатемех МОАФИАН имеет степень PhD по прикладной лингвистике и является старшим преподавателем в Косарском университете Боджнурда (Иран). Она соавтор нескольких научных статей, опубликованных в Иране и за рубежом, в частности в журналах *Frontiers in Psychology*, *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, System, ELT, Asian EFL Journal*, а также двух книг. В сферу ее научных интересов входят прагматика, педагогическая психология и педагогика.

e-mail: f.moafian@kub.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-3782-1561>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34649>

EDN: NAEYVT

Research article / Научная статья

Unveiling semantic complexity of the lexeme ‘reputation’: Corpus analysis

Svetlana V. IVANOVA¹   and Svetlana N. MEDVEDEVA²

¹ *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

² *Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia*

 svet_victoria@mail.ru

Abstract

Primarily considered as a form of socially transmitted self-representation, reputation is one of the key concepts in public communication which makes it a worthwhile object for linguistic analysis. The present research is aimed at unveiling the semantic complexity of the lexeme ‘reputation’ by examining its immediate environment in COCA. The study showcases how the closest lexical context enhances the meaning of the lexeme. The sampling under analysis consists of 98 most frequent collocations with adjectives (4,088 tokens) and 57 collocations with verbs (6,190 tokens). The methods of the study include contextual analysis, semantic clusterisation and collostructional analysis based on statistical measure of log-likelihood. As a result, 7 semantic clusters of ‘adjective reputation’ and 8 clusters of ‘verb reputation’ have been obtained. The research proves that discoursewise, the collocations with the lexeme ‘reputation’ are found in newspaper, magazine, blog and web-general sections of COCA. The analysis reveals that in English, reputation is metaphorically represented as a building, a piece of fabric and as a valuable object made of precious metal, where it inherits the properties of tangible objects. A good reputation is earned over time by hard work and, once established, requires monitoring and maintenance. If damaged, it is not thrown away but is to be restored. Metonymically, reputation adopts the qualities of its proprietor (‘notorious reputation’, ‘unfortunate reputation’). The paper contributes to the theory of metaphor and could be beneficial for those working within cultural linguistics, lexicography and translation studies. The research may be further extended with corpus-based analysis of semantically close lexemes.

Keywords: *collostruction; construction; corpus linguistics; lexeme ‘REPUTATION’; semantic clusterisation; metaphorical collocation*

For citation:

Ivanova, Svetlana V. & Svetlana N. Medvedeva. 2023. Unveiling semantic complexity of the lexeme ‘reputation’: Corpus analysis. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 615–640. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34649>

© Svetlana V. Ivanova & Svetlana N. Medvedeva, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Исследование семантической сложности лексемы 'reputation': корпусный анализ

С.В. ИВАНОВА¹ , С.Н. МЕДВЕДЕВА²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Россия

svet_victoria@mail.ru

Аннотация

Репутация, преимущественно рассматриваемая как форма социально транслируемой саморепрезентации, выступает одним из ключевых понятий публичной коммуникации и представляет несомненный интерес для изучения в рамках лингвистики. Настоящее исследование нацелено на выявление специфики семантики лексемы 'reputation', проявляющейся на фоне ее ближайшего лексического контекста, представленного в корпусе СОСА. Логика исследования продиктована вопросом о том, какую информацию непосредственное окружение приносит в значение данной лексемы. В рамках работы применяются методы контекстуального анализа, семантической кластеризации и коллострукционного анализа, выполненного с использованием статистического критерия метода максимального правдоподобия (log-likelihood). Материал исследования охватывает 98 наиболее частотных коллокаций 'reputation' с прилагательными (4,088 токенов) и 57 коллокаций с глаголами (6,190 токенов). В результате проведенного исследования выделено 7 семантических кластеров с прилагательными и 8 кластеров с глаголами, а также определены наиболее устойчивые коллокации с лексемой 'reputation'. Установлено, что в жанровом отношении коллокации с лексемой 'reputation' преимущественно обнаруживаются в разделах корпуса, посвященных письменной коммуникации, – газетах, журналах, блогах и веб-сайтах. Как правило, в коллокациях лексема 'reputation' осмысливается как материальный объект, обретает соответствующие свойства и метафорически предстает как здание, ткань или предмет из драгоценного металла. Хорошая репутация зарабатывается усердным трудом в течение долгого времени, после чего за ней необходимо следить и поддерживать в хорошем состоянии. Поврежденную репутацию невозможно выбросить, но нужно восстанавливать. В результате метонимии репутация перенимает качества своего обладателя, например, 'notorious reputation', 'unfortunate reputation'. Данная работа позволяет продемонстрировать возможности корпусной лингвистики и лингвистики конструкций в исследованиях на тему когнитивной метафоры, а также лингвокультурологии, лексикографии и переводоведения, что доказывает перспективность дальнейших изысканий подобного рода за счет расширения круга лексических единиц и выявления особенностей их семантики и лингвокультурной специфики.

Ключевые слова: коллокация; конструкция; корпусная лингвистика; лексема 'REPUTATION'; семантическая кластеризация; метафорическая коллокация

Для цитирования:

Ivanova S.V., Medvedeva S.N. Unveiling semantic complexity of the lexeme 'reputation': Corpus analysis. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 615–640. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34649>

1. Introduction

Inspired by data-driven evidence-based language studies and implying collostructional approach to language material, the current research is a corpus-

based study of the lexeme ‘reputation’ and its closest lexical context. Lying within the field of collostructional semantics, the paper is aimed at unveiling the semantic complexity of the lexeme ‘reputation’ by examining its closest verbal context given in the Corpus of Contemporary American English (COCA). In the current research, semantic complexity is defined as a complex semantic structure of a lexical unit characterized by a certain number of semantic components related to different aspects of the signified. Thus, the question guiding the study and defining its logic was how immediate environment enhances and contributes to the semantics of the lexeme in question.

The choice of the lexeme ‘reputation’ is predetermined by the interest in the eponymous phenomenon. There is a wide range of research, mostly in social sciences, addressing the social nature of reputation as a social construct and socially transmitted representation (Kamshilova & Chernyavskaya 2021: 54). With the growing influence of social and mass media, corporations and wealthy tech giants strive to spread their influence online by spending a substantial part of their funds on reputation management – building trust and creating positive image as visionaires, promoting themselves as pioneers of progress and bright future for humanity, fostering good publicity and maintaining their reputation – all to be used in corporate lobbying activities, negotiations with the state authorities, competition, marketing (Eslami et al. 2023: 28, Malyuga 2023: 155). Reputation is no longer seen as the opinion that is formed by the public itself but on the opposite – perceived as a valuable asset actively managed by the company and imposed on the public through the means of mass communication. This makes reputation one of the key concepts of modern public communication worth studying from a linguistic perspective. This interest is well instantiated by a series of linguistic articles that focus on academic reputation and apply the discourse analysis methodology to the data drawn from the Russian National Corpus (Chernyavskaya 2019, Kamshilova & Chernyavskaya 2021).

Dictionaries define the lexeme ‘reputation’ as “the opinion that people have about someone or something because of what has happened in the past” (LDOCE, date of reference: 29.01.2022) or very close to it “the opinion that people have about what somebody/something is like, based on what has happened in the past” (OALD, date of reference: 29.01.2022). There are three major implications in both definitions. Since it is an opinion, evaluation is part of the concept underlying reputation. Moreover, reputation is an opinion held by some people. Reputation is a consequence of what a person did in the past. All this accounts for the definition of reputation given in (Kearns et al. 2013: 3): “as a meta-belief, reputation is an evaluative belief held by an individual that s/he believes an unidentified majority to hold true about an object”. Additionally, the definition “a place in public esteem or regard: good name” given in Merriam-Webster Dictionary brings reputation closer to recognition – getting respect and being known for one’s achievements (MWE, date of reference: 31.08.2023). Such definition implies that the only form of reputation is a good reputation. With these premises in mind, we conducted the

corpus-based collostructional analysis to see how language regenerates, reflects and rethinks the notion that has been in public and researchers' eye since the 1970s and remains relevant up to this day.

To reach our goal, we found it expedient to turn to the benefits of corpus analysis as the recent growth and development of linguistic corpora and sophistication of their toolbox provide researchers with comprehensive information related to various language phenomena. “While it is possible to analyze language manually, robustness of analysis of and depth of insight into attested language use can arguably be achieved only with the aid of computational technology” (McEnery et al. 2019: 74). Corpora accelerate the search and processing of large datasets as well as form a whole new environment that requires developing specific methodologies and approaches to studying and interpreting language phenomena in the framework of corpus-based, corpus-driven and corpus-illustrated research (Dobrovol'skij 2020).

With its tools employed, corpus linguistics managed to revolutionize the way language in general and its specialized varieties are studied (Goźdz-Roszkowski 2021: 1). Thus, for example, researchers mention that by differentiating constructions and non-constructional word strings through their relative frequencies, corpus analysis has given a boost to sentence parsing, which has resulted in its computerization (Brysbaert et al. 2017: 3). This achievement proves the importance of corpus analysis as the volume of linguistic data in corpora is growing yearly and manual parsing has consequently become less efficient and obsolete. It is worth mentioning that corpora have kickstarted the development and resulted in significant improvement of comparative studies (Dobrovol'skij 2020), auto-suggest algorithms and speech recognition technologies (Ulasik et al. 2020), lexicography and translatology (Durán-Muñoz & Pastor 2019). No wonder that the fast-pacing development of corpora has contributed to modern linguistics not only as a new method of research but also as a separate subject in university curricula (Bednarek et al. 2020: 2).

What is most important for the current study is the fact that linguistic corpora helped to prove that all languages have reliable underlying patterns that are used either by specific authors (known as idioconstruction) or in specific works or genres (Kretzschmar 2021: 155). This perspective on a language echoes the main idea of construction grammar according to which language is seen as a network of constructions, i. e. “conventionalized form-meaning pairings” (Hoffmann 2017: 1) or “conventionalized parings of form and function” (Goldberg 2006: 4) representing basic human experiences via structures (Ramonda 2014: 67). The crossing point of these two trends in modern linguistics made it possible to combine these two methodologies to lay the foundation for the current study. Hence, the article is laid out in compliance with the aim and the methodology employed. The introductory part states the aim of the research and looks into the reasons for undertaking it. Further on, the theoretical background is provided and the data and

methods are expatiated on. The resultative part contains the statistics and the description of all the constructions with the lexeme under analysis, followed by the discussion of the results and prospects of further studies.

2. Theoretical background

Theoretically, the research is based on the tenets of corpora analysis and collostructional approach. The use of corpus in the current research can be justified not only by its efficiency as a tool and a source of authentic language data but also by the fact that “the corpus-based approach of language analysis is more reliable as it is based on empirical data” (Shahzadi & Javed 2019: 51). Besides, the application of corpora is necessitated by the fact that “a corpus-based method can aid in explaining many issues concerning the argument structure of words and providing quantitative descriptions of their usage” (Wiliński 2021: 747). Collostructional approach helps to reveal “the lexicogrammatical associations between constructions and lexical elements” (Schmid & Küchenhof 2013: 533). The heuristic potential of collostructional approach is predetermined by its power “to predict the semantic and syntactic type of a phrase in which that word is the syntactic head” (Michaelis 2006: 73). Moreover, “construction grammarians have been very committed to identifying the function of constructions, and the delicate meaning effects that arise in context, in order to explain linguistic knowledge and language use” (Leclercq 2021: 1).

For a long time, lexis and grammar were considered separately when it came to teaching and learning English (Ruegg 2015: 1). However, in the second half of the twentieth century, the recultivation of syntactic theories led to a significant switch in studying language as a whole, embracing grammar at large and syntax in particular. Both morphology and syntax relied heavily on the notion of ‘construction’ as a formalised matrix to be filled with lexemes. Traditionally, construction was defined as a syntactic unit composed of the language entities combined in speech due to certain grammatical features (Akhmanova 2004: 202). The definition attests to the fact that phrases are heavily dependent on grammatical features of their constituents. However, despite a strong focus on grammatical combinability, definitions of construction in structural linguistics did not account for lexical and semantic combinability of their components. The situation changed in 1955 when Chomsky came up with his famous sentence “Colorless green ideas sleep furiously” and proposed its analysis, challenging commonly accepted views on syntax and phrase and thus pointing out that viable syntactic theories could not afford to ignore lexical and semantic combinability of words. The expression proved grammatically correct while being absolutely incomprehensible. In 1959, the publication of the book *Elements of Structural Syntax* by Tesnière brought a dramatic change to the theory of syntax. Previously, syntax had been seen as a language specific set of rules for combining words into phrases and sentences. Dependency grammar, introduced in the book by Tesnière, highlighted unequal status of the constituents in word combinations, namely, the idea that a word

combination consists of the syntactic head, or the main word, with a number of valencies (dependencies) filled with mandatory (actants) and optional arguments (circumstants) (Tesnière 2015: 100–102). Words join together and form combinations not solely because they have the same grammatical features but mainly because the head predetermines and preprograms its dependent words including their grammatical features and, in later syntactic frameworks, even imposing constraints on their semantics. Such a shift in mentality did not go unnoticed for grammatical theories as well. The downwards approach from language-specific grammar rules and the necessary sets of morphemes to phrases and sentences transformed into the upwards approach – from sentences and phrases to grammar rules and sets of morphemes. Since then, word combinations have been studied as syntactic patterns rather than a set of equal lexemes with combinable grammatical features.

Thus, the necessity of addressing semantics in the study of syntax and dependency structure of word combinations recultivated syntax and gave birth to a large number of syntactic frameworks that were blurring the restricting line between lexis and grammar. Among them are Fillmore's *Case Grammar* (Fillmore 1968), Minsky's *Frame-and-Slots Theory* (Minsky 1974), *Meaning ↔ Text Theory* by Melchuk, Zholkovsky and Apresyan (Mel'čuk 1981), Halliday and Matthiessen's *Functional Grammar* (Halliday & Matthiessen 2013), Langacker's *Cognitive Grammar* (Langacker 1987) and Fillmore and Kay's *Construction Grammar* (Fillmore & Kay 1995). Each of the frameworks is characterised by its own approach to language and linguistic phenomena as well as unique methodologies and specific key notions. The unifying feature was uncovering the connection between complex linguistic entities and their meaning.

Another great boost that linguistics experienced was inspired by the development of technologies that changed the landscape of linguistic research completely (Privalova & Kazachkova 2022, Solovyev et al. 2022). Parallel to the evolving syntactic theories and linguistic turn to semantics in the late 1950s, the first linguistic corpus to appear in the 1960s was Brown Corpus of American English followed by Lancaster-Oslo-Bergen Corpus of British English in the 1970s. The uniqueness of the corpora was that they compiled authentic texts and provided insight into linguistic data and patterns that could not be obtained by using traditional lexicographical resources. Further on, in the 1990s and 2000s, the relative affordability of personal computers and the Internet resulted in a surge in linguistic corpora, both synchronic and diachronic. Among them are British National Corpus, Russian National Corpus, Corpus of Contemporary American English, the Leipzig Corpora Collection and many more. Parallel corpora, such as Multext Project, Multext-East, RuN-Euro Corpus, Reverso Context, Linguee also play a vital role in modern translatology and comparative studies. Today corpora include a variety of texts of different genres, time periods, authors, and sources. Studying language through corpora led to the accumulation of evidence in favor of

the mutually inseparable nature of lexis and grammar, which, in its turn, resulted in the emergence of full-fledged constructional paradigm.

At present, constructional grammar encompasses a great variety of linguistic phenomena to analyze and is constantly fueled by the fast-developing technologies for processing natural language as well as new statistical, computational, and experimental methods for studying and generalising numerous facts of language (Ackerman et al. 2014: 758). Constructional grammar is one of the most recent and actively developing spheres in linguistics. Stefanowitsch and Gries define constructional approach to language as the one that has established itself in various fields of linguistic knowledge over the years, and that poses construction as a basic lexico-syntactic sign in languages (Stefanowitsch & Gries 2003: 209). This approach, which is also in line with the ideas of lexicogrammar and the tenets of cognitive linguistics, offers a completely new perspective on language and language studies.

The cornerstone of constructional grammar is construction. The term itself was reimagined and defined as a meaningful operational unit of a language. Thus, the notion encompasses not only phrases but individual lexemes as well. It is worth mentioning though, that some areas of construction grammar, the notion of construction included, still cause heated debates. Despite disagreement, adepts of construction grammar share two things – “their love of interesting and complex data and their dislike of most work in the universal grammar camp, whose theories they regard as distorting the basic nature of individual languages to fit a pre-conceived mold” (Sag et al. 2013: 2). In other words, unlike in universal grammar, research in construction grammar stems from analysing non-predictable forms (‘many a day’, ‘all of a sudden’, ‘by and large’) and non-predictable meanings (‘break cover’, ‘show the ropes’) across massive datasets thus moving from evidence to theoretical generalizations.

Hence, the objective of the current research is achieved by means of collocation analysis and semantic clusterisation. Semantic clusterisation helps to break the collocations into semantic clusters while collocation analysis is aimed at defining the collocations with the strongest association between components thus turning them into collocations. Semantic cluster is an often multilayered group of collocations sharing the same resultative meaning. For example, the cluster ‘TO CREATE reputation’ comprises 14 collocations, such as ‘develop a reputation’, ‘build a reputation’, ‘cultivate a reputation’ and others which share the meaning of making a reputation. Thus, embracing the semantics of the lexeme ‘reputation’ can shed some light on its current status in the lexis, linguocultural implications as well as its functioning in the context. The underlying principle of the collocation semantics can be formulated as follows: “you shall know a word by the company it keeps” (Firth 1957:11). In other words, the analysis of the most frequent collocations with the lexeme ‘reputation’ as their node in COCA can help uncover its linguocultural implications and nuances of usage. No doubt, “a detailed study of the semantics of linguistic signs makes it possible to

reveal the volume and hierarchy of the meanings of the word, and also to gain access to the content of concepts as units of consciousness, to reveal specific and universal moments in national world view” (Klimenko 2018: 314). Examining and interpreting the semantic network of the lexeme ‘reputation’ in ‘adjective reputation’ and ‘verb reputation’ constructions can provide an insight into its conceptualization that is defined as “a mental grasp, segmentation, specification and categorization of data pertaining to the material and abstract world and subsequently processing it in thought and language” (Bila & Ivanova 2020: 222).

3. Data and methods

The choice of constructions under study is defined by the principle of colligation which implies “linear co-occurrence preferences and restrictions holding between specific lexical items and the word-class of the items that precede or follow them” (Stefanowitsch & Gries 2003: 209). Being a noun, the lexeme ‘reputation’ can collocate with other notional parts of speech, more specifically – adjectives and verbs – which contribute to its semantics. Hence, the research is devoted to examining two types of constructions: ‘adjective reputation’ and ‘verb reputation’. In this paper, construction is a complex lexicogrammar unit which consists of the main component (the syntactic head) and at least one lexically unspecified variable. Thus, construction is a non-elementary, compound unit of language that functions as an entity (Rakhilina 2010: 19–21). At the same time, collocation represents a string of lexemes with unidentified syntactic connection and strength of association. Meanwhile, in this paper constructions with all of their slots filled with syntactically connected lexemes that demonstrate statistically strong association are called collocations (e.g. ‘professional reputation’, ‘international reputation’, ‘gain reputation’).

The research starts with forming the queries ADJ REPUTATION and VERB * REPUTATION in List section of Corpus of Contemporary American English (COCA) where the words typed in capitals represent lemmas. A lemma includes all possible grammatical variations of the lexeme in the corpus. To include the results with determiners or prepositions before ‘reputation’, the symbol * is used to introduce an additional token. Further on, the symbol (*) denotes constructions with an additional token before ‘reputation’ and without it. The results in the queries are sorted by frequency. The query ADJ REPUTATION provides 1,325 unique forms with total frequency of 6,319 tokens while the query VERB * REPUTATION produces 2,820 unique forms and 6,888 tokens in total and VERB REPUTATION – 198 unique forms and 315 tokens. The present research encompasses top 100 entries of each of the queries, that is 98 unique forms in ADJ REPUTATION with total frequency of 4,088 tokens and in VERB (*) REPUTATION – 57 unique forms with total frequency of 6,190. The obtained sampling is then refined by means of contextual analysis. Contextual analysis helps to clear up the initial sampling from the collocations where components have no direct syntactic connections. For example, the collocation ‘google reputation’ can be obtained as an entry of the

query VERB REPUTATION. Contextual analysis provides an opportunity to look at the phrase in a wider context – ‘Just google reputation management’ – where ‘reputation’ functions as an attribute and has a primary syntactic connection to the lexeme ‘management’ in ‘noun+noun’ construction rather than with ‘google’. Another example is ‘given his reputation’ in the context ‘His dire financial straits were surprising, given his reputation as a savvy market forecaster’ where ‘given’ is a derivative preposition and not a verb.

Subsequently, the adjective and verb collocates of the lexeme ‘reputation’ are grouped into semantic clusters. Semantic clusterisation is the method of breaking collocations into groups based on the shared semantic features of their collocates (Ivanova & Medvedeva 2022: 687). A close examination of the semantic clusters is aimed at unveiling semantic complexity of the lexeme ‘reputation’ as well as identifying the current trends of usage. As a rule, clusters contain lexemes that represent the same semantic domain and are sometimes related to each other as hyponyms and hyperonyms. For example, ‘academic reputation’, ‘political reputation’ and ‘military reputation’ are hyponyms that belong to the hyperonym ‘professional reputation’. After clusterisation the resultative meanings of the collocations in the clusters are examined and generalized.

In conclusion, the strength of association between ‘reputation’ and the verbs and adjectives in the sampling is calculated by means of log-likelihood association measure. In this research, instead of applying Fisher’s exact test to covarying collexemes as in (Stefanowitsch & Gries 2005), we choose log-likelihood measure due to the fact that Fisher’s exact test requires immense computational capacities for analyzing large datasets (Evert 2005: 80). In its turn, log-likelihood score helps rank the collocations based on the strength of association between the lexemes in comparison to the expected frequency of their co-occurrence. The calculations used in this paper are based on the algorithm provided in (Brezina 2018: 69–72). According to S. Evert, log-likelihood score shall be interpreted as follows – the higher the score, the stronger the association (Evert 2005: 337). The null hypothesis h_0 stipulates that there is no relation between the collocates and ‘reputation’ in the sampling, hence their log-likelihood score (LL) does not exceed the expected frequency of co-occurrence (E11).

4. Results

The query ADJ REPUTATION provided 1,325 unique forms represented by 6,319 tokens. The most frequent collocations are ‘bad reputation’ (481), ‘good reputation’ (449), ‘international reputation’ (234), ‘national reputation’ (225), ‘great reputation’ (141), ‘professional reputation’ (107), ‘academic reputation’ (107), ‘online reputation’ (105). The sampling consists of 98 collocations ranged by frequency with 4,088 total number of tokens. The least frequent collocations have a frequency of 9 tokens and comprise 0,22% of the total amount of tokens in the sampling. The collocational analysis enabled to form 7 semantic clusters ranged from the most extensive to relatively small.

1. Positive adjective + REPUTATION – the cluster includes 23 unique forms represented by 1,345 tokens. Here the term ‘positive adjective’ is used to describe adjectives with positive denotative meanings. The adjectives can be grouped into several semantic sub-clusters: adjectives of size (‘growing reputation’ (77), ‘big reputation’ (28), ‘highest reputation’ (9), ‘high reputation’ (47)); adjectives of evaluation (‘impeccable reputation’ (36), ‘best reputation’ (25), ‘positive reputation’ (31), ‘better reputation’ (38), ‘good reputations’ (38), ‘good reputation’ (449), ‘excellent reputation’ (71), ‘great reputation’ (141), ‘fine reputation’ (21), ‘outstanding reputation’ (21)); adjectives of emotion and attitude (‘impressive reputation’ (13), ‘enviable reputation’ (11)); adjectives of appearance (‘spotless reputation’ (18)); adjectives of firmness and durability (‘strong reputation’ (70), ‘solid reputation’ (81)), as well as adjectives of result (‘established reputation’ (23), ‘well-earned reputation’ (48), ‘deserved reputation’ (38), ‘hard-earned reputation’ (11)). The most represented subcluster is adjectives of evaluation which includes 871 tokens (~64,8%) followed by adjectives of size – 161 tokens (~12,0%), adjectives of firmness and durability – 151 tokens (~11,2%), adjectives of result – 82 tokens (~6,1%), adjectives of emotion – 24 (~1,8%) and adjectives of appearance – 18 (~1,3%). High frequency of adjectives of evaluation substantiates the idea expressed by L.P. Poznyak that the lexeme ‘glory’ is strongly associated with the lexeme ‘reputation’ as “evaluation is a key factor in forming of axiological picture of the world” (Poznyak 2019: 8). As both ‘glory’ and ‘reputation’ belong to the same conceptual field, the factor of evaluation can be equally relevant when analysing both lexemes. Moreover, it is worth mentioning that the lexeme ‘reputation’ tends to collocate with clusters of adjectives that are typically used to describe tangible objects and their properties. Regarding this matter, Golovanivskaya mentions that abstract notions that inevitably date back to concrete notions strive to become concrete but on a completely different level – they acquire features of concrete objects through material connotation which forms secondary and eclectic concrete image attached to these abstract notions (Golovanivskaya 2018: 103). Selmistraitis and Boikova argue that “we use physical things that we have more experience with, like war, journeys, buildings, and food to understand concepts that are more abstract or actions like arguments, love, theories, and ideas. Since the majority of our experience comes from contact with the physical world, it is understandable that we will use it to comprehend abstract concepts” (Selmistraitis & Boikova 2020: 15). Thus, reputation may be characterized by a certain size and the larger the reputation, the better. It might be assumed that negative reputation cannot be large and positive reputation, on the other hand, is never small. Positive reputation glows like a precious gemstone and can be spotless like a piece of fabric. In such collocations adjective collocates are used metaphorically.

In his latest research, Patekar points out that in the recent studies on collocations published in English they are called ‘metaphorical collocations’ (Patekar 2022). The author specifies that the notion itself is rarely used, and if is,

the researchers mostly consider it self-explanatory thus avoiding giving it a proper definition. Keglević Blažević also mentions that “regardless of the different approaches, it can be observed that some collocations show a kind of change in meaning. These are referred to as metaphorical collocations and are understood as a subcategory. The collocate of the metaphorical collocation has more than one meaning, and is, therefore, polysemous” (Keglević Blažević 2022: 190). Patekar proposes the following definition of metaphorical collocations: “a specific type of a collocation in which the collocate is used figuratively and the base literally, thus imbuing the collocation with metaphorical meaning and distinguishing it from a metaphorical expression in which none of the components is used literally” (Patekar 2022: 45). Consequently, this definition can be applied to the collocations in question. The collocations where the lexeme ‘reputation’ is combined with adjectives denoting features of tangible objects have the lexeme ‘reputation’ as the base with literal meaning while adjective collocates are used figuratively.

Moreover, in COCA the form ‘N-earned reputation’, where N is a variable, can be filled with ‘well’, ‘long’ and ‘hard’, meaning that good reputation can only be gained by efforts and hard work, which is explicated on the lexical level. Meanwhile, the expression ‘easy-earned reputation’ does not occur in COCA. Search via Google provides only four relevant entries. Among them there is a message on the text-based RPG forum that warns “when factions with 700,000 and 1,400,000 respect, with membership requirements like a minimum of 1,000,000 in battle stats per player, declare war on a new faction with mostly level 3–5 member, with combined total battle stats of all members of not more than maybe 300,000... is it fair to say those faction leaders are nothing but absolute cowards? Looking to make some easy-earned reputation by beating on two-week-old players. What a bunch of losers” (TORN, date of reference 15.08.2022). Another example can be found on the website of Nigerian daily newspaper, Blueprint Newspaper: “Tax Collectors have had a long easy-earned reputation of skewing the process. The famed short, mean Zacchaeus in the Holy Book often cheated on people” (Blueprint, date of reference: 15.08.2022).

It can be concluded that the expression ‘easy-earned reputation’, however possible, denotes the reputation gained in a dishonest way by cheating, abuse of power or due to unfair competition. Such reputation is widely reproached and is considered a shame. The examples in question prove that social and cultural expectations and values are embraced in language and going against the social norms and conventions often results in a public disgrace. This substantiates the idea that “metaphor is part of the system of human thinking that conceptualizes one concept to another in the form of life behavior as a sociocultural and historical experience of a society” (Sarif et al. 2020: 54). This stance is supported by Kozlova positing that metaphor most fully reflects ethnic and cultural relatedness of cognition as it embodies culture-specific experience (Kozlova 2020: 919). It can be further assumed that the balance between socially accepted and socially disapproved actions can be reflected in the frequency of such collocations.

In terms of genres, the majority of the collocations (~63%) can be found in newspaper (231), magazine (207), blog (205) and web-general (182) sections of COCA. The spoken section is represented by 164 collocations (~12,5%) from this cluster.

2. Negative adjective + REPUTATION – the cluster includes 17 unique forms represented by 886 tokens. As in the cluster above, the term ‘negative adjective’ is used to describe adjectives with negative denotative meaning correspondingly. The negative adjectives can be further grouped into the following semantic sub-clusters: adjectives of evaluation (‘bad reputation’ (481), ‘bad reputations’ (24), ‘negative reputation’ (37), ‘the worst reputation’ (18), ‘the worst reputations’ (10), ‘nasty reputation’ (18), ‘poor reputation’ (48)); adjectives of emotion (‘fearsome reputation’ (36), ‘terrible reputation’ (31), ‘horrible reputation’ (19)); adjectives of physical condition (‘tarnished reputation’ (51), ‘damaged reputation’ (18), ‘tattered reputation’ (11), ‘battered reputation’ (11)) and adjectives of attitude (‘undeserved reputation’ (17), ‘notorious reputation’ (29), ‘unsavory reputation’ (27)). Additionally, beyond the imposed limitations on frequency, we can find adjectives of pattern and texture – ‘checkered’ (7) and ‘fraying’ (1). The adjective ‘checkered’ falls into the cluster because it does not only define a pattern but also has the metaphorical meaning in collocations with abstract nouns such as ‘past’, ‘reputation’, ‘career’ – “marked by alternation or contrast of fortune; marked by many problems or failures” (MWD, date of reference: 15.08.2023). The adjective ‘fraying’ is derived from the verb ‘fray’ that means “to become or to cause the threads in cloth or rope to become slightly separated, forming loose threads at the edge or end” (CDO, date of reference: 15.08.2023). The fact that this verb collocates with the lexeme ‘reputation’ substantiates the idea that reputation is metaphorically represented as a piece of fabric.

The subcluster with adjectives of evaluation comprises almost 636 tokens (~71,8%), adjectives of emotion reach the number of 86 and represent ~9,7% of the cluster, while the subcluster of adjectives denoting physical condition have 91 tokens per subcluster (~10,3%) and adjectives of attitude – 73 tokens (~8,2%). The cluster shows the same tendency as the previous one: the lexeme ‘reputation’ collocates with the adjectives denoting properties of tangible objects. The current cluster also lacks the subcluster with adjectives of size. However, a case of metonymy in the collocations ‘notorious reputation’, ‘unfortunate reputation’ and ‘esteemed reputation’ in which the mentioned qualities of a person are attributed to the reputation is also worth observing (LDOCE, date of reference: 29.01.2022). The attribution of the quality typical for a human being enables to personificate reputation thus creating an additional metaphorical representation – ‘reputation as a human being’. Kuznetsova argues that while in metaphor the source domain is mapped onto the target domain, metonymy is based on establishing connection between elements of the same conceptual structure (Kuznetsova 2021: 73). Thus, it can be concluded that metaphor can merge with metonymy. The metaphorical representation of reputation as a human being helps to depict reputation, especially

bad reputation, as something independent from its proprietor, something that lives its own life, something that cannot be controlled. Furthermore, the majority of collocations are found in newspaper (129), magazine (128), web-general (119) and blog (138) sections of COCA (~58%).

3. Adjectives of scope and environment + REPUTATION – the cluster is represented by 14 unique forms and 814 tokens. The collocations from this cluster can be alternated as follows ‘regional reputation’ – ‘reputation in the region’, ‘public reputation’ – ‘reputation with the public’, ‘critical reputation’ – ‘reputation with the critics’. The shared sense of the adjectives is ‘a place, territory or a community’ as an environment for reputation. It is worth mentioning that in collocation ‘historical reputation’ (16) history is perceived as an environment for reputation. The most frequent collocations in the cluster are ‘international reputation’ (234), ‘national reputation’ (225) and ‘online reputation’ (102), with the collocation ‘international reputation’ being used the most in academic (60), newspaper (43) and magazine (42) sections, ‘national reputation’ in newspaper section (99) and ‘online reputation’ in blog section (64) of COCA. It can be assumed that in American culture, the wide use of the collocation ‘national reputation’ in the press has a stronger appeal.

4. Adjectives of status + REPUTATION – the cluster comprises 23 unique forms and 637 tokens. The collocations from this cluster can be alternated as follows: ‘artistic reputation’ – ‘reputation as an artist’, ‘progressive reputation’ – ‘the reputation of being progressive’. In the cluster three subclusters can be identified. The first subcluster includes adjectives denoting fields of activities (‘political reputation’ (20), ‘artistic reputation’ (18), ‘literary reputation’ (44), ‘academic reputation’ (105), ‘intellectual reputation’ (9), ‘literary reputations’ (10), ‘academic reputations’ (9), ‘military reputations’ (10), ‘scholarly reputation’ (11), ‘scientific reputation’ (25), ‘defensive reputation’ (10)). Collocations with the adjectives of position and status relate to the second subcluster: ‘institutional reputation’ (10), ‘professional reputation’ (107), ‘professional reputations’ (24), ‘corporate reputation’ (36), ‘personal reputation’ (48), ‘corporate reputations’ (11), ‘personal reputations’ (18), ‘stellar reputation’ (65), ‘legendary reputation’ (11). The third cluster consists of collocations with adjectives denoting personal outlooks – ‘conservative reputation’ (12), ‘liberal reputation’ (11), ‘progressive reputation’ (13). Thus, collocations with adjectives of fields of activities account for 42,5%, collocations with adjectives of status – 52%, collocations with adjectives of outlook – 5,5%. From the stylistic standpoint, the majority of the collocations in the cluster are used in academic (154), newspaper (102) and magazine (123) sections of COCA.

5. Adjectives of uncertainty + REPUTATION – the cluster includes 8 unique forms and 210 tokens. Adjectives in the cluster can denote either positive or negative reputation depending on the general context, for instance, ‘certain reputation’ (23), ‘controversial reputation’ (9), ‘dubious reputation’ (18), ‘mixed reputation’ (16). In the collocations ‘considerable reputation’ (27) and ‘formidable

reputation’ (16), the adjectives make the lexeme ‘reputation’ function as a synonym of ‘power’ and ‘influence’. Most collocations from the cluster belong to magazine (45), newspaper (41) and fiction (28) sections of COCA.

6. Adjective of time + REPUTATION – the cluster comprises 9 unique forms and 133 tokens. The collocations from the cluster contain adjectives which denote age, time period and longevity of reputation – ‘enduring reputation’ (9), ‘new reputation’ (22), ‘longstanding reputation’ (18), ‘posthumous reputation’ (16), ‘past reputation’ (15), ‘old reputation’ (12), ‘long-standing reputation’ (15), ‘early reputation’ (15), ‘prior reputation’ (11). The collocations from the cluster are the most frequent in academic (38), magazine (37) and newspaper (25) sections of COCA.

7. Adjectives of wholesomeness + REPUTATION – the cluster consists of 4 unique forms and 63 tokens. Collocations ‘general reputation’ (23) and ‘overall reputation’ (14) are used in academic, blog and web-general sections while ‘entire reputation’ (11) and ‘whole reputation’ (15) in movies, magazines and spoken sections of COCA.

Moreover, in the selection there are 199 cases of using the lexeme ‘reputation’, which is an abstract noun, in its plural form. This can be explained by the examination of the immediate context: the lexeme ‘reputations’ occurs when talking about a number of entities (companies, people, institutions, organizations, etc.) and thus underlining an individual character character of each of their reputations.

Speaking of the metaphorical collocations with the lexeme ‘reputation’, two major types of representation can be identified – reputation as a tangible object (objectification based on metaphor) and reputation as a person (personification based on metonymy). According to Šeškauskienė and Stepančuk, such tendencies “are in line with the cognitive principle of embodiment, because our perception of abstractions in terms of objects or humans arises from our interaction with the world, where people and the material world taking the form of concrete objects are the main ‘interacting sides’” (Šeškauskienė & Stepančuk 2014: 116).

The query VERB * REPUTATION provided 2,354 unique forms represented by 6,886 tokens. The initial sampling includes the first one hundred of collocations ranged by frequency. After excluding collocations with modal verbs and auxiliary verbs from the selection, 57 unique forms with 6,190 total number of tokens have been obtained. The collocations are further grouped into eight semantic clusters and sorted by frequency.

1. ‘TO GET’ verbs + REPUTATION – the cluster is the largest in the query results and is represented by 8 main verbs and 2,015 collocations. The most frequent verbs in the cluster are ‘earn’ – 760 tokens (~37,7%), ‘get’ – 550 (~27,3%), ‘gain’ – 423 (~20,1%). The collocations are frequently used in magazine (443), newspaper (439), web-general (232) sections of COCA (~55,3%). The collocations are the least represented in fiction (149), blog (180) and TV/movies (182) sections. It is worth mentioning, the lexeme ‘reputation’ collocates with the verb ‘earn’,

which means that reputation can be obtained as a result of work and efforts, and the verb ‘gain’, which, as the previous research suggests, “is most frequently used to point to a progressive step-by-step change, a steady improvement specifically related to intellectual abilities, skills, power and control” (Ivanova & Medvedeva 2022: 689).

2. ‘TO CREATE’ verbs + REPUTATION – the cluster includes 16 unique verb forms and 1,992 tokens. The most frequent verbs in the cluster are ‘build’ – 686 (~34,4%) and ‘develop’ – 407 (~20,4%). The cluster also includes the verb ‘burnish’ with its literary meaning ‘to rub metal until it is smooth and shiny’, the verb ‘forge’ – “to form (something, such as metal) by heating and hammering; to form or bring into being especially by an expenditure of effort” as well as the verb ‘cultivate’ – ‘to prepare land and grow crops on it, or to grow a particular crop’, the verb ‘garner’ – ‘to collect something, usually after much work or with difficulty’, the verb ‘bolster’ – ‘to support or improve something or make it stronger’ and the verb ‘cement’ – ‘to put cement on a surface or stick things together using cement’ (CDO, date of reference: 29.01.2022; MWD, date of reference 15.08.2023). The mentioned verbs denote manipulations with a tangible object and point out to metaphorical representation of reputation. The actions represented by these verbs imply intensions and efforts put into improving the properties of a tangible object. The properties to be improved correlate with those in ‘positive adjective + REPUTATION’ cluster – adjectives of size (‘big reputation’, ‘wide reputation’), appearance (‘glowing reputation’) as well as firmness and durability (‘solid reputation’, ‘strong reputation’). The collocations have a high frequency rate in newspaper (513) and magazine (427) sections of COCA.

3. ‘TO DESTROY’ verbs + REPUTATION – the cluster comprises 17 unique verb forms and 1,194 tokens. The most frequent verbs are ‘ruin’ – 274, ‘damage’ – 263 and ‘destroy’ – 190, which mirror the verbs ‘build’ and ‘cement’ from the previous cluster. Additionally, the current cluster includes the verbs ‘sully’ – ‘to spoil something that is pure’ and ‘tarnish’ – ‘to make or (especially of metal) become less bright or a different color’ (CDO, date of reference: 29.01.2022). The mentioned literal meanings of the verbs again correlate with such qualities of a good reputation as being spotless and glowing. Moreover, co-occurrence with the verb ‘kill’ personifies reputation. The collocations from this cluster fall into the category where, according to Vinogradova and Vorobyova, imagery and value components are realised by the semantically close lexemes denoting authority, respect, grace, fame and approval, on the one hand, combined with the verbs which explicate the semes of loss, depreciation and damage done to the social status of an individual, on the other hand (Vinogradova & Vorobyova 2019: 148). The collocations from the cluster tend to fall into blog (233), web-general (176) and spoken (175) sections of COCA.

4. ‘TO SAVE’ verbs + REPUTATION – the cluster consists of 296 tokens and 4 verbs: protect – 180, save – 54, defend – 31, salvage – 31. Interestingly enough,

the literary meaning of the verb ‘salvage’ is ‘to save goods from damage or destruction, especially from a ship that has sunk or been damaged or a building that has been damaged by fire or a flood’ (CDO, date of reference: 29.01.2022) denotes manipulation with a tangible object, efforts put into keeping reputation from damage and destruction.

5. ‘TO RESTORE’ verbs + REPUTATION – the cluster comprises 189 tokens and 5 unique verb forms: ‘restore’ – 96, ‘repair’ – 28, ‘rebuild’ – 23, ‘redeem’ – 23, ‘rehabilitate’ – 19. The majority of collocations are used in newspaper (43) and spoken (35) sections of COCA. The verb ‘rehabilitate’ personifies reputation as it means ‘to return someone to a good, healthy, or normal life or condition after they have been in prison, been very ill, etc.’ or together with the verbs ‘rebuild’, ‘restore’ and ‘repair’ contributes to metaphorical representation ‘reputation is a tangible object’ with its meaning ‘to return something to a good condition’ (CDO, date of reference: 18.08.2023).

6. ‘TO CARE FOR’ verbs + REPUTATION – the cluster includes 177 tokens and 4 unique verb forms: ‘maintain’ – 77, ‘keep’ – 38, ‘preserve’ – 33, ‘care’ – 29. Among the verbs, the verb ‘maintain’ has a literary meaning ‘not allow to become less’ (CDO, date of reference: 29.01.2022) which substantiates that the larger the reputation, the better. It can be assumed that reputation can be damaged not only by actions but also by time itself and thus needs to be taken care of. The key sections for the collocations in COCA are blog (33), web-general (31), newspaper (27) and magazine (26).

7. ‘TO RISK’ verbs + REPUTATION – the cluster numbers 170 tokens and 2 unique verb forms: ‘stake’ – 97 and ‘risk’ – 73. Reputation is again perceived as a tangible and valuable object that can be put as a stake in gambling. The collocations are frequently used in TV/movies (35), newspaper (29) and blog (27) sections.

8. TO ENJOY + REPUTATION – the cluster is represented by the verb ‘enjoy’ accounting for 157 tokens. This specific cluster substantiates that having a reputation can bring positive emotions and the joy of one’s accomplishments. The collocations from the cluster belong to magazine (46), newspaper (31) and academic (28) sections.

Beyond the sampling analysed in the current research, an additional cluster can be obtained. Generally, it encompasses verbs of evaluation such as ‘gauge’, ‘monitor’ and ‘evaluate’ that rarely collocate with ‘reputation’.

Further on, the table below represents adjectives and verbs as collocates of ‘reputation’ ranked from high to low log-likelihood score. ‘Obs. Freq., O11’ stands for ‘observed frequency of co-occurrence’ and corresponds to the number of exact hits in the corpus (‘good reputation’ – 449, ‘international reputation’ – 234) while ‘Exp. Freq., E11’ stands for ‘expected frequency of co-occurrence’ – the chance of random co-occurrence of the linguistic variables in question.

Table 1. Log-likelihood score of collocates in 'adjective reputation' and 'verb * reputation' constructions

ADJ+REPUTATION				VERB * REPUTATION			
Collocate	Obs. Freq., O11	Exp. Freq., E11	Log-likelihood score, LL	Collocate	Obs. Freq., O11	Exp. Freq., E11	Log-likelihood score, LL
bad	481	4,15437	1575,25	earn	760	3,95312	2825,60
good	449	31,08279	681,23	build	686	12,86475	1787,16
international	234	4,40988	608,75	gain	423	3,92953	1357,22
national	225	9,00159	442,21	ruin	274	1,34831	1029,87
well-earned	48	0,00749	327,76	develop	407	9,44395	983,96
tarnished	51	0,01703	312,26	damage	263	1,38561	972,84
academic	105	1,61389	291,24	tarnish	105	0,10434	542,20
stellar	65	0,14835	287,49	destroy	190	4,31048	462,39
online	102	1,64612	278,66	stake	97	0,26516	414,15
professional	107	2,26199	267,68	protect	180	7,08321	353,14
solid	81	1,12694	231,56	hurt	54	0,02035	326,58
deserved	38	0,01647	223,72	enjoy	157	7,24537	286,68
growing	77	1,47236	199,18	risk	97	1,37129	275,48
excellent	71	1,30979	185,82	acquire	102	2,01825	260,10
fearsome	36	0,04250	179,97	restore	96	1,60899	258,53
impeccable	36	0,05729	170,55	besmirch	93	1,70377	243,31
great	141	15,43287	162,13	cement	55	0,14337	237,08
unsavory	27	0,03101	135,63	sully	33	0,09802	138,46
literary	44	0,65159	123,41	enhance	86	5,99771	126,96
strong	70	4,19731	114,02	get	550	187,18663	121,75
notorious	29	0,19808	100,65	burnish	25	0,03741	119,97
undeserved	17	0,01493	89,41	maintain	77	5,07369	117,33
professional	24	0,15755	84,19	salvage	31	0,20868	107,95
spotless	18	0,03545	81,92	bolster	30	0,34383	90,62
posthumous	16	0,02396	76,65	cultivate	31	0,47786	85,69
poor	48	3,39206	71,77	redeem	23	0,26421	69,42
corporate	36	1,44577	70,54	rehabilitate	19	0,12782	66,17
longstanding	18	0,07912	69,34	repair	28	0,82773	61,71
established	23	0,27064	69,04	preserve	33	1,77261	55,95
considerable	27	0,56048	67,93	rebuild	23	0,90898	44,98
negative	37	1,80632	66,50	forge	19	0,51404	43,32
damaged	18	0,12584	62,11	save	54	9,02877	40,95
dubious	18	0,14211	60,22	garner	13	0,18083	37,09
personal	48	4,59328	60,17	defend	31	3,12153	36,26
terrible	31	1,45822	56,67	trash	14	0,29641	34,87
outstanding	21	0,43444	52,90	affect	26	5,48383	14,96
long-standing	15	0,10700	51,49	gauge	1	0,05650	1,68
formidable	16	0,16708	49,67	monitor	2	1,76042	0,75
enviable	11	0,02438	48,92	care	29	12,77033	0,82
hard-earned	11	0,03042	46,80	evaluate	2	1,98934	0,86
historical	27	1,53862	45,09	kill	17	17,18339	7,46
nasty	18	0,43693	42,89	keep	38	35,03091	15,10
positive	31	2,57898	42,28	–	–	–	–

ADJ+REPUTATION				VERB * REPUTATION			
Collocate	Obs. Freq., O11	Exp. Freq., E11	Log-likelihood score, LL	Collocate	Obs. Freq., O11	Exp. Freq., E11	Log-likelihood score, LL
artistic	18	0,47132	41,74	–	–	–	–
tattered	11	0,06416	39,68	–	–	–	–
scientific	25	1,60891	39,27	–	–	–	–
mixed	16	0,36435	38,99	–	–	–	–
literary	10	0,04539	38,24	–	–	–	–
horrible	19	0,76762	37,13	–	–	–	–
battered	11	0,12595	33,27	–	–	–	–
worst	10	0,12062	29,81	–	–	–	–
better	38	6,91876	29,24	–	–	–	–
high	47	10,70497	28,89	–	–	–	–
checked	7	0,02673	27,82	–	–	–	–
academic	9	0,11241	26,56	–	–	–	–
scholarly	10	0,18894	25,96	–	–	–	–
legendary	11	0,29689	25,22	–	–	–	–
enduring	9	0,15959	23,85	–	–	–	–
impressive	13	0,66227	22,90	–	–	–	–
worst	18	1,73176	22,48	–	–	–	–
military	10	0,31853	21,55	–	–	–	–
glowing	8	0,13901	21,34	–	–	–	–
prior	11	0,46061	21,17	–	–	–	–
unfortunate	10	0,37126	20,25	–	–	–	–
progressive	11	0,55125	19,53	–	–	–	–
overall	14	1,21305	18,64	–	–	–	–
general	23	4,09040	18,08	–	–	–	–
institutional	10	0,51661	17,50	–	–	–	–
certain	23	4,30727	17,24	–	–	–	–
controversial	9	0,58329	14,08	–	–	–	–
defensive	10	0,79558	13,99	–	–	–	–
conservative	12	1,37406	13,36	–	–	–	–
intellectual	9	0,70656	12,69	–	–	–	–
fine	21	4,97547	12,35	–	–	–	–
liberal	11	1,24859	12,32	–	–	–	–
past	15	3,60233	8,69	–	–	–	–
highest	9	1,27042	8,59	–	–	–	–
wide	10	1,84457	7,60	–	–	–	–
best	25	9,72976	7,23	–	–	–	–
political	20	7,81211	5,75	–	–	–	–
early	15	4,98928	5,65	–	–	–	–
big	28	13,14875	5,49	–	–	–	–
entire	11	3,42211	4,58	–	–	–	–
fraying	1	0,00341	4,07	–	–	–	–
whole	15	6,51890	3,49	–	–	–	–
old	12	6,78736	1,41	–	–	–	–
new	22	27,96813	0,60	–	–	–	–

The null hypothesis h_0 stipulating non-existent association between ‘reputation’ and its collocates proved true in a few cases with adjectives ‘best reputation’ (LL 7,23 < E11 9,73), ‘political reputation’ (LL 5,75 < E11 7,81), ‘big reputation’ (LL 5,49 < E11 13,15), ‘whole reputation’ (LL 3,49 < E11 6,52), ‘old reputation’ (LL 1,41 < E11 6,79), ‘new reputation’ (LL 0,60 < E11 27,98) as well as verbs – ‘monitor reputation’ (LL 0,75 < E11 1,76), ‘care * reputation’ (LL 0,82 < E11 12,77), ‘evaluate reputation’ (LL 0,86 < E11 1,99), ‘kill reputation’ (LL 7,46 < E11 17,18), ‘keep reputation’ (LL 15,1 < E11 35,03) and even ‘get reputation’ (LL 121,75 < E11 181,19). Despite relatively high frequency of co-occurrence in COCA, these collocations are rather occasional. On the one hand, weak association can be explained by semantics of some of the collocates, for example, reputation can not be broken into separate pieces. However, ‘whole reputation’ implies otherwise. Reputation can not be old or new because once established it can not be replaced with a new one despite the fact that reputation is metaphorically represented as a tangible valuable object. On the other hand, high expected frequency of such collocations can be explained by the fact that the collocates in question have a very high observed frequency in COCA on their own and “prefer” other nouns.

As reputation invokes emotion, adjective collocates of the lexeme are more likely to denote attitude and evaluation rather than the size of it – ‘excellent’, ‘good’, ‘bad’, ‘nasty’, ‘impeccable’. As is seen from the chart, adjectives of evaluation, emotion and attitude have a stronger association with ‘reputation’. The strongest association can be observed in collocations with adjectives that express evaluation (‘bad’, ‘good’, ‘solid’, ‘tarnished’, ‘stellar’), scope and environment (‘national’, ‘international’, ‘academic’, ‘online’), field of activities (‘professional’) and result (‘well-earned’, ‘deserved’). Adjective ‘high’ helps introduce metaphorical representation of a scale making it possible to measure reputation. As for the verbs most strongly associated with the lexeme ‘reputation’, it is worth mentioning that they denote actions that imply effort, time, hard work and bring positive results – ‘earn’, ‘build’, ‘develop’, ‘gain’ – while ‘ruin’ and ‘damage’ represent uncautious and careless actions with unwanted consequences. Thus, it can be assumed that being a fragile object, reputation requires active and constant efforts to make it solid and caution so as not to damage it.

5. Discussion

The results of the current research justify the statement made by Golovanivskaya about abstract notions striving to become concrete by acquiring features of tangible objects through material connotation which forms secondary and eclectic concrete image attached to these abstract notions. This is exemplified by collocations with adjectives of condition (‘tarnished’, ‘tattered’, ‘battered’), appearance (‘spotless’, ‘glowing’) as well as adjectives of pattern and texture (‘checkered’, ‘fraying’) where reputation is metaphorically represented as a piece of fabric or as a valuable object made of precious metal. These metaphorical

representations might explain why ‘reputation’ collocates with adjectives of firmness and durability such as ‘strong’ and ‘solid’. Additionally, the adjectives of appearance – ‘glowing’ and ‘tarnished’ – indicate that reputation is metaphorically related to visibility (Anderson & Shirako 2008: 320). Meanwhile, verbs ‘build’, ‘cement’, ‘destroy’, ‘rebuild’, ‘repair’ activate metaphorical representation ‘reputation as a building’ and verbs ‘tarnish’, ‘forge’, ‘burnish’ help represent reputation as an object made of precious metal. Moreover, the verb ‘salvage’ indicates that reputation is of utmost importance. This substantiates the idea expressed in (Sarif et al. 2020: 54) who claim that metaphor serves as an essential component of human thinking that conceptualizes sociocultural and historical experience of a society in the form of behavior.

Chernyavskaya also points out that reputation serves as “seals of approval or disapproval” and requires taking into consideration what is assumed to be “positive, desirable and obligatory by the representative majority” (Chernyavskaya 2022: 65). This statement is substantiated by two groups of adjective collocates that express approval and disapproval – ‘good’, ‘positive’, ‘excellent’, ‘impeccable’, ‘outstanding’ and ‘bad’, ‘nasty’, ‘negative’. The social expectations, values and beliefs are to some extent reflected by the collocation ‘ADV-earned reputation’ that can be filled with ‘well’, ‘long’ and ‘hard’. This means that only hard work, efforts and time can yield positive results and fame. In contrast, ‘easy-earned reputation’ is reproached because of having been obtained in a dishonest way by cheating, abuse of power or due to unfair competition.

Additionally, the research elaborates on the definition given in (Kearns et al. 2013: 3) that reputation is an evaluative meta-belief resulted from a person’s actions and behavior in the past. The ‘meta-belief’ nature of reputation is exemplified by adjectives that denote fields of activities – ‘literary’, ‘scholarly’, ‘academic’, ‘military’ etc. These fields metonymically represent members of professional communities who evaluate their colleague – the proprietor of reputation. When defining reputation, Chernyavskaya states that “reputation is an obtained and long-standing public appraisal” (Chernyavskaya 2022: 65). The results of the current research testify that the adjectives of time that collocate with ‘reputation’ usually denote a long period of time that began in the past, for example, ‘early’, ‘past’, ‘prior’, ‘enduring’, ‘long-standing’.

6. Conclusions

Overall, 7 clusters of ‘adjective reputation’ and 8 clusters of ‘verb reputation’ have been obtained. The collocations with the lexeme ‘reputation’ as their main component are mostly found in newspaper, magazine, blog and web-general sections of COCA. On the collocational level, reputation has a wide metaphorical representation both in ‘adjective reputation’ and ‘verb reputation’ constructions where it inherits various properties of tangible objects.

The most typical metaphorical representations of reputation are ‘reputation as a building’, ‘reputation as a piece of fabric’, ‘reputation as a valuable object made

of precious metal'. Just as tangible objects, positive reputation, unlike the negative one, can have a certain size, and the bigger the reputation, the better it is. Positive reputation is always solid and strong, it can be earned as a reward, built, burnished, salvaged or destroyed. Positive reputation is spotless, pure and glowing. Once gained, reputation should be maintained, cemented and protected and, if damaged or destroyed, needs repairing and rebuilding. Reputation can provoke emotions, such as envy and fear, and can be used to influence others. Reputation is not gained easily, though it can be undeserved. Gaining reputation requires efforts, hard work and patience, whereas easy-earned reputation is considered to be a disgrace.

It has been established that the adjectives of evaluation, scope and environment, field of activities, emotion and attitude have the strongest association with 'reputation'. However, despite strong material connotations, reputation is very unlikely to be old or new because it is perceived as an inherent part of a person and can not be thrown away or replaced. Meanwhile, the verbs that show the strongest association with 'reputation' denote actions that imply effort, time and hard work, on the one hand, or uncautious and careless actions with unwanted consequences, on the other hand. Such verbs help represent reputation as a fragile object that requires constant attention and efforts to make and keep it solid as well as caution so as not to break it.

Despite being an abstract noun, reputation can be used as a countable noun meaning that reputation is something deeply individual. Through metonymy reputation can have the same qualities as its proprietor ('notorious reputation', 'unfortunate reputation'). Moreover, it can be assumed that the cases of metonymy 'notorious reputation', 'unfortunate reputation', 'reputations' help personify this notion. Unlike its proprietor, reputation is omnipresent – it precedes and substitutes the person when s/he is not around. In other words, "reputation also works as an "information strainer", which reflects evaluative attitude to a personality or an institution" (Chernyavskaya 2022: 65).

Reputation accumulates over time, exists in social environment and changes throughout life. Such strong emphasis on time helps predict the future actions and behavior of a person thus giving control and minimizing uncertainty due to its evaluative and categorizing nature.

Thus, the outcomes of the collostructional analysis make it possible to outline the semantic complexity of the lexeme 'reputation' by examining its linguistic habitat. As an abstract noun, the lexeme 'reputation' has an extensive and varied representation in metaphorical collocations. The obtained data may be used in second language teaching and learning, studies on metaphorical processing and conceptualization as well as cultural linguistics, lexicography and translatology. The research may be further extended with results of corpus-based and corpus-driven analysis of the lexemes 'image', 'face', 'fame' and 'recognition', which sometimes can be used interchangeably, in 'adjective noun' and 'verb noun' constructions.

REFERENCES

- Ackerman, Farrell, Paul Kay & Mary O'Connor. 2014. Charles J. Fillmore. *Language*. <https://doi.org/10.1353/lan.2014.0060>
- Akhmanova, Olga S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov (The dictionary of linguistic terms)*. 2nd ed-n ster. M: Editorial URSS. (In Russ.).
- Anderson, Cameron & Aiwa Shirako. 2008. Are individuals' reputations related to their history of behavior? *Journal of Personality and Social Psychology* 94. 320–33. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.320>
- Bednarek, Monika, Peter Crosthwaite & Alexandra Garcia. 2020. Corpus linguistics and education in Australia. *Australian Review of Applied Linguistics* 43. 105–116. <https://doi.org/10.1075/aral.00029.edi>
- Bila, Magdalena & Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Brezina, Vaclav. 2018. *Statistics in Corpus Linguistics. A Practical Guide*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316410899>
- Brysbaert, Marc, Paweł Mandera & Emmanuel Keuleers. 2017. Corpus linguistics. In Annette M B DeGroot & Peter Hagoort (eds.), *Research methods in psycholinguistics and the neurobiology of language: A practical guide*. London: Wiley.
- Chernyavskaya, Valeria E. 2019. Diskursivnyy analiz reputatsii universiteta: vydvizheniye proshlogo v aktual'noy praktike (Discursive approach to university reputation: Foregrounding the past in the actual practice). *Communication Studies (Russia)* 6 (4). 940–958. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2413-6182>
- Chernyavskaya, Valeria E. 2022. Pragmatic charge of visual resources in constructing positive university reputation: Based on texts at university websites. *Terra Linguistica* 13 (4). 62–71. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13405>
- Dobrovol'skij, Dmitrij O. 2020. Korpusnyi podkhod k issledovaniyu frazeologii: novyye rezul'taty po dannym parallel'nykh korpusov (Corpus-based approach to phraseology research: New evidence from parallel corpora). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature* 17 (3). 398–411. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303>
- Durán-Muñoz, Isabel & Gloria Corpas Pastor. 2019. Corpus-based lexicographic resources for translators: An overview. In María José Domínguez Vázquez, Mónica Mirazo Balsa & Carlos Valcárcel Riveiro (eds.), *Studies on Multilingual Lexicography*. Volume 157 in the series Lexicographica. Series Maior, 159–178. <https://doi.org/10.1515/9783110607659>
- Eslami, Zohreh R., Tatiana Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Evert, Stefan. 2005. *The Statistics of Word Co-occurrences: Word Pairs and Collocations*. <https://doi.org/10.18419/opus-2556>
- Halliday, Michael & Christian Matthiessen. 2013. *Introduction to Functional Grammar*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203431269>
- Goldberg, Adele E. 2006. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford University Press.
- Fillmore, Charles. 1968. The Case for case. In Emmon Bach & Robert Harms (eds.), *Universals in linguistic theory*. New York: Holt, Rinehart, and Winston.
- Fillmore, Charles & Paul Kay. 1995. *Construction Grammar*. Leland Stanford Junior University.
- Firth, John R. 1957. *Papers in Linguistics*. Oxford University Press.

- Golovanivskaya, Maria K. 2018. Abstraktnoe i konkretnoe v izuchenii nacional'nykh mentalitetov (Abstract and concrete in the study of national mentality). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22: Teoriya perevoda. № 2. 97–117. (In Russ.).
- Goźdz-Roszkowski, Stanisław. 2021. Corpus linguistics in legal discourse. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique* 34. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09860-8>
- Hockey, Susan & Jeremy Martin. 1987. The Oxford Concordance Program Version 2. *Literary and Linguistic Computing* 2 (2). 125–131. <https://doi.org/10.1093/lc/2.2.125>
- Hoffmann, Thomas. 2017. From constructions to construction grammar. In Barbara Dancygier (ed.), *The Cambridge handbook of cognitive linguistics*, 310–329. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316339732.019>
- Hudcovičová, Marianna, Ludmila Jančovičová, Božena Petrášová & Jerome Baghana. 2021. The English grammatical collocations of the verb and the preposition for and their collocational equivalents in the Slovak language. 5. 1183–1194. <https://doi.org/10.37028/lingcure.v5nS1.1504>
- Irzam Sarif S., Yuyu Yohana Risagarniwa & Nani Sunarni. 2021. Conceptual metaphor about Corona Virus: Cognitive semantic analysis. *Eralingua: Jurnal Pendidikan Bahasa Asing dan Sastra* 5 (53). <https://doi.org/10.26858/eralingua.v5i1.13951>
- Ivanova, Svetlana & Tatiana Larina. 2022. “Meaning ⇔ Text” Theory and the linguistic universe of Igor Mel’čuk. *Russian Journal of Linguistics*. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32635n>
- Ivanova, Svetlana V. & Svetlana N. Medvedeva. 2022. A Corpus-based differentiation of near-synonyms in smart-technologies framework. In Alvaro Rocha & Ekaterina Isaeva (eds.), *Science and global challenges of the 21st century – science and technology*. Perm forum 2021. *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 342. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89477-1_65
- Kamshilova, Olga N. & Valeria E. Chernyavskaya. 2021. “Akademicheskaya reputatsiya”: korpusnyy analiz ponyatiya v rossiyskom obshchestvennom diskurse 2000–2011 gg (Academic reputation: A Corpus-based analysis of the concept in Russian Social Practice in 2000–2011). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology* 70. 50–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/70/4>
- Kearns, Ade, Oliver Kearns & Loise Lawson. 2013. Notorious places: Image, reputation, stigma. The role of newspapers in area reputations for social housing estates. *Housing Studies* 28 (4). 579–598. <https://doi.org/10.1080/02673037.2013.759546>
- Keglević Blažević, Ana. 2022. Metaphorische Kollokationen – zum problem ihrer theoretischen Festlegung und empirischen Erforschung. *Slavia Centralis* 15. 190–200.
- Klimenko, Galina. 2018. Semantic structure of the lexeme “litso” and the lexeme “a face”. *Studies in English Language Teaching* 312 (4). <https://doi.org/10.22158/selt.v6n4p312>
- Kozlova, Lyubov A. 2020. Metafora kak otrazhenie etnokul'turnoi determinirovannosti kognicii (Metaphor as the reflection of culture determined cognition). *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925>
- Kretzschmar, William. 2021. Complex systems for corpus linguists. *ICAME Journal* 45. 155–177. <https://doi.org/10.2478/icame-2021-0005>
- Kuznecova, Evgenia A. 2021. O metaforicheskoi semantike angliiskikh glagolov polozheniya v prostranstve SIT, STAND i LIE. *Filologiya i kul'tura* 4 (66). 72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-66-4-72-77>
- Langacker, Ronald. 1987. *Foundations of Cognitive Grammar. Volume 1. Theoretical Prerequisites*. Stanford University Press.

- Leclercq, Benoît. 2021. Semantics and pragmatics in Construction Grammar. *Belgian Journal of Linguistics* 34. 228–238. <https://doi.org/10.1075/bjl.00048.lec>
- Malyuga, Elena N. 2023. A corpus-based approach to corporate communication research. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 152–172. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561>
- McEnery, Tony, Vaclav Brezina, Dana Gablasova & Jayanti Banerjee. 2019. Corpus linguistics, learner corpora, and SLA: Employing technology to analyze language use. *Annual Review of Applied Linguistics* 39. 74–92. <https://doi.org/10.1017/S0267190519000096>
- Mel'čuk, Igor. 1981. Meaning-Text models: A recent trend in Soviet linguistics. *Annual Review of Anthropology*. <https://doi.org/10.1146/annurev.an.10.100181.000331>
- Michaelis, Laura. 2006. Construction Grammar. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/02031-9>
- Patekar, Jakob. 2022. What is a metaphorical collocation? *Fluminensia* 34. 31–49. <https://doi.org/10.31820/f.34.1.5>
- Privalova, Irina & Mariia Kazachkova. 2022. Review of Sean Wallis. 2021. *Statistics in Corpus linguistics: A new approach*. New York/Oxon, Routledge. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 550–557. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30209>
- Rakhilina, Ekaterina V. (ed.). 2010. *Lingvistika konstrukcii [Linguistics of constructions]*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
- Ramonda, Kris. 2014. Goldberg's construction grammar. In Jeannette Littlemore & John R. Taylor (eds.), *The Bloomsbury companion to cognitive linguistics*. Bloomsbury Academic.
- Ruegg, Rachael. 2015. An experiment in the ability of raters to evaluate lexis in writing. *ELT Journal Language in Focus International Journal of Applied Linguistics and ELT* 1. 38–50. <https://doi.org/10.1515/lifjlsal-2015-0003>
- Sag, Ivan, Hans Boas & Paul Kay (eds.). 2012. *Sign-Based Construction Grammar*. *Center for the Study of Language and Information*.
- Schmid, Hans-Jörg & Helmut Küchenhoff. 2013. Collostructional analysis and other ways of measuring lexicogrammatical attraction: Theoretical premises, practical problems and cognitive underpinnings. *Cognitive Linguistics* 24 (3). 531–577. <https://doi.org/10.1515/cog-2013-0018>
- Selmistraitis, Linas & Renata Boikova. 2020. Source domains of smell related metaphorical collocations: Study based on corpus of contemporary American english. *Respectus Philologicus* 11–24. <https://doi.org/10.15388/RESPECTUS.2020.38.43.54>
- Seskauskiene, Inesa & Julija Stepančuk. 2014. Evidence speaks for itself: Metaphors in courtroom hearings. *Filologija* 19. 102–120.
- Shahzadi, Amina & Saira Javed. 2019. *Effectiveness of corpus in teaching English synonyms*. Vol. 2, Issue 1.
- Solovyev, Valery, Marina Solnyshkina & Danielle McNamara. 2022. Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 275–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30161>
- Somers, Harold. 2009. Corpora and machine translation. In Anke Lüdeling, Merga Kytö & Tony McEnery (eds.), *Corpus linguistics: An international handbook*. Berlin, Mouton de Gruyter. DOI: 10.1515/9783110213881.2.1175
- Stefanowitsch, Anatol & Stefan Gries. 2003. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. <https://doi.org/10.1075/ijcl.8.2.03ste>
- Tesnière, Lucien. 2015. *Elements of structural syntax*. *John Benjamins Publishing Company*. <https://doi.org/10.1075/z.185>

- Ulasik, Malgorzata Anna, Manuela Hürlimann, Fabian Germann, Esin Gedik, Fernando Benites & Mark Cieliebak. 2020. CEASR: A corpus for evaluating automatic speech recognition. In *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference*, 6477–6485. Marseille, France. European Language Resources Association.
- Vinogradova, Ekaterina A. & Anna E. Vorob'eva. 2019. Osobennosti obraznoi sistemy i ocenochnoi potencial frazeologicheskikh edinic sovremennogo angliiskogo yazyka s obshchim znacheniem “obshchestvennoe poricanie” (Features of the figurative system and the estimated potential of phraseological units of the modern English language with the general meaning of “public censure”). *Frazeologiya v yazykovii kartine mira: kognitivno-pragmaticcheskie registry: Sbornik nauchnyh trudov po itogam 4-ii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii po kognitivnoi frazeologii*, Belgorod, 26–27 marta 2019 goda. Belgorod: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Epicentr, 145–149. (In Russ.).
- Wiliński, Jarosław. 2021. Nouns in the Be of N-Construction: A corpus-based investigation. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric* 66. 747–768. <https://doi.org/10.2478/slgr-2021-0045>

Corpora and Dictionaries

- Cambridge Dictionary Online (CDO)*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
- Corpus of Contemporary American English (COCA)*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
- Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDOCE)*. URL: <https://www.ldoconline.com/>
- Merriam-Webster Dictionary (MWD)*. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD)*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

Miscellaneous

- Blueprint*. URL: <https://www.blueprint.ng/>
- Humboldt-Universität zu Berlin. Faculty of Language, Literature and Humanities. Department of German Studies and Linguistics. Corpus Linguistics and Morphology. (External) Links. Corpora*. URL: https://www.linguistik.hu-berlin.de/en/institut-en/professuren-en/korpuslinguistik/links-en/korpora_links#multi
- TORN*. URL: <https://www.torn.com/>

Article history:

Received: 12 May 2023

Accepted: 15 August 2023

Bionotes:

Svetlana V. IVANOVA is Dr Habil. in Philology, Professor of St. Petersburg State University. Her research interests include cultural linguistics, text linguistics, English grammar, discourse analysis, and media linguistics. She has over 240 publications in Russian and English including monographs, book chapters and articles in peer-reviewed journals.

e-mail: svet_victoria@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Svetlana N. MEDVEDEVA is Assistant Professor at Saint-Petersburg State University of Economics. Her research interests and publications deal with collostructional semantics, corpus studies, construction grammar and near synonyms. She has nearly 20 publications in Russian and English which include articles in peer-reviewed journals such as *Lecture Notes in Networks and Systems* and *Cognitive Studies of Language*.

e-mail: medvedeva.s@unecon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

Сведения об авторах:

Светлана Викторовна ИВАНОВА – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера ее научных интересов – лингвокультурология, лингвистика текста, английская грамматика, дискурс-анализ, медиалингвистика. Имеет более 240 публикаций на русском и английском языках, включая монографии, учебные пособия, главы в книгах и статьи в рецензируемых научных журналах.

e-mail: svet_victoria@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Светлана Николаевна МЕДВЕДЕВА – старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Ее исследовательские интересы и публикации связаны с коллоstructionной семантикой, корпусными исследованиями, constructionной грамматикой и близкими синонимами. Имеет около 20 публикаций на русском и английском языках, включая статьи в рецензируемых научных журналах, таких как *Lecture Notes in Networks and Systems* и *Когнитивные исследования языка*.

e-mail: medvedeva.s@unecon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35817>

EDN: NAZBGA

Research article / Научная статья

Cognitive complexity measures for educational texts: Empirical validation of linguistic parameters

Roman V. KUPRIYANOV^{1,2} , Olga V. BUKACH²
and Oksana I. ALEKSANDROVA³

¹*Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia*

²*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

³*RUDN University, Moscow, Russia*

 kroman1@mail.ru

Abstract

The article presents a study conducted within the framework of discourse complexology – an integral scientific domain that has united linguists, cognitive scientists, psychologists and programmers dealing with the problems of discourse complexity. The issue of cognitive complexity of texts is one of the central issues in discourse complexology. The paper presents the results of the study aimed to identify and empirically validate a list of educational texts' complexity predictors. The study aims to identify discriminant linguistic parameters sufficient to assess cognitive complexity of educational texts. We view text cognitive complexity as a construct, based on the amount of presented information and the success of reader–text interactions. The idea behind the research is that text cognitive complexity notably increases across middle and high schools. The research dataset comprises eight biology textbooks with the total size of 219,319 tokens. Metrics of text linguistic features were estimated with the help of automatic analyzer RuLingva (rulingva.kpfu.ru). Linguistic and statistical analysis confirmed the hypothesis that text syntactic and lexical parameters are discriminative enough to classify different levels of cognitive complexity of educational texts used in middle and high schools. Text parameters that manifest variance in cognitive complexity include lexical diversity (TTR); local argument overlap; abstractness index; number of polysyllabic words, Flesch–Kincaid Grade Level; number of nouns and number of adjectives per sentence. Empirical evidence indicates that the proposed approach outperforms existing methods of text complexity assessment. The research results can be implemented in the system of scientific and educational content expertise for Russian school textbooks. They can also be of some use in the development of educational resources and further research in the field of text complexity.

Key words: *discourse complexology, cognitive complexity, text complexity, educational text, statistical analysis*

For citation:

Kupriyanov, Roman, Olga Bukach & Oksana Aleksandrova. 2023. Cognitive complexity measures for educational texts: Empirical validation of linguistic parameters. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 641–662. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35817>

Оценка когнитивной сложности учебных текстов: эмпирическая валидация лингвистических параметров

Р.В. КУПРИЯНОВ¹ , О.В. БУКАЧ² , О.И. АЛЕКСАНДРОВА³

¹*Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

³*Российский университет дружбы народов*

 kroman1@mail.ru

Аннотация

В статье представлено исследование, проведенное в рамках дискурсивной комплексологии – интегрального научного направления, объединяющего лингвистов, когнитологов, психологов и программистов, которые занимаются проблемами сложности дискурса. Проблема когнитивной сложности текстов является одной из центральных в дискурсивной комплексологии. В работе показаны результаты исследования по выявлению и эмпирической валидации перечня предикторов сложности учебных текстов. Цель данного исследования – выявить дискриминантные лингвистические параметры, достаточные для установления уровня когнитивной сложности учебных текстов. Мы рассматриваем когнитивную сложность текста как конструкт, в основе которого лежит объем представленной информации и успешность взаимодействия читателя с текстом. В основе данного подхода – идея о том, что когнитивная сложность текста заметно возрастает в средних и старших классах общеобразовательной школы. Набор исследовательских данных включает восемь учебников по биологии общим размером 219 319 токенов. Метрики языковых особенностей текста оценивались с помощью автоматического анализатора RuLingva (rulingva.kpfu.ru). Лингвистический и статистический анализ подтвердил гипотезу о том, что синтаксические и лексические параметры текста достаточно различны, чтобы позволить классифицировать различные уровни когнитивной сложности учебных текстов, используемых в средней и старшей школе. Параметры, манифестирующие различия в когнитивной сложности, включают лексическое разнообразие (TTR), локальную связность, индекс абстрактности, количество многосложных слов и индекс Флеша-Кинкейда, количество существительных и количество прилагательных в предложении. Эмпирические данные показывают, что предлагаемый подход является более эффективным по сравнению с другими существующими методами оценки сложности текста. Результаты исследования могут быть внедрены в систему экспертизы научно-образовательного содержания российских школьных учебников. Они также могут быть полезны при разработке образовательных ресурсов и дальнейших исследованиях в области сложности текста.

Ключевые слова: *дискурсивная комплексология, когнитивная сложность, сложность текста, учебный текст, статистический анализ*

Для цитирования:

Kupriyanov R.V., Bukach O.V., Aleksandrova O.I. Cognitive complexity measures for educational texts: Empirical validation of linguistic parameters. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 641–662. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35817>

1. Introduction

The term ‘complexity’ appears in different research areas. As the modern world is becoming increasingly complex, unpredictable and non-linear, it is hardly surprising that in recent years the phenomenon of ‘complexity’ has attracted the attention of numerous scholars. One of the most famous works on this topic is the work “On Complexity” by the French philosopher Edgar Morin (2021), where the author presented the conceptual apparatus of his theory of complexity viewed by many as “a bold challenge to the fragmentary and reductionistic spirit that continues to dominate the scientific research” (Rodrigues et al. 2014: 1). According to Morin, it is complexity that underlies the majority of natural and social phenomena. “Complexity asserts itself first of all as an impossibility to simplify; it arises where complex unity produces its emergences” (Morin 2005: 386).

Complexity studies as a wide and dense research field provide numerous descriptions of ‘cognitive complexity’, investigated in computer science, psychology, pedagogy and linguistics (Andrews 2002, Weir 2008, Wang 2012, McComb 2016, Wijendra 2021, Lavazza 2022, Sharoff 2022, Solnyshkina 2022, Solovyev et al. 2022, Silva 2023). In computer science, researchers scrutinize cognitive complexity of a program code viewed as a risk factor which can cause problems with program debugging, technical support and program modernization. Special metrics have been developed to assess the level of program code cognitive complexity, as well as algorithms to reduce it (Bolbakov 2016, Gladkikh 2017, Wijendra 2021, Lavazza 2022). In psychology, the term ‘cognitive complexity’ is used as a characteristic of a person, or rather a psychological characteristic of a person’s cognitive sphere. Cognitive complexity in this sense reflects “the degree of categorical dismemberment (differentiation) of an individual’s consciousness, which contributes to the selective sorting of impressions of reality that mediates the individual’s activity” (Petrovsky 1998: 164).

Cognitive psychology views ‘cognitive complexity’ as a construct, a coherent whole comprised of psychological characteristics of independent components which are interrelated and connected. Cognitive complexity of a situation is viewed as a function of the number of its elements and their connections (Kholodnaya 2004). Cognitive complexity “is interrelated with a subject's real behavior, his flexibility and adaptability; it relies on the degree of an individual’s freedom to make decisions in a specific content area” (Petrenko 2010: 83).

For over a decade, cognitive complexity has also been an object of research in pedagogy and education (Kudzh 2018). Research in the area focuses on complexity of educational resources, comparative complexity of a subject domain, comparative difficulty of mastering a topic, etc. As students progress, they are expected to be

provided with resources of appropriate complexity, i.e. as they evolve, so do educational materials. The latter are the only foundations of the so-called “zone of proximal development” as “the distance between the actual development level, determined by independent problem solving and the level of potential development, determined through problem solving under adult guidance or in collaboration with more capable peer” (Vygotsky 1978: 86).

Linguistics lacks a unified approach to cognitive complexity of a ‘linguistic whole’ thus referring to the notion either as complexity, difficulty, or ‘accessibility’ (see Fulcher 1997, Solnyshkina 2015). The common doctrines regarding cognitive complexity of a text comprise three traditions and are viewed as a function of: (1) text informativeness (Hansen 1990, Valgina 2003, Nevdakh 2008, Zhu 2020); (2) linguistic features of a text (Ushakov 1980, Solnyshkina 2020, Gatiyatullina 2023); (3) reader’s (in)ability to process a text or accessibility of a text to the reader (Tsetlin 1980, Just 1987, Fulcher 1997, Valgina 2003, Koda 2005, Das 2020). Interdependence and interrelatedness of the phenomena is obvious: texts addressed to different categories of readers differ in their informativeness: a 200-word text for elementary school readers is cognitively less complex than a summary of the same length addressed to college students. Higher informativeness is likely to be manifested in more complex syntax and vocabulary of lower frequency thus being less accessible for less qualified readers. Hence, cognitive complexity of a text is viewed by the authors as a text ‘accessibility’, i.e., degree of cognitive efforts a reader employs to decode and comprehend it.

We aim to identify a list of linguistic features of informational texts exhibiting various degrees of cognitive complexity. We hypothesize that different degrees of cognitive complexity of informational texts are manifested in syntactic, lexical and morphological parameters. In other words, cognitive complexity ranks corresponding to different grade levels reveal themselves on the syntactic, lexical and morphological levels. We also hypothesize that grade differences are stable and as such, once identified for certain grade levels, they could be used to predict the cognitive complexity of a text.

The study was conducted to answer two Research Questions:

RQ 1: What linguistic parameters discriminate texts cognitive complexity?

RQ 2: What are the ranges of values of cognitive complexity predictors inherent in informational texts for Grades 5–11?

2. Text comprehension and complexity

Text comprehension depends on a range of factors. Cognitive psychology describes this process as developing inner understanding, based on the knowledge previously gained (Matlin 1998, Polya 2015). Reading comprehension begins and finishes with non-verbal representation, also referred to as a mental model (Johnson-Laird 1983). It is also noted that comprehension is individual and closely connected with the background knowledge a reader acquired: no matter what people are trying to comprehend, they draw on their background knowledge (Matlin 1998,

Wang 2012, Polya 2015). It is for this reason separating the study of text comprehension and the study of a reader's specific features would seem unfeasible.

Weir's model of reading comprehension reflects both lower-level processes (e.g., decoding) and higher-order processes (e.g., comprehension) and comprises seven aspects (Weir & Khalifa 2008): 1) word recognition, the ability to "match the form of a word in a written text with a mental representation of the orthographic forms of the language" (Weir 1993: 6); 2) lexical access, the "retrieval of a lexical entry from the lexicon, containing stored information about a word's form and its meaning"; the form addresses orthographic and phonological mental representations of a lexical item and possibly information on its morphology (Field 2004); 3) syntactic parsing which involves grouping "words into phrases, and into larger units at the clause and sentence level to understand the message of the text" (Weir & Khalifa 2008: 6); 4) establishing propositional (core) meaning at the clause or sentence level, "a literal interpretation of what is on the page, the reader has to add external knowledge to it to turn it into a message that relates to the context in which it occurred" (Weir 2003: 6); 5) inferencing as "a creative process whereby the brain adds information which is not stated in a text in order to impose coherence" (Weir 2003: 6); 6) building a mental model "entails an ability to identify main ideas, to relate them to previous ideas, distinguish between major and minor propositions and to impose a hierarchical structure on the information in the text" (Field 2004: 241), it is when "the propositions representing the meaning of a text are linked together, usually by argument overlap, to form a hierarchical text base" (Kintsch & van Dijk 1978: 374); 7) creating a text (or discourse) implies not only recognizing the hierarchical structure of the whole text but also determining which items of information are central to the meaning of the text and which are secondary propositions, that is the ability to recognize significance of different parts of the text to the writer or reader (Weir 2003: 6).

In cognitive linguistics, text comprehension is irrevocably linked with the analysis of a fundamental problem known as cognitive complexity of texts and its relationship to syntactic and semantic complexity in natural languages. According to McCarthy, text comprehension is a function of several factors (McCarthy 2019). First, there is complexity of the very idea that the author conveys through the text, i.e. the so-called text informational complexity. Hence, the amount of information, i.e. text information intensity is often seen as a text complexity predictor (Hansen 1990, Valgina 2003, Nevdakh 2008, Zhu 2020). Second, there are linguistic means selected by the author to express his/her ideas (Valueva 2017). Consequently, text complexity is viewed as a text characteristic dependent on the text linguistic parameters. This type of complexity is referred to as linguistic complexity (Solnyshkina 2020). Text linguistic parameters associated with text complexity include but are not limited to the following: average sentence length, number of polysyllabic words, genitive case mean, word frequency, narrativity, number of abstract words, lexical density, etc. (Ushakov 1980, Solnyshkina 2020, Gatiyatullina 2020, 2023). Mathematical methods introduced into complexity

studies confirm statistical significance of numerous text parameters with *linguistic* complexity thus enabling to categorize them as complexity predictors (Krioni 2008, Nevdakh 2008, Sheehan 2010, Fitzgerald 2015, Valueva 2017, Solovyev 2021, Kupriyanov 2022, Shardlow 2022). The third factor is reader's ability to process information. The idea behind it is that text comprehension involves cognitive activity, intensity of which is related to the type of information to be processed (Dehaene 2007). Consequently, a reader is expected to meet certain cognitive requirements, and readers' characteristics affect the understanding of the information embedded in the text. The most significant among the readers' characteristics are general knowledge, knowledge of the subject domain, verbal intelligence, cognitive abilities of the reader including working memory and motivation, etc. (Tsetlin 1980, Just 1987, Valgina 2003, Koda 2005, Das 2020).

3. Cognitive complexity of informational texts and cognitive abilities of schoolchildren

The research shows that the phenomenon of cognitive complexity manifests itself in the interaction of a person with the outside world and therefore is associated with the human factor (Kudzh 2018). Hence, evaluating cognitive complexity of a text implies considering two types of factors, i.e. text parameters which are objective and stable, and reader's characteristics which are individual and variable. Thus, the same text may be quite easy to comprehend for one category of readers and demanding for another group of readers. This occurs due to the fact that the concept of complexity is de facto formed on the basis of psychological or cognitive factors (Kudzh 2018).

As a construct and psychological characteristics of a person's cognitive sphere (Petrovsky 1998), cognitive complexity of a person also implies numerous abilities, including the ability to identify characteristics of an object or the ability to evaluate characteristics and reveal links between and/or among them. In other words, cognitive complexity encapsulates cognitive differentiation and integration of individual consciousness (Kalinkina 2021). The concept of cognitive complexity, first propounded by James Bieri as early as in 1955, is to do with the organization of constructs and their similarity. Cognitive complexity has also been defined as "an aspect of a person's cognitive functioning which at one end is defined by the use of many constructs with many relationships to one another (complexity) and at the other end by the use of few constructs with limited relationships to one another (simplicity)" (Pervin 1984: 507). Cognitive complexity describes an individual's ability to perceive things in the world around them. It also describes the number of cognitive processes required to solve a problem or complete a task. Individuals with more complex cognition can see shades of nuance and meaning. A person of high cognitive complexity is able to perceive nuances and see subtle differences between the objects he/she perceives, understand connections between events and phenomena.

Cognitive complexity is also argued to be essential for understanding a complex and uncertain environment (Da'as 2020). One of the methods to evaluate a person's cognitive complexity involves measuring the number of classification bases that an individual uses consciously or unconsciously while differentiating between objects in any content area. The basic condition necessary for an individual to acquire a high level of his/her cognitive abilities is through verbal intelligence which enables a person to classify objects on various grounds. Inability to name different types of objects causes difficulties while performing mental operations with them.

In the most general terms, cognitive characteristics of people are traditionally ranked based on their age. While selecting books for readers, educators use their age as the basic classifying principle matching texts for primary or middle school, high school or University level. Aging is strongly associated with cognitive complexity growth, since life experience allows people to perform cognitive operations they were unable to perform in childhood. Therefore, cognitive complexity of informational texts increases alongside with the readers' age they are addressed to. This is especially evident with books assigned to schoolchildren when their cognitive abilities undergo intensive development. As regards informational texts specifically, their classification is based on the level of readers' education, for example, "Grade 6 textbook", "Books for College Students", etc. Readers' age characteristics and their level of education are generally viewed as interdependent.

Cognitive complexity of a person in childhood and adolescence is closely related to the psychophysiology of developing his/her cognitive sphere, as cognitive abilities develop gradually alongside with the extension of memory, attention, etc. The research shows that the very style of thinking changes as a person matures (Perry 1981). Perry (1981) argues that learning changes students' ideas about the nature of knowledge. Another area of development is reasoning, the nature of which modifies dramatically as students learn to organize and evaluate knowledge. Perry (1981) grouped these changes into four cognitive stages: dualism, multiplicity, relativism, and commitment. The first stage, that is, dualism, is characterized by a dichotomous structure in which information is divided into two categories: correct and incorrect. In the second stage, the dualistic structure is discarded and replaced by uncertainty. Knowledge becomes subjective: there are conflicting decisions, therefore, one needs to trust their "inner voice", but not some external authority. The third stage is relativism. Knowledge is relative to the context in which a decision is made, hence it is necessary to learn how to evaluate decisions based on the situation. In the fourth stage, there is an integration of knowledge received from others with personal experience and reflective analysis. People rely not only on their knowledge, but also on values; they use moral and ethical positions to make decisions.

Theoretical, formal and reflective thinking typically begins to develop in the cognition of middle school students and is viewed as their age-related feature. The cognitive system of an early adolescent still has a relatively small number of loosely

coupled constructs thus reflecting his/her low cognitive differentiation and low values of cognitive integration. It will be fully formed at the next stage of development (youth) in high school (Konogorskaya 2014). The transition from childhood to adulthood is usually divided into two stages: adolescence and youth (early and late). As regards the research described in the given article, it focused on middle school students of 11 to 15 years of age and high school students of 15 years of age and above. The research shows that the ability to reflect and introspect one's inner world develops in youth. The brainwork of a high school student, unlike that of a middle school student, is more affective and personalized, it is at this age that people form their worldview, search for their place in society and identify their life goals. Cognitive abilities in adolescents reach a maximum, they form and develop skills of abstract thinking, from 13 to 16 years of age the ability to memorize increases dramatically, theorizing becomes their age-related feature. High school students are able to independently perform planning, putting forward and testing hypotheses, which indicates the ability for scientific thinking (Klyueva 2003). Academic success in high school largely depends on the extent to which a person managed to develop conceptual thinking (Konogorskaya 2014).

Levels of individual cognitive complexity, though they vary from child to child, are expected to be matched with the reading texts children are exposed to. Texts that are not suitable for readers' cognitive abilities, i.e. either too easy or too difficult, may cause lack or loss of students' motivation, their boredom or frustration. The latter may result in inability to develop high reading skills (McCarthy 2019). Therefore, selection of educational texts assigned to readers of a certain age is viewed as a global problem and a practical task in numerous fields. The modern interdisciplinary paradigm of discourse complexology identifies appropriateness of a text to readers' cognitive complexity, i.e. text cognitive complexity, based on a number of text variables. The latter comprise significant characteristics of the object(s) described or events narrated, dimension of the semantic space presented in the text and links between its elements.

4. Dataset and research methodology

The dataset comprises Russian textbooks for middle (Grades 5 and 6) and high school (Grades 10 and 11). To reduce the statistical noise which the author's individual style and subject domain of academic disciplines may produce, we selected eight biology textbooks by the same authors for middle and high school and grouped them into "Level II" (Grades 5, 6) and "Level III" (Grades 10 and 11). The research was based on the two premises that are widely accepted in the modern interdisciplinary paradigm of discourse complexology mentioned above: a) high school students, on average, possess higher levels of cognitive complexity compared to middle school students; b) textbooks for different academic levels differ in cognitive complexity. A textbook designed for a higher level has a higher cognitive complexity.

The Research was designed in 3 stages. The first, preparatory, stage included selecting and preprocessing the dataset, i.e. 8 biology textbooks. To ensure consistency of the genre and content, we deleted text meta descriptions, prefaces, authors' introductory words, contents, illustrations, inscriptions, phrases like "Figure 1", notes, self-control questions, laboratory tasks, chapter titles, subheadings, footers and afterword. Then we divided the materials into 220 texts with about 1000 tokens in each. The range of the text size varied between 959 and 1143 tokens, all texts comprised full sentences. The total size of the research corpus comprised 219,319 tokens (Table 1).

Table 1. Corpus Size

Academic Level	Textbook code	Grade	Number of tokens	Number of texts
Level II	V-5	5	23 919	24
	S-5	5	13 784	14
	V-6	6	22 994	23
	S-6	6	15 689	16
Total			76 658	77
Level III	V-10	10	43 871	44
	S-10	10	24 871	25
	V-11	11	33 969	34
	S-11	11	39 950	40
Total			142 661	143

In the second stage, we measured metrics of text parameters with the automatic text profiler RuLingva¹. Indices of educational texts comprise relative indices, i.e. assessed on two relative scales, 1000 tokens and per sentence, and composite indices. Composite indices include more than one variable. All parameters analyzed were divided into four groups:

1. Syntactic indices: average word length, average sentence length, average number of nouns, verbs, adjectives per sentence.
2. Descriptive indices: readability (Flesch-Kincaid index, FK(SIS)), abstractness, local argument overlap, global argument overlap, lexical diversity (or Type token ratio, TTR per 1000 tokens), ratio of verbs to nouns, ratio of adjectives to nouns or descriptiveness, rate of nouns in the genitive case.
3. Morphological indices: number of nouns in a certain case per 1000 tokens.
4. Phonological indices: number of monosyllabic, disyllabic, trisyllabic and four-syllabic words per 1000 tokens.

The third stage was analytical. In this stage, we employed Mann-Whitney test to compare and contrast indices of educational texts used on Level II and Level III. Statistical analysis of the data was carried out with the software STATISTICA.

¹ rulingva.kpfu.ru/ (ENA, 20.08.2023).

5. Results

The results of statistical analysis demonstrate that educational texts of different cognitive complexity have statistically significant differences on the syntactical, morphological and phonological levels. As Table 2 below indicates, most of the indices measured demonstrated statistically significant differences of Level II (Grades 5 and 6) and Level III (Grades 10 and 11) texts. The exceptions are Number of verbs per sentence and Global argument overlap.

Table 2. **Biology textbook indices**

I	Indices	Level II (N = 77)		Level III (N = 143)		Mann-Whitney U	p-value
		Mean	SD	Mean	SD		
	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Syntactic indices							
1.	Mean sentence length (in tokens)	11,66	1,34	12,81	1,54	3032	< .01*
2.	Mean word length (in syllables)	6,10	0,24	6,69	0,22	392	< .01*
3.	Mean nouns per sentence	4,68	0,59	5,39	0,69	2258	< .01*
4.	Mean verbs per sentence	1,54	0,27	1,53	0,23	5336	0,71
5.	Mean adjectives per sentence	1,63	0,30	2,04	0,33	2084	< .01*
Descriptive indices							
6.	FK (SIS)	7,27	0,89	9,30	0,74	451	< .01*
7.	Abstractness	2,57	0,10	2,66	0,10	2888	< .01*
8.	Local argument overlap	0,61	0,20	0,55	0,16	4480	0,023*
9.	Global argument overlap	0,23	0,08	0,21	0,07	4750	0,093
10.	TTR per 1000 tokens	0,45	0,04	0,47	0,04	4067	< .01*
11.	Ratio of verbs to nouns	0,33	0,05	0,28	0,04	2483	< .01*
12.	Descriptiveness (adjective-to-noun)	0,35	0,05	0,38	0,05	3486	< .01*
13.	Rate of nouns in the genitive case (to the total number of nouns in the text)	0,34	0,04	0,40	0,03	1487	< .01*
Morphological indices							
14.	Nominative case (NOUNS) per 1000 tokens	113,98	16,55	101,63	12,84	2927	< .01*
15.	Genitive case (NOUNS) per 1000 tokens	138,62	20,47	169,03	18,53	1468	< .01*
16.	Dative case (NOUNS) per 1000 tokens	14,07	5,16	15,91	6,03	4536	0,03*
17.	Accusative case (NOUNS) per 1000 tokens	69,13	13,07	64,17	11,20	4201	< .01*
18.	Instrumental case (NOUNS) per 1000 tokens	28,78	7,19	26,28	6,40	4251	< .01*
19.	Prepositional case (NOUNS) per 1000 tokens	35,87	9,01	39,52	8,76	4194	< .01*
Phonological indices							
20.	Number of one-syllable words per 1000 tokens	195,50	20,55	169,92	18,03	1865	< .01*
21.	Number of two-syllable words per 1000 tokens	258,88	27,93	201,19	21,68	543	< .01*
22.	Number of three-syllable words per 1000 tokens	215,83	20,38	203,95	20,47	3720	< .01*
23.	Number of four-syllable words per 1000 tokens	165,01	21,86	181,31	23,86	3286	< .01*

* $p < .05$ — statistically significant differences

The most significant differences observed across Levels II and III include the following:

1. The number of nouns per sentence increases by 15% (from 4.68 on Level II to 5.39 on Level III).
2. The average number of adjectives per sentence grows by 25% (from 1.63 to 2.04).
3. Readability (FK (SIS)) rises by 28% (from 7.27 to 9.30).
4. Ratio of verbs to nouns decreases by 15% (from 0.33 to 0.28), which means that the nominativity of the text increases.
5. The number of nouns in the genitive case increases by 22% (from 138.62 to 169.03), while the proportion of nouns in the genitive case to nouns in other cases increases by 18% (from 0.34 to 0.40).
6. The number of disyllabic words decreases by 22% (from 258.88 to 201.19).

Below we interpret and explain the meanings and effects of the trends observed in light of the theory of cognitive complexity. The most obvious growth trajectory is that of readability (FK(SIS)): from 7.27 on Level II to 9.30 at Level III (Fig. 1). As readability metrics is based on two indices, i.e. sentence and word length, its growth implies that Level III readers are expected to possess higher cognitive complexity. Successful comprehension of Level III texts is cognitively more difficult and requires more effort.

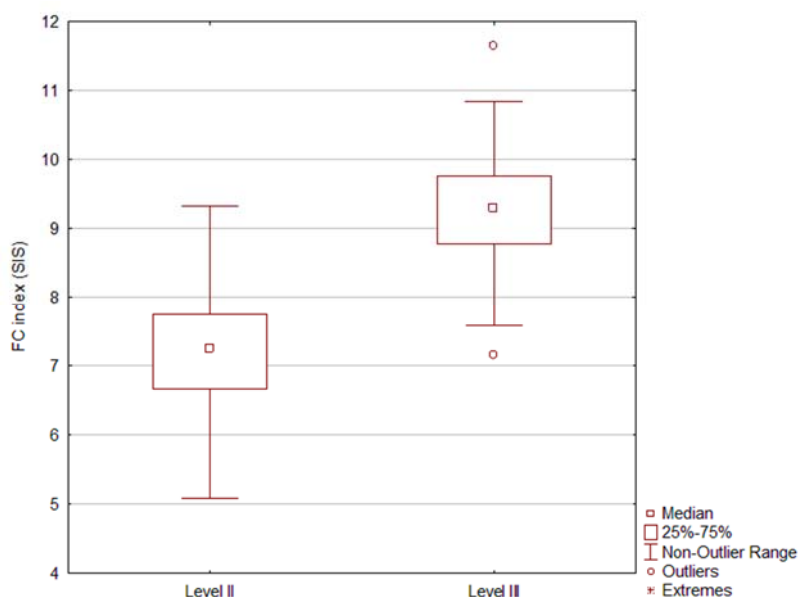

Figure 1. Flesch-Kincaid (SIS) growth across Levels II – III

Statistically significant are also dynamics of Local argument overlap and TTR values: the values of local argument overlap decreases from 0.61 to 0.55, TTR per 100 tokens (Lexical diversity) rises across levels from 0.45 to 0.47 (cf. Fig. 2 below).

The increase in Lexical diversity of educational texts and the decrease in cohesion manifested in both Local and Global argument overlap (cf. Table 2) in Level III texts are accompanied by Abstractness growth (from 2.57 on Level II to 2.66 on Level III). The latter indicates that Lexical diversity increases to a certain extent due to appearance of abstract words, which is typical of scientific terminology (Fig. 3).

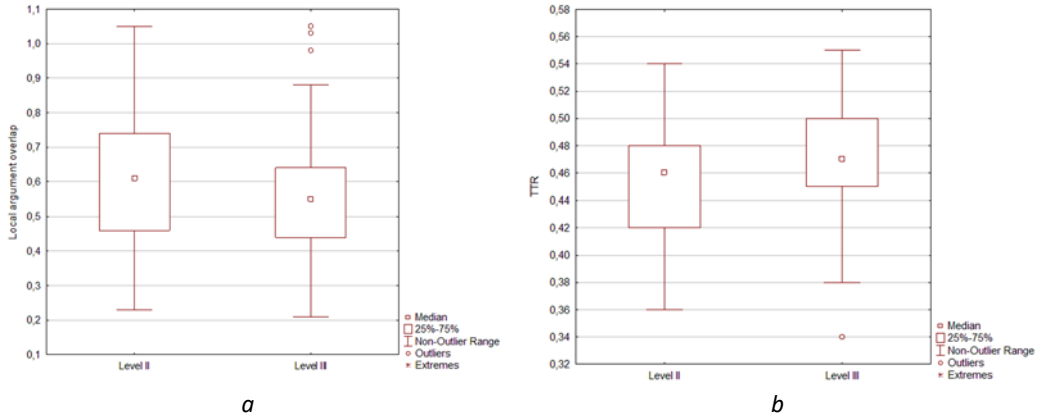

Figure 2. a) Local argument overlap; b) TTR

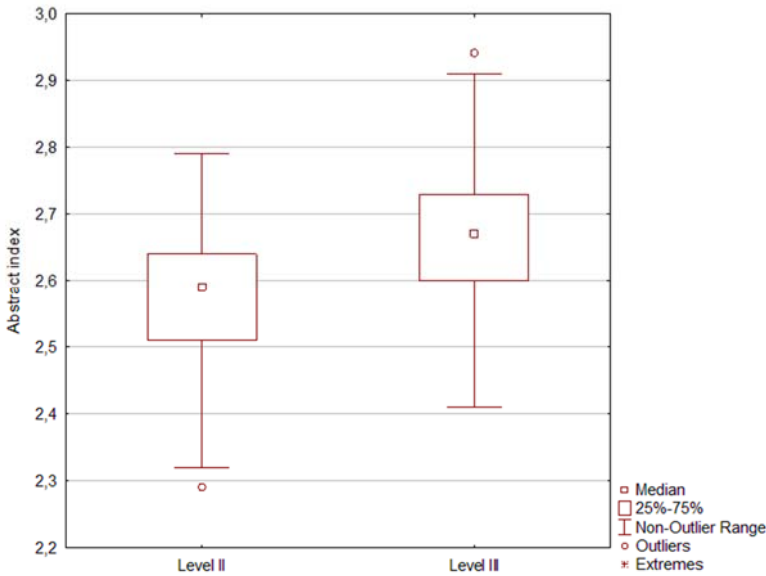

Figure 3. Abstractness

Lexical diversity growth coincides with the increase of two other metrics, i.e. the number of nouns (from 4.68 to 5.39) and number of adjectives per sentence (from 1.63 to 2.04), while the metric of number of verbs across levels remains intact. Thus, on Level III we observe the growth of nominativity and

descriptiveness (Fig. 4) which in fact manifests higher informativeness and cognitive complexity of texts.

A detailed analysis of noun morphology indicates that the noun per sentence increase occurs mainly due to the sharp increase of genitive case (Fig. 5).

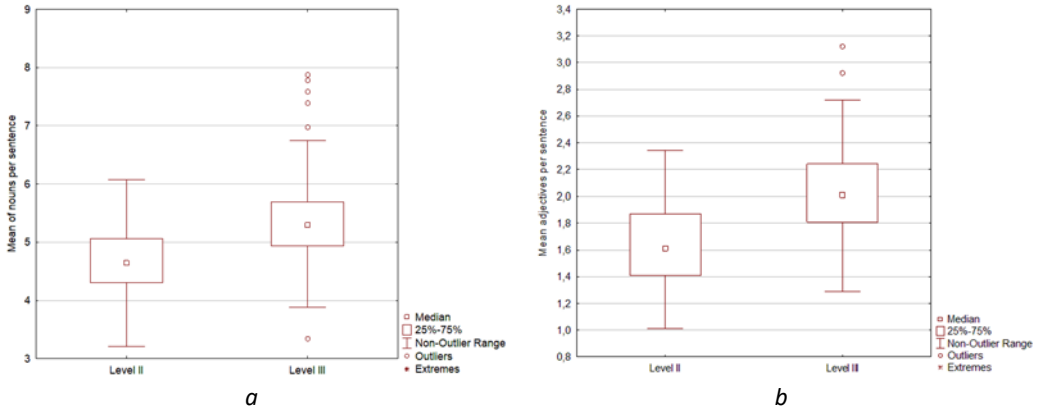

Figure 4. a) Mean nouns per sentence; b) Mean adjectives per sentence

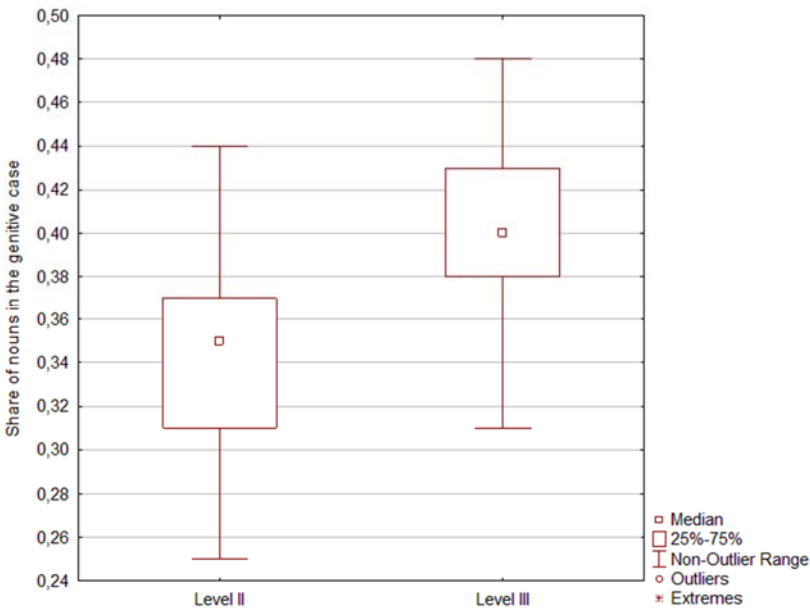

Figure 5. Genitive case nouns

Significantly, increase of nouns in the genitive case (from 138.62 to 169.03) is accompanied by the decrease in the number of nouns in the nominative case (from 113.98 to 101.63) (cf. Fig. 6 below).

Text phonological parameters reflect statistically significant interdependence between text academic levels and word length. Trajectories of mono-, di-, three- and four-syllabic words fluctuations in educational texts of different cognitive

complexity indicate that the most significant changes are manifested by disyllabic words (Fig. 7). In Level III texts, the number of disyllabic words decreases by 22% (from 258.88 to 201.19), while a similar tendency is not observed in Level II texts. The number of four-syllabic words is significantly higher in Level III texts in comparison with Level II texts: 181.31 and 165.01, respectively.

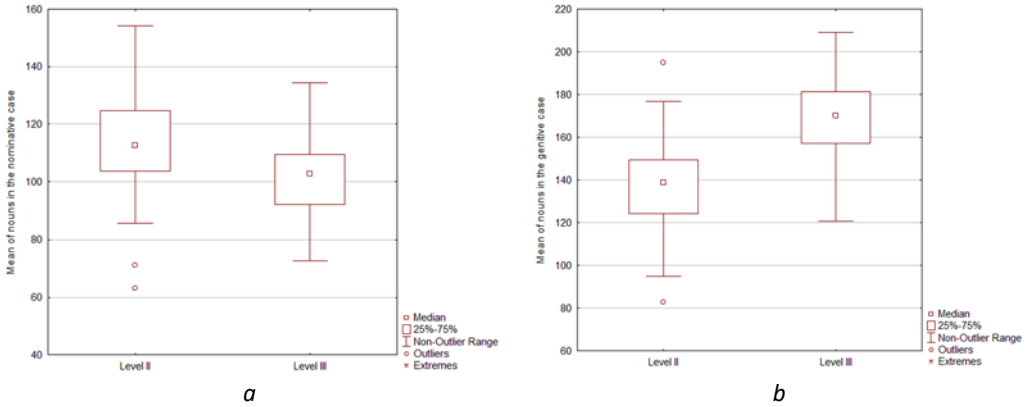

Figure 6. a) Nouns in the nominative case; b) Nouns in the genitive case

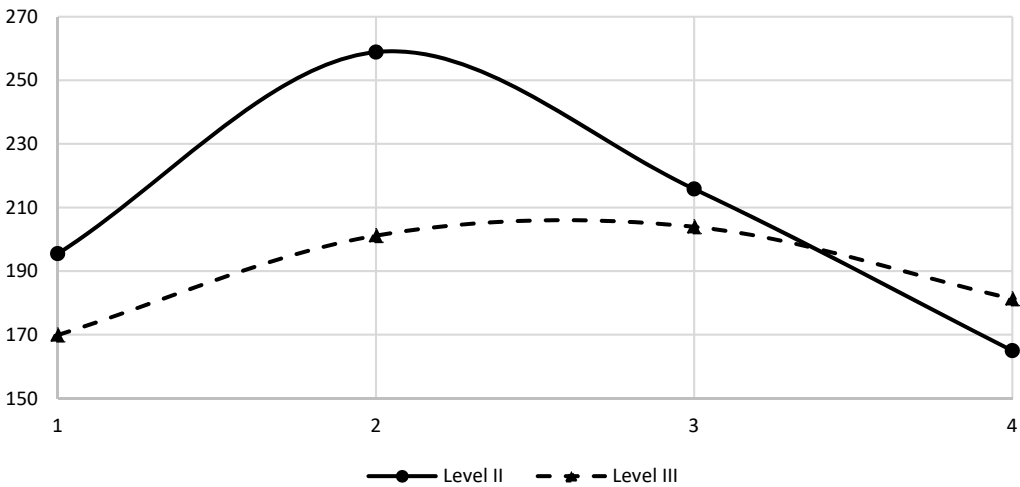

Figure 7. Numbers of mono-, di-, three- and four-syllabic words in educational texts of different levels *

6. Discussion

The data received provides insights into specifics of cognitive complexity of educational texts and its manifestation on the phonological, morphological, lexical and syntactical levels.

Our main findings referring to the *phonological* level features fluctuations reveal that text complexity across academic levels grows mostly due to the dramatic decrease of disyllabic words and slight increase of four-syllabic words. These findings are new and as such need further investigation. To the best of our

knowledge, trajectories of metrics of phonological parameters of Russian educational texts across academic levels have been predominantly studied in terms of word length but not specified to the ratio of mono- or disyllabic words (Solnyshkina 2015). Matskovskiy readability formula based on publicistic texts (Matskovskiy 1976) incorporates the variable of three-syllabic words: $X1 = 0,62 X2 + 0,123 X3 + 0,051$, where $X1$ – text complexity; $X2$ – average sentence length (in words); $X3$ – percentage of three-syllabic words. However, researchers argue that Matskovskiy formula was not validated and cannot be used as such to assess text complexity.

Our findings of the notable increase of nouns in genitive case as a *morphological* manifestation of cognitive complexity growth are in correspondence with the conclusions made by Gatiyatullina et al (2020) and drawn on the research of Social Science texts. We share the researchers' view on a noun in the genitive case as a dependent word denoting belonging, composition, participation and origin of an object (see Blake 2001), and its increase as such reflects the growing number of multi-element terms that complement and clarify meanings in educational texts.

As regards the findings on the share of different parts of speech per sentence, they do correspond to those of O. B. Sirotina (Sirotina 2009) and A. F. Zhuravlev (Zhuravlev 1988), but nevertheless are new with regard to educational texts and may be used as referential indices in assessment of textbook complexity.

Comparison of Level III and II educational texts metrics also revealed a significant increase in Lexical diversity and Abstractness, which implies that higher academic levels correspond to higher levels of students' verbal intelligence, general knowledge and scientific background. Increase of Lexical diversity and Abstractness of educational texts in high school (Level III) reflects age-related changes in human psyche, i.e. developing the ability for abstract thinking. Thus, we confirm Konogorskaya's (2014) conclusion that high school students are expected to exercise the ability for abstract thinking, which is viewed as the basic intellectual ability determining students' progress.

Having confirmed the general idea that short texts are easier to comprehend and better to remember (Kotova 2021), we also identified the specifics of general interdependence of sentence length on the one side and academic levels on the other. Our findings on sentence length specify metrics range characteristic for Level II and III texts thus serving as a framework for recommendations addressed to test and educational material developers. The revealed increase of cognitive complexity of educational texts across academic levels implies that high school students are expected to be able to apply more cognitive effort to comprehend longer sentences and complex syntactic constructions while processing a text (Dobrynina 2019). The data obtained are also in good agreement with Valueva's (2017) findings on cognitive complexity of literary texts.

7. Conclusions

Linguistic and statistical analysis confirmed the hypothesis on linguistic differences between educational texts of different cognitive complexity. These differences manifest themselves in statistically significant dynamics of numerous parameters from Level II (middle school) to Level III (high school). Lexical diversity (TTR), text abstractness, sentence and word lengths, Flesh-Kincaid index, nominativity (nouns per sentence) and descriptiveness (number of adjectives per sentence) increase notably, while local cohesion (Local argument overlap) demonstrates a tendency to decrease. Thus, the research revealed that cognitive complexity of educational texts manifests itself in longer sentences, higher abstractness and lexical diversity, growth of polysyllabic words and lower local cohesion. All these set higher cognitive demands for the activities of high school students who are expected to have a high capacity of working memory and sustained attention involving concentration.

The research possesses certain strengths as well as a number of limitations. This study examines the influence of linguistic parameters on the cognitive complexity of texts. These parameters are only some of the factors that determine the cognitive complexity of a text. Additional research is needed to assess the influence of other factors, such as propositional density (P-density) and terminological density of the text and characteristics of its readers (students' background knowledge and level of their cognitive development). It is also important to note that the scope of our research is to a certain extent limited by the existing functionality of RuLingva text profile; more specifically, at present the said profiler does not provide its users with the possibility to automatically single out scientific terms from the analyzed texts.

Nevertheless, it seems reasonable to conclude that the data obtained may serve as a framework for a text complexity profiler able to identify markers of cognitive complexity on the syntactical, lexical, morphological and phonological levels. The research results can also be useful for textbook writers and test developers, as well as researchers in text and discourse complexity.

Acknowledgements

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

We would like to thank Konstantin R. Sheriyazdanov, student at Kazan Federal University, for his assistance in compiling the corpus of academic texts while conducting the research. This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738–0–000.

REFERENCES

- Andrews, Glenda & Graeme S Halford. 2002. A cognitive complexity metric applied to cognitive development. *Cognitive Psychology* 45 (2). 153–219. [https://doi.org/10.1016/S0010-0285\(02\)00002-6](https://doi.org/10.1016/S0010-0285(02)00002-6)

- Blake, J. Barry. 2001. *Case* (2nd ed., Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164894>
- Bolbakov, Roman G. 2016. Slozhnost' informatsionnykh konstruksiy (Complexity of informative structures). *Obrazovatel'nye resursy i tehnologii* (In Russ.)
- Da'as, Rim'a, Chen Schechter & Mowafaq Qadach. 2020. School Leaders' Cognitive Complexity: Impact on the Big 5 Model and Teachers' Organizational Citizenship Behavior. *Journal of School Leadership* 30 (5). 398–423. <https://doi.org/10.1177/1052684619896535>
- Das, Syaamantak, Kumar S. Das Mandal & Anupam Basu. 2020. Cognitive complexity analysis of learning-related texts: a case study on school textbooks. In Vittorini, P., Di Mascio, T., Tarantino, L., Temperini, M., Gennari, R., De la Prieta, F. (eds.), *Methodologies and Intelligent Systems for Technology Enhanced Learning*, 10th International Conference. MIS4TEL 2020. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol 1241. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52538-5_9
- Dehaene, Stanislas. 2007. *Les Neurones de la Lecture*. Paris: Éditions Odile Jacob.
- Dobrynina, Oxana L. 2019. Akademicheskoe pis'mo dlya publikatsionnykh tselei: stilisticheskie pogreshnosti. (Academic writing for publication purposes: Stylistic faults). *Vysshee obrazovanie v Rossii* 10. 38–49. (In Russ.)
- Field, John. 2004. Psycholinguistics: The Key Concepts. London, Routledge (in preparation). *Cognitive Validity*. Taylor L. ed. In *Examining Speaking: (Studies in Language Testing)*. Cambridge, Cambridge University Press / Cambridge ESOL.
- Fitzgerald, Jill, Jeff Elmore, Heather Koons, Elfrieda H. Hiebert, Kimberly Bowen, Eleanor Sanford-Moore & Jackson A. Stenner. 2015. Important text characteristics for early-grades text complexity. *Journal of Educational Psychology* 107 (1). 4–29. <https://doi.org/10.1037/a0037289>
- Fulcher, Glenn. 1997. Text difficulty and accessibility: Reading formulae and expert judgement. *System* 25 (4). 497–513. [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(97\)00048-1](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(97)00048-1)
- Gatiyatullina, Gallya, Marina Solnyshkina, Valery Solovyev, Andrey Danilov, Ekaterina Martynova & Iskander E. Yarmakeev. 2020. Computing Russian Morphological distribution patterns using RusAC Online Server. *Proceedings – International Conference on Developments in eSystems Engineering*. 393–398.
- Gatiyatullina, Gallya, Marina I. Solnyshkina, Valery Solovyev, Andrey Danilov, Ekaterina Martynova & Iskander Yarmakeev. 2020. *Computing Russian Morphological distribution patterns using RusAC Online Server Proceedings – International Conference on Developments in eSystems Engineering, DeSE*. 2020-December. 393–398.
- Gatiyatullina, Galiya M., Marina I. Solnyshkina, Roman V. Kupriyanov & Chulpan R. Ziganshina. 2023. Lexical density as a complexity predictor: The case of Science and Social Studies textbooks. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* 9 (1). 11–26. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-2>
- Gladkikh, Anatoliy A., Sergey M. Namestnikov & Nikita A. Pchelin. 2017. Effectivnoe perestanovochnoe dekodirovanie dvoichnykh blokovykh izbytochnykh kodov (*Efficient Permutation Decoding of Binary Block Redundant Codes*). *Avtomatizatsiya processov upravleniya* 1 (47). 67–74. (In Russ.)
- Hansen, Kathleen A. 1990. Information richness and newspaper Pulitzer prizes. *Journalism Quarterly* 67 (4). 930–935. <https://doi.org/10.1177/107769909006700447>
- Johnson-Laird, Philip N. 1983. *Mental Models*. London et al.: Cambridge University Press.
- Just, Marcel A. & Patricia A. Carpenter 1987. *The Psychology of Reading and Language Comprehension*. MA, US: Allyn & Bacon.
- Kalinkina, Evgeniya M., Tatyana A. Poyarova & Aida V. Yablokova. 2021. Uchet dinamiki kognitivnoi slozhnosti u podrostkov pri postroenii obrazovatel'nogo protsessa (Taking

- into account the dynamics of cognitive complexity in teenagers in educational process design). *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* 72 (4). 328–331. (In Russ.)
- Kholodnaya, Marina A. 2004. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* (Cognitive styles. On the nature of individual brainwork). Saint Petersburg. (In Russ.)
- Kintsch, Walter & Teun A. van Dijk. 1978. Toward a model of text comprehension and production. *Psychological Review* 85. 363–394.
- Kluyeva, Nadezhda V. 2003. *Osobennosti vospitaniya na raznykh vozrastnykh etapakh* (Peculiar features of upbringing at different age). Moscow. (In Russ.)
- Koda, Keiko 2005. *Insights into Second Language Reading*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kongorskaya, Svetlana A. 2014. Vozrastnye osobennosti razvitiya prostranstvennogo myshleniya podrostkov i starshikh shkol'nikov: ikh vzaimosvyaz' s uchebnoy uspevaemost'yu (Age features of developing spatial thinking of adolescents and high school students: their relationship with academic performance). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* 5. 59–65. (In Russ.)
- Kotova, Ekaterina O. 2021. Lingvoekologicheskaya otsenka udobochitaemosti rossiiskikh longridov (statisticheskii podkhod) (Linguoecological assessment of the readability of Russian longreads (Statistical approach). *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Philologicheskie nauki* 25 (2). 67–76. (In Russ.)
- Krioni, Nikolai K., Alexey D. Nikitin & Anastasia V. Filippova 2008. Avtomatizirovannaya sistema analiza parametrov slozhnosti uchebnogo teksta (Automated system for analyzing the complexity parameters of instructional text). *Tekhnologiya i organizatsiya obucheniya* 155–161. (In Russ.)
- Kudzh, Stanislav A. & Viktor Ya. Tsvetkov 2018. Faktory kognitivnoi slozhnosti (Cognitive complexity factors). *Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii* 6 (10). 34–41. (In Russ.)
- Kupriyanov, Roman V., Marina I. Solnyshkina, Mihai Dascalu & Tatyana Soldatkina. 2022. Lexical and syntactic features of academic Russian texts: A discriminant analysis. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* 8 (4). 105–122. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-8>
- Lavazza, Luigi, Abedallah Abualkishik, Geng Liu & Sandro Morasca. 2022. An empirical evaluation of the “Cognitive Complexity” measure as a predictor of code understandability. *Journal of Systems and Software* 197. 111561. <https://doi.org/10.1016/j.jss.2022.111561>.
- Matlin, Margaret W. 1998. *Cognition, 4th edn.*: Harcourt Brace College Pub. NY.
- Matskovskiy, Mikhail S. 1976. Problemy chitabel'nosti pechatnogo materiala (Readability issues of printed materials). *Smyslovoe vospriyatie rechevogo obscheniya v usloviyakh massovoi kommunikatsii*. 126–142. (In Russ.)
- McComb, A. Sara & Jane M. Kirkpatrick. 2016. Impact of pedagogical approaches on cognitive complexity and motivation to learn: Comparing nursing and engineering undergraduate students. *Nursing Outlook*. 64 (1). 37–48. <https://doi.org/10.1016/j.outlook.2015.10.006>.
- McCarthy, Kathryn Soo, Danielle Siobhan Mcnamara, Marina I. Solnyshkina, Fanuza Kh. Tarasova & Roman V. Kupriyanov. 2019. The Russian language test: Towards assessing text comprehension. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 18 (4). 231–247. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>
- Morin, Edgar. 1992. *Method: Towards a Study of Humankind*. Vol. 1. New York; Berlin, Bern; Frankfurt/M.; Paris; Wien; Lang.
- Morin, Edgar. 2005. *Metod. Priroda prirody* (Method. The nature of nature). Progress-Traditsiya. Moscow. (In Russ.)

- Morin, Edgar. 2021. *O slozhnosti* (On complexity). Institut obschegumanitarnykh issledovani. Moscow. (In Russ.)
- Nevdakh, Marina M. 2008. Issledovanie informatsionnykh kharakteristik uchebnogo teksta metodami mnogomernogo statisticheskogo analiza (The study of the instructional text information characteristics by the methods of multivariate statistical analysis). *Prikladnaya informatika* 4. 117–130. (In Russ.)
- Perry, William G., Jr. 1981. “Cognitive and ethical growth: The making of meaning”. In Arthur W. Chickering & Associates (eds.), *The Modern American College*. 76–116. San Francisco: Jossey-Bass.
- Pervin, Lawrence A. 1984. *Current Controversies and Issues in Personality*. 2nd ed-n. John Wiley & Sons.
- Petrenko, Victor F. 2010. *Osnovy psikhosemantiki* (Basic psychsemantics). Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Polya, George. 2015. *How to Solve It: A New Aspect of Mathematical Method* (Princeton Science Library, 34). Princeton Science Li Edition.
- Rodrigues, Virginia T., Luis A. Gonçalves, Soares P. Paolinelli Maciel & Augusto P. Rodrigues de Paiva 2014. Ethical education of an engineer with responsibility for a sustainable world. *2014 IEEE International Symposium on Ethics in Science, Technology and Engineering*. 1–7. <https://doi.org/10.1109/ETHICS.2014.6893426>
- Shardlow, Matthew, Richard Evans & Marcoz Zampieri. 2022. Predicting lexical complexity in English texts: the Complex 2.0 dataset. *Lang Resources & Evaluation* 56. 1153–1194. <https://doi.org/10.1007/s10579-022-09588-2>
- Sharoff, Serge. 2022. What neural networks know about linguistic complexity. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 371–390. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30178>
- Sheehan, Kathleen M., Irene Kostin, Yoko Futagi & Michael Flor. 2010. Generating automated text complexity classifications that are aligned with targeted text complexity standards. *ETS Research Report Series*. 2010 (2). 1–44. <http://dx.doi.org/10.1002/j.2333-8504.2010.tb02235.x>
- Silva, Susana, Filomena Inácio, Daniel Rocha e Sousa, Nuno Gaspar, Vasiliki Folia & Karl Magnus Petersson. 2023. Formal language hierarchy reflects different levels of cognitive complexity. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* 49 (4). 642–660. <https://doi.org/10.1037/xlm0001182>
- Sirotinina, Olga B. 2009. *Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnyh stiley sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: grammatika* (Spoken language within the system of functional styles of the Russian literary language: grammar) 3rd ed-n, Moscow: Librekom. (In Russ.)
- Solnyshkina, Marina I., Elena V. Harkova & Mariia B. Kazachkova. 2020. The structure of cross-linguistic differences: Meaning and context of ‘readability’ and its Russian equivalent ‘chitabelnost’. *Journal of Language and Education* 6 (1). 103–119.
- Solnyshkina, Marina I., Ekaterina V. Martynova & Mariya I. Andreeva. 2020. Propositional’noe modelirovanie dlya otsenki informativnosti teksta (Propositional modeling for evaluating the informative value of a text). *Uchenye zapiski natsional’nogo obschestva prikladnoi lingvistiki* 3 (31). 47–57. (In Russ.)
- Solnyshkina, Marina I. & Alexander S. Kisel’nikov. 2015. Slozhnost’ teksta: Ehtapy izucheniya v otechestvennom prikladnom yazykoznanii (Text complexity: Stages of study in domestic applied linguistics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 6. 86–99. (In Russ.)
- Solnyshkina, Marina I., Danielle S. McNamara & Radif R. Zamaletdinov. 2022. Natural language processing and discourse complexity studies. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 317–341.

- Solovyev, Valery, Musa Islamova, Marina Solnyshkina, Roman Kupriyanov & Elzara Gafiyatova. 2021. Sentiment analysis for Russian academic texts: A lexicon-based approach. *CEUR Workshop Proceedings*. 89–97.
- Solovyev V., M. Solnyshkina & D. McNamara. 2022. Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 275–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30161>
- Tsetlin, Valentina S. 1980. Didakticheskie trebovaniya k kriteriyam slozhnosti uchebnogo materiala (Didactic requirements to the complexity criteria of educational material). *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh* 1 (35). 30–33. (In Russ.)
- Ushakov, Konstantin M. 1980. O kriteriyakh slozhnosti uchebnogo materiala shkol'nykh predmetov (On the criteria of complexity of teaching material of school subjects). *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh* 2 (36). 33–35. (In Russ.)
- Valgina, Nina S. 2003. *Teoriya teksta* (Theory of text). Moscow: Logos. (In Russ.)
- Valueva, Ekaterina A., Nina Danilevskaya, Ekaterina Lapteva & Dmitriy Ushakov 2017. Kognitivnaya slozhnost' khudozhestvennykh tekstov dlya detei: kvantitativnye metody otsenki (Cognitive complexity of literary texts for children: Quantitative methods of evaluation). *Voprosy psikholingvistiki* 42–61. (In Russ.)
- Vygotsky, Lev S. 1978. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wang, Yingxu, Robert Berwick & Xiangfeng Luo X. 2012. A formal measurement of the cognitive complexity of texts in cognitive linguistics. *2012 IEEE 11th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing, Kyoto, Japan*. 94–102. <https://doi.org/10.1109/ICCI-CC.2012.6311132>
- Weir, Cyril J. 1993. *Understanding and Developing Language Tests*. London, Prentice Hall.
- Weir, Cyril J. & Hanan Khalifa. 2008. A cognitive processing approach towards defining reading comprehension. *Research Notes, Cambridge ESOL* 31. 2–10.
- Wijendra, Dinuka & K. Priyantha Hewagamage. 2021. Analysis of cognitive complexity with cyclomatic complexity metric of software. *International Journal of Computer Applications* 174. 14–19. <https://doi.org/10.5120/ijca2021921066>.
- Zhu, L., He Li, Wu He & Chuang Hong. 2020. What influences online reviews' perceived information quality? Perspectives on information richness, emotional polarity and product type. *The Electronic Library* 38 (2). 273–296. <https://doi.org/10.1108/EL-09-2019-0208>
- Zhuravlev, Anatoly F. 1988. Opyt kvantitativno-tipologicheskogo issledovaniya raznovidnostey ustnoy rechi (An experience of quantitative and typological investigation of spoken registers). *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi, Moscow, Nauka*. 84–150. (In Russ.)

Dictionary

- Kondakov, Igor M. 2000. *Psikhologiya. Illyustrirovannyi slovar'* (Psychology. Illustrated dictionary). Saint Petersburg, Moscow. (In Russ.)
- Petrovskiy, Artur V. (ed.). 1998. *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* (Brief dictionary of psychology). Rostov-on-Don: Phenix. (In Russ.)
- Voronin, Alexander S. 2006. *Slovar terminov po obschei i sotsial'noy pedagogike* (Glossary of terms on general and social pedagogy). Yekaterinburg. (In Russ.)

Dataset

Textbook code

- S-5 [Sivoglazov, Vyacheslav I. & Pleshakov, Andrey A. 2019. Biology, 5th grade. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)]
- S-6 [Sivoglazov, Vyacheslav I. & Pleshakov, Andrey A. 2019. Biology, 6th grade. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)]
- S-10 [Sivoglazov, Vyacheslav I. et.al. 2020. Biology. General biology. 10th grade. Textbook. Base level. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)]
- S-11 [Sivoglazov, Vyacheslav I. et.al. 2020. Biology. General biology. 11th grade. Textbook. Base level. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)]
- V-5 [Lovyagin, Sergei N. et al. 2012. Biology. 5th grade. Moscow. (In Russ.)]
- V-6 [Lovyagin, Sergei N. et al. 2011. Biology. 6th grade. Moscow. (In Russ.)]
- V-10 [Vakhrushev, Alexander A. et al. 2013. Biology. General patterns. 10th grade. Moscow. (In Russ.)]
- V-11 [Vakhrushev, Alexander A. et al. 2013. Biology. General patterns. 11th grade. Moscow. (In Russ.)]

Article history:

Received: 31 August 2023

Accepted: 18 September 2023

Bionotes:

Roman V. KUPRIYANOV is Doctor of Psychology and Associate Professor of the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology at Kazan National Research Technological University; Chief Researcher of the “Text Analytics” Research Lab at the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia). His areas of research are psycholinguistics, pedagogy of higher education, social psychology and social work. He is the author of more than 120 research articles.

e-mail: kroman1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

Olga V. BUKACH is Doctor of Philology and Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Language Teaching at the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia). She is in charge of organizing and carrying out language testing procedures at the Institute, including but not limited to test construction, as well as using statistical methods for handling and analyzing the obtained data.

e-mail: olga.bukach1987@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-8638-5119>

Oksana I. ALEKSANDROVA is Doctor of Philology and Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics at RUDN University (Moscow, Russia). Her areas of research are semantics, cognitive linguistics and discourse analysis. She is the author of more than 60 research articles.

e-mail: alexandrova-oi@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7246-4109>

Сведения об авторах:

Роман Владимирович КУПРИЯНОВ – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия); старший научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Сфера его научных исследований включает психолингвистику, педагогику высшей школы, социальную психологию и социальную работу. Он является автором более 120 научных публикаций.

e-mail: kroman1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

Ольга Владиславовна БУКАЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия). Она является руководителем проекта по внутреннему языковому тестированию в ИФМК КФУ; осуществляет отбор материалов для разрабатываемых тестов, занимается использованием статистических методов для обработки и анализа данных, полученных в результате проведения языковых тестирований.

e-mail: olga.bukach1987@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-8638-5119>

Оксана Ивановна АЛЕКСАНДРОВА – кандидат филол. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН, заместитель декана по научной работе. Область исследования – семантика, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ. Является автором более 60 научных публикаций.

e-mail: alexandrova-oi@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7246-4109>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

EDN: PNVBEW

Research article / Научная статья

Linguistic pluricentrism and the Russian language

Damina SHAIBAKOVA¹, Ekaterina PROTASSOVA²
and Maria YELENEVSKAYA³

¹*Abay Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty*

²*University of Helsinki, Finland, Helsinki*

³*Technion-Israel Institute of Technology, Haifa, Israel*

daminalshaibakova@gmail.com

Abstract

Can the Russian language be regarded as pluricentric since it is used in various countries and regions of the world where different varieties of the language have evolved? Indeed, in Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and some other countries, Russian is used as the official language of state bodies and institutions. However, each of these countries has its own linguistic and cultural specificities of grammar, vocabulary and phonetics, which distinguish it from other varieties of the Russian language. In addition, the Russian language is used in countries where it is not an official language, such as Finland, Germany, Israel. There it also has its own characteristics caused by interaction with different languages and cultures. The goal of the study is to show that all these varieties of the Russian language can be viewed as pluricentric variants, i.e. as independent language systems with their own characteristics and differences. Theoretically, the recognition of the Russian language as pluricentric would help to better understand the old and emerging varieties of the language and establish their relationship with each other, making it possible to compare different varieties of the language with each other at all linguistic levels. Practically, such recognition would also make it possible to trace the adaptive possibilities of the Russian language, which vary depending on the region and cultural environment, which in turn will diversify and deepen the study of the Russian language, making it more interesting for the learner. Based on the theory of pluricentricity, the paper compares practices of the language use and seeks to establish commonalities of Russian pluricentrism. Moreover, it highlights the unique features of the Kazakhstan language variety while demonstrating new opportunities for studying the flexible adaptability of the language. This approach will contribute to better understanding and appreciating the richness and versatility of the Russian language as it is used around the world.

Keywords: *bilingualism, variability, linguistic diversity, pluricentrism, pluricentric language, Russian as a world / international language*

For citation:

Shaibakova, Damina, Ekaterina Protassova and Maria Yelenevskaya. 2023. Linguistic pluricentrism and the Russian language. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

© Damina Shaibakova, Ekaterina Protassova and Maria Yelenevskaya, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Лингвистический плюрицентризм и русский язык

Дамина ШАЙБАКОВА¹ , Екатерина ПРОТАСОВА² ,
Мария ЕЛЕНЕВСКАЯ³

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Казахстан

²Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

³Технион-Израильский технологический институт, Хайфа, Израиль
damina1shaibakova@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о том, может ли русский язык рассматриваться как плюрицентрический в связи с тем, что он используется в различных странах и регионах мира, где существуют варианты русского языка. В России, Беларуси, Казахстане, Киргизии и других странах русский язык используется как официальный язык государственных органов и учреждений, однако в каждой из этих стран есть лингвокультурные особенности грамматики, лексики и фонетики, которые отличают его от других разновидностей русского языка. Кроме того, русский язык, используемый в странах, где он не является официальным языком, например, в Германии, Израиле, Финляндии, также имеет свои особенности, обусловленные его взаимодействием с другими языками и культурами. Цель исследования – показать, что разновидности русского языка, употребляемого за пределами России, могут быть рассмотрены как его плюрицентрические варианты, то есть как относительно самостоятельные языковые системы, имеющие свои особенности и различия. В теоретическом плане признание русского языка как плюрицентрического могло бы способствовать лучшему пониманию его различных вариантов, их сравнению на всех уровнях языковой системы и установлению соотношений друг с другом. В практическом плане это признание позволило бы проследить адаптивные возможности русского языка, которые варьируются в зависимости от региона и культурной среды, что в свою очередь сделало бы изучение русского языка более полным и интересным. Опираясь на теорию плюрицентризма и сравнивая практики использования русского языка, авторы пытаются установить общие черты русского плюрицентризма и выделить уникальные особенности казахстанского варианта русского языка, демонстрируя новые возможности для изучения гибкой адаптивности языка. Данный подход позволит лучше понять и оценить богатство и многогранность русского языка во всем мире.

Ключевые слова: билингвизм, вариативность, языковая разновидность, плюрицентризм, плюрицентрический язык, русский как международный

Для цитирования:

Шайбакова Д., Протасова Е., Еленевская М. Лингвистический плюрицентризм и русский язык. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

1. Введение

История развития языков связана с множеством языковых изменений, происшедших на разных уровнях языковой системы: в артикуляции, грамматике, лексике и прагматике. Некоторые языки, такие как латынь и древнегреческий, развивавшиеся в античности, продолжали оказывать большое воздействие на другие языки в Средневековье и Новое время и не теряют своего

влияния и сейчас. Современный период связан с массовым распространением языковых школ и различных учебных заведений, а также с развитием технологий, таких как компьютеры и Интернет, которые значительно упрощают коммуникацию на разных языках и расширяют возможности для их изучения. Этот процесс зависит от многих факторов, включая исторические, политические, культурные, экономические и технологические изменения в обществе. Центробежные и центростремительные тенденции характерны для многих современных языков: с одной стороны, их знает, описывает и применяет все большее количество людей; с другой стороны, чтобы язык сохранялся и внутренне эволюционировал, необходимо, чтобы им пользовалась и приспособляла его к современным условиям жизни достаточно большая и устойчивая группа носителей (Müller & Wingender 2021, Mustajoki et al. 2021).

Эндогlossные изменения в языке происходят внутри самого языка и могут быть результатом его внутренней эволюции, изменений в грамматике, фонетике, лексике и т. д. Это звуковые сдвиги (такие, как замена одного звука другим), грамматические изменения (например, утрата или приобретение новых грамматических категорий), лексические изменения (типа появления новых слов или исчезновения старых, а также семантические сдвиги в уже существующих словах) и многое другое. Экзогlossные изменения в языке происходят под воздействием внешних факторов, таких как контакты между языками вследствие миграции, торговли, культурного обмена и т. д. Когда разные языки взаимодействуют между собой, это может приводить к заимствованиям и другим изменениям, влияющим на строй и словарь языка (Кобенко 2010, Шайбакова 2019б). Интересно, что даже замена буквы в алфавите может воздействовать на соответствующее переструктурирование языка: отныне слово прочитывается так, как в языке, откуда оно взято, с его произношением, которое затем экстраполируется на другие случаи.

В качестве одного из объяснений лингвистических трансформаций было признано взаимодействие разных языковых систем в определенной ситуации общения. Этот процесс может приводить к появлению новых языковых форм и явлений, пиджинов и креольских языков, заимствований и субстратных, суперстратных и адстратных явлений. Смешение языков происходит на уровне слова, фразы, предложения и текста. Языковые контакты вызывают процессы адаптации, аккомодации и ассимиляции, когда говорящие на одном языке переходят на другой язык, и языковой диффузии, когда языковые элементы распространяются из одного языка в другой через различные каналы коммуникации. Динамика подобных случаев непредсказуема и зависит от многих факторов, включая социальную, политическую и культурную обстановку, межличностные отношения и т. п. (Hickey 2020, Onysko 2016, Trudgill 2011). Существуют различные теории, объясняющие, как возникли языки и как они меняли свои функции и структуру со временем. Например, С.Р. Фишер отсчитывает историю коммуникации с момента, когда еще не был изобретен чело-

веческий язык, и доводит ее до взрывного расцвета средств массовой информации в наши дни, что связано с совершенствованием чтения и грамотности. Принимая во внимание рост смешанных лингвистических форм, он задумывается о том, как поменяются мировые языки в будущем (Fischer 2018).

Распространение мировых языков связано с процессом глобализации и межкультурной коммуникации. Ситуации, когда говорящие на разных языках взаимодействуют друг с другом, будь то в повседневной жизни или в профессиональной сфере, могут происходить в одно- и многоязычных средах. Когда империи колонизировали другие страны, они заимствовали местные слова и конструкции, а также вводили свой язык, что приводило к созданию новых разновидностей языков. Сейчас международные связи также способствуют языковым контактам (Lee & Choe 2021, Risager 2006).

На данный момент в мире существует несколько языков, которые используются как международные языки общения, такие как английский, испанский, французский, китайский, арабский и русский (далее РЯ). В качестве лингва франка могут выступать и местные языки. Одним из факторов распространения мировых языков является экономическая, политическая и культурная мощь стран, где эти языки являются официальными. Важную роль в распространении мировых языков играют каналы мультимодальной коммуникации (телевидение, кино, Интернет, социальные сети, мобильная связь), которые позволяют людям из разных стран и культур общаться и получать информацию на одном или разных языках. Вместе с тем существуют и другие языки международного общения, такие как эсперанто, специально разработанные для этой цели.

2. Идея языкового плюрицентризма

Плюрицентрические языки – это языки, которые используются в нескольких странах или регионах, где у них статус официального или доминирующего языка. Они имеют несколько равноправных центров или вариантов нормы или стандарта, но все они признаны как правильные и допустимые. На деле любой язык, представленный вне территории своего исконного формирования и функционирования, мог бы считаться плюрицентрическим, если бы не затруднения с определением его происхождения и политические амбиции (De Ridder 2023, Nilsson et al. 2018, Norrby et al. 2020).

Придуманное Х. Клоссом (Kloss 1952) для немецкого языка, это понятие было далее развито М. Клайном, австралийцем, родным языком которого был немецкий, в его книге «Плюрицентрические языки» (Clupe 1992), вызвавшей отклик во всем мире. Все это произошло в то время, когда обсуждалась реформа немецкой орфографии для устранения различий в кодификации немецкого языка в разных центрах. Плюрицентризм понимается как явление, при котором языки за пределами территории исхода развивают свои варианты, на них начинают говорить те, для которых они не являются родными. Одни из этих импортированных языков получают престижные функции вне

территории исхода, и тогда увеличивается число их носителей. Другие на чужой территории применяются как фактор поддержки идентичности этноса. Вариатология и теория плюрицентризма – это теории, разные по охвату аспектов функционирования широко распространенных языков, но их объединяет то, что рассматриваются причины расхождения языков и их витальность.

Все плюрицентрические языки отличают трансграничность, трансэтничность и хотя бы частичная кодификация норм вне территории исхода, своя в каждом центре. Иногда в дальнейшем формируются смешанные языки Этническая принадлежность и язык могут не совпадать. В многочисленных исследованиях, выпущенных под руководством Р. Мура с соавторами (Muhr 2012, Muhr & Marley 2015, Muhr & Meisnitzer 2018, Muhr et al. 2013, 2016, 2020, 2022a,b), подчеркивается, что даже если конкретный язык с большой вероятностью является плюрицентричным, его может быть трудно кодифицировать из-за отсутствия компетентных институтов. Элиты могут сопротивляться признанию легитимности местной разновидности и дистанцироваться от людей, не использующих предписанную норму.

Зарождающаяся плюрицентричность может ограничиваться символическими словами типа «добро пожаловать», «прощай», формулами вежливости и извинения, восклицаниями, передающими эмоции, и т. п. (Eslami et al. 2023). В незнакомых коммуникативных ситуациях носители языкового варианта сталкиваются с неуверенностью в правильности и уместности привычного выбора слов и смущаются, осознав, что говорят иначе, чем остальные. Многие склонны придерживаться нормативного способа выражения, а другие не знают, какой из вариантов является локальным, а какой общепринятым. Иногда кодификация охватывает только те стороны речи, которые совпадают с доминирующей нормой письменного литературного языка, а устная речь не регулируется. То, как люди используют плюрицентрические языки с точки зрения прагматики, изучено недостаточно (см., например, Schneider & Barron 2008), и новые работы появляются как раз в этой области: кто и как ведет себя в пределах одного языка, но в разных условиях. Еще одно новое направление – рассмотрение импортированных языков с точки зрения плюрицентризма.

Возникает вопрос: что добавляет к пониманию процессов и результатов распространения языков идея плюрицентризма? Когда определенные группы людей получают официальный статус в обществе и государственную поддержку, это может привести к появлению новых слов и фраз в их языке, а также к признанию особенностей произношения, интонации, правописания, графики, принципов оформления текстов и даже грамматики, ранее существовавших в качестве девиантных.

Среди первых вопросов, которые задает социолингвистическая теория плюрицентризма, – кто определяет нормы языка и сколько времени требуется носителям языка и исследователям, чтобы почувствовать кардинальные изменения. Язык – самонастраивающаяся система, приспособливающаяся к потребностям говорящих, поэтому суждения о том, что представляют собой

языковые ошибки, а что можно считать локальными отклонениями, следует делать осторожно. Многие люди интересуются жизнью тех, кто проживает в других странах, разговаривая на том же языке, что и они сами, и вынужден справляться с жизненными проблемами в других обстоятельствах. Они замечают различия на бытовом уровне, могут умиляться, ужасаться, переживать или восхищаться в зависимости от того, каково их отношение к пуризму и прескриптивизму (Beal et al. 2023).

Отношение к норме и ее эволюция являются определяющими условиями квалификации варианта, притом что вариант языка – базовое понятие и в вариантологии, и в теории плюрицентризма. З.Г. Прошина (2015: 105–117) рассматривает плюрицентризм в оппозиции бицентризму, например, когда различались лишь два варианта английского языка – британский и американский. Теперь таких центров гораздо больше, и потребность в осознании этого факта растет. Уже давно программа проверки орфографии предлагает более десятка вариантов английского (в том числе для Тринидада и Тобаго) и около десятка вариантов испанского (в том числе для Колумбии). В этом программа опережает ученых, но явно идет вслед за потребностями пользователей. Если во времена сугубого прескриптивизма нужно было горевать по поводу своих «ошибок», то сегодня они – специфика локального варианта языка. Международная организация франкофонии направляет свою деятельность на укрепление отношений между входящими в нее странами и продвижение французского языка по всему миру, при этом Франция осознается как исторический центр языка. Французская академия предпринимает усилия по унификации французского языка для всех стран, где он считается официальным, однако она имеет лишь частичный успех, поскольку местные учреждения реализуют свою языковую политику (Иванова, Ульяницкая 2020).

Английский язык можно назвать плюрицентрическим, так как он используется как первый язык или официальный язык во многих странах мира, таких как США, Великобритания, Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия и многих других. Каждая из этих стран имеет свои особенности в использовании английского языка, уникальные акценты, лексику и грамматику (Formentelli & Hajek 2016, Rose & Galloway 2019, Rose et al. 2020). Испанский язык имеет несколько центров языковой нормы, у каждого из которых свои особенности произношения, грамматики и лексики. В качестве примеров можно привести Испанию, Латинскую Америку и Северную Америку (Cruz & Melo-Pfeifer 2022, Méndez-G^a de Paredes & Amorós-Negre 2019, Soares da Silva 2014). Немецкий – официальный язык в Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Бельгии и Люксембурге. Это язык меньшинств в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Хорватии, Словении, Сербии, Боснии и Герцеговине, Дании и России. Это один из официальных языков Европейского союза (de Cillia & Ransmayr 2019, Dollinger 2019, Leonardi 2021, Pucher et al. 2022, Scharloth 2005).

Французский язык является официальным языком во многих странах, включая Францию, Бельгию, Швейцарию, Канаду, Люксембург, Гаити,

Маврикий, Сенегал, Кот-д’Ивуар и другие страны в Западной Африке. Он используется как второй язык или официальный язык во многих других странах, таких как Марокко, Тунис, Алжир, Ливан, Вьетнам, Камерун, Конго, Центральноафриканская Республика, Мадагаскар, Сейшельские острова. Французский язык также является одним из шести официальных языков ООН и языком дипломатии и международных отношений (страны франкофонии) (Walsh 2021).

Португальский язык является официальным языком в Португалии, Бразилии, Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Восточном Тиморе, Экваториальной Гвинее и Макао. Он широко используется в других странах, таких как Гвинея-Бисау, Мозамбик, Ангола, Замбия, Намибия, ЮАР, Свазиленд, Малави, Танзания, Кения и другие африканские страны. Португальский язык также используется в качестве неофициального языка в таких странах, как Гаити, Люксембург, Намибия, ЮАР, Индия, где он служит для коммуникации и образования (страны лузофонии) (Moita-Lopez 2015).

Китайский язык используется не только в Китае, но и в других странах, где есть значительные китайские коммуны, таких как Сингапур, Малайзия, Индонезия, Филиппины и др. (Kaltenegger 2020). Хауса является национальным языком Нигерии и широко используется в других странах на западе Африки (Гана, Кот-д’Ивуар, Нигер и Того) как язык бизнеса и межнационального общения. Арабский, армянский (Novannisian 2004), венгерский (Vančo et al. 2020) и боснийский/сербский/хорватский/черногорский (Ćalić 2021, von Waldenfels & Eder 2016) часто упоминаются в этом ряду. Современные компьютерно-статистические методы позволяют собирать большие массы данных для подтверждения той или иной гипотезы, относительно распространения языков.

Преподавание английского языка в мире на стыке лингвистики, языкового образования и аудиторной практики уже претерпевает изменения (Proshina & Nelson 2020). Его распространение по всему миру, большое количество людей, говорящих на нем как на втором (иностранном), в каком-то смысле противоречат тому, что он преподается прежде всего как нормативный британский или американский английский, а не тот, с которым люди постоянно встречаются в своем окружении и который нужно научиться понимать (Aronin & Yelenevskaya 2022, Callies 2022, Callies & Hehner 2023). Сегодня общение с носителями стандартного варианта является скорее исключением, чем правилом. Сложности связаны также с преподаванием языка как интер- и транснационального (Norrby et al. 2020, Nielsen 2017, Yelenevskaya & Protassova 2021).

Судьба плюрицентрических языков во многом определяется причинами их распространения и языковой политикой государства, что наиболее заметно в законодательстве, образовании и СМИ. Активно развивается такое направление, как экономика языка, где исследуются коммодификация как всего

корпуса употребления языка, так и его отдельных частей. Финансирование рынка учебных аутентичных материалов, рекламы и индустрии развлечений способствует распространению языков (Едличко 2017: 119–120). Чем интереснее ассортимент продуктов на языке, тем сильнее он рекламируется, тем он более привлекателен для изучения, а чем больше людей его знает, тем значительнее приобретаемая выгода от владения языком и его употребления. Коммерциализация в области нейминга, перевода, образования продвигает многие коммуникативно мощные плюрицентрические языки. Разновидности языка отражаются и в учебниках, создаваемых в разных странах, например, в разделах, касающихся тематических блоков наименований еды, напитков, одежды, музыкальных инструментов, спорта, построек, быта, праздничных ритуалов и т. п. (Едличко 2020: 157).

В теории плюрицентризма обсуждаются вопросы, связанные с реальными трудностями функционирования языка на «неисконной» территории в новых геополитических условиях, обеспечения языковых прав меньшинств, изучаются жизнь языка в иноязычном окружении, диаспоры и языки в эмиграции (лингвоэмигрантология, диаспорология, креолистика и др.). Используются методы моделирования (в том числе компьютерного), картографирования, лексико-статистических измерений. Исследования опираются на конверсационный анализ, речевое портретирование, интервьюирование, опросы, анализ документов, ассоциативные и другие психолингвистические эксперименты, текстовый, тематический и контент-анализ. Диалингвальный анализ относится к изучению языковых явлений в контексте многоязычия, когда один и тот же человек использует несколько языков и в его вербальном поведении наблюдаются переключение кода, интерференция, особые когнитивные процессы, лингвокультурные стратегии и практики, а также влияние мультилингвизма на идентичность. Кросскультурный анализ, в свою очередь, помогает изучать языковые явления в контексте межкультурных коммуникаций, их влияние на речевое поведение и поступки, выбор языка, перевод и толкование текстов, адаптацию языка в межкультурных взаимодействиях и т. д. Лингвистическая антропология изучает под углом плюрицентризма культурные реалии, стереотипы, мифы и их значения, идиомы, метафоры, особенности юмора многоязычных сообществ и прочие явления.

3. Русский язык как плюрицентрический

Термин плюрицентризм/плюрицентричность применительно к РЯ является достаточно новым и встречает противодействие со стороны некоторых лингвистов, поскольку отклонения от централизованной нормы имеют тенденцию рассматриваться как контаминации и нарушения. Однако, принимая во внимание, что после распада Советского Союза русскоязычные общины распространились во всем мире, а независимые государства, возникшие на месте СССР, обрели свои законодательства, было бы неразумно занимать пуристскую позицию, игнорируя реалии уже существующих новых центров

развития РЯ и не изучать реальный язык, который успешно действует на множестве территорий по своим законам и удовлетворяет потребности его носителей (Mustajoki et al. 2020, Protassova et al. 2021a,b). Языковая политика контроля и попытки навязать московский или петербургский стандарт в рассредоточенных языковых сообществах вряд ли будут продуктивными. Вместо этого важно изучить функции, в которых РЯ используется вне страны, документировать изменения, которые претерпевает язык, и их причины (Еленевская и др. 2019, Мустайоки, Протасова 2004, Kamusella 2018, Mustajoki et al. 2010, Nikunlassi & Protassova 2019).

Хотя очевидно, что РЯ присутствует в разных пропорциях во всех странах мира, признание его права на вариативность пробивает себе дорогу, преодолевая множество препятствий. Если согласиться с тем, что норму за пределами первичного центра распространения языка невозможно в полной мере контролировать, то придется одобрить существование множества вариантов и даже поощрить их систематизацию. Ведь это не новые языки, а новые формы одного языка, сохраняющего живучесть и способного не только выживать, но и развиваться в разнообразных условиях, так сказать, своеобразная русофония. Не имея кодифицированной нормы в вариантах, т. е. нормы, отраженной в словарях и грамматиках для каждого ареала своего употребления, в своих разновидностях РЯ имеет иные в сравнении с исходным (материковым) языком (или языком метрополии) правила регулирования коммуникации, реализует иные дискурсивные стратегии. Отсутствие институциональной кодификации не означает, что РЯ в разных ареалах одинаков. Бесспорно, различия есть. Применяются термины «структурные» и «функциональные» варианты РЯ, которые отражают степень изменений и их глубину (Шайбакова 2005, Norman & Kuße 2020, Ryazanova-Clarke 2014).

Выделить убедительные дивергентные черты плюрицентрического языка чрезвычайно трудно, и невозможно представить как единое целое все системные изменения, ведь все носители языка, проживающие в конкретном регионе, могут иметь специфическое образование на разных языках, разную степень владения своим первым, вторым, третьим и т. д. языками, несравнимое количество контактов с носителями иных языков. Сегодня принято располагать компетенции носителя языка по шкале от максимального владения к минимальному, причем, как говорят мультилингвы, они не готовы ранжировать языки по степени близости им. Методика расположения языков по степени эмоциональной окрашенности («близкий по сердцу / желудку / разуму / работе / хобби», «вызывающий печаль, гнев, радость, смех» и пр.) помогает уточнить, какое значение имеют языки для индивидуума, но не дают понять, в какой степени он ими владеет. Распределение функций между языками может подсказать, какие лексические области и конструкции, необходимые для выживания, присутствуют в его языковом репертуаре, но не более того. Понятие «родного языка» не считается достаточно строгим: как известно, представители миноритарных языков могут считать родным языком

наследственный, такой, на котором говорили в действительности их прабабушки и прадедушки, а они сами им не владеют, за исключением нескольких бытовых тэгов. Уважение к своему наследию, к прошлому своего народа не обеспечивает само по себе знание языка, и наоборот. При переписи населения знание языка не проверяется, а только заявляется, поэтому подлинная картина владения языками отсутствует. Есть также путаница в терминах *родной / первый по времени усвоения / главный по важности / материнский / свой / семейный* и т. п. язык. При проверке степени владения этими языками тестируемый может провалиться.

Владение языком зависит от множества факторов, таких как время, место и способ изучения языка, а также особая связь с ним. Лица, выучившие язык как второй или иностранный, подчас знают его лучше, чем те, кто овладел языком в семье, но они обычно не считают, что это их родной язык. Чтобы язык считался родным, необходимо, чтобы человек вырос в среде, где этот язык является основным средством общения. Если человек выучил иной язык во взрослом возрасте или в другой культурной среде, то у него может не возникнуть глубокой эмоциональной и культурной личной связи с языком (есть исключения). Такие люди часто используют его только в определенных ситуациях, таких как работа, учеба или общение с определенной группой людей, где он остается скорее функциональным инструментом общения. В повседневной жизни или в интимных ситуациях родной язык считается более естественным и комфортным, насыщенным воспоминаниями. Однако для следующего поколения такой язык может стать именно *родным*, если постоянно будет применяться в окружении. В условиях миграции известны многочисленные случаи, когда, попав в иноязычное окружение, человек, особенно подросток, отказывался от первого языка, с тем чтобы максимально ассимилироваться в новой среде. В дальнейшем личностная ориентация порой меняется и происходит возврат к первому языку.

Поскольку масса населения состоит из индивидуальных личностей, следует учитывать их установки по отношению к языкам и взаимодействие инструментальных и символических функций языка. Люди имеют несовпадающие мотивации и цели в изучении языков, а также разные уровни заинтересованности в конкретном языке. Внешние исторические, политические и экономические обстоятельства отчасти регулируют состав набора изучаемых языков. Некоторые люди изучают язык в качестве необходимого инструмента для работы или путешествий, в то время как другие знакомятся с языком из интереса к культуре или истории страны, где этот язык используется. У людей бывают определенные предубеждения или стереотипы по отношению к некоторым языкам или культурам, задающие установки к изучению языка. В связи с увеличением миграций растет количество межэтнических браков, и часто члены таких семей идут на курсы, чтобы выучить язык супруга. Если раньше считалось, что языки надо учить смолоду, то сейчас это стало популярным хобби среди пожилых людей, ведущих активный образ

жизни и желающих предотвратить наступление деменции. Если принять во внимание предпочтения разных групп и индивидов, то это поможет в создании более эффективных методов обучения языкам, соответствующих конкретным потребностям и интересам учеников. В связи с этим особенно важно понять, хотят ли потенциальные обучаемые получить в качестве преподаваемого языка тот вариант, который в реальности используется в их окружении, или тот вариант, на котором говорят где-то, где им, возможно, никогда в жизни не удастся побывать. Так, в качестве шведского языка может преподаваться литературный вариант, местный диалект, контактная разновидность, финляндский шведский или его варианты – и то же самое касается РЯ.

Язык как средство коммуникации должен быть приспособлен к разным задачам, поставленным перед пользователями языка в разных сферах жизни. Например, в деловой сфере язык должен быть привязан к профессиональным терминам и фразеологии, в то время как в повседневной жизни он может быть более свободным и неформальным. Некоторые люди могут использовать язык только на базовом уровне, в то время как другие могут обладать более продвинутыми знаниями и умениями. Языковые курсы и программы обучения должны учитывать различные цели и уровни языковой компетенции, чтобы удовлетворять потребности разных групп учащихся. Язык является важным аспектом культуры и национальной идентичности, и его использование может быть связано с выражением своей личности и принадлежности к определенной группе. Поэтому языковые программы обучения должны учитывать эту связь и помочь учащимся выражать свою идентичность через использование языка, что не перечеркивает потребности знать о том, какое лингвистическое (сверх)разнообразие существует внутри языка и в его окружении. Такой подход будет способствовать тому, чтобы сделать язык более доступным и полезным для разных групп людей и создать более эффективные методы обучения языкам. В частности, это может касаться преподавания вариантов РЯ в диаспоре. В то же время несмотря на определенную осведомленность о проблеме языковых вариаций, стандартный вариант, используемый в России, по-прежнему пользуется большим авторитетом среди опрошенных нами зарубежных носителей РЯ по сравнению с другими имеющимися вариантами. Более того, результаты показывают, что за рубежом происходит стандартизация особого рода: приехавшие из разных регионов и стран вступают в интеркультурную коммуникацию на РЯ, являющимся для них первым, вторым или третьим по времени усвоения, и в результате дети находятся под влиянием разнообразных форм языка.

У билингов, выучивших оба языка в семье, взаимное влияние языков присутствует изначально, что может привести к появлению уникальных черт в использовании языков, таких как употребление иноязычных и смешение разноязычных элементов, переключение между языками внутри одного предложения или слова, построение высказываний по моделям одного языка

из материала другого языка, создание гибридных форм и т. д. Эти особенности могут проявляться даже в том случае, когда родители стремятся сохранить четкое разделение языков в своей семье. Те же, кто выучил второй язык в окружении, оказываются под воздействием доминантного языка (или языков) страны несколько позже, что чревато тем, что после периода вхождения и освоения новой речи они будут использовать этот язык чаще и с большей уверенностью, чем свой первый язык. Таким образом, влияние языков на билингвов может быть очень различным, в зависимости от того, как и когда они изучили языки и как они используют их в повседневной жизни, однако все вместе они образуют континуум языкового употребления, корпус языковой разновидности, типичные черты которой могут в результате внутригрупповой коммуникации обобщиться и транслироваться следующим поколениям.

Большинство исследователей осторожно подходит к квалификации вариантов языка. Одним из условий утверждения о наличии вариантных черт являются значительные количественные различия в лексике, причем речь идет не только о тех иноязычных словах, которые функционируют как экзотизмы, сохраняющие морфологические особенности языка источника, но прежде всего те, которые подверглись деривационным процессам и обросли русскими аффиксами, что свидетельствует об их интеграции. При этом выявить закономерность возможно лишь при достаточно большом объеме эмпирического материала (ср., например, работы по РЯ в Эстонии). Помимо общеизвестных методов сбора материала, применяется изучение языковой рефлексии говорящих, маркируемых конструкциями типа: *у нас свой язык / своя речь, в Москве и Петербурге говорят по-другому, в России таких слов нет, как у нас говорят, как мы говорим, хотя другие говорят не так, как мы привыкли* и т. п. Носители диаспорального варианта языка подчеркивают, что в России им непривычно слушать, как говорят по-русски, потому что там не вставляют в речь слова другого языка (например латышского), потому что говорят не с таким акцентом (не с привычным им), потому что надписи только по-русски и по-английски (а не в первую очередь на своем), потому что надо помнить, кому говорить «ты», а кому «вы», (а не всем одинаково, как в английском или иврите) и т. д. Эти аспекты плюрицентризма можно зафиксировать, если вступить в непосредственное общение с сообществом говорящих на каком-либо варианте языка. В ситуации с РЯ структурные изменения незначительны, наиболее заметны коммуникативные вариантные особенности, перенос дискурсивных норм одной лингвокультуры на другую, отчасти потому, что РЯ является в ряде стран бывшего СССР языком науки, бизнеса, торговли и используется как язык межнационального общения представителями иных этносов, и в этом качестве обслуживает сферы семейного и дружеского общения.

4. Особенности функционирования русского языка как плюрицентрического: пример Казахстана

Д.Д. Шайбакова (2015, 2019а) выделяет компоненты, которые следует учитывать при описании плюрицентрических языков:

- **Исторический аспект:** причины и условия утверждения языка на чужой территории, во многом определяющие его дальнейшее существование. Языки иногда оказываются в разных странах по причине распада единого государства (например, корейский). Распространение ряда языков связано с продвижением религии (арабский, греческий, латынь). Язык дисперсно развивается также вследствие миграции народов (армянский), бегства от войны и политических беспорядков (сомалийский), предложения работы высококвалифицированным специалистам (немецкий, хинди), поисков лучших условий для создания семейного очага и бизнеса (китайский). В зависимости от причины исхода определяются сферы применения, число говорящих, ареалы бытования и т. п. Соответственно, РЯ распространялся по миру в связи со всеми этими обстоятельствами.

В Казахстане проникновение РЯ начинается с периода присоединения казахских земель к России в середине XVIII века.

- **Социально-демографический аспект:** число говорящих, компактность расселения, простота контактов со страной исхода. Крупные диаспоры имеют больше шансов для удержания идиома и расширения его функций. Компактность проживания способствует развитию языка вне ареала исхода. Благодаря технологическому прогрессу и массовым миграциям язык в современном мире меняется быстрее, чем раньше, появляется громадное число мемов, возникают и исчезают модные обороты и пр. Современные средства связи создают условия для актуализации языковых средств, новообразования языка диаспоры проникают в язык метрополии и наоборот, постоянное общение на РЯ в соцсетях в транснациональных сообществах по интересам способствует его сохранению и поддержанию. Русскоязычные СМИ в России и за рубежом находятся в постоянном диалоге.

В независимом Казахстане, благодаря юридически определенному статусу, несмотря на заметный отток русскоязычного населения, функции РЯ сохраняются в полном объеме, но его коммуникативное пространство сокращается, что в том числе связано с демографическими изменениями, значительным увеличением процента титульного населения.

- **Ареальный аспект:** территория распространения, расселение носителей языка по признаку село/город, соответственно, разный образ жизни, интересы, круг общения. Впрочем, и здесь социальные сети играют свою позитивную роль и передают самую свежую информацию почти в любые уголки Земли. Число ареалов также не является определяющим фактором, но имеет геополитическое значение. Распространение языка в городских сферах коммуникации расширяет спектр функций языка, например, его присутствие в лингвистическом ландшафте, его наглядность в музейной сфере,

образовании, туризме и т. п. В частности, активисты и переводчики уже создали памятки для русскоязычных иммигрантов и гостей различных стран, в которых видна медиация по поводу социокультурных реалий, которая затем находит отражение в языке сообщества.

Широта применения РЯ неравномерна в разных регионах Казахстана. В южных областях наблюдается заметное преобладание казахского, на севере, западе все еще сильны позиции РЯ. Прибывающие из России мигранты предпочитают большие города и русскоязычные регионы – Караганду, Костанай, Павлодар и др. Возросшую миграцию россиян в Казахстан также рассматривают как фактор укрепления РЯ в стране.

• **Статусно-правовой аспект:** законодательная фиксация статуса языка и комплекс мер по поддержанию (или игнорированию) языка. Будет ли язык признан в качестве официального, иммигрантского, миноритарного либо останется иностранным, насколько он окажется важным в системе языковой политики государства – все это повлияет на возможности финансирования его преподавания, книгопечатания, присутствия в публичном пространстве. Сюда относится и вопрос «язык и власть». Власть отчасти признает или задает функции языков, каналы коммуникации в ряде сфер, кодификацию импортированного языка, продвижение или навязывание определенных моделей обучения и т. д. Коммуникативно мощные языки получают официальный статус даже при отсутствии большого числа исконных носителей (как ранее РЯ в Монголии). Особо надо отметить, что бывают случаи, когда статус языка не определен законодательно, но он широко используется в общественной сфере, например, в различных сервисах, рекламе, языковом ландшафте и дополнительном образовании (например, РЯ в Израиле и Финляндии).

Определенный Конституцией особый статус РЯ в Казахстане обеспечивает его обязательное изучение во всех типах учебных заведений, функционирование во всех сферах коммуникации, что является условием его удержания в стране.

• **Лингвистический аспект:** изучение особенностей и функционирования соответствующего языка, регистрация отклонений от центральной нормы, их оценка с точки зрения оправданности или нежелательности экспертной комиссией, оформление локальных норм, принятие компетентных решений по принципам перевода и толкования терминов. Если в стране или в данной местности подавляющее большинство – билингвы, то важно проанализировать, кто, когда и с кем, о чем и как говорит и на каком языке. Возможно, не только первый язык влияет на второй, но и второй на первый. Воздействие второго языка часто ограничивается вкраплениями в речи, проникновением в узус, но может затрагивать систему контактного языка. Новые нормы через какое-то время, желательно, по согласованию с учеными, государственной властью и населением, могут подвергаться кодификации, в частности, быть зафиксированными в словарях, грамматиках, учебниках, в онлайн-корпусе используемого языка.

Появление различительных черт неизбежно. В силу массового казахско-русского билингвизма, усиления семиотичности казахской культуры РЯ в Казахстане приобретает новые коммуникативные нормы. Помимо того, появляются новые модели словообразования, пополняется казахизмами словарь. В неисконной речи не воспринимается как девиация порядок слов, свойственный тюркским языкам, – глагольное сказуемое ставится в конце предложения. Все это определяет регионализацию языка.

• **Социально-политический аспект:** популяризация предлагаемых решений через СМИ, работа с лидерами общественного мнения, дискуссионные и творческие клубы, создание собственного культурного центра, музея, библиотеки, клуба, театра, помещение информационных материалов на портале, сбор дополнительной информации о речеупотреблении и установках населения к самостоятельности описываемого варианта языка. Знакомство с инфраструктурой сервисов на описываемом языке. Написание истории сообщества. Создание собственных материалов для поддержки языка, написание своих художественных произведений, в том числе и для их театрализации. Представительство в местных и национальных органах власти.

В мультикультурном пространстве вырабатываются особые нормы, клише, стереотипы, формируется новая оценочность. Говоря о межкультурном взаимодействии в казахстанской коммуникации, обычно вспоминают регионализмы, входящие в контактный язык, тем самым усиливая дистанцирование вариантов от стандарта. Сюда входят урбанонимы, онимы, названия географических мест, фирм, учреждений, институций, музыкальных инструментов, одежды, игрушек, посуды, традиционных видов спорта, проектов, гипокористики, принятые сокращения и т. п. (Алишариева и др. 2017, Протасова и др. 2018). Особую группу составляют обязательные заимствования, обозначающие элементы государственной структуры, наименования партий, фольклорных персонажей, элементы суеверий, ритуалов и обычаев.

Казахские слова в РЯ могут приобретать дополнительные коннотации. Так, ироничное *агашки* (от каз. аға – старший брат, обычно означает старшего человека) в русскоязычном дискурсе выступает обозначением косного, консервативного, но влиятельного немолодого человека, чаще чиновника. Слово становится символом косности, коррупции:

- (1) *Казахстанские агашки – тормоз прогресса и рассадник клановой формы правления* (из диалога экспертов).
- (2) *Агашки оказались тормозом прогресса и рассадником клановой формы правления* (Шайбакова и др. 2020: 218).
- (3) *Агашки как неформальный институт стали неотъемлемой частью политической и экономической жизни Казахстана* (Шайбакова и др.

Влияние культуры можно проследить на невербальных средствах коммуникации. Чаепитие в Казахстане может заканчиваться русским вербальным *Достаточно!* или казахским *Болды!*, в знак чего пиалу кладут на бок или

переворачивают, вслед за чем следует молельный жест казахов – ладони обеих рук подносятся к лицу. Так делают все сидящие за столом, независимо от национальности, такая традиция еще остается в аулах.

В условиях функционирования языка в билингвальной среде формируется несколько типов речи – исконной и неисконной, и в этом случае невозможно говорить о единой региональной норме, а в билингвальном просторечии смешение контактных языков не предполагает какой-либо закономерности. Например:

- (4) *Главное сказать, что ты, Гуля, татенин баласы [сын тети Гули] – незваный гость на свадьбе.*

Этот прием порождает достаточно широко распространенный тип макаронической речи.

Билингвальная среда рождает языковую игру. Это отличает молодежную коммуникацию в Казахстане. Новое словоупотребление фиксируется на платформах интернета, например: *Желорда* (неофициальное название столицы, от жел ‘ветер’), *жейберализм* ‘свободная коррупция’, *тойфун* ‘сезон свадеб’, *оралмания* ‘территории, заселенные этническими казахами-репатриантами’, *фишбармак* ‘бешпармак из рыбы’, *байфренд* ‘богатый друг’, *енеконда* ‘све-кровь + анаконда’ и др. Иронические обозначения, разговорные формы могут стать общеупотребительными. Приведем пример того, как появляются такие названия:

- (5) *Сам факт создания поселка для оралманов вызывает раздражение у жителей соседней Новоявленки (и у казахов, у русских). Помогая оралманам, государство выделило их в особую категорию, которую местные жители рассматривают как «чужих», «тех, для которых все это построили» (на фоне «нас, до которых дела нет»). Их называют «нурлукошевцы» (по названию программы), а само поселение – «Оралманией» (Поправко 2014: 210).*

Подобного рода слова произведены по модели РЯ. Но обязательные заимствования (казахские термины, обозначающие государственные программы, приложения) часто не адаптируются, передаются так, как в оригинале (ср.: *Ashyq* или *Ашык* – QR-код в период ковидного карантина, *Серпін* – Национальный фонд социального развития). Например:

- (6) *Девушка с удовольствием рассказала нам, как прошли годы учебы «в холоде» и с какими трудностями придется столкнуться участнику программы «Серпін 2050 (otugar.kz).*

В прагматическом плане культурное влияние казахского языка сказывается на актуализации таких языковых средств, которые не задевают достоинства и самолюбия собеседника; на использовании в русской речи региональных коммуникативов, например, казахстанское *анау-мынау* заменяет русское «то да сё». Соблюдаются требования политкорректности: в обыденной полиэтнической коммуникации возникают свои табу; как правило,

не затрагиваются запрещенные темы разговора, например, национальный вопрос, поскольку часто он вызывает обиду. Традициями мусульманской культуры накладываются ограничения на использование бранной лексики, инвектив, сферы интимных отношений. В русской речи употребляются казахские слова приветствия (*салем, салам*), сопровождающиеся казахским рукопожатием (обеих рук), прощания (*хош*). необходимо учитывать символику цвета, чисел, цветов, животных и т. д.

К числу лингвокультурных феноменов относятся апеллятивы: обращение *жаным* «милый», *айналайын* «дорогой». Эндемичный концепт *айналайын* содержит глубокий смысл: «кружусь вокруг тебя», «принимаю твои болезни», который не в полной мере воспринимается теми, для кого казахский язык не является родным. Уважительное обращение представляет гипокористику имени с добавлением суффикса *-ке*:

(7) *Маке, поздравляю Вас с днем рождения!* (от имени Макен).

Мигранты из России легко усваивают речевые клише, стандартные формулы вежливости на казахском языке и используют их чаще, чем казахстанские русскоязычные граждане. В свою очередь и алматинцы легко отличают приезжих россиян не только по внешнему виду, но и по речи. Многие иммигранты любят пересыпать речь англицизмами:

(8) *Мне сделали апгрейд номера в гостинице.*

Сами мигранты отмечают это:

(9) *Озвучу вообще крамольное для россиян наблюдение: у казахской молодёжи, получившей высшее образование, русский язык намного чище и богаче. Без англицизмов, фени и сортирцины. Опять же сам слышал не раз и не два. Но почему-то нам в России и это не нравится* (Выползов 2022).

Представление о консервативном языке как о более качественном типично и для метрополии, и для диаспоры.

5. Обсуждение и заключение

Плюрицентрические языки, в том числе РЯ, могут оказаться как переходящим, так и относительно длительно сохраняющимся явлением. Их будущее зависит от того, насколько они необходимы, привлекательны и удобны для большинства пользователей. В этом смысле стоило бы снизить планку нормативности и прескриптивизма, чтобы выиграть в числе носителей языка. В самом деле, у мультилингвов выше шансы быть признанными в качестве имеющих право на использование языка в том варианте, который им удобен. Идею русофонии стоит продвигать шире, чем это делалось до сих пор, и местные инициативы в данном направлении могли бы стать более содержательными. Языковые образовательные услуги также являются товаром, спрос на

который возрастает. Растет и конкуренция языков за право участвовать в коммерческих сферах и нишевых рынках.

Носители плюрицентрического языка должны отождествлять себя с местным вариантом, считать его своим, признавать его как часть своей идентичности и понимать его отличия от других вариантов языка. Первый язык может быть важной частью личной идентичности, и это может отличать его от языков, которыми носитель владеет на более высоком уровне. Чтобы удовлетворять потребностям обучаемых, язык должен быть привязан к разным целям и уровням овладения им.

В контексте плюрицентризма каждый языковой вариант рассматривается как сравнительно самостоятельная система, имеющая свои особенности в грамматике, лексике и фонетике. Примеры экзогlossных изменений в языке могут включать заимствование слов из других языков, адаптацию грамматических правил под влиянием других языков, изменение произношения под влиянием иностранных звуков и т. д. В формирующихся вариантах РЯ возникает устойчивая категория освоенных языком облигаторных заимствований – иноязычных единиц – безэквивалентных обозначений реалий страны пребывания, употребляемых всеми в ареале бытования варианта, как в РЯ постсоветских стран, хотя их кодификация еще не произведена. В индивидуальной речи отмечаются и инвазивные заимствования, объясняемые индивидуальной приверженностью лиц определенного круга к иной культуре. Менее изучены аддитивные и производные заимствования. Чаще всего их принимают из соображений прагматических: чужое слово оказывается более лаконичным, употребление иноязычного слова указывает, что говорящий владеет иным идиомом. От самого индивидуума и глубины его проникновения в ткань второго языка будет зависеть, как часто, в каком объеме, с какой стилистической нагрузкой он будет использовать фрагменты каждого из языков, насколько красиво и осмысленно сочетать их, уместно цитировать или искать эквиваленты.

Признание языка плюрицентрическим откроет возможности для более глубокого и детального осмысления и описания разновидностей РЯ, существующих в разных регионах и странах, для прослеживания его адаптивных возможностей и механизмов функционирования в разных контекстах и сферах использования, для сравнения разных вариантов между собой по всем уровням языка (фонетическом, грамматическом, лексическом, прагматическом и др.), для более точного сопоставления их особенностей и специфических черт. Это, в свою очередь, может иметь важное практическое значение для различных областей, связанных с использованием русского языка, таких как экономика, образование, межкультурная коммуникация, перевод и т. д. В теоретическом плане такой подход позволит не только выявить различия и сходства между разными вариантами русского языка, но и понять их причины и исторические корни, выявить как наиболее устойчивые, так и слабые звенья, которые первыми поддаются изменениям под влиянием контактных

языков. Признание РЯ плюрицентрическим может стать важным шагом в его более глубоком и всестороннем изучении, а также способствовать более продуктивному использованию в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 231–263. [Alisharieva, Akbota, Zhanar Ibraeva & Ekaterina Protassova. 2017. Kazakhstani Russian: A view from the side. *Ab Imperio* 4. 231–263. (In Russ.)].
- Выползов А. Что не так с русским языком в России и Казахстане? // *Независимая*. 27.09.2022. [Vypolzov, Andrey. 2022. What is wrong with the Russian language in Russia and Kazakhstan? *Nezavisimaja*. 27.09. (In Russ.)]. https://www.ng.ru/vision/2022-09-27/100_2209271250.html (дата обращения 12.06.2023)
- Едличко А.И. Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 4. С.118–127. [Edlichko, Anzhela I. 2017. The commercialization of language in the context of state language policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 4. 118–127. (In Russ.)].
- Едличко А.И. Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 154–163. [Edlichko, Anzhela I. 2020. Pluricentricity of the German language as a problem of language teaching methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 1. 154–163. (In Russ.)].
- Еленевская М.Н., Протасова Е.Ю., Шайбакова Д.Д. Идея плюрицентричности и русский язык // *Русское слово в многоязычном мире*. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 62–67. [Yelenevskaya, Maria N., Ekaterina Y. Protassova & Damina D. Shajbakova. 2019. The idea of pluricentricity and the Russian language. *Russian Word in the Multilingual World*. 62–67. St. Petersburg: MAPRYAL. (In Russ.)].
- Иванова В.А., Ульяницкая Л.А. Особенности языковой политики в отношении плюрицентрических языков на примере французского языка // *Дискурс*. 2020. Т. 6. № 5. С. 113–129. [Ivanova, Victoria A. & Liubov A. Ulianitckaia. 2020. Pluricentric languages policy features through the example of French. *Discourse* 6 (5). 113–129. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-113-129>
- Кобенко Ю.В. Экзоглоссная и эндоглоссная фазы языковой эволюции // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 4–2. С. 55–59. [Kobenko, Jurij V. 2010. Endoglossic and exoglossic phases of language evolution. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 4–2. 55–59. (In Russ.)].
- Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Helsinki: University of Helsinki, 2004. [Mustajoki, Arto & Ekaterina Protassova (eds.). 2004. *Russian-Speaking Person in a Different-Language-Speaking Surrounding*. Helsinki: University of Helsinki. (In Russ.)].
- Поправко И.Г. Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане // *Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 10. С. 206–216. [Popravko, Irina G. 2014. Strangers among their own: Repatriates, authenticity and everyday borders in Eastern Kazakhstan. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Religiovedenie* 10. 206–216. (In Russ.)].

- Протасова Е.Ю., Ибраева Ж.К., Алишариева А.Н. Особенности языка русскоязычных СМИ Казахстана // *Уральский филологический вестник*. 2018. № 2. С. 384–399. [Protassova, Ekaterina Y., Zhanar K. Ibraeva & Akbota Alisharieva. 2018. Peculiarities of the Russian language in the Russian-language mass-media of Kazakhstan. *Ural Herald of Philology* 2. 384–399. (In Russ.)].
- Прошина З.Г. Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. № 1. С. 105–117. [Proshina, Zoya G. 2015. Terminological confusion in a new linguistic perspective: Metalanguage of the English diversity studies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of Language, Semiotics, Semantics* 1. 105–117. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. *Функционирование русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра*. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005. [Shajbakova, Damina D. 2005. *Functioning of the Russian Language in Kazakhstan: Yesterday, today, tomorrow*. Almaty: KazNU im. Abaja. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. (ред.) *Плюрицентрические языки: справочно-аналитические материалы*. Алматы: Ұлағат, 2015. [Shajbakova, Damina D. (ed.). *Pluricentric Languages: Information and Analytic Materials*. Almaty: Ұлағат. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. Плюрицентрический подход к анализу языковой ситуации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. 2019а. № 5. С.160–168. [Shajbakova, Damina D. 2019а. Pluricentric approach to the analysis of linguistic situation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija "Russkaja filologija"* 5. 160–168. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. Эндоглоссная и экзоглоссная направленность в коммуникации диаспоры // *Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология»*. 2019б. № 2. С. 8–14. [Shajbakova, Damina D. 2019b. Endoglossic and exoglossic directionality in the diaspora communication. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija "Filologija"* 2. 8–14. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д., Протасова Е.Ю., Джундубаева А.А. Плюрицентрические языки в исследовательских моделях. Алматы: Балауса, 2020. [Shajbakova, Damina D., Ekaterina Y. Protassova & Alla A. Dzhundubaeva. 2020. *Pluricentric Languages in Research Models*. Almaty: Balausa. (In Russ.)].
- Aronin, Larisa & Maria Yelenevskaya. 2022. Teaching English in Multilingual Israel: Who teaches whom and how: A review of recent research, 2014–2020. *Language Teaching* 55 (1). 24–45. <https://doi.org/10.1017/S0261444821000215>
- Beal, Joan C., Morana Likač & Robin Straaijer (eds.). 2023. *The Routledge Handbook of Linguistic Prescriptivism*. London: Routledge.
- Čalić, Jelena. 2021. Pluricentricity in the classroom: The Serbo-Croatian language issue for foreign language teaching at higher education institutions worldwide. *Sociolinguistica – International Yearbook of European Sociolinguistics* 35 (1). 113–140. <https://doi.org/10.1515/soci-2021-0007>
- Callies, Marcus & Stefanie Hehner (eds.). 2023. *Pluricentric Languages and Language Education: Pedagogical Implications and Innovative Approaches to Language Teaching*. London: Routledge.
- Callies, Marcus. 2022. *Glocalising Teaching English as an International Language: New Perspectives for Teaching and Teacher Education in Germany*. London: Routledge.
- Clyne, Michael G. (ed.) 1992. *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Cruz, Mário & Silvia Melo-Pfeifer. 2022. The pluricentricity of Spanish: Origin, pedagogical issues, and its appearance in course books in Germany and Portugal. *The International*

- Journal of Literacies* 29 (1). 43–65. <https://doi.org/10.18848/2327-0136/CGP/v29i01/43-65>
- de Cillia, Rudolf & Jutta Ransmayr. 2019. *Österreichisches Deutsch macht Schule. Bildung und Deutschunterricht im Spannungsfeld von sprachlicher Variation und Norm*. Wien: Böhlau.
- De Ridder, Reglindis (ed.). 2023. *“One Size Fits All”? Linguistic Standards in the Media of Pluricentric Language Areas*. Graz: PCL-PRESS.
- Dollinger, Stefan. 2019 *The Pluricentricity Debate. On Austrian German and other Germanic Standard Varieties (Routledge Focus)*. Abingdon: Routledge.
- Eslami, Zohreh R., Tatiana V. Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fischer, Steven R. 2018. *A History of Language*. London: Reaktion Books.
- Formentelli, Maicol & John Hajek. 2016. Address practices in academic interactions in a pluricentric language: Australian English, American English, and British English. *Pragmatics* 26 (4). 631–652. <https://doi.org/10.1075/prag.26.4.05for>
- Hickey, Raymond (ed.). 2020. *The Handbook of Language Contact*. Newark: Wiley & Sons.
- Hovannisian, Richard G. (ed.). 2004. *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. New York: St. Martin’s Press.
- Kaltenegger, Sandra. 2020. Modelling Chinese as a pluricentric language. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 1–12. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1810256>
- Kamusella, Tomasz D. 2018. Russian: A monocentric or pluricentric language? *Colloquia Humanistica* 7. 153–196.
- Kloss, Heinz. 1952. *Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen von 1800 bis 1950*. Munchen: Pohl.
- Lee, Seongyong & Hongsung Choe. 2021. Modelling beliefs, attitudes, and behaviours regarding the spread of English. *English Today* 37 (2). 66–75. <https://doi.org/10.21832/9781853598609>
- Leonardi, Mara M.V. 2021. Attitudes of South Tyrolean University students towards German varieties. *Languages* 6 (137). 1–16. <https://doi.org/10.3390/languages6030137>
- Méndez-G^a de Paredes, Elena & Carla Amorós-Negre. 2019. The status of Andalusian in the Spanish-speaking world: Is it currently possible for Andalusia to have its own linguistic standardization process? *Current Issues in Language Planning* 20 (2). 179–198. <https://doi.org/10.1080/14664208.2018.1495369>
- Moita-Lopes, Luiz P. (ed.). 2015. *Global Portuguese: Linguistic Ideologies in Late Modernity*. New York: Routledge.
- Muhr, Rudolf (ed.). 2012. *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture*. Frankfurt am Main: Lang.
- Muhr, Rudolf, Carla Amorós Negre, Carmen Fernández Juncal, Klaus Zimmermann, Emilio Prieto & Natividad Hernández (eds.). 2013. *Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*. Frankfurt am Main: Lang.
- Muhr, Rudolf & Dawn Marley (eds.). 2015. *Pluricentric Languages: New Perspectives in Theory and Description*. Wien: Lang.
- Muhr, Rudolf, Kelen E. Fonyuy, Zeinab Ibrahim & Corey Miller (eds.). 2016. *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, vol. 1: Pluricentric Languages across Continents – Features and usage*. Wien: Lang.
- Muhr, Rudolf & Benjamin Meisnitzer (eds.). 2018. *Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide. New Pluricentric Languages – Old Problems*. Bern: Lang.

- Muhr, Rudolf, Josep A. Mas Castells & Jack Rueter (eds.). 2020. *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*. Bern: Lang.
- Muhr, Rudolf, Eugenia Duarte, Cilene Rodrigues & Juan Thomas (eds.). 2022a. *Pluricentric Languages in the Americas*. Graz: PCL-PRESS.
- Muhr, Rudolf, Gerhard Edelmann, Aditi Ghosh & Reglindis De Ridder (eds.). 2022b. *Pluricentric Languages in Different Theoretical and Educational Contexts*. Graz: PCL-PRESS.
- Müller, Daniel & Monika Wingender (eds.). 2021. *Language Politics, Language Situations and Conflicts in Multilingual Societies: Case Studies from Contemporary Russia, Ukraine and Belarus*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Nikolai Vakhtin (eds.). 2010. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: University of Helsinki.
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya. 2021. Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms. *Quaestio Rossica* 9 (2). 715–732. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.605>
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya (eds.). 2020. *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Potitics and Policies*. London: Routledge.
- Nielsen, Helle L. 2017. “Arabic-as-resource” or “Arabic-as-problem”? Arab heritage language learners in Danish Postsecondary education. In Olga Kagan, Maria Carreira & Claire H. Chick (eds.), *The Routledge handbook of heritage language education: From innovation to program building*, 363–378. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315727974>
- Nikunlassi, Ahti & Ekaterina Protassova (eds.). 2019. *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki.
- Nilsson, Jenny, Stefan Norrthon, Jan Lindström & Camilla Wide. 2018. Greetings as social action in Finland Swedish and Sweden Swedish service encounters – a pluricentric perspective. *Intercultural Pragmatics* 15 (1). 57–88. <https://doi.org/10.1515/ip-2017-0030>
- Norman, Boris & Holger Kuße (eds.). 2020. *The Russian Language outside Russia*. Ekaterinburg: Armchair Scientist.
- Norrbj, Catrin, Jan Lindström, Jenny Nilsson & Camilla Wide. 2020. Pluricentric languages. In Jann-Ola Östman & Jef Verschueren (eds.), *Handbook of pragmatics* 23, 201–220. Amsterdam: Benjamins.
- Onysko, Alexander. 2016. Modeling world Englishes from the perspective of language contact. *World Englishes* 35 (2). 196–220. <https://doi.org/10.1111/weng.12191>
- Proshina, Zoya G. & Cecil L. Nelson. 2020. Varieties of English and Kachru’s expanding circle. *Russian Journal of Linguistics* 24 (3). 523–550. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550>
- Protassova, Ekaterina, Neelakshi Suryanarayan & Maria Yelenevskaya. 2021a. Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics* 25 (4). 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
- Protassova, Ekaterina, Maria Yelenevskaya & Johanna Virkkula. 2021b. Old and new homes of the Russian language in Europe. In Gyula Szvak (ed.), *RussianStudies.hu 2020*, 243–270. Budapest: Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.g.1>
- Pucher, Michael, Katharina Kranawetter, Eva Reinisch, E., Wolfgang Koppensteiner & Alexandra Lenz. 2022. Perceptual effects of interpolated Austrian and German standard varieties. *Speech Communication* 141. 107–120. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2022.04.003>
- Risager, Karen. 2006. *Language and Culture: Global Flows and Local Complexity*. Clevedon: Multilingual Matters.

- Rose, Heath & Nicola Galloway. 2019. *Global Englishes for Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose, Heath, Mona Syrbe, Anuchaya Montakantiwong & Natsuno Funada. 2020. *Global TESOL for the 21st Century: Teaching English in a Changing World*. Bristol: Multilingual Matters.
- Ryazanova-Clarke, Lara (ed.). 2014. *The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Scharloth, Joachim. 2005. Asymmetrische Plurizentrität und Sprachbewusstsein: Einstellungen der Deutschschweizer zum Standarddeutschen. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* 33 (2/3). 236–267. <https://doi.org/10.1515/zfgl.33.2-3.236>
- Schneider, Klaus P. & Anne Barron (eds.). 2008. *Variational Pragmatics. A Focus on Regional Varieties in Pluricentric Languages*. Amsterdam: Benjamins.
- Soares da Silva, Augusto (ed.). 2014. *Pluricentricity: Language Variation and Sociocognitive Dimensions*. Berlin: De Gruyter.
- Trudgill, Peter. 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford: Oxford University Press.
- Vančo, Ildikó, Rudolf Muhr, István Kozmács & Máté Huber (eds.). 2020. *Hungarian as a Pluricentric Language in Language and Literature*. Berlin: Lang.
- von Waldenfels, Ruprecht & Maciej Eder. 2016. A stylometric approach to the study of differences between standard variants of Bosnian/Croatian/Serbian, or: Is the Hobbit in Serbian more Hobbit or more Serbian? *Russian Linguistics* 40 (1). 11–31. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9155-4>
- Walsh, Olivia. 2021. The French language: Monocentric or pluricentric? Standard language ideology and attitudes towards the French language in twentieth-century language columns in Quebec. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 42 (9). 869–881. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1839085>
- Yelenevskaya, Maria & Ekaterina Protassova. 2021. Teaching languages in multicultural surroundings: New tendencies. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 546–568. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-546-568>

Article history:

Received: 10 June 2023

Accepted: 20 August 2023

Сведения об авторах:

Дамина ШАЙБАКОВА – профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая. Круг ее научных интересов включает социолингвистику, контактологию, теорию плюрицентризма языков. Она является автором 200 работ – монографий, статей, учебных пособий. Участвовала в международных проектах, в частности в качестве руководителя научного проекта, финансируемого Министерством образования Республики Казахстан. Является членом редколлегий международных научных журналов.

e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Екатерина ПРОТАСОВА имеет степень PhD по филологии и степень доктора педагогических наук. Является доцентом Хельсинкского университета, автором и соавтором более 400 публикаций – монографий, статей и глав книг. Участвовала, в том числе как руководитель, в различных международных и национальных проектах, посвященных изучению и преподаванию языков, двуязычию детей и взрослых,

а также роли языка и культуры в интеграции иммигрантов. Член редколлегий ряда журналов, организатор многочисленных научных семинаров и конференций.

e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Мария ЕЛЕНЕВСКАЯ – старший научный сотрудник отдела гуманитарных наук Техниона – Израильского технологического института. Ее исследования посвящены использованию языка в многоязычных и мультикультурных условиях, лингвокультурным аспектам иммиграции, компьютерно-опосредованной коммуникации, языковому ландшафту мультикультурных городов и лингвокультурным аспектам юмора. Она автор и соавтор более 90 публикаций, включающих научные статьи, монографии и учебники. Входит в редакционный совет трех международных научных журналов и является членом правления Израильской ассоциации по изучению языка и общества.

e-mail: [ymaria@technion.ac.il](mailto:y maria@technion.ac.il)

<https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

Bionotes:

Damina SHAIBAKOVA is Professor of the department of Russian Language and Literature at Abay Kazakh National Pedagogical University. Her research interests include sociolinguistics, contactology and theory of pluricentricity. She is the author or coauthor of 200 articles, monographs and textbooks, as well as a member of the editorial boards of international scholarly journals. She participated as head or implementor in international and national research projects.

e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Ekaterina PROTASSOVA holds Ph.D. in Philology and Hab. in Pedagogy. She is Associate Professor at the University of Helsinki. She has authored and co-authored over 400 monographs, articles and book chapters, headed and participated in various international and national projects investigating language pedagogies, child and adult bilingualism, and the role of language and culture in immigrant integration. Her service to the profession includes editorial work for various journals and publishers and organization of seminars and conference panels.

e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Maria YELENEVSKAYA is Senior researcher in the Department of Humanities and Arts at the Technion-Israel Institute of Technology. Her research is devoted to the use of language in multilingual and multicultural settings, lingua-cultural aspects of immigration, computer-mediated communication, linguistic landscape of multicultural cities and linguacultural aspects of humor. She has authored and co-authored over 90 publications including research papers, monographs and course books. She serves on the editorial board of three international research journals and is a board member of Israel Association for the Study of Language and Society.

e-mail: [ymaria@technion.ac.il](mailto:y maria@technion.ac.il)

<https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

EDN: TUR YOW

Research article / Научная статья

Language representations and language attitudes in the Mishar dialect continuum

Svetlana A. MOSKVITCHEVA¹ , Alain VIAUT²
and Radif R. ZAMALETDINOV³

¹*RUDN University, Moscow, Russia*

²*Maison des sciences de l'homme de Bordeaux, Bordeaux, France*

³*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

 moskvitcheva@mail.ru

Abstract

To forecast the sociolinguistic dynamics of the language, to determine the level of its vitality and to provide adequate measures of language policy and planning, it seems important to analyze the structures of the symbolic components of the language situation, which include language representations and language attitudes, that is, social attitudes towards language. The article presents the results of the analysis of the main types of Tatar language representations and linguistic attitudes among speakers of the Mishar idiom of the Tatar language. The data were collected in the regions where the Mishary Tatars live, namely in the Middle Volga region and in Pricurie. The main research method was a semi-structured interview with subsequent analysis of the obtained data, its classification and interpretation. The paper proposes five clusters of language representations in the minority situation: representations related to the instrumental, symbolic and regulative functions of language, on the one hand, and representations related to the actualized identity structures and to the deontic attitudes of the individual, on the other. In connection with these classes of representations and taking into account language forms, language competences and language practices, a typology of language loyalty is proposed, which includes instrumental loyalty, symbolic loyalty, loyalty according to the forms of language used, loyalty according to language competences and prescriptive loyalty. The material analysis showed the prevalence of positive representations of the Mishar idiom among its speakers, the presence of active positive loyalty in oral spheres of communication at the local level, a high level of idiom preservation, and the integrative nature of sociolinguistic dynamics. At the same time, the situation should be regarded as diglossic both in relation to the Russian language and to the literary Tatar language, which is considered to be prestigious.

Keywords: *language representation, language attitudes, language situation, language functions, Tatar language, Mishar dialect continuum*

© Svetlana A. Moskvitcheva, Alain Viaut & Radif R. Zamaletdinov, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Moskvitcheva, Svetlana A., Alain Viaut & Radif R. Zamaletdinov. 2023. Language representations and language attitudes in the mishar dialect continuum. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 687–714. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме

С.А. МОСКВИЧЁВА¹ , А. ВИО² , Р.Р. ЗАМАЛЕТДИНОВ³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Дом наук о человеке Бордо, Бордо, Франция

³Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

moskvitcheva@mail.ru

Аннотация

Для прогнозирования социолингвистической динамики языка, определения уровня его vitalности (жизнестойкости) и обеспечения адекватных мер языковой политики и планирования представляется важным анализ структур символических составляющих языковой ситуации, к которым принадлежат репрезентации языка и языковые аттитюды, то есть социальные установки по отношению к языку. В статье представлены результаты анализа основных типов репрезентаций татарского языка и языковых аттитюдов у носителей мишарского идиома татарского языка. Исследование проводилось в районах проживания татар-мишарей на Средней Волге и в Присурье. Основным методом исследования стало полуструктурированное интервью с последующим анализом полученного корпуса, классификаций и интерпретацией данных. В статье предлагаются пять кластеров репрезентаций языка в миноритарной ситуации: репрезентации, связанные с инструментальной, символической и регулятивной функциями языка, с одной стороны, и репрезентации, связанные с актуализированными структурами идентичности и с деонтическим, с другой. В связи с данными классами репрезентаций и с учетом форм языка, языковых компетенций и языковых практик предлагается типология языковой лояльности, которая включает инструментальную лояльность, символическую лояльность и прескриптивную лояльность. Анализ материала показал преобладание положительных репрезентации мишарского идиома у его носителей, наличие активной положительной лояльности в устных сферах коммуникации на локальном уровне, высокий уровень сохранности идиома и интегративный характер социолингвистической динамики. Вместе с тем ситуацию следует рассматривать как диглосную как в отношении русского языка, так и в отношении литературного татарского языка, считающегося престижным.

Ключевые слова: репрезентация языка, языковые аттитюды, языковая ситуация, функции языка, татарский язык, мишарский диалектный континуум

Для цитирования:

Москвичёва С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 687–714. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

1. Введение

В настоящей статье представлены результаты анализа структуры репрезентаций языка и языковых аттитюдов в мишарском диалектном континууме

татарского языка. Интерес к данной проблематике обусловлен важностью символического измерения языковой ситуации, в котором принадлежат репрезентации языка и языковые аттитюды, как для валидного описания языковых ситуаций, так и для прогнозирования социолингвистической динамики языка и выработки адекватных мер языковой политики и планирования. Эмпирическая часть исследования части татарского языкового континуума была проведена в рамках проекта «*Nomination des variétés de langue minoritaire et identification sociolinguistique, comparaison franco-russe (tatar vs occitan et basque)*»¹, поддержанного в 2019 и 2020 годах Центром франко-российских исследований, Домом наук о человеке Бордо и Российским университетом дружбы народов. А. Вио и С.А. Москвичевой в 2018–2020 годах были обследованы традиционные зоны компактного проживания татар-мишарей, кряшен и нагайбаков. Результаты анализа собранного материала с акцентом на специфику структуры номинаций (глоссонимов) вариантов татарского языка в компаративном аспекте будут опубликованы в виде главы книги (Moskvitcheva & Viaut 2023). В данной статье продолжен анализ полученных в ходе полевых исследований материалов в аспекте выявления типов и структур языковых аттитюдов и репрезентаций в мишарском диалектном континууме Средней Волги и Присурья. Преимущественно нас интересовали эндогенные типы репрезентаций и аттитюдов, то есть представления носителей мишарского диалекта о своем идиоме, о татарском языке в целом, и о литературной форме татарского языка, в частности. В статье термин «идиом» используется применительно как к мишарскому диалекту, в этом смысле «мишарский идиом» является синонимом «мишарского диалекта», так и к другим формам татарского языка, например, «стандартный идиом». Предпочтение термина «идиом» термину «диалект» обусловлено социолингвистическим, а не диалектологическим ракурсом исследования.

Интерес к татарскому языковому континууму и к мишарскому идиому, как его части, обусловлен рядом причин. С социолингвистической точки зрения татарский язык служит примером одной из наиболее сложных и интересных языковых конфигураций на территории Российской Федерации. Это обусловлено рядом факторов экстралингвистической и социолингвистической природы. К основным экстралингвистическим факторам относятся:

- во-первых, широкая география распространения татарского языка;
- во-вторых, долгий и сложный этногенез татар, в том числе существование нескольких периодов татарской государственности, что оказало большое влияние как на формирование татар как нации, так и на структуру татарской национальной и языковой идентичности;
- в-третьих, наличие собственной государственности в рамках Российской Федерации и, что достаточно типично в таких ситуациях, несовпадение

¹ «Номинации вариантов миноритарного язык и социолингвистическая идентичность в России и Франции: татарский и окситанский и баскский языки с сопоставительным аспекте».

лингвистических границ по государственно-административному образованию и по диалектному континууму (фактор границ по типу А и В) (Viaut 2012);

- в-четвертых, наличие высокой культуры, нескольких вариантов литературного языка, исторически долгой письменной традицией;

- в-пятых, история этнонима «татары» и номинации «татарский язык», которые долго фигурировали в качестве исторического названия групп народов и языков, и только со второй половины XIX–XX в. постепенно стали обозначать собственно татарскую нацию и татарский язык в современном понимании (фактор номинации).

Эти факторы, а также факторы, связанные с языковой политикой СССР и Российской Федерации, определяют сложность этноконфессиональной структуры татарской нации, вариативность идиомов и связанную с ней сложность структуры как собственно вариантов татарского языка, так и репрезентаций и аттитюдов по отношению к ним.

Не менее важна специфика структуры социолингвистических параметров татарского языкового континуума. К последней относятся двойная русско-татарская и татарско-татарская диглоссия (татарский литературный язык – центральный (казанский) идиом/мишарский идиом); асимметричный билингвизм; сложная динамика татарского континуума, где наблюдаются тенденции как к интеграции вариантов, так и к автономизации ряда идиомов; сложная структура лингвистических репрезентаций и аттитюдов, обусловленная наличием целого ряда форм татарского языка и различиями в символических лояльностях по отношению к религии, к разным татарским государственным образованиям (Булгарское царство, Золотая Орда, Казанское ханство), также твердым осознанием себя как автохтонного народа на своих территориях. Неоднозначна категоризация татарского языка как мажоритарного или как миноритарного языка. Если на территории Республики Татарстан татарский язык едва ли может считаться миноритарным, поскольку, наряду с русским языком, является государственным, обладает высоким статусом, широкими правами и возможностями, то в местах компактного проживания татар вне Республики Татарстан он оказывается в миноритарной ситуации.

Интерес к ситуации мишарских вариантов татарского языка Среднего Поволжья и Присурья (Нижегородская область, Республика Мордовия, Пензенская область) был обусловлен широкой географией их распространения, высоким демографическим, экономическим и культурным потенциалом, важной ролью в становлении современного татарского литературного языка. Преимущественное проживание носителей идиома вне Татарской Республики² в русскоязычном окружении, но вместе с тем поддержание тесных

² Носители западного (мишарского) диалекта проживают также на территории Республики Татарстан и Республики Башкирии. Однако динамика их идиома в данных регионах имеет иную специфику. В данном исследовании они не рассматривались.

контактов с Республикой Татарстан, создает особую социолингвистическую конфигурацию данного идиома и особую структуру его репрезентаций и аттитюдов.

2. Методология эмпирической части исследования

Основной этап эмпирической части исследования был проведен в Среднем Поволжье в октябре 2018 г. и марте, июле и октябре 2019 г. Исследование проводилось в Нижегородской и Пензенской областях, в республике Татарстан и Республике Мордовия. Были обследованы репрезентации носителей языка по ряду мишарских идиом: сергачские татары (Нижегородская область), лямбирские татары (Республика Мордовия), кузнецкие татары (Пензенская область). Основным методом исследования были серии интервью с носителями мишарского диалекта, которые проводились на русском языке.

Выбор районов обследования был обусловлен демографической, экономической и исторической значимостью данных региональных групп татар-мишарей, а также их высокой культурной самобытностью. Особенно это касается сергачских татар, чья история постоянного проживания на землях современной Нижегородской области восходит, по-видимому, к XV в. и лямбирских татар, компактное проживание которых на территории Лямбирского района Республики Мордовия делает эту группу консолидированной, экономически активной и самобытной в плане культуры и структуры идентичности. С исторической точки зрения лямбирские татары (как и кузнецкие татары Пензенской области) представляют собой группу, отделившуюся в XVII в. темниковских татар, чье историческое значение было очень высоко.

Выбор конкретного села/деревни был обусловлен, в первую очередь, историей его основания как татарского (мишарского) населенного пункта.

Всего было проведено 21 интервью средней продолжительностью 60 минут:

- 3 в Нижегородской области (сергачские татары);
- 12 в Республике Мордовия (лямбирские татары);
- 6 в Пензенской области).

В ряде интервью принимало участие несколько респондентов. В примерах в целях соблюдения исследовательской этики каждый респондент кодировался буквой Р и цифрой. Например, Р1 – респондент 1, Р2 – респондент 2 и т.д.

При планировании дизайна интервью были подготовлены три блока вопросов.

Первый блок был нацелен на выявление возможных корреляции между этнической и лингвистической идентичностями, на выяснение основных факторов формирования языковой и этнической лояльности, а также на анализ иерархии идентичностей и их структур, в частности, отношений между локальной и общетатарской языковой идентичностью. Отдельно задавались вопросы о потребности в татарском языке. В целом, это позволило делать

выводы о репрезентации и типах лояльности по отношению к языку и к его локальным вариантам, а также концептуализировать понятие «родного языка».

Второй блок вопросов был обращен к языковым практикам, нацелен на выяснение ситуаций и условий использования стандартного и локальных вариантов татарского языка, факта межпоколенной передачи языка, места языка в системе образования. Здесь же был ряд вопросов, касающихся представлений респондентов о языковой политике и планировании.

Третий блок вопросов касался собственно вариативности татарской диасистемы, представлений респондентов о количестве идиом, отношений между различными вариантами татарского языка, лингвистической дистанции и взаимопонимания между вариантами языка, представлений о норме и престижности идиомов.

Таким образом, вопросы интервью затрагивали четыре основные измерения языковой ситуации: формы языка, языковые компетенции, реальные языковые практики и символическое измерение.

Транскрибированные тексты интервью составили основной исследовательский корпус, который был подвергнут кодированию в соответствии с кластерами значимых репрезентаций, приведенных в Таблице 1 и типами лояльностей, приведенными в Таблице 2.

Целевой аудиторией при проведении исследования были представители общественных организаций и культурных автономий татар-мишарей, редакции местных газет на татарском языке, муллы, деятели культуры, связанные с национальным искусством, директора школ и школьные учителя татарского языка и литературы, представители бизнес-структур, рядовые носители языка. По причинам этического порядка все интервью закодированы. Кодировка имеет следующее обозначение:

- И1 – интервью № 1 (цифра означает порядковый номер интервью в нашем корпусе);
- М – мужской пол;
- Ж – женский пол;
- I, II, III – римская цифра означает возрастную когорту: I – от 20 до 35 лет, II – от 36 до 55 лет, III – более 56 лет;
- М – мордовские мишари (лямбирские татары);
- П – пензенские мишари (кузнецкие татары);
- НН – нижегородские мишари (сергачские татары);
- 2018 – год полевых исследований;
- март – месяц проведения исследований.

Например, шифр И4МII-M2019окт означает: интервью 4, мужчина, возраст от 36 до 55 лет, Мордовия, октябрь 2019 г.

3. Теоретические основы исследования

Прежде всего необходимо обосновать и определить наше понимание основных понятий, которые составляют теоретический каркас данного исследования: диглоссия, репрезентации языка, языковые аттитюды и языковая лояльность, как один из основных типов языковых аттитюдов.

Диглоссия поднимется в соответствие с общепринятым и, ставшем классическим, определением Дж. Фишмана 1967 года. Дж. Фишман пересмотрел и дополнил известное определение диглоссии, данное Ч. Фергюсоном в 1959 году. Ч. Фергюсон обратил внимание на существование особых социолингвистических ситуаций, в которых сосуществуют варианты одного языка, но лингвистически достаточно удаленные и четко осознаваемые как отдельные варианты, с ясно распределенными функциями внутри языкового сообщества. Один вариант получил название высокого (High), второй низкого (Low). К таким ситуациям относилось использование арабского классического и диалектов арабского языка, стандартный немецкий и диалекты немецкого языка в Швейцарии, французский и креольский на базе французского на Гаити и высокий вариант греческого (кафаревуса) и демотика. Анализируя ряд языковых ситуаций в связи с билингвальными практиками, Дж. Фишман предложил распространить понятие диглоссии на ситуации языковых контактов любых языков, а не только вариантов одного языка. Там же было предложено закрепить за термином «диглоссия» социальное измерение языковых ситуаций, в которых отмечается дополнительное функциональное распределение используемых идиомов, а за термином «билингвизм» – индивидуальное. Близкое определение диглоссии дает Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС 1990: 136).

Все исследованные нами языковые ситуации мишарского диалектного континуума являются мультязычными и полигlossными, поскольку помимо вариантов татарского языка там присутствует русский язык и, как правило, ряд других языков, например, разные варианты мордовского. Вместе с тем, для нашего исследования наиболее релевантными представляются отношения по типу диглоссии между русским и татарским языком и между татарским литературным (стандартным) и мишарским диалектом. В этой связи было бы возможно использование термина «тригlossия». Однако мы предпочитаем термин «дигlossия» поскольку, во-первых, на каждой обследуемой территории количество контактирующих языков или форм языков может быть разным, в том числе и более трех, а, во-вторых, термин «дигlossия», в отличие от «полигlossии» является более прозрачным с точки зрения его дефиниции. «Дигlossия» в первую очередь акцентирует внимание на ситуации дополнительного и неравного функционального распределения языков в социальном пространстве. Термин полигlossия менее привычен и более размыт. Семантика термина «двуязычие» еще более неопределенная, поскольку, фактически, включает в себя объемы понятия и социально и индивидуального билингвизма и дигlossии.

Двумя другими теоретическими конструктами в нашем исследовании являются репрезентаций языка (*language representations/représentation linguistique*) и языковые аттитюды (*language attitudes*). Уточним, что, в качестве термина, мы используем исключительно «репрезентации языка». «Представления о языке» и «образ языка» используются в близком значении, но не в строго терминологическом смысле.

В современной социолингвистике исследование языковых аттитюдов и репрезентаций языка представляет собой одну из ключевых и приоритетных областей, поскольку анализ вариативности языковых систем и динамики языковых ситуаций не может ограничиться изучением исключительно реальных языковых практик. Термин «репрезентация» был заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии, куда, в свою очередь он пришел из философии. В этих дисциплинах «репрезентации» означают формы обыденного, ненаучного, социально разделяемого знания, которое служит основой понимания и концептуализации окружающей действительности для всех членов социально, культурного или языкового сообщества (Jodelet 1993).

Впервые данный термин был использован в 1895 году французским социологом Э. Дюркгеймом, который ввел понятие «коллективные представления» (*représentation collectives*), включавшие различные формы общественного сознания (мифы, легенды, традиционные верования, религию, науку и др.), различные знания и мнения. В 60-е годы к репрезентациям обращается С. Московиси (Moscovici 1992, 2003). Он существенно перерабатывает данное понятие, делает его операциональным и строит вокруг него (в формулировке «социальные представления» (*représentations sociales*)) теорию социальных представлений. Теория С. Московиси основана на «эпистемологии, которая приносит в центр внимания динамическую зависимость между культурно разделенными формами мышления, их передачей через коммуникацию и трансформацией посредством активности индивидов и групп. Эти феномены имеют двоякую направленность: с одной стороны, они коренятся в культуре, языке и истории, что отражает тенденцию к *стабильности*; с другой стороны – связаны с социальными, политическими и экономическими изменениями, характерными для групп, выработавших представления, что отражает тенденцию к *изменению*» (Бовина 2010: 7).

В социолингвистике интерес к исследованию репрезентаций языка (*language representations/représentations linguistiques*) связан с интересом к языковым идеологиям и языковому воображаемому в целом (Houbedine 2015). Репрезентации языка оказываются одним из центральных концептов в когнитивных антропоцентричных парадигмах социолингвистики и в исследованиях, связанных с изучением лингвистической идентичности. Анализ структуры репрезентаций языка продуктивен при исследовании как монолингвизма, так и мультилингвизма. В ситуациях монолингвизма исследователя могут интересовать репрезентации, возникающие у носителей идиома относительно стандартной формы языка и его диалектов, различных

стилистических регистров, устных и письменных форм языка. В фокусе анализа могут быть и репрезентации, связанные с восприятием и оценкой вариативных единиц на разных уровнях языковой структуры. Не менее продуктивен подход с точки зрения репрезентаций и в ситуациях мультилингвизма, при изучении ситуаций языковых контактов. Здесь могут представлять интерес репрезентации, связанные со структурными и иными особенностями контактирующих языков, с переключения кода, с восприятием миноритарного и мажоритарного языка и/или их форм в целом. Именно с последним аспектом связано настоящее исследование, в центре проблематики которого находятся представления о разных аспектах бытия, функционирования, перспектив сохране мишарского диалекта татарского языка, а также его места в татарском языковом континууме в целом, и по отношению к литературному татарскому языку, в частности.

Направление в социолингвистике, связанное с изучение репрезентаций, не следует смешивать ни с так называемой «народной» лингвистикой, ни с «языковыми стереотипами». «Народная» лингвистика – это «свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» (Шор 2009: 32). Репрезентации языка опираются на обыденные, но далеко не всегда на «наивные» формы знания и концептуализации действительности. Так, «лингвист прекрасно понимает все технические сложности, связанные с французской графикой, но в то ж время он может, по причинам, связанным с идентичностью, иметь положительные репрезентации традиционной орфографии³» (Gueunier 1997: 247). Языковые стереотипы – это один из видов репрезентаций. В отличие от языковых стереотипов репрезентации языка не столь очевидны. Изучение репрезентаций языка идейно и методологически близко к сопоставительным исследований культур и идентичностей. Получение списка репрезентаций языка, которые, как правило, тесно связаны со структурами идентичности (этнической, религиозной, культурной и др.) требует работы с различными типами эпидемиологического дискурса, наиболее удобными из которых являются неструктурированные или полуструктурированные интервью (Calvet & Dumont 1999, Lafontaine 1997, Maurer & Desrousseaux 2013).

Языковые аттитюды – понятие близкое к репрезентациям языка. Более того, долгое время в социолингвистике эти два понятия до конца не разводились и употреблялись во многом параллельно. Возможно, одной из причин такого смешения, были методологические трудности, связанные с выявлением аттитюдов. «Исследователи в области социальной психологии использовали техники сбора данных, которые сам по себе были обращены к репрезентациям. Например, чтобы разработать дескриптивную сетку аттитюдов по отношению к тому или иному варианту, использовался метод семантического

³ « *Ainsi, un linguiste parfaitement au courant des lourdes difficultés techniques, liées à la graphie de française peut en même temps garder, pour des raisons identitaires, des représentations tout à fait favorable à l'orthographe traditionnelle* » – перевод С. А. Москвичева.

дифференциала, социологические или психологические опросники. Однако, на деле здесь речь идет об экспериментальных методах получения репрезентаций» (Gueunier 1997: 248).

Современная социолингвистика трактует репрезентации языка как феномены более статические, и менее ориентированные на действия и поведение носителей идиома. Языковые аттитюды, наоборот, характеризуются динамическим, волевым компонентом. Классической репрезентацией считается понятие языкового престижа.

Классическим и наиболее разработанным в теоретическом плане аттитюдом является языковая лояльность (*language loyalty*). Термин был введен в 1953 году У. Вайнрайхом и далее широко использовался в работах по социолингвистике. Наше понимание языковой лояльности близко к определению этого понятия, данному в статье А. Никулеску, которую он подготовил для авторитетного двухтомного издания «Языковые контакты» (*Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de contact* 1996). Под языковой лояльностью понимается сознательная поддержка и использование родного языка в ситуации языковых контактов, прежде всего в билингвальных и диглоссных ситуациях. В большинстве работ, посвященных языковой лояльности, речь идет о миноритарных языках и языках в миноритарной ситуации, но языковая лояльность может быть характерна и для мажоритарных языков и ситуаций монолингвизма. В последнем случае речь, как правило, идет о лояльностях, связанных с языковым пуризмом. Языковая лояльность тесно связана с параметрами этнической и социальной идентичности: историческая память, осознанные коллективные практики, религия, культура относятся к факторам благоприятным для появления языковой лояльности (Niculescu 1996: 715–720). В то же время языковое сообщество может существовать и без осознанной необходимости поддерживать и защищать свой язык, что получило название пассивной лояльности. Также могут быть ситуации негативной лояльности, связанные с неприятием своего языка вплоть до его полного отвержения (Garabato & Colonna 2016). Помимо языковой лояльности существуют и другие типы аттитюдов, например, У. Лабов, ввел и разрабатывал понятия языковой неуверенности (*linguistic insecurity*) и гиперкоррекции (*hypercorrection*), которые также по своей природе являются языковыми аттитюдами (Francard 1993).

В теоретическом плане исследование также опирается на комплексное понимание языковой ситуации как совокупности лингвистического, инструментального и символического изменений, которое схематично представлено ниже (рис. 1).

Центральным компонентом языковой ситуации являются языковые практики, связанные с использованием языка в инструментальной функции. Лингвистическое измерение языковой ситуации включает как существующие в той или иной языковой ситуации формы идиомов, так и языковые компетенции носителей языка. В фокусе нашего исследования оказались следующие

формы языка: татарский литературный язык, мишарский идиом (западный диалект) и в меньшей степени казанский идиом (центральный диалект). Что же касается языковых компетенций, то основной вопрос в миноритарных ситуациях возникает относительно использования письменных форм языка, следовательно речь идет, например, о представлениях носителей идиома относительно нужности/ненужности, полезности/бесполезности владения этими формами. Наконец, блок репрезентаций языка, языковых аттитюдов и потребности в языке представляет символическое измерение языковой ситуации. Еще раз подчеркнем, что репрезентации языка социальны по своей природе и являются формами обыденного, но далеко не всегда наивного знания. Одни и те же репрезентации могут вызывать разные оценки и реакции у разных респондентов – носителей того или иного идиома, что находит выражение в разных аттитюдах по отношению к составляющим языковой ситуации. Например, репрезентации, связанные с отсутствием собственных письменных форм в идиоме, могут привести к росту лояльности к устным формам, что характерно для мишарского идиома (примером, также может служить совершенно иная по другим параметрам, но в этом плане похожая ситуация швейцарского немецкого), или же, наоборот, к отказу от данного варианта языка и переходу на более престижный вариант. Именно аттитюды придают динамику языковой ситуации и задают вектор ее развития.

Рис. 1. Структура языковой ситуации (рис. С.А. Москвичевой) /
Fig. 1. Structure of language situation (by Svetlana A. Moskvitcheva)

Важным компонентом языковой ситуации является понятие потребности в языке. В данной статье мы не ставим задачу определения данного понятия, но опустить его при описании структуры языковой ситуации было бы не верно, поскольку именно структура потребностей в языке определяет структуру репрезентаций языка и языковых аттитюдов. При определении потребности в

языке мы опираемся на концепции как бихевиоризма, так и на когнитивную парадигму психологии (Deci & Ryan 1985, 2002) и синтезирующие концепции А.Н. Леонтьева (Леонтьев 2009) и Д.А. Леонтьева (Леонтьев 2016). Подробно наше понимание понятия «потребности в языке» дано в работе (Москвичева & Сафина 2018, Moskvitcheva & Viaut 2021). Здесь кратко перечислим типы потребностей личности в рамках одного из направлений когнитивной парадигмы в психологии, поскольку дальше мы используем именно эту терминологию. В работах Э.Л. Деси и Р.М. Райна потребность в компетенции связана с эффективным реагированием на запросы среды, потребность в социальной близости – с осуществлением контактов с близкими людьми, потребность в автономии – с возможностью действовать в соответствие со своими интересами и ценностями (Deci & Ryan 1985, 2002).

Итак, понимание языковой ситуации как сложного трехмерного комплекса, а также введение в символическое поле языковой ситуации конструкта потребности в языке, позволило рассматривать в единстве функционирование языка в социальном пространстве в зависимости от установок и потребностей личности. При таком подходе появилась возможность распределить репрезентации языка в пять кластеров, два из которых в большей степени ориентированы на носителя языка и его внутренние потребности, а три на сам язык и его функционирование в обществе. Представленный на Рисунке 2 инструмент анализа, на наш взгляд, является универсальным и может быть использован как для дескриптивных, так и для сопоставительных исследований любых языковых ситуаций. Однако, набор релевантных репрезентаций для той или иной языковой ситуации будет разным.

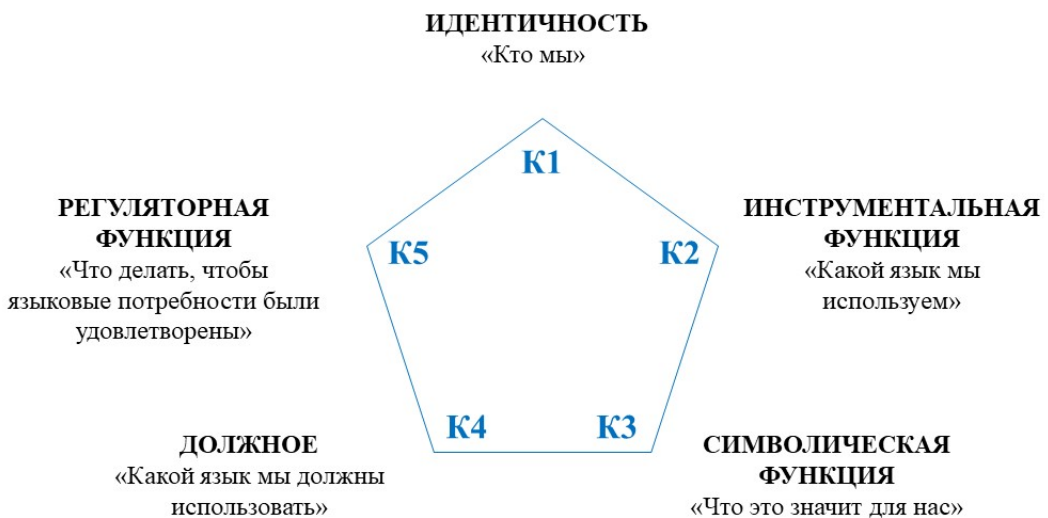

Рис. 2. Основные кластеры репрезентаций в зависимости от функций языка в социуме, структуры идентичности и потребности личности (Рис. – С.А. Москвичева) /

Fig. 2. Main clusters of representations depending on the function of language in society, identity structure and individual need (Figure by Svetlana A. Moskvitcheva)

Ниже в таблице 1 приведены наиболее значимые репрезентации, распределенные по пяти выделенным кластерам. Кластер репрезентаций, связанных с инструментальной (К2) и символической функцией (К3) в таблице расположены вместе, так как репрезентации, связанные с фактическим использованием языка, как инструмента коммуникации (К2), и репрезентации символического использования языка, как маркера этической/культурной/религиозной или иной идентичности (К3), связаны с использованием языка в одних и тех же доменах.

Таблица 1. Кластеры значимых репрезентаций в татарском языковом континууме

Кластеры репрезентаций	Репрезентации
Кластер 1 – Идентичность (К1) «Кто мы»	Факторы: – этничность – территория/ автохтонность – истории/памяти – традиций государственности/ государственность – религия – традиционная/высокая культура – социальная группа
Кластер 2 – Инструментальная функция (К2) «Какой язык мы используем» Кластер 3 – Символическая функция (К3) «Что это значит для нас»	Домены использования: – в ситуациях повседневного семейного общения; – в ситуациях анонимного общения разного уровня; – язык в образовании – язык в народной/высокой культуре – язык и религия
Кластер 4 – Должное (К4) «Какой язык мы должны использовать»	Формы языка и домены их использования: – литературный язык – казанский вариант – мишарский вариант
Кластер 5 – Регуляторная функция: Языковая политика (К5) «Что делать, что бы языковые потребности были удовлетворены»	Меры и цели воздействия на язык: – языковые идеологии, транслируемые через официальный дискурс и дискурсы акторов языковой политики – вектор нормализации – вектор ревитализации – вектор социолингвистической дивергенции и автономизации идиома – вектор социолингвистической конвергенции

Table 1. Clusters of meaningful representations in the Tatar language continuum

Clusters of representations	Representations
Cluster 1 – Identity (C1) «Who we are»	Factors: – ethnicity – territory/autochthony – history/memory – traditions of statehood/ nationhood – religion – traditional/high culture – social group

<p>Cluster 2 – Instrumental function (C2) «What language do we use»</p> <p>Cluster 3 – Symbolic function (C3) «What it means to us»</p>	<p>Domains of use:</p> <ul style="list-style-type: none"> – in everyday family communication situations; – in anonymous communication situations at different levels; – language in education – language in popular/high culture – language and religion
<p>Cluster 4 – Function of oughtness (C4) «What language should we use»</p>	<p>Forms of language and the domains of their use:</p> <ul style="list-style-type: none"> – literary language – Kazan variant – Mishar version
<p>Cluster 5 – Regulatory function: Language policy (C5) «What to do to ensure that language needs are met»</p>	<p>Measures and objectives for language impact:</p> <ul style="list-style-type: none"> – linguistic ideologies transmitted through official discourse and the discourses of language policy actors – normalisation vector – the vector of revitalisation – vector of sociolinguistic divergence and idiom autonomy – vector of sociolinguistic convergence

Итак, мы получили инструмент кодирования текстов интервью с целью выявления и последующего анализа репрезентаций, который был применен к текстам интервью в мишарском языковом континууме.

Далее перейдем к описанию инструментов анализа типов языковых установок валидных для исследуемого континуума. Еще раз напомним, что среди установок ведущая роль безусловно принадлежит лингвистической лояльности, на структуре и параметрах которой мы остановимся более подробно. Вместе с тем, нельзя не отметить, что важную роль в исследуемой языковой ситуации играют такие установки как языковая неуверенность и лингвистическая фрустрация, которые в силу ограниченности места здесь специально не анализировались. Представляет интерес и такой подтип лояльности как сознательная/спонтанная передача языка младшему поколению и в целом всем желающим выучить язык, однако, он также затрагивается лишь в связи с обсуждаемыми типами языковой лояльности.

Мы предлагаем выделить типы лояльности с опорой на три составляющих языковой ситуации: лояльность по отношению к языковым практикам, языковым компетенциям и формам языка. Поскольку языковые лояльности и репрезентации языка тесно связаны, учет последних также необходим.

На первом этапе для определения типов лояльности мы использовали подход, предложенный в работе (Ciscar et al. 2002), где за основу взята инструментальная функция языка, и типология лояльностей выстраивается в зависимости от доменов использования языка и языковой компетенций (владение/использование) устной и письменной формами речи. Авторы предлагают различать инструментальную лояльность L1, связанную с использованием языка в ситуациях домашнего, семейного общения, инструментальную лояльность L2, связанную с ситуациями анонимной коммуникации, инструментальную лояльность L3, связанную с использованием письменной формы

языка, и эвалюативную лояльность L4. В целом, данный подход к типам лояльностей является релевантным и продуктивным. Однако специфика исследуемой ситуации, в частности наличие функционально развитого литературного языка, особое положение центрального (казанского) диалекта, значимая роль религии в процессах языковой идентификации и автономизации, требуют уточнения схемы, предложенной (Ciscar et. al. 2002) и адаптации ее к исследуемой ситуации.

Мы предлагаем выделить пять основных типов лояльности, коррелирующих с основными составляющими языковой ситуации:

- лояльность по формам языка (L-Form);
- лояльность по компетенциям (L-Comp);
- инструментальную лояльность (L-Inst);
- символическую лояльность (L-Sym);
- прескриптивную лояльность (L-Pres).

Каждая лояльность может иметь свои подтипы. Любые типы лояльности могут быть активными/пассивными, осознанными/неосознанными, волевыми/спонтанными, положительными/отрицательными. Общая структура языковой лояльности представлена в табл. 2. Как представляется, данный инструмент исследования также имеет универсальный характер и, в целом, может быть применен к любой социолингвистической ситуации. Однако, он достаточно чувствителен к набору релевантных репрезентаций языка (рис. 2) и работает только после их установления.

Таблица 2. Типы лояльностей и их соотношение со структурой языковой

Тип лояльности	Характеристика лояльности	Соотношение со структурой языковой ситуации	Соотношение с потребностями личности
Лояльность по формам языка (L-Form)			
L-Form1	Литературный/стандартный язык	Формы языка	Потребность в компетенции
L-Form-2	Диалект		
Лояльность			
Лояльность по компетенциям			
L-Comp1	Устные компетенции	Языковые (речевые) компетенции	Потребность в компетенции и автономии
L-Comp-2	Письменные компетенции		
Инструментальная (L-Ins)			
Инструментальная 1 (L-Ins1)	Семейное общение	Языковые практики (домены+ форма языка)	Потребность в компетенции и социальной близости
Инструментальная 2 (L-Ins2)	Анонимное повседневное общение		
Инструментальная 2a (L-Ins2a)	Коммуникация в доменах религия, образование, культура		
Инструментальная 3 (L-Ins3)	Письменная коммуникация		

Символическая (L-Sym)			
Эстетизирующая (L-Sym-Aesth)	Красота языка	Формы языка	Потребность в социальной близости и автономия
Аффективная (L-Sym-Af)	Любовь к идиому		
Историческая (L-Sym-His)	Древность и автохтонность, слава предков		
Прескриптивная (L-Pres)	Ценность/верность нормам и традициям	Формы языка домены	Потребность в автономии

Table 2. Loyalty types and their correlation with linguistic structure

Type of loyalty	Characteristics of loyalty	Relation to the structure of the linguistic situation	Relation to the needs of the individual
Loyalty by forms of language (L-Form)			
L-Form1	Literary/standard language	Forms of language	Need for competence
L-Form-2	Dialect		
Loyalty			
Loyalty by competence			
L-Comp1	Verbal competence	Language (speech) competences	Need for competence and autonomy
L-Comp-2	Writing competences		
Instrumental loyalty (L-Ins)			
Instrumental 1 (L-Ins1)	Family communication	Language practices (domains+ form of language)	Need for competence and social proximity
Instrumental 2 (L-Ins2)	Anonymous daily communication		
Instrumental 2a (L-Ins2a)	Communication in the domains of religion, education, culture		
Instrumental 3 (L-Ins3)	Written communication		
Symbolic loyalty (L-Sym)			
Aestheticising (L-Sym-Aesth)	The beauty of language	Forms of language	Need for social closeness and autonomy
Affective (L-Sym-Af)	Love of the idiom		
Historical (L-Sym-His)	Antiquity and autochthonousness, the glory of the ancestors		
Prescriptive (L-Pres)	Values/faithfulness to norms and traditions	Forms of language domains	Need for autonomy

4. Анализ репрезентаций и аттитюдов в отношении мишарского идиома татарского языка

Перейдем к представлению результатов анализа репрезентаций и аттитюдов татарского языкового континуума Средней Волги и Присурья на примере мишарского языкового континуума. Прежде всего нужно установить наличие и использование этнонимов «татары» и «мишари», равно как и глоссонимов «татарский» и «мишарский».

4.1. Репрезентации, связанные с номинации «татарский/мишарский» в мишарском языковом континууме

Носители мишарского идиома во время интервью спонтанно называют свой вариант «татарский язык», редко – «мишарский» (практически всегда без добавления слова язык и преимущественно в глагольной конструкции говорить по-мишарски), еще реже «язык матери», «язык семьи», «свой язык». На просьбы уточнить, на каком языке они говорят, без колебаний называют его татарским языком, а себя называют татарами, как ниже (1).

(1)

AB: А если вернуться к названию языка, то как вы его называете?

P2: Татарским. Только татарским языком. Мы пишем на татарском языке, разговариваем на татарском языке. Не говорим, что разговариваем на мишарском. Есть диалект, мишарский диалект есть, но язык – это татарский. Общепринятый татарский язык. (ИЗМП-НН2018-окт)

Также респонденты совершенно определенно и без малейших колебаний или сомнений определяют себя как татар. Тем не менее, этноним «мишари» и глоссоним «мишарский» понятны и привычны для респондентов. Они широко используются. Судя по материалам интервью, «мишари» и «мишарский» стали активно проникать в среду носителей языка относительно недавно, в 70–80 гг. XX в., а широкое распространение получили в эпоху Перестройки и связанной с ней этнической и языковой мобилизацией (2).

(2)

P3: Вот в деревнях, в обиходе слово «мишар» не используется. Татар есть татар. Вот, понимаете, для отличия... для различия от казанских.. Используют сергачский мишар. Сергачские мишари. Сергачские татары.

CM: То есть, слово «мишар» появилось в Перестройку?

P2: Нет, оно раньше было! Испокон веков было! Просто после перестройки больше использоваться стало. (И1МП-ЖП - НН2018-окт)

4.2. Конфигурации лояльностей в мишарском континууме

Выше говорилось, что по своей природе репрезентации представляют собой статичные образы того или иного социального явления. В нашем случае – мишарского языкового континуума. Языковые аттитюды, к которым относятся и языковая лояльность, напротив, динамичны. Именно они определяют фактическое отношение к языку. Например, образ языка может быть положительным, но одновременно, его носители не хотят или же равнодушно относятся к его передаче младшему поколению. В таком случае лояльность будет отрицательной. Подобные ситуации достаточно типичны для миноритарных

языков. Вообще, рассматривать репрезентации языка в отрыве от аттитюдов представляется непродуктивным.

Еще один комментарий, прежде чем перейти, собственно, к анализу репрезентаций и лояльностей в мишарском континууме. Существуют два основных фактора, которые лежат в основе репрезентаций и аттитюдов языков в миноритарной ситуации. Во-первых, это этническая (в некоторых случаях ведущей может оказаться религиозная, культурная или социальная идентичности). И, во-вторых, это диглоссия. Последняя, как правило тяжело переживается носителями функционально подчиненного идиома и влечет целый ряд негативных репрезентаций и аттитюдов вплоть до языкового самонеприятия и фрустрации от отсутствия языка (Boyer 2021: 302).

В связи со сказанным репрезентации целесообразно представить в виде двух больших групп: первая группа связана с ситуацией диглоссии, в нашем случае как русско-татарской, так и татарско-татарской, вторая – с параметрами этнической и языковой идентичности носителей мишарского идиома. Представленный ниже анализ лояльностей эксплицитно или имплицитно учитывает эти две группы репрезентаций. В этой перспективе наиболее интересные и оригинальные результаты дает анализ типов символической лояльности.

4.2.1. Символическая лояльность

Наш материал подтверждает существование тесных связей между символической лояльностью и структурой этнической и языковой идентичности. Анализ данных интервью показал, что наиболее значимыми типами символической лояльности в мишарском континууме применительно к мишарскому идиому являются эстетический (L-Sym-Aesth), аффективный (L-Sym-Af) и исторический (L-Sym-His) типы лояльности.

4.2.1.1. Эстетический и аффективный типы символической лояльности и ситуация диглоссии

Данные типы представляют собой классические типы лояльности к миноритарным языкам в ситуации диглоссии. Особенность нашей ситуации состоит в том, что указанные типы лояльности преимущественно находятся в поле татарско-татарской диглоссии, где сравниваются даже не татарский литературный (который безусловно считается «своим») и местный мишарский, а казанский (средний диалект) и мишарский (западный диалект) идиомы. Дополнительную специфику татарско-татарской диглоссии часто придает контаминация репрезентаций литературного татарского языка и казанского идиома. Без такой контаминации ситуация «литературный татарский – мишарский» была бы устойчивой и бесконфликтной.

Литературный татарский язык, особенно в его письменных обработанных формах (литература как таковая, язык газеты и т.д.) носителями

мишарского идиома органично и безусловно считается абсолютно «своим» татарским языком, частью которого является и мишарский идиом, существующий только в устной форме и в доменах обыденной коммуникации. Для носителей мишарского идиома литературный татарский и мишарский – это безусловно один язык, а не два. Четкости и ясности данного восприятия респондентов способствовало в том числе изучение татарского литературного языка в школе. С изучением языка в школе связаны осознанные и осознаваемые представления о степени различий между литературным и местным вариантами языка, которые воспринимаются как незначительные, нормальные и касаются в основном фонетики и части лексики.

Сложнее репрезентации среднего (казанского) диалекта татарского языка. Это, безусловно, престижный идиом.

Во-первых, на его фонетические нормы опирается литературный вариант.

Во-вторых, в зоне его распространения находится центр современной татарской культуры (г. Казань).

В-третьих, его зону можно рассматривать как древнейший центр татарской государственности.

Центральное положение и престиж Казани как центра татарской культуры приводит к наложению и смешению понятия «татарский литературный язык» и «средний (казанский) диалект», которые иногда выступают под общей номинацией «чистый татарский». Однако это смешение, как правило, относится к устным, а не письменным формам языка, и характерно для носителей языка, профессионально далеких от сферы лингвистики или гуманитарного знания.

Носителями оценивается красота, мягкость, мелодичность казанского и «грубость» местного мишарского диалекта. В то же время различия между двумя идиомами воспринимаются как не очень значительные и связанные, в первую очередь, с особенностями произношения. Местный мишарский идиом характеризуется как «цокающий»⁴, как «более грубый». О казанском варианте говорят, что он «более мягкий какой-то, мелодичное звучание», «красивый язык» (Примеры 3–5).

(3)

РЗ: А я бы вот слушала и слушала, когда говорят на чисто татарском языке... Красивый, красивый язык. Для меня это удовольствие! (И1ЖП-НН2018-окт)

Несмотря на репрезентации казанского варианта как «красивого» аффективная лояльность твердо связана с местным вариантом языка. В своем регионе, «дома» переход на казанское произношение не просто не считается необходимым, а является нежелательным, поскольку местный вариант связан

⁴ Имеется в виду, что на месте палатального звука «ч» среднего диалекта, в западных диалектах произносится «ц».

с детством, семьей, близкими, а также опирается на сильную региональную идентичность и ее позитивную оценку:

(4)

P1: *Смешно было. Если бы кто-нибудь среди нас попытался бы говорить на литературном языке, на казанском – это жесткие насмешки и издевательства были бы... Однозначно!* (И09МП-М2019-окт)

Интересный факт: существует устойчивая репрезентация, что татары-мишари лучше понимают казанских татар, чем последние мишарей.

(5)

P4: *Вот есть еще и такие случаи. Когда мы говорим на своем мишарском, цокаем, нас еще казанские и не понимают. (Все участники: Да, ... не понимают...). Поэтому приходится с ними разговаривать на русском, объясняться.* (И03МП-НН2019-окт)

Это можно объяснить тем, что в школах в зонах проживания мишарей преподают татарский литературный язык, который по фонетическим и лексическим нормам близок к казанскому идиому. Казанские же татары не изучают особенности мишарских говоров. Однако нельзя полностью исключить и репрезентации, связанные с более высоким престижем казанского идиома, что проявляется в том числе в чувстве языковой неуверенности, неоднократно отмеченном в ходе анализа интервью (6).

(6)

P1: *Нет, первое время вот мы стеснялись говорить... Вот в Казань ездили, говорить стеснялись.*

P2: *Потому что смеялись.*

P1: *Да. Потому что сразу видно: татары, но не совсем татарские. А сейчас вот ездим, никто над нами не смеется. Они нас поддерживают. И мы себя свободно чувствуем там.* (И52ЖШ-М2019-окт)

4.2.1.2. Эвалюативная историческая лояльность (L_Sym_his) и историческая идентичность: престиж мишарского идиома

В исследуемом регионе репрезентации, связанные с историческим и культурным прошлым носителей идиома, являются чрезвычайно важными, если не определяющими в структуре этнической идентичности. Они проецируются на лингвистическую идентичность, создавая условия для репрезентации престижа мишарской идентичности и верности мишарскому варианту татарского языка. В структуру исторической лояльности входят репрезентации, связанные с автохтонностью народа, с древностью проживания на этой, «своей» земле: если татарский народ и пришел сюда, то «пришел очень, очень давно». Причем речь идет не столько об оспаривании права на «эту» землю с русским населением, сколько о ценности, значимости и самостоятельности

истории татар-мишарей в отношении казанских татар, важности их вклада в общую культуру – Пример 7.

(7)

Р3: Но ведь мы же ОТСЮДА! Мы же не оттуда [не из Казани] пришли! Мы здесь были! Мы коренной народ!!! Понимаете... дело-то в том, что мы коренной народ... Мы отсюда. (И1ЖИМII-M2019-окт)

Именно осознание своей автохтонности, своей самобытности приводит к пониманию особенностей и значимости своего идиома, его легитимности, делает трудным, если не невозможным переход на казанский вариант в повседневной коммуникации. Мишарский идиом – это не «испорченный» казанский, а равнозначная неотъемлемая часть татарского континуума.

Вторым важным компонентом в структуре исторической идентичности является осознанная лояльность к разным государственным образованиям у мишарей и казанских татар. Для последних часто – это древний Булгар (VIII–XIII вв.), первое исламское государство в Среднем Поволжье, завоеванное монголо-татарами, и Казанское ханство (1438–1552 гг.), включенное в состав Московского княжества. Мишари в спонтанном, иногда «наивном» дискурсе связывают свою государственность с Золотой ордой и позже с Московским княжеством, на службе у которого они состояли как служилые татары, занятые преимущественно на военной службе по охране границ государства – Пример 8.

(8)

Р1: Вот смотрите, в 52 году... В 1552 год завоевали Казанское ханство. Ну как бы русские завоевали. Но там было много, среди завоевателей, наших вот татар. Мишари пришли и Казань подчинили себе. (И06МII-M2019-окт)

С Золотой Ордой связаны репрезентации сопричастности к высокой культуре, к развитому литературному языку, который был и «их» мишарским языком.

Важную роль в структуре исторической идентичности играют государственные деятели, ученые, просветители, поэты и писатели. Им посвящены школьные музеи, на уроках изучаются их произведения проводятся уроки и внеклассные мероприятия, посвященные их памяти. В Нижегородской области в селе Красная горка мы посетили школьный музей, посвященный уроженцу этого села, просветителю татарского народа Фаизхану Хусаинову (1823–1866 гг.), в селе Кикино Пензенской области школьный музей посвящен татарскому писателю и первому переводчику Корана на татарский язык Мусе Бигееву (1873–1949 гг.). В зоне мишарских говоров родился и вырос один из создателей современной татарской прозы и театра Шариф Камал (1884–1942 гг.), а также один их создателей татарской поэзии современного типа Хади Тахташ (1901–1931 гг.). Важно, что эти знаковые фигуры

татарской культуры и мысли одновременно принадлежат к общей татарской культуре, что обеспечивает основу создания общего татарского культурного и языкового пространства, но одновременно они являются представителями культуры татар-мишарей. Мишари помнят об их мишарском происхождении, и это создает основу для высокой оценки своей культуры и своего идиома.

Репрезентации, связанные с эвалюативным типом лояльности, а это, в первую очередь, престиж идиома, связанный с его культурным и историческим измерением, привязанность к нему и любовь, и в данном случае, в меньшей степени, его эстетические характеристики, создают базу для инструментальных типов лояльности, к которым мы предлагаем перейти.

4.2.2. Инструментальная лояльность первого (L-Inst1) и второго (L-Inst2) типов

В структуре инструментальной лояльности этих двух типов основной вопрос – это вопрос о языке повседневной коммуникации. Уточним, что мы ограничимся анализом эндогенной структуры лояльностей и связанными с ней репрезентациями, то есть представлениями татар-мишарей о своем идиоме и о других вариантах татарского языка. Вопросы, связанные с репрезентацией русского языка и, шире, с русско-татарской диглоссией, не рассматриваются.

Результаты исследования показывают, что в целом, во всех обследованных мишарских селах до настоящего времени татарский язык в его мишарском варианте остается основным средством общения во всех ситуациях обыденной коммуникации между этническими татарами. Инструментальная лояльность (L-Inst1) является активной и спонтанной. Если село этнически однородно (такие села сохраняются до настоящего времени), то татарский язык активно, спонтанно и естественно употребляется во всех ситуациях повседневной коммуникации (9).

(9)

СМ: *А язык передается к младшим поколениям?*

Р1: *Да, язык передается из поколения в поколение.*

СМ: *И большинство детей, которые здесь, они спонтанно говорят на татарском?*

Р1: *Да, спонтанно. Они, значит, дома общаются на татарском, на чистом татарском языке. С родителями, с родными.*

АВ: *И в школе между собой дети тоже говорят на татарском?*

Р1: *Да. Вот между собою они разговаривают на татарском языке у нас. На татарском языке общаемся, и учителя между собой, общаемся на татарском языке. (И03-МП-НН2018-окт)*

В районных центрах со смешанным населением и в селах, находящихся вблизи больших городов, которые фактически стали пригородами, татарский язык является языком преимущественно домашнего общения (L-Inst1). Тем не менее, он активно используется в общественных местах, если все

участники акта коммуникации являются татарами и знакомы друг с другом (L-Inst2).

Помимо уже отмеченных факторов, влияющих на сохранения языковой среды, немаловажную роль играет то, что специалисты (учителя школ, врачи, инженеры и др.), получившие высшее или среднее специальное образование, имеют возможность вернуться в после учебы в свое село (10).

(10)

СМ: *А учителя они тоже местные, уроженцы района?*

Р1: *Даже не района, вот у нас получается, что почти все наши учителя местные, коренные... Из нашего села. Я сам уроженец этого села, родился здесь, учился в этой школе, и продолжаю 39-ый год работать в этой школе. (И03-МП-НН2018-окт)*

Инструментальная лояльность первого и второго типов в границах мишарского идиома направлена на локальный вариант (11).

(11)

СМ: *А, вы, ваше поколение, хотели говорить на литературном татарском языке?*

Все: *[очень дружно]*

Р3: *Ну... На местном татарском диалекте. На местном диалекте!*

Р1: *Говорить-то, нет!.. На местном диалекте.*

Р3: *Ну нет.. Ни к чему было. Потому что бабушки нас не понимали. Смеялись над нами.. Если мы пытались на литературном языке сказать.*

Р2: *Да, если мы пытались как-то сказать.. Это было смешно в деревне. (И06-МП-М2019-окт)*

Что касается письменной инструментальной лояльности (L-Ins3), в настоящем она полностью и безусловно связана с литературной формой языка. Однако в частной переписке редко, но все же могут использоваться местные формы языка (12).

(12)

Р1: *Я вот помню писала. Меня просила бабушка. Прабабушка просила ... просила писать письма сыновьям в Москву. Я вот писала на мишарском и даже не задумывалась нисколько, что там какой-то татарский язык есть.*

Р2: *Ну сейчас уже редко письма пишут...*

Р3: *И сейчас на чистом татарском [литературном] стараются. (И03-ЖП-НН2018-окт)*

5. Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что репрезентации мишарского идиома тесно связаны со структурами этнической идентичности, где ведущую роль играют религиозный фактор и фактор осознания себя

автохтонным народом. В целом, с мишарским идиомом связаны положительные типы репрезентаций, он считается родным языком и продолжает активно использоваться в повседневной коммуникации в местах традиционного проживания татар-мишарей.

Основными экстралингвистическими факторами, влияющими на структуру репрезентаций мишарского идиома татарского языка и на структуру языковых лояльностей, являются компактный тип расселения (татарские деревни) вне Республики и сохранение религии и определенных традиционных форм жизни. Важное значение имеет активная поддержка связей с Республикой Татарстан, в частности в области культуры и образования. Также важную роль играют местные газеты на татарском языке и присутствие татарского языка как дисциплины в школах в местах компактного проживания татар. Преподавание татарского языка в школах способствует поддержанию единства татарского языкового континуума и обеспечивает понимание средних (казанских) диалектов носителями западных (мишарский) диалектов.

Следует отметить, что на структуру репрезентаций и аттитюдов решающее влияние оказывает ситуация диглоссии. Татарский язык в мишарском континууме остается коммуникативно и функционально сильным языком, он является основным средством повседневной коммуникации в сельской местности, в районах традиционного проживания татар-мишарей. Значимой предстает проблема татарско-татаркой (литературный татарский/средний (казанский)/мишарский идиом) диглоссии, где репрезентации и лояльность к мишарскому идиому может варьироваться от его полного приятия и гордости при его использовании до случаев языковой неуверенности в ситуациях общения вне своих территории. Значимой также является проблема русско-татарской диглоссии, которую носители татарского языка ощущают как угрозу витальности языка и его межпоколенной передачи. Репрезентации, связанные с русско-татарской диглоссией, в мишарском континууме не анализировались в рамках этой статьи. Мы планируем посвятить этой проблеме отдельную публикацию.

Инструментальные лояльности первого и второго типа (семейное и анонимное повседневное общение) строго связаны с локальной формой языка. Среди символических форм лояльности важную роль играют эстетическая, аффективная и историческая. Прескриптивный тип лояльности не обсуждался в рамках статьи, но в материалах интервью она присутствует, в виде убежденности носителей идиома в необходимости использовать язык как в повседневной коммуникации, так и в символических целях. Важно, что в мишарском континууме литературный татарский язык полностью принимается и мишарский идиом воспринимается как часть татарского языка, которая используется в устной коммуникации. Эти данные говорят о интегративной динамике татарского языкового континуума Средней Волги и Присурия.

В заключение еще раз подчеркнем, что символическое измерение является важной составляющей любой языковой ситуации. Знание структуры

репрезентации языка позволит выстроить семантическую карту смыслов, связанных с тем или иным идиомом. Анализ структуры аттитюдов позволяет дать прогноз динамики языковой ситуации в векторах нормализации/субституции, социолингвистической конвергенции/дивергенции. Понимание природы и знание структур репрезентаций языка и языковых аттитюдов также необходимо для проведения адекватной языковой политики и реализации мер языкового планирования

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта № 050738-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Acknowledgements

This paper has been supported by the RUDN University Project Grant System, project No 050738-0-000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие. // Социологический журнал. №3. 2010. С. 5–20 [Bovina, Inna B. 2010. Teoriya sotsial'nykh predstavlenii: istoriya i sovremennoe razvitie (Social Representation Theory: History and Modern Development). *Sotsiologicheskii zhurnal* 3. 5–20. (In Russ.)]
- Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучение. М.: Смысл, 2009. [Leont'ev, Aleksej N. 2009. *Psikhologicheskie osnovy razvitiia rebenka i obuchenie* (Psychological basis of child development and training). Moscow: Smysl (In Russ.)].
- Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 2. С. 3–18. [Leont'ev, Dmitry A. 2016. *Poniatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivatsii* (The notion of motive in A.N. Leontief and the problem of the quality of motivation). *University Psychology Bulletin* 2. 3–18 (In Russ.)].
- Москвичёва С.А., Сафина Л.М. Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2018. Т. XIV. № 3. С. 275–299. [Moskvitcheva, Svetlana A. & Liliana M. Safina. 2018. Motivation to learn a language in a minority situation: The Tatar Language in Moscow's internal diaspora. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* XIV (3). 275–299. (In Russ.)].
- Шор Р.О. Язык и общество. Москва, URSS, 2009. [Šor, Rozaliya O. 2009. *Yazyk i obshchestvo* (Language and society). Moskva, URSS. (in Russ.)].
- Boyer, Henri. 2021. « *Languae et Societé* ». *Dictionnaire de la Sociolinguistique*. Bordeaux : Édition de la maison des sciences de l'homme. 301–304.
- Calvet, Louis-Jean & Pierre Dumont (eds.). 1999. *L'enquête Sociologique*. Paris : L'Harmattan.
- Ciscar, Lorena R., David M. González & Pau L. Pérez. 2002. Lleiats i actituds lingüístiques al País Valencià. *Noves SL. Revista de Sociolingüística* 1. <https://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm02primavera/catalana/ciscar.pdf> (accessed 21 February 2023).
- Deci, Edward L. & Ryan M. Richard. 1985. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behaviour*. New-York: Plenum Press.

- Deci, Edward L. & Ryan M. Richard. 2002. *Handbook of Self-Determination Research*. Rochester, NY: University of Rochester Press.
- Francard, Michel (ed.). 1993. *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. L'Insécurité Linguistique dans les Communautés Francophones Périphériques*. Louvain-la-Neuve : Presse Universitaire de Louvain.
- Garabato, Carmen Alén & Romain Colonna. (eds.). *Auto-odi. La "Haine de Soi" en Sociolinguistique*. Paris: L'Harmattan.
- Gueunier, Nocolé. 1997. Représentations linguistiques. In Marie-Louise Moreau (ed.), *Sociolinguistique. Les concepts de base*, 231–235. Hayen: Pierre Mardaga.
- Houbedine, Anne-Marie. 2015. De l'imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel. *La linguistique* 51. 3–39.
- Jodelet, Denise. 1993. « Les représentations sociales : Regard sur la connaissances ordinaires ». *Le Courrier du CNRS (Dossier Scientifique Sciences Cognitives)* 79.
- Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de contact*. 1996. Berlin. New York.
- Lafontaine, Dominique. 1997. Attitudes linguistiques. In Marie-Louise Moreau (ed.), *Sociolinguistique. Les concepts de base*, 56–60. Hayen: Pierre Mardaga.
- Maurer, Bruno & Pierre-Antoine Desrousseaux. 2013. *Représentations Sociales des Langues en Situation Multilingue. La méthode d'Analyse Combinée, Nouvel Outil d'Enquête*. Paris: Édition des archives contemporaines.
- Moscovici, Serge. 1992. *Communication Introductive à la Première Conférence Internationale sur des Représentations Sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé.
- Moscovici, Serge. 2003. Des représentation collectives aux représentations sociales. In Denise Jodelet (ed.), *Les représentations sociales*, 79–103. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0079>
- Moskvitcheva, Svetlana & Alain Viaut. 2021. The need for minority languages in Borderland conditions: Field research methodology. In Tatiana Agranat & Leyli Dodykhudoeva (eds.), *Strategies for knowledge elicitation. The experience of the Russian school of field linguistics*, 52–68. Cham : Springer.
- Moskvitcheva, Svetlana & Alain Viaut. (eds). 2023. *La Nomination des Variétés de Langues Minoritaires. Approche à partir de Cas en France et en Russie*. Bordeaux: Press Universitaire de Bordeaux (In print).
- Niculescu, Alexandre. 1996. *Loyauté linguistique*. In *Kontaktlinguistik. Contact Linguistics. Linguistique de Contact*. Berlin. New York. 715–720.
- Viaut, Alain. 2012. Marge linguistique territoriale et langues minoritaires. *Lengas Revue de Sociolinguistique* 71. 9–28. <https://journals.openedition.org/lengas/301> (accessed 19 August 2023).

Словари/Dictionaries

- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616-617. [Vinogradov, Vladimir A. Language situation. In Viktoriâ N. Ârceva (ed.), *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. 616–617. Moscow: Sovetskaâ ênciklopediâ. (In Russ.)].
- Boyer, Henri. 2021. Dictionnaire de la sociolinguistique. Bordeaux: Édition de la maison des sciences de l'homme, <https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2021-HS1.htm> (accessed 01 March 2023).

Article history:

Received: 15 June 2023

Accepted: 10 September 2023

Bionotes:

Svetlana A. MOSKVITCHEVA holds a PhD in Philology. She is Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology at RUDN University, Director of the Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Faculty of Philology at RUDN University. Her research interests embrace sociolinguistics, cognitive linguistics, minority languages and languages in minority situations, language ideologies, symbolic dimension of the language situation, language representations, language loyalties, language need. She authored over 100 publications. She is Editor of the journal *Macrosociolinguistics and Minority Languages* (RUDN University, Moscow, Russia) and member of the editorial board of the *Diglossi@* series (Presses universitaires de Bordeaux).

e-mail: moskvitcheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Alain VIAUT holds a PhD in linguistics, HDR, is Director of Research, Emeritus of the French National Centre for Scientific Research (CNRS), UMR 5478 Iker. His research interests include sociolinguistics, minority languages, language standardization, sociolinguistic categorization, language and territory, language planning, and Occitan dialectology. He is the author of over 150 publications, including 9 monographs, articles, and book chapters, editor of 8 collective monographs. He is also a member of the editorial board of *Lengas – Revue de sociolinguistique* (Université Montpellier) and *Glossema* (Université de Oviedo, Espagne), and co-editor of the *Diglossi@* series (Presses universitaires de Bordeaux).

e-mail: alain.viaut@orange.fr

<https://orcid.org/0000-0001-6643-1856>

Radif R. ZAMALETDINOV is Professor of the Department of General Linguistics and Turkology, Institute of Philology and Intercultural Communication at Kazan (Volga Region) Federal University, Russia. His research interests cover cognitive linguistics, linguacultural studies, comparative linguistics, history of the Tatar and Russian languages, bilingualism, theory and methods of Tatar language teaching. He has authored over 250 publications, including 22 monographs and has 3 certificates of authorship. He is a member of the Presidium of the Russian Language Council under the President of the Russian Federation, Corresponding member of the Russian Academy of Education, Editor-in-chief of the journals *Philology and Culture* (Kazan Federal University) and the *Tatarica* (Kazan Federal University).

e-mail: director.ifmk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2692-1698>

Сведения об авторах:

Светлана Алексеевна МОСКВИЧЁВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, директор Научно-образовательного института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции филологического факультета РУДН. Область ее научных интересов включает социолингвистику, когнитивную лингвистику, миноритарные языки и языки в миноритарной ситуации, языковые идеологии, символическое измерение языковой ситуации, репрезентации языка, языковые лояльности, потребность в языке. Автор

более 100 публикаций. Редактор журнала *Macrosociolinguistics and Minority Languages* (Российский университет дружбы, Москва, Россия), а также член редакционной коллегии серии *Diglossi@* (Presses universitaire de Bordeaux).

e-mail: moskvitcheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Ален ВИО – доктор лингвистики, HDR, директор исследованиям (emeritus) Национального центра научных исследований (CNRS), UMR 5478 IKER. В сферу его научных интересов входят социолингвистика, миноритарные языки, стандартизация языка, социолингвистическая категоризация, язык и территория, языковое планирование, диалектология окситанского языка. Является автором более 150 научных публикаций, среди которых 9 монографий, статьи, научные доклады, главы монографий. Член редакционной коллегии научных журналов *Lengas – Revue de sociolinguistique* (Université Montpellier) и *Glossema* (Université de Oviedo, Espagne), а также сопредатор серии *Diglossi@* (Presses universitaire de Bordeaux).

e-mail: alain.viaut@orange.fr

<https://orcid.org/0000-0001-6643-1856>

Ради́ф Рифкатович ЗАМАЛЕТДИНОВ – профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия. Его научные интересы включают когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, сопоставительное языкознание, историю и закономерности функционирования татарского и русского языков, билингвизм, теорию и методiku обучения татарскому языку. Является автором более 250 научных работ, в том числе 22 монографий и 3 авторских свидетельств. Член президиума Совета при Президенте РФ по русскому языку, член-корреспондент Российской академии образования, главный редактор журналов *Филология и культура* (*Philology and Culture*) (Казанский федеральный университет) и *Tatarica* (Казанский федеральный университет).

e-mail: director.ifmk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2692-1698>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34934>

EDN: TWIIBW

Research article / Научная статья

Picture naming test: Linguistic challenges of the method and ways to solve them

Olga I. MORKOVINA^{1,2}, Luiza N. GISHKAEVA²
and Anastasia A. SHARAPKOVA^{1,2}

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

²*RUDN University, Moscow, Russia*

warapkova@mail.ru

Abstract

The paper considers benefits and drawbacks of the Picture Naming Test (PNT) as a diagnostic method suggesting the ways to improve its diagnostic and research validity. Although this test is popular in both national and international neuropsychological assessment and research practice, its use is largely due to tradition and practical convenience. However, theoretical underpinnings for its effectiveness are not sufficiently represented in the pertinent literature, which determines the relevance of the study. The major objective of the paper is to consider the PNT as a research technique from the point of view of psycholinguistics, cognitive science, and corpus linguistics and to propose integrated approaches for the further development of these tests. The material comprises picture naming tests developed for the Russian and English languages. The study sets the following aims: 1) to define the main features of PNT and the principles of its application viewed from a historical perspective; 2) to identify the theoretical foundations (linguistic and neuropsychological) for its use as a diagnostic tool; 3) to highlight the problematic aspects of the method; 4) to suggest possible ways to eliminate them. To accomplish these tasks, various methods of corpus linguistics are applied throughout the article. The historical outline of PNT development suggests that the current design might stem from earlier contexts of use. A review of existing models of lexical access provides a theoretical basis for the test in its current form and suggests possible avenues for its development grounded in experimental research, advances in linguistics and big data analysis. A separate section of the article presents critique of the most popular tests. Finally, the analysis of the existing English and Russian tests through the corpus-based methodology clearly demonstrates the need for more detailed norming and stimuli selection. By way of conclusion the authors outline the principles of designing Picture Naming Tests for specific purposes and put forward a step-by-step algorithm that enables careful selection of the necessary indicators and parameters.

Key words: *picture naming test, lexical access model, nominative deficit, cognitive and motor deficit, psycholinguistic diagnostics*

For citation:

Morkovina, Olga I., Luiza N. Gishkaeva & Anastasia A. Sharapkova. 2023. Picture naming test: Linguistic challenges of the method and ways to solve them. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 715–744. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34934>

Тест на название изображений: лингвистические проблемы метода и пути их решения

О.И. МОРКОВИНА^{1,2} , Л.Н. ГИШКАЕВА² ,
А.А. ШАРАПКОВА^{1,2}

¹*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

²*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*
warapkova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются преимущества и недостатки такого метода речевой диагностики, как тест на название изображений, и предлагаются способы его совершенствования для повышения диагностической и исследовательской валидности. Несмотря на популярность теста в отечественной и зарубежной нейропсихологической диагностике и исследовательской практике, его применение в основном опирается на традицию и практическое удобство, однако теоретические обоснования эффективности теста недостаточно представлены в литературе. Цель данной статьи – рассмотреть тест на название изображений как исследовательскую методику с точки зрения психолингвистики, когнитивной науки и корпусной лингвистики и предложить интеграцию подходов к разработке и использованию подобных тестов. Материалом послужили тесты на название изображений, разработанные для русского и английского языков. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: 1) определить особенности обсуждаемой методики и принципы ее применения в исторической перспективе; 2) выявить теоретические основы методики (лингвистические и нейропсихологические), позволяющие рассматривать ее как диагностический инструмент; 3) выделить проблемные аспекты методики; 4) обозначить возможные пути их устранения. Для решения данных задач авторы обращаются к ряду методов корпусной лингвистики. Историческая справка позволяет уточнить, как именно формировалась рассматриваемая методика и предполагает обусловленность дизайна контекстами употребления. Обзор моделей лексического доступа предлагает теоретическое обоснование методики и возможные пути ее развития, в том числе на основе экспериментальных исследований, дополненных достижениями в области лингвистики и больших данных. На необходимость доработки указывает и критика наиболее популярных тестов. Наконец, анализ существующих русских тестов при помощи методов корпусной лингвистики демонстрирует необходимость более детального нормирования и подбора стимулов. В завершение предлагаются принципы создания тестов для специфических задач и пошаговый алгоритм конструирования теста на название изображений для настройки необходимых показателей и параметров.

Ключевые слова: *тест на название изображений, модель лексического доступа, номинативный дефицит, когнитивный и моторный дефицит, психолингвистическая диагностика*

Для цитирования:

Морковина О.И., Гишкаева Л.Н., Шарапкина А.А. Тест на название изображений: лингвистические проблемы метода и пути их решения. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 715–744. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34934>

1. Введение

Тест на называние изображений (picture naming test) является одним из наиболее распространенных методов нейропсихологической диагностики номинативного дефицита или затрудненности лексического доступа, поскольку обладает рядом достоинств (Perret & Bonin 2018, Jarret et al. 2022). Он достаточно прост в проведении, не требует временных затрат при анализе и интерпретации данных, обеспечивает контролируемые условия проведения, поддается автоматизации и достаточно чувствителен к речевым нарушениям, а также считается наиболее приближенным к условиям естественного речепрождения. Однако несмотря на достоинства данного метода он требует переосмысления и онтологизации на современном этапе развития науки. Несмотря на значительный объем как накопленных данных, так и выявленных противоречий, критический анализ данного теста/тестов недостаточно представлен в литературе, определяя актуальность настоящего исследования. Если в зарубежной практике тест используют для выявления нарушений различной этиологии на испытуемых всех возрастов, то в отечественной практике тесты на называние изображений традиционно используются для нейропсихологического обследования детей, а также в диагностике афазий. Несмотря на популярность метода, систематического исследования отечественных методик по сравнению с зарубежными не проводилось: тесты на называние рассматриваются исключительно как часть диагностической батареи и не сравниваются друг с другом (Ахутина, Меликян 2012, Балашова 2016). Более того, изучения собственно языковых особенностей стимульного материала подобных тестов не проводилось. Большинство из них были разработаны до того, как в лингвистику вошли т.н. большие данные и корпусная лингвистика с ее методологическим исследовательским потенциалом.

Поэтому в данной работе мы сфокусируемся в первую очередь на достижениях лингвистики, которые необходимо учитывать при дизайне и интерпретации данного теста. Во-первых, это современные представления о лексическом доступе в психолингвистике; во-вторых, это данные современных лингвистических корпусных исследований о частотности слов в том или ином языке и регистре, в-третьих, это понимание механизмов, лежащих в основе речевых нарушений.

Поскольку тесты на называние выступают как исследовательский инструмент и как реализация теоретических моделей, лежащих в их основе, надежность и валидность традиционных тестов подвергается критике (Bortnik et al. 2013, Harry & Crowe 2014). Однако подобные попытки несистемны и часто недостаточно теоретически обоснованы, ибо фокусируются на проведении эксперимента и противоречиях в полученных данных, но не на архитектуре исследовательской парадигмы.

Цель данного исследования – на основе анализа существующих тестов с точки зрения целей, дизайна, психометрических и лингвистических характеристик определить, какие аспекты нуждаются в доработке при составлении

современного теста. Главный вопрос заключается в том, как повысить точность и информативность тестов, учитывая современные подходы и методы исследования. Данное исследование стремится ответить на поставленные вопросы на основе накопленных данных по использованию тестов в исследовательской практике, а также предложить принципы конструирования подобных тестов для специфических задач и продемонстрировать их применение на примере специализированного русскоязычного теста. Структура работы отражает поставленные задачи. После исторического обзора, дающего представление об особенностях методики, ее формировании и использовании, рассматриваются нейропсихологические и лингвистические основы теста. Обзор наиболее цитируемых критических статей указывает на недостатки существующих тестов и возможные подходы к их исправлению. Обращение к русскоязычным тестам подтверждает актуальность проблем и позволяет предложить алгоритм разработки теста с учетом отечественной традиции.

Новизна разработки заключается в том, что предлагаемая методика впервые создается с учетом особенностей целевой группы, для которой традиционные методы недостаточно информативны и относительно редки в клинической практике. Мы провели анализ литературных данных для выявления наиболее уязвимых мест парадигмы изучения лингвистического дефицита при помощи теста на называние. Анализ лингвистической составляющей стимульного материала опирается на обширные корпусные данные. В качестве материала для лингвистической части работы был выбран наиболее популярный тест *Boston Naming Test* и проведено исследование частотности стимулов по нескольким корпусам (*BNC*, *enTenTen*, *CHILDES*, *Кучеры* и *Фрэнсиса*). Стимулы из русских тестов «Методика оценки речи при афазии (*МОРА-81*)» и метода (Фотекова, Ахутина 2002) также были рассмотрены сквозь призму частотности. Это позволяет обозначить ключевые недостатки традиционных стимульных наборов и избежать выявленных проблем при дизайне нового теста.

2. История использования метода на называние изображений

Изучение лексического доступа с опорой на визуальные стимулы началось еще в конце XIX века. Первое использование метода называния изображений для изучения лингвистических и когнитивных процессов относится к 1880-м годам (*Cattell 1886*). В начале XX века они применялись в качестве инструмента для измерения языковых нарушений, успеваемости школьников или уровня интеллектуального развития (*Gregory 2004: 67*). Постепенно сформировались две исследовательские парадигмы. В тестах быстрого серийного называния (*Rapid Automated Naming – RAN*) участнику одновременно предъявляют повторяющиеся изображения (*Araújo et al. 2015*). Напротив, в тестах, исследующих номинативную функцию (*confrontation naming*), скорость называния не является ключевым параметром, хотя ряд тестов устанавливает временные границы для подсказки и смены стимула (*Boston Naming*

Test; Western Aphasia Battery). Визуальные стимулы предъявляются устно, последовательно и однократно.

В рамках стандартной процедуры название рассматривается как показатель речевого развития, отраженного в объеме словаря, или отражение нормальных или нарушенных механизмов лексического доступа. Тесты названия для диагностики словарного запаса наиболее ценны при обследовании детей младшего возраста (Глозман, Потанина, Соболева 2008, Веракса и др. 2021). Тесты, использующие название изображений как модель речепорождения, применяются в различных целях. Так, предоперационное и внутриоперационное картирование мозга использует название для определения функционально значимых участков мозга (Rofes, de Aguiar & Miceli 2015, Драгой и др. 2016), а диагностические тесты идентифицируют тяжесть и тип нарушений (German 2015, Цветкова, Ахутина, Пылаева 1981).

Краткие пробы могут входить в диагностические батареи или скрининговые тесты для исследования когнитивных функций (Краткая шкала оценки психического состояния Фольштейна (MMSE), Оксфордский когнитивный скрининг (Oxford Cognitive Screen), субтест «Название» батареи нейропсихологической оценки – NAB) или речевых функций (Aphasia Rapid Test). В качестве дополнительного показателя тесты названия используются для определения уровня интеллекта или комплексного развития (Differential Abilities Scale-II: Naming Vocabulary; Clinical Evaluation of Language Fundamentals – Expressive Vocabulary).

Связь между языком и когнитивными функциями может приводить к идее создания единого теста: «волшебной пилюли», способной диагностировать многое одновременно. Поэтому так популярен Бостонский тест названия (Boston Naming Test). Первоначальная версия (1978 г.) состояла из 85 стимулов, в 1983 году число изображений сократилось до 60; существует вариант из 15 стимулов. Однако в последние десятилетия происходит специализация тестов с учетом специфики групп, целей и задач исследования (см. Sulastris et al. 2018, Ivanova et al. 2021, Macoir et al. 2021). Такие тесты, как «Words in Game» или «Test of Word Finding», учитывают возрастные особенности (German 2015); отдельные батареи разработаны для билингвов (Bilingual Aphasia Test). Тем не менее традиционные тесты применяются повсеместно. Похожие субтесты встречаются в других афазиологических батареях, в том числе разработанных в XXI в.: Minnesota Test for Differential Diagnosis of Aphasia, Western Aphasia Battery-Revised, Philadelphia Naming Test, Comprehensive Aphasia Test, Northwestern Assessment of Verbs and Sentences. Для измерения объема словарного запаса популярны Expressive One Word Picture Vocabulary Test и Expressive Vocabulary Test. Наименее стандартизированы пред- и внутриоперационные тесты (Rofes, de Aguiar & Miceli 2015). Однако и широко распространенные традиционные тесты нередко требуют критического пересмотра или аккуратной интерпретации с учетом сложности лексического доступа и номинативной функции в частности (Harry & Crowe

2014). Важен не поиск «волшебной пилюли», но подбор диагностических методик в соответствии с дефицитом. При необходимости изучения проблем лексического доступа возможен алгоритм, разделяющий сложный когнитивный процесс на эвристически значимые части и факторы, каждый из которых должен быть подробно рассмотрен и кросс-нормирован.

3. Модели лексического доступа

Интерпретация результатов существующих тестов и конструирование новых зависит от теоретической модели порождения речи. Например, «одноступенчатые» модели конца XX в. постулировали два уровня обработки: лексико-семантический и фонологический. Напротив, «двухступенчатые» модели, ставшие общеупотребительными, предлагают промежуточный уровень леммы, содержащий морфосинтаксические признаки. Лексемный уровень включает фонологические и фонетические особенности, далее передаваемые артикуляционными или орфографическими средствами (Kerr, Ivanova & Strijkers 2022).

Согласно наиболее распространенной двухуровневой модели Левелта (Levelt et al. 1999), лексический доступ последователен: от понятия к лемме, далее к морфологической, фонологической и артикуляционной форме. Следующий уровень активируется после предыдущего, хотя современные каскадные модели допускают одновременную активацию смежных уровней, а интерактивные модели – и противоположное направление.

Более того, в современной когнитивной лингвистике выделяются как минимум два уровня, отличных друг от друга: языковая и концептуальная структура, что важно для понимания полисемии. «Вероятно, репрезентации в языковой системе (семантической структуре) качественно отличны от репрезентаций в концептуальной системе (концептуальной структуре). Репрезентации, или концепты, концептуальной системы многообразны и происходят от сенсомоторного и внутреннего опыта, в то время как представления в языковой системе схематичны или значительно менее детализированы с точки зрения закодированных в них аспектов восприятия» (Эванс 2015: 355). Различение слов, имеющих два и более значения, опирается на «две центральные конструкции, связанные с теорией: лексическое понятие – единица лингвистического знания – в сравнении с когнитивной моделью – единицей нелингвистического знания – играют дифференциальную роль в двух типах полисемии» (Evans 2015: 2). Различие между концептуальным и языковым (семантическим) уровнем экспериментально подтверждено: с опорой на время реакции (см., например, Indefrey & Levelt 2004) и с использованием аппаратных методов – например, метода вызванных потенциалов, позволяющего определить время активации концепта до перехода к лемме (Van Turennout et al. 1997). Отметим, что исследования с использованием нейровизуализации оспаривают традиционные модели лексического доступа (см. Fairs et al. 2021),

а экспериментальные работы современных когнитологов ставят вопрос о структуре концептуальных репрезентаций, роли сенсомоторного компонента, а также вопросов дискретной или градуальной репрезентации семантики (Li et al. 2023).

Данные представления дробят семантический уровень на две подсистемы, что вызывает вопросы о том, как именно осуществляется и нарушается лексический доступ. Еще А.Р. Лурия выделял две формы нарушения называния. При первой происходит нарушение звуковой структуры, сопровождающееся поиском формы (литеральными парафазиями): например, «флюр... флер... флярт... фултал...» при поиске слова «футляр» (Лурия 1969). При второй форме страдает смысловая сторона речи; возникают словесные замены – вербальные парафазии, указывающие на сохранность концептуальной структуры: «ну... это... железо... нет... лопата... нет... лита... плита... нет... железная... ну вот, эти... дрова пилят... ну... железная пила!» (Там же 367).

Другое различие связано с лексико-семантической организацией системы. В компонентных, или декомпозиционных моделях, значение лексической единицы состоит из набора семантических узлов. Холистические (недекомпозиционные) модели предполагают соответствие между лексической единицей и базовым понятием (Levelt et al. 1999)

Разнообразие моделей объясняется неоднородностью исходных данных. Первые модели опирались на дескриптивные афазиологические данные или речевые ошибки здоровых носителей языка. Модель Левелта основана на скорости называния в норме (Kerr, Ivanova & Strijkers 2022). Другой источник – состояния «на кончике языка»: трудность поиска слов, при которой говорящий вместо необходимого слова вспоминает похожие по значению или форме, присутствует как у здоровых в состоянии функционального напряжения или стресса, так и у афатиков. Отмечавшееся при назывании изображений (Beeson, Holland & Murray 2007), это явление использовалось как доказательство модульного доступа, в частности различия между леммой и формой слова.

Выбор модели лексического доступа является необходимой основой теста на называние, обеспечивающей непротиворечивую интерпретацию результатов (табл. 1).

Среди практических методик опора на конкретную модель постулируется только для «Методики оценки речи при афазии», основанной на подходе А.Р. Лурии, и всех версий англоязычного Test of Word Finding (Newman, German & Jagielko 2017) с опорой на адаптированную модель Левелта. Однако лингвистическая составляющая нуждается в уточнении.

Таблица 1. *Сравнительный анализ наиболее популярных тестов / Table 1. Comparative analysis of the most widely used tests*

Тест	BNT (1983)	NAB-N (2009)	МОРА – Тест номинативной функции (1981)	Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов – Тест номинативной функции (2002)
Тип стимула	Черно-белые изображения, разработанные специально для теста	Цветные фотографии	Черно-белые изображения, разработанные специально для теста	Черно-белые изображения, идентичные МОРА-1981
Количество стимулов	60	31	60 (30 + 30)	30 (15+15)
Лингвистическая категория	Существительные (объекты)	Существительные (объекты) + имена собственные	Существительные (объекты) + глаголы (действия)	Существительные (объекты) + глаголы (действия)
Время ожидания ответа до предъявления подсказок	20 сек	10 сек	Не указано	Не указано
Стандартизация	Для возрастной группы 18-59 лет: экстраполированы с раннего варианта (85 стимулов, 1978 год). Дополнительные нормы получены после выхода теста	950 неврологически здоровых взрослых (18-97 лет)	30 здоровых взрослых (14-62 года); 234 больных с различными формами афазий и степенью выраженности речевого дефицита	Заявлена, данные не предоставлены
Опора на эксплицитно заявленную модель лексического доступа и/или обработки речи	Не указана	Не указана	Синдромный анализ Лурии (Отечественная нейропсихология)	Синдромный анализ Лурии (Отечественная нейропсихология)
Опора на корпусные данные	Не указана (заявлено ранжирование по «сложности») / Возможно: списки частотности: Thorndike & Lorge 1944, Kucera & Francis 1967	Внутренняя оценка разработчиков (Advisory Council): частотность в устной речи, возможные эффекты пола, возраста, уровня образования, этнокультурной и региональной принадлежности	Не указана – вероятно, внутренняя оценка разработчиков (заявлено ранжирование по частотности, длине и звуковой сложности)	Не указана – вероятно, внутренняя оценка разработчиков (заявлено ранжирование по частотности, длине и звуковой сложности)

Тест	BNT (1983)	NAV-N (2009)	МОРА – Тест номинативной функции (1981)	Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов – Тест номинативной функции (2002)
Целевая группа и/или исследуемый дефицит	Взрослые; афазия	Взрослые; афазия	Взрослые; афазия	Дети школьного возраста; общее недоразвитие речи и задержка психического развития

4. Критика традиционных тестов

Несмотря на популярность традиционных тестов, их структура, подбор стимулов и интерпретация результатов подвергаются критике (Hargy & Stowe 2014). Однако системного осмысления языковых основ и проблемных зон теста не проводилось. В первую очередь это касается Бостонского теста как наиболее распространенного. Уже в первые десятилетия своего существования его валидность и адекватность отдельных тестовых единиц ставились под сомнение в связи с лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Для некоторых стимулов (*trellis шпалера*, *pretzel крендель*) отмечаются эффекты пола, возраста, расовой и культурной принадлежности испытуемых (см., например, Martielli & Blackburn 2015); другие стимулы (*noose петля*: Eloi et al. 2021) этически сомнительны. Так, в одном исследовании участники старше 75 лет превзошли не только среднюю (58–74 года), но и младшую возрастную группу 18–22 лет по результатам Бостонского теста (Schmitter-Edgecombe et al. 2000). Причиной оказалось присутствие в тесте таких лексем, как *yoke ярмо*, *trellis шпалера*, *palette палитра* и *abacus счеты*, с которыми испытуемые более младшего возраста не были знакомы. Это иллюстрирует сложности с использованием теста для диагностики ранних возрастных нарушений, часто затрагивающих номинативную функцию. Очевидно, что данные лексемы не входят в число наиболее общеупотребительных слов (табл. 2).

Приведенный обзор выявляет проблемы, связанные с Бостонским тестом. Стандартные протоколы оценки не учитывают региональные и возрастные особенности, не учитывают эффекты образовательного уровня, маскирующие фактические дефициты лексического доступа. Вместе с тем результаты недавних исследований не отражены в клинической практике.

Таблица 2. Сравнительный анализ критических аспектов Бостонского теста
Table 2. Comparative analysis of Boston Naming Test critique

Проблема / Вывод	Процедура и Источник
Успешность снижается ($z = -5.67$; $p < 0.01$) при: 1. Использовании неадаптированного теста; 2. Применении строгого протокола оценки без учета синонимов (№ 51: <i>lock / latch</i> ; № 30: <i>mouth organ / harmonica</i>)	Проведено сравнение результатов 2 вариантов BNT, оригинального и регионально адаптированного (с заменой 2 культурно маркированных единиц: <i>beaver > platypus</i> ,

Проблема / Вывод	Процедура и Источник
	pretzel > pizza), для 91 неврологически здоровому носителю австралийского варианта английского языка (59-96 лет) (Cruice et al. 2000)
Более 72 % участников младшей возрастной группы неспособны назвать ряд стимулов после фонематической подсказки (№ 56, 57, 58, 60). Для двух старших групп неуспешность на 4 перечисленных стимулах не превышает 32 % (< 16 % в средней возрастной группе, 32 % в старшей). При исключении проблемных стимулов устраняется корреляция с уровнем образования.	Определена успешность называния по BNT для 3 возрастных групп: 18–22 года / 58–74 года / 75–93 года. В каждую группу входило 26 участников. Средний уровень образования в двух старших возрастных группах был выше (13.38 / 17.58 / 16.65) (Schmitter-Edgecombe et al. 2000)
<p>Версия теста: 82 % -60 стимулов (1983) 20 % – 60 стимулов с множественным выбором (2001) 10 % – 15 стимулов (сокращенная версия) < 3 % – 85 стимулов (1978) Некоторые участники используют более одной версии. 7 % применяют версии теста, адаптированные для конкретных языков и культур</p> <p>Протокол проведения: Почти 60 % не регистрируют время ответа Около 33 % не выжидают 20 секунд до подсказки</p> <p>Протокол оценки: Критерий неуспешности Почти 55 %: невозможность назвать объект сразу или после семантической подсказки Около 46 %: невозможность назвать объект только после фонематической подсказки</p> <p>Протокол оценки: Дополнительные переменные Более 50 % не учитывают этническую принадлежность 41 % не учитывают статус английского как второго языка Почти 30 % не учитывают уровень образования</p> <p>Диагностическая значимость теста: Go семибалльной шкале участники оценивают как 4.90 (SD = 1.47)</p>	445 членов Национальной академии нейропсихологии США приняли участие в опросе о практике применения BNT. (Bortnik et al. 2013)
Предположительно более трудные стимулы идентифицированы более успешно, чем легкие: № 44 muzzle: неуспешность 28.5 % № 45 unicorn: неуспешность 2.5	Собраны нормативы BNT на основе выборки из 200 неврологически здоровых подростков (15–18 лет) (Martielli & Blackburn 2015)
Для некоторых стимулов выбраны синонимы, что согласно протоколам классифицируется как неуспешность: № 51 latch > lock (65,5%) Наименее успешные стимулы: № 57 trellis 91 %; № 60 abacus 87 %; № 56 yoke 79 %; № 51 latch 65.5 %; № 58 palette 57 %	

Проблема / Вывод	Процедура и Источник
105 участников не назвали № 48, из них 17.1 % (18 участников) при начислении дополнительного балла были отнесены к более высокой категории успешности. Изменение особенно заметно в наименее успешных группах (12 участников).	При оценке результатов для 762 взрослых носителей американского варианта английского языка при невозможности назвать стимул № 48 пооще начисляется балл за верный ответ. Такой подход соответствует рекомендации исключать № 48 как неприемлемый и прибавлять один балл при расчете результатов. По результатам теста участники разделены на 7 групп успешности: Exceptionally Low [$z < -2.0$], Below Average [z от -2.0 до -1.4], Low Average [z от -1.3 до -0.7], Average [z от -0.6 до 0.6], High Average [z от 0.7 до 1.2], Above Average [z от 1.3 до 2.0], Exceptionally High [$z > 2.0$]. (Eloi et al. 2021)

Несмотря на значительный объем данных, собранных с помощью BNT, сведения о межрейтинговой надежности отсутствуют, что приводит к недостаточной стандартизации (Harry & Crowe 2014). Некоторые недостатки могут быть минимизированы за счет коррекции процедуры проведения или оценки результатов; однако отношение к Бостонскому тесту как «золотому стандарту» приводит к игнорированию его особенностей в клинической практике. Напротив, другие тесты проигрывают в объеме собранных данных и простоте применения.

Критике подвергаются и параметры, учитываемые при составлении теста. Так, согласно рекомендациям авторов, стимулы выстроены «от простого к сложному», однако критерии не приведены (Ardila 2007). При выборе контролируемых параметров не учитывалась категориальная семантика, что может приводить к искажениям при оценке категоризации (Harry & Crowe 2014).

На основе тестовых результатов выделяется ряд значимых параметров: знакомство с изображенным объектом или действием (conceptual familiarity), объективная и субъективная сложность изображения (visual complexity), представимость (imageability), схожесть образа с рисунком (image agreement), устойчивость номинации (name agreement), возраст усвоения лексемы (age of acquisition), ее частотность (frequency), а также слоговая и фонемная длина (word length) (Akinina 2014, Perret & Bonin 2018). Значимы и более специфические параметры: физическое взаимодействие с объектом (body-object interaction, BOI), возможность управлять объектом при помощи рук (manipulability), природное или искусственное происхождение объекта, количество фонологических соседей (Miklashevsky 2017, Arutiunian & Lopukhina 2020). Внимание к физическим свойствам объекта и опыту взаимодействия с ним соответствует парадигме воплощенного познания (embodied cognition), получившей распространение в конце XX века. Ее источники можно найти в трудах Ж. Пиаже о сенсомоторном интеллекте, а также в работах А. Бергсона.

В дальнейшем теория получила подтверждение благодаря исследованиям зеркальных нейронов (Caramazza et al. 2014) и аппаратным исследованиям мозга. В частности, с помощью различных методов (фМРТ, ЭЭГ, МЭГ) было показано, что при обработке лексем с сенсомоторным семантическим компонентом активируются соответствующие моторные или сенсорные области коры (Kiefer & Pulvermüller 2012).

Необходимо учитывать перечисленные свойства при анализе результатов. Скорость называния у взрослых участников зависит от схожести образа с рисунком, устойчивости номинации, наличия подразумеваемого действия, представимости и возраста усвоения. Напротив, субъективная сложность стимула, частотность и длина лексемы не оказывают влияния (Perret & Bonin 2018). У детей точность называния может определяться слоговой длиной (James, Ferguson & Butcher 2016). Перечисленные корреляции справедливы только для конкретных языков.

Необходимость нормирования параметров отмечается с середины XX века, когда появились первые базы. Однако, несмотря на нормирование лингвистической составляющей, большинство тестов называния опирались на собственные стимульные наборы, что исключало сопоставление результатов. Попытки создания стандартизированных наборов были предприняты в конце XX века. Наиболее известная база данных Snodgrass, Vanderwart (1980) стандартизирована по степени знакомства с изображенным объектом, согласования изображений, согласования названий (для английского языка) и визуальной сложности. В дальнейшем база была дополнена и адаптирована для других языков, включая русский (Tsaparina, Bonin & Méot 2011). Для повышения экологической валидности в некоторых адаптациях черно-белые изображения заменены цветными. В дальнейшем были разработаны другие стандартизированные базы цветных изображений и фотографий (например, BOSS: Brodeur et al. 2010), использование которых повышает точность и скорость называния.

Одним из наиболее изученных языковых параметров является частотность. Ее роль в процессе обработки языка была неоднократно доказана экспериментально. Так, у группы нормы более быстрое называние высокочастотных лексем соответствует различным ЭЭГ-паттернами (Fairs et al. 2021). С частотностью связана и точность называния: так, у пациентов с афазией называние высокочастотных слов более эффективно, чем низкочастотных (Heikkola, Kuzmina & Jensen 2021). Однако большинство традиционных тестов на называние игнорирует частотность, поскольку устные нормы не были доступны. С 1967 года основным источником были таблицы частотности Кучеры и Фрэнсиса, составленные на основе первого крупного корпуса письменного английского языка – т.н. Брауновского корпуса – объемом 1 миллион словоупотреблений. В частности, они применялись при составлении Philadelphia Naming Test и Test of Word Finding (German 2015).

Развитие корпусной лингвистики приблизило показатели частотности лексем к устной речи. В конце XX в. появилась лексическая база данных CELEX, включавшая расшифровки устной речи. За ней последовал сетевой корпус HAL (около 131 миллиона вхождений), а в 2009 г. был создан SUBTLEX: корпус разговорного языка, основанный на субтитрах фильмов и телепередач. В дальнейшем SUBTLEX-корпуса были собраны для английского (SUBTLEX-US, SUBTLEX-UK), китайского (SUBTLEX-CN), нидерландского (SUBTLEX-NL). Субтитры остаются предпочтительным источником частотности благодаря объему и репрезентативности, особенно в области низкочастотной лексики. Следующим шагом стало обращение к социальным сетям для вычисления частотности, приближенной к повседневной речи (Wordlex), в том числе на основе нестандартных контекстов (например, тэгов-аннотаций к изображениям в социальной сети: Petilli, Günther & Marelli 2022).

С частотностью коррелирует возраст усвоения, впервые привлечший внимание в 1960-е годы. Субъективный возраст усвоения вычисляется на основе опроса взрослых говорящих. Для установления объективного возраста усвоения используется тест на называние: если не менее 75% детей одной возрастной группы и двух более старших групп способны идентифицировать изображение, возраст группы считается возрастом усвоения (Grigoriev & Oshherkov 2013). Хотя объективная сложность показывает более выраженные эффекты, использование субъективных показателей считается приемлемым *non est melior* (Elsherif, Preece & Catling 2023).

К параметрам, требующим контроля, также относится представимость: возможность наглядно представить обозначаемый предмет или действие. Представимость связана с конкретностью как степенью непосредственного восприятия объекта: в большинстве случаев между ними существует прямая корреляция, а также эффект конкретности – более легкое запоминание конкретных существительных по сравнению с абстрактными. Напротив, низкочастотные слова, такие как *armadillo* (броненосец – животное) характеризуются высокой конкретностью и низкой представимостью. Как правило, конкретность не используется как контролируемый параметр, однако учитывается при анализе результатов. Тем не менее, конкретностью можно манипулировать при дизайне теста, опираясь на нормы, установленные для ряда языков. Несмотря на укорененность в психолингвистических исследованиях середины прошлого века, конкретность как параметр, связанный с телесным опытом, представляет интерес в парадигме воплощенного познания.

Перечисленные параметры соотносятся с этапами обработки речи согласно модели лексического доступа. Визуальная сложность и схожесть образа с рисунком определяют успешность распознавания изображений. Представимость и знакомство с объектом влияют на семантический уровень, как и возраст усвоения, значимый также для выбора леммы и фонологической обработки. Устойчивость номинации задействована на всех трех уровнях; при

переходе к моторной программе действуют эффекты слоговой и фонемной длины (Heikkola, Kuzmina & Jensen 2021).

Переработка тестов с учетом указанных параметров не зависит от формы применения теста. Так, применение тестов на называние для внутриоперационного тестирования с помощью электрической стимуляции позволяет экспериментально дифференцировать семантический, лексический и фонологический уровни (Rofes, de Aguiar & Miceli 2015). Однако и в этой области уже высказывалась необходимость в подробных контролируемых тестах (Драгой и др. 2016).

5. Сравнительный анализ частотности стимулов Бостонского теста

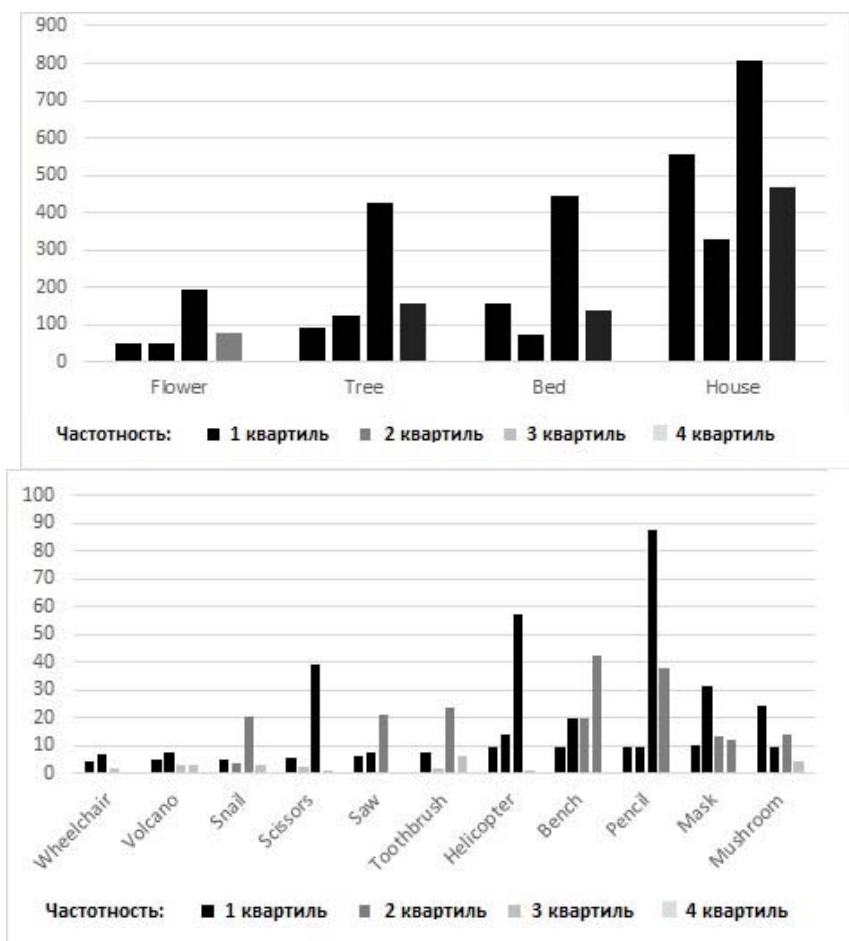
Исследование одного из наиболее очевидных лингвистических параметров, а именно частотности стимулов, показывает рассогласования между частотностью в разных корпусах. Это можно увидеть на примере сравнения частотности стимулов Бостонского теста. В роли традиционной меры частотности, доступной на момент создания теста, выступают списки Кучеры и Фрэнсиса, основанные на выборке письменных текстов размером около 1 миллиона вхождений (The Brown corpus). Для сравнения представлены современные корпуса: enTenTen (52 миллиарда слов, основан на интернет-материалах), устная часть British National Corpus – 2014 (10,4 миллиона слов). Поскольку взрослые тесты, в том числе Бостонский тест, применяются для обследования детей, в сравнение включен корпус CHILDES (Child Language Data Exchange System): примерно 22,7 миллиона слов (MacWhinney 2000).

Поскольку данные дают значительный разброс частотности, мы классифицировали слова внутри каждого корпуса по четырем квартилям (рис. 1). Заметно, что частотных лексем во всех четырех корпусах не так много. Различаются по частотности, но входят в наивысший квартиль по частотности следующие лексемы: *scissors, helicopter, pencil, flower, tree, bed, house*. Все остальные могут варьироваться.

Полученные данные показывают несколько моментов, редко учитываемых при интерпретации результатов. Например, видно изменение частотности слов в более раннем корпусе: минимальные значения *helicopter* в K&F (0,98), но большие значения в других корпусах, где оно входит в первый квартиль – особенно в CHILDES (57,16). Напротив: *globe* преобладает во взрослых корпусах BNC – 3,89; enTenTen – 22,91; CHILDES – 1,46; K&F – 13,8). Более того, отделить значение глобуса от мира (земного шара) в таких корпусах невозможно. Проблема не только лексической, но и морфологической неоднозначности приобретает особое значение при обращении к ранним корпусам. Так, в версии Брауновского корпуса, послужившей основой для таблиц частотности K&F, отсутствует частеречная разметка, что не позволяет отделить частотность существительного *saw* – пила от глагола *saw* – видел. Вероятно, с этим связана высокая частотность лексемы *saw*.

В детском корпусе преобладают слова, связанные с повседневной деятельностью детей – *scissors* (BNC – 5,16; enTenTen – 2; CHILDES – **39,31**; K&F – 0,98), *pencil* (BNC – 9,47; enTenTen – 9,15; CHILDES – **87,79**; K&F – 37,46), *broom* (BNC – 2,96 enTenTen – 2,26; CHILDES – **27,95**; K&F – 1,97), *camel* (BNC – 3,13; enTenTen – 3,55; CHILDES – **23,71**; K&F – 1,97), *whistle* (BNC – 3,21; enTenTen – 5,36; CHILDES – **24,86**; K&F – 3,94). Данные лексемы принадлежат 2 и 3 квартилю и только в детской речи составляют 1 квартиль. Более частотен и носорог – *rhinoceros* (BNC – 0,17; enTenTen – 0,66; CHILDES – **10,68**; K&F – 2,95), входящий во 2 квартиль в детской речи и в 3 или 4 в других корпусах (рис. 1).

Таким образом, культурная обусловленность тестовых стимулов приводит к непредсказуемым результатам. Несмотря на то, что Бостонский тест рассматривался как дополнение к афазиологической батарее и предназначался для диагностики номинативных нарушений, результаты отражают объем словарного запаса, поскольку нормы ориентированы на высокий уровень образования (Cruise et al. 2000).

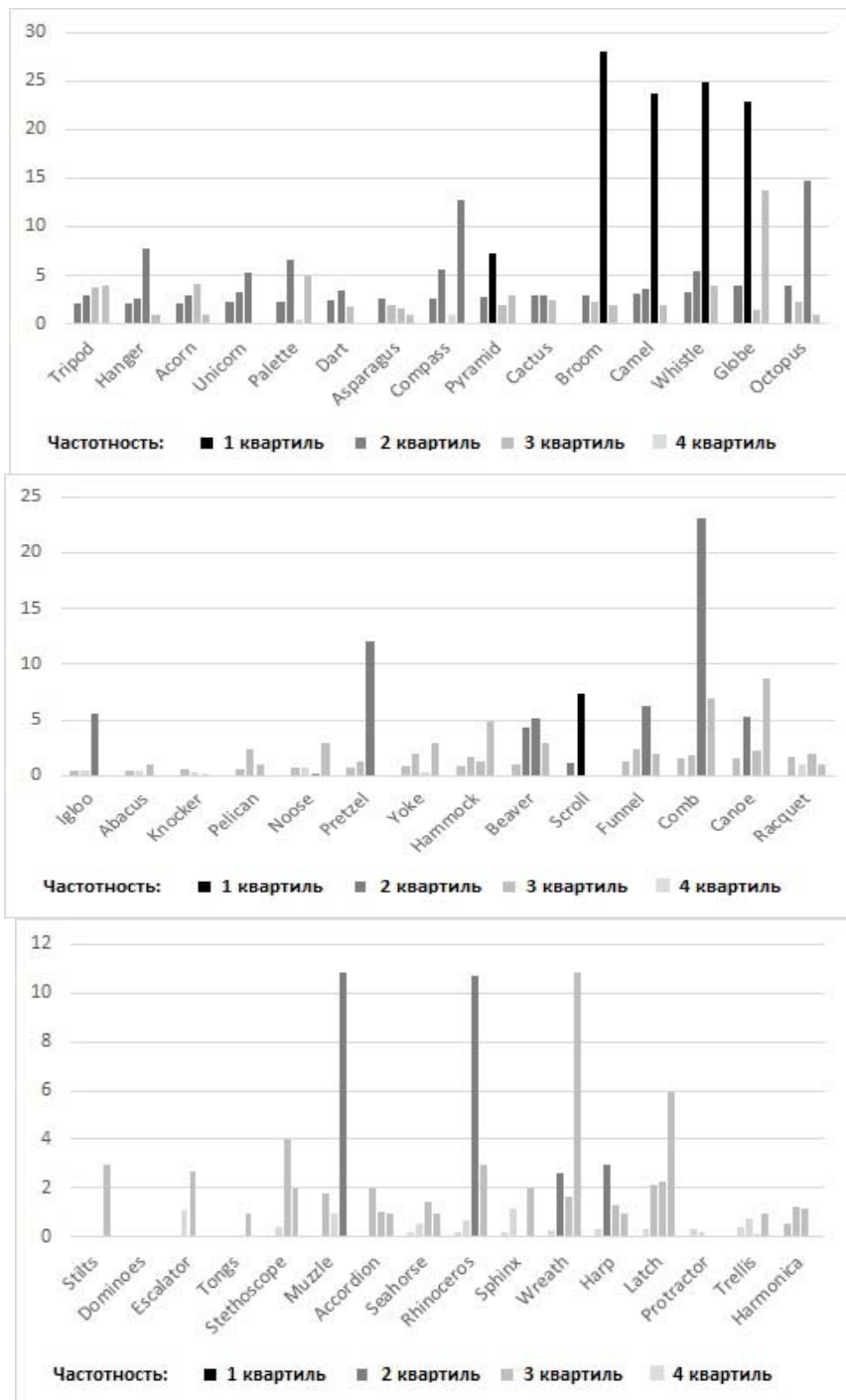

Рис. 1. Сравнительный анализ частотности лексем, используемых в BNT по корпусам BNC, enTenTen, CHILDES, Kuchera and Francis (расположены по порядку на каждом изображении слева направо). Частотность каждой лексемы представлена в i.p.m. (instances per million) / Figure 1. Comparative analysis of lexeme frequency used in BNT through BNC, enTenTen, CHILDES, Kuchera and Francis corpora (presented from left to right in each picture). The frequency of each lexeme is presented in i.p.m. (instances per million)

6. Альтернативные тесты

С выявлением недостатков тестов в их первоначальной форме были приняты попытки усовершенствовать их посредством адаптации существующих тестов и созданию новых. В первую очередь был адаптирован Бостонский тест. Если в ранних адаптациях использовался прямой перевод лексем, в современных версиях культурно-специфические элементы (названия растений, животных, фольклорных персонажей) могут быть изменены при адаптации для другого языка. Например, в Австралии *beaver* (бобр) был заменен на более типичное животное *platypus* (утконос: Cruice, Worrall & Hickson 2000). Заменяются мифологические существа: например, *unicorn* (*единорог*) – на *wayang*: персонаж кукольного театра в Индонезии (Sulastrri et al. 2018). Частотность лексем также необходимо учитывать при адаптации тестов к новым языкам.

Учитывая несовершенства существующих парадигм, разработка новых инструментов для исследовательских целей или практического применения в терапии речевых нарушений представляется более оптимальным вариантом, чем адаптация отдельных разделов или метода оценивания. Принцип специализации характерен и для интраоперационных тестов.

Помимо адаптации или разработки тестов для конкретных условий похожие задачи приходится решать при работе с детьми и билингвами. При билингвизме скорость и точность ответа на одном из языков влияет на результаты на другом, однако специфические паттерны могут распространяться только на один. Поскольку традиционные тесты не рассчитаны на билингвов, при диагностическом использовании возможен ложный вывод о дефиците. В связи с этим разрабатываются мультязычные тесты, такие как Multilingual Naming Test (MINT), созданный для носителей английского, испанского, севернокитайского и иврита.

Диагностику детей затрудняют возрастные особенности: ограничение объема внимания, неспособность длительно выполнять однотипные задания (Глозман, Потанина, Соболева 2008). Тесты, применяемые у детей содержат меньше стимулов и рассчитаны на меньшее время. Стимулы взрослых тестов не всегда знакомы детям: описаны случаи ложного определения изображений. Например, *фуражка* распознается как *тарелка* (у дошкольников: Ахутина, Пылаева 2003), а *воронка* (funnel) – как *бокал для мартини* (у подростков: Martielli & Blackburn 2015), что может указывать на неадекватность изображения возрастной норме или повседневному опыту (Глозман, Потанина, Соболева 2008). Использование синонимов и уменьшительно-ласкательных форм при строгом соблюдении правил теста считается ошибкой, влияющей на итоговую оценку (Веракса и др. 2021), что кажется излишне строгим по отношению к детской речи. В речи ребенка или в его языковом окружении норма может отличаться от взрослой; учитывать это позволяет корпус детской речи или обращенной к ребенку речи.

Попытки выделить последнюю в качестве отдельной группы текстов отмечались с середины XX века. Современная корпусная лингвистика учитывает детскую и обращенную к ребенку речь (см. базу данных CHILDES (Child Language Data Exchange System, MacWhinney 2000) или подкорпус НКРЯ «От 2 до 15» (НКРЯ)). Работа в этом направлении продолжается.

7. Русскоязычные тесты на название

Развитие теста на название для русского языка следует общей тенденции, однако представление о мозговом субстрате, лежащее в основе отечественных тестов, отличается от западных концепций. В то время как в основе западной афазиологии лежит качественный анализ нарушений, синдромный подход Лурии рассматривает нарушения речи как набор первичных и вторичных дефицитов, возникающих в результате выпадения одного из компонентов обработки. Основной методикой диагностики нарушений в России остается «Методика оценки речи при афазии» Л.С. Цветковой, Т.В. Ахутиной, Н.М. Пылаевой (изд. 1981 г.), восходящая к системе Лурии и, в свою очередь, ставшая основой для ряда диагностических методик. Классификация Лурии распространена в странах Восточной Европы и Латинской Америки, а также была объединена с западным количественным подходом в Нейропсихологической батарее Лурии-Небраска.

Для большинства отечественных тестов характерны те же недостатки, что и для англоязычных наборов XX века. Подбор визуальных стимулов и лексем произволен и недостаточно подтвержден экспериментальными данными. Так, в методиках, упоминающих частотность, не приводятся принципы измерения (например, в НКРЯ и частотном словаре Ляшевской и Шарова используется показатель *i.p.m* – instances per million: число употреблений на миллион слов корпуса). Заявленное различие между средне- и низкочастотными словами не соответствует современным корпусным данным: *очки* (среднечастотный блок) – 56, *колесо* (низкочастотный блок) – 68,4, *одевает* (среднечастотный блок) – 5,9, *плачет* (среднечастотный блок) – 103,9 (Фотекова, Ахутина 2002) (Рис 2.)

Принципы составления стимульного набора не всегда приводятся: так, у И.Ф. Марковской предлагается использовать детское лото (Марковская 1993). В нейропсихологической батарее Ж.М. Глозман и др. среди изображений для младших дошкольников встречаются *ножницы* с частотностью 8,7, сравнимой с частотностью лексем предположительно более трудной «низкочастотной» группой для старших детей: *шляпка (гриба)* – 8,2 (Глозман, Потанина, Соболева 2008). В свою очередь, относительная частотность лексем одного блока может различаться сильнее, чем у лексем разных блоков: *прищепка* – 0,5, *свеча* – 31,6 (низкочастотные), *пальто* – 48,6 (среднечастотное) (Фотекова, Ахутина 2002). Произвольно и само выделение «средне-» и «низкочастотных» блоков.

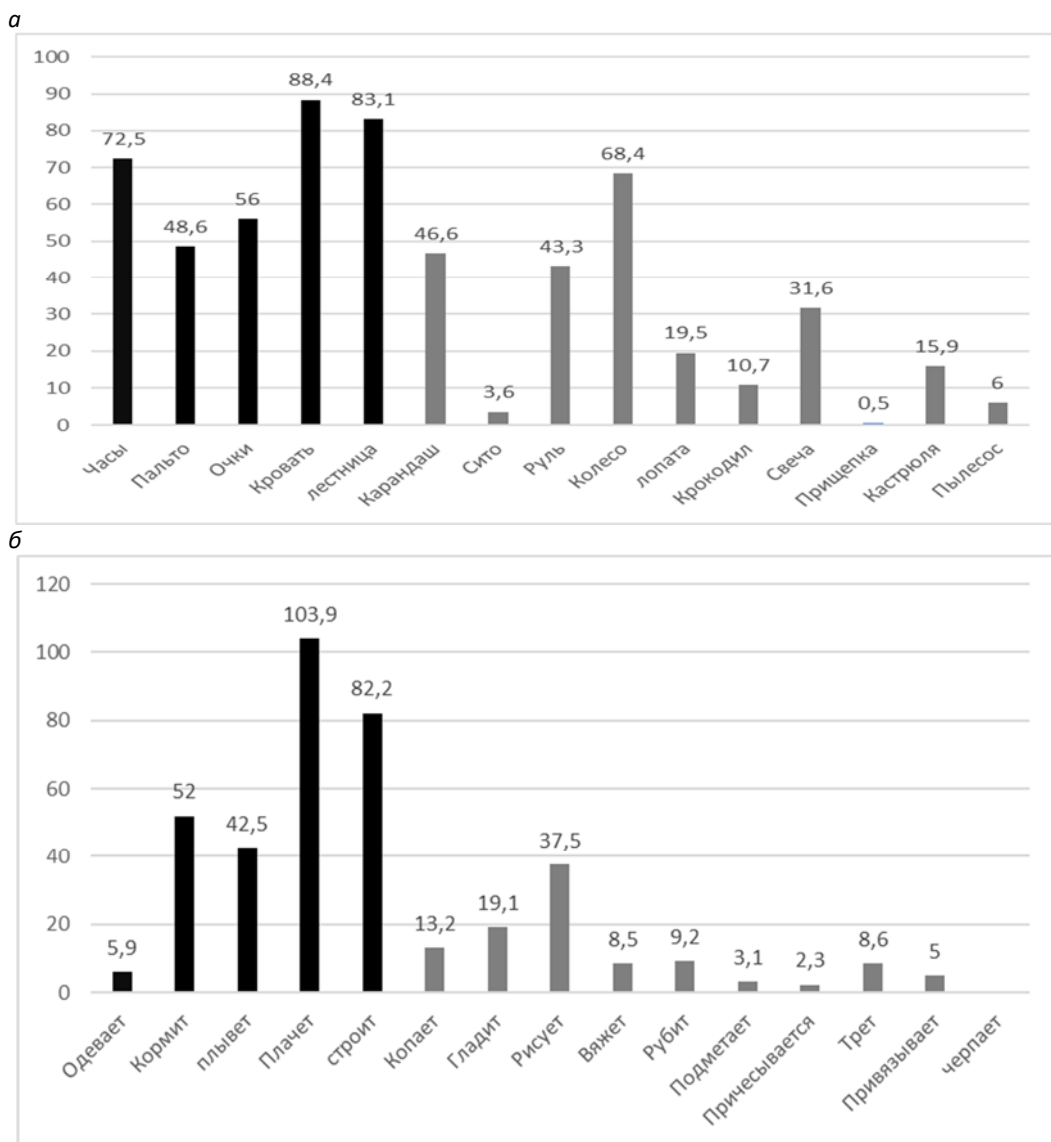
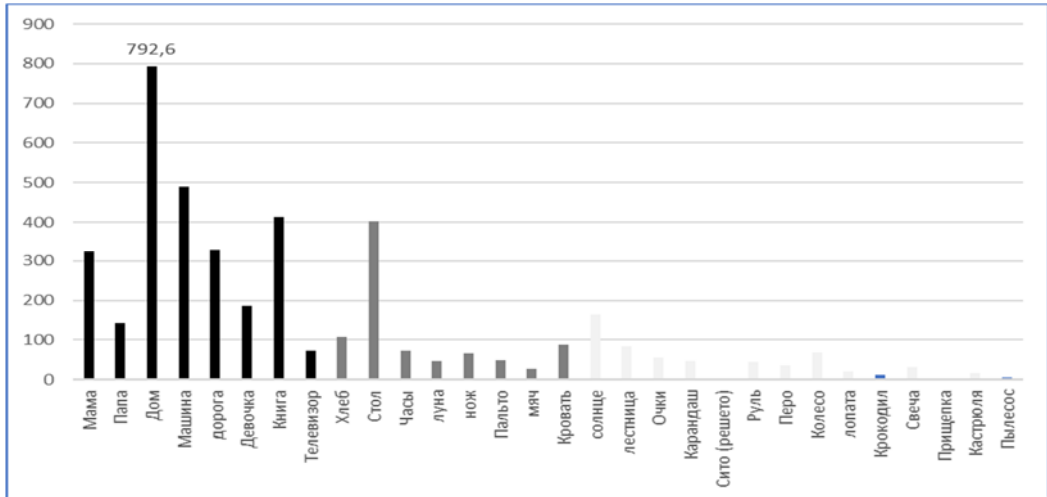

Рис. 2. Распределение частотности стимулов по словарю частотности (Ляшевская, Шаров, 2009) на основе (Фотекова, Ахутина, 2002). Проба существительных (а) и глаголов (б) / Fig. 2. Distribution of stimuli frequency according to The Frequency Dictionary (Ляшевская, Шаров, 2009) based on (Фотекова, Ахутина, 2002). Sample of nouns (a) and verbs (b)

В то время как списки высокочастотных лексем существуют (см., например, Ляшевская, Шаров 2009; тж. частотные списки НКРЯ), различия между другими блоками не подтверждены экспериментально. Труднодоступность наборов также может влиять на точность исследования, в том числе при неверном опознании стимулов (*фуражка / тарелка*: Балашова 2016). Вплоть до 2010 года (Нейропсихологическая диагностика 2010) материалы надлежащего качества отсутствовали в доступе, а низкое качество распечатанных

страниц не позволяло отличить ошибку визуального распознавания от собственно номинативного дефицита. Более того, далеко не всегда в публикациях представлены данные об офтальмологическом обследовании детей, что может повлиять на интерпретируемость полученных данных.

а

б

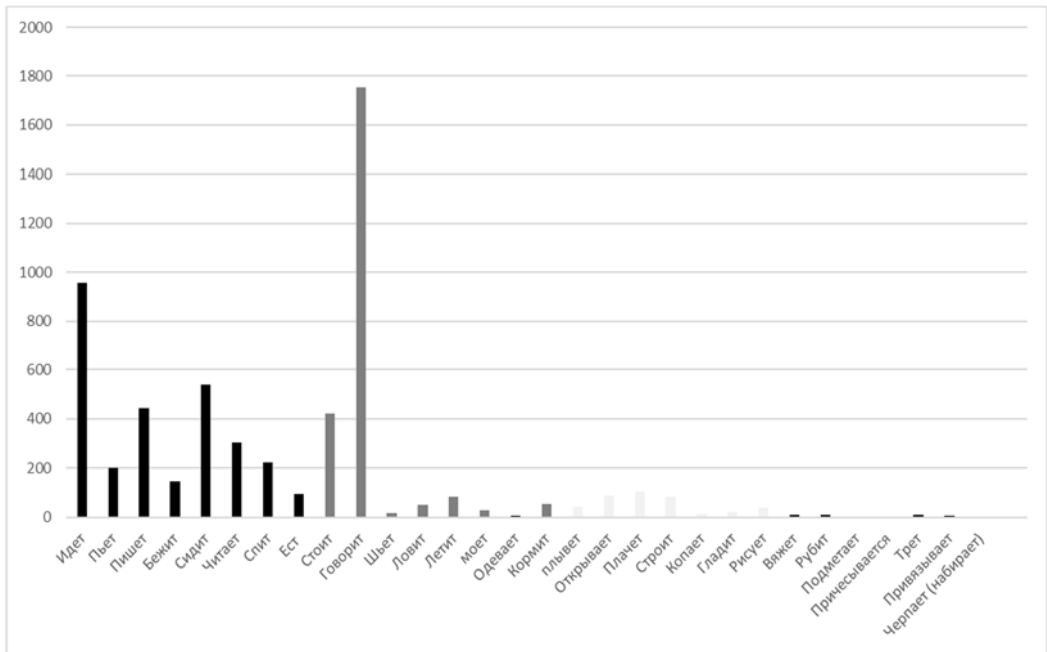

Рис. 3. Распределение частотности стимулов по словарю частотности (Ляшевская, Шаров, 2009) на основе МОРФ-81. Проба существительных (а) и глаголов (б) / Distribution of stimuli frequency according to The Frequency Dictionary (Ляшевская, Шаров, 2009) based on «Methodology for assessing speech in aphasia». Sample of nouns (a) and verbs (b)

8. Перспективы развития русскоязычных тестов

В начале XXI века на русский язык были переведены западные батареи: BDAE (2001), WAB-R (2007), CAT (2004), а также адаптированы скрининговые тесты, включающие задания на называние («Быстрый тест на афазию»). Однако, как и в других странах, в России в последние годы намечается специализация тестов с учетом возрастных и клинических особенностей. Реализация этого подхода становится возможной благодаря уточнению ряда нормативов для русского языка.

На основе стимулов Snodgrass & Vanderwart (1980) установлены субъективные нормы возраста усвоения (Tsaparina, Bonin & Méot 2011), для ряда лексем и объективный возраст (Grigoriev & Oshhepkov 2013). В 2009 году вышел Новый частотный словарь русской лексики (Ляшевская, Шаров 2009), приводящий частотные списки лемм и словоформ. Данные по низкочастотной лексике доступны из Национального корпуса русского языка. Большинство ключевых параметров представлены в базах психолингвистических стимулов «Существительное и объект» и «Глагол и действие» (Akinina et al. 2014), а также в онлайн-базе StimulStat (Alexeeva, Slioussar & Chernova 2018). Наконец, для 506 существительных определены психолингвистические параметры, связанные с физическими свойствами объектов: преобладающая модальность, пространственная ориентация, возможность управлять объектом при помощи рук и др. (Miklashevsky 2017). Наличие таких исследований позволяет учитывать необходимые параметры при составлении тестов.

В качестве примера можно обратиться к проведенному анализу частотности. Поскольку анализ существующих тестов показал разницу между лексемами при опоре на разные источники, при составлении нового теста необходима разработка нового набора. Первоначальный выбор корпуса должен соответствовать целевой группе. Так, более высокая частотность ряда лексем в корпусе детской речи дает основания опираться на возрастные корпуса. Распределение стимулов по частотности в выбранном корпусе позволит выявить степень участия параметра в лексическом доступе для исследуемого дефицита, предположить уровень нарушения и соотнести его с этиологией поражения. Опора на современные данные позволяет реализовать цели, заявленные разработчиками традиционных тестов – например, построение теста «от простого к сложному» на основе частотности. Применение подобного алгоритма для всех значимых параметров позволит повысить надежность и валидность.

Предпринимаются попытки создания психометрически и лингвистически достоверных тестов. Тест «КОРАБЛИК», разработанный авторами Русского теста афазии (РАТ: Ivanova et al. 2021), использует цветные версии стимульных изображений, позволяющие удерживать внимание дошкольников (Глозман, Потанина, Соболева 2008). Русский интраоперационный тест (Драгой и др. 2016) разработан с учетом психолингвистических параметров. Дальнейшее развитие в этом направлении представляется наиболее продуктивным.

9. Заключение

Анализ тестов на называние с точки зрения дизайна, тестовых стимулов и параметров показывает высокую специфичность переменных. Это неудивительно – даже такой упрощенный метод изучения номинативной функции вызывает сложнейшие когнитивные процессы и подвержен влиянию разнообразных факторов. При этом лингвистические факторы (лексическая частотность, семантика, культурные ассоциации, связь с уровнем образования и лексическим запасом) не менее важны, чем процедура проведения, а проблематизация и теоретическая онтологизация применяемой модели выходит на первый план.

Сравнение популярных тестов и соответствующих критических замечаний подтверждает, что даже при соблюдении психометрических требований один и тот же параметр может иметь неодинаковое влияние на результат, а один и тот же стимул – вызывать различную реакцию у разных групп. Интерпретация результатов на основе данных, полученных при недостаточном контроле, способна приводить к ложным выводам: теоретическим (например, установлении корреляции между переменными) и диагностическим. Напротив, выделение ключевых параметров и строгий контроль при разработке теста позволит получать информативные результаты в соответствии с профилем испытуемых и целью диагностики. В настоящем исследовании мы показали, как недостаточная нормированность единственного параметра – лексической частотности может влиять на результаты и какие сложности возникают при нормировании. Для создания или адаптации любого теста первостепенна целевая группа. Тем не менее, подобный пошаговый дизайн (от целевой группы к выбору базы данных и, далее, получению максимально релевантных показателей) должен осуществляться для всех параметров, выделенных в качестве ключевых. Рассмотренный параметр частотности может служить моделью подхода ко всей сложности взаимосвязанных параметров.

Согласно литературным данным тест на называние изображений продолжает оставаться эффективным, доступным и простым в использовании способом психолингвистической диагностики. Однако в отличие от универсальных тестов конца XX века современный стандартизированный тест должен легко подстраиваться под специфику конкретной группы. Речь идет о создании не идеального теста в вакууме, но конструктора для настройки необходимых показателей и параметров для таргетированного изучения нарушений. Можно предложить следующую метафору. Вместо амбарных весов, способных взвесить количественно тот или иной дефицит, необходим микроскоп, который укажет на качественные и конкретные нарушения. Некоторые факторы могут быть выделены для эвристических целей и нормированы отдельно, дабы далее быть объединенными в единый тест (табл. 3).

Таблица 3. Алгоритм разработки теста и ключевые лингвистические параметры /
 Table 3. An algorithm of designing the test and key linguistic parameters

Этап	Значимые показатели	Принципы нормирования	Пример
Определение целевой группы	Важно: возраст, язык, предполагаемый дефицит Дополнительно: социально значимые данные, билингвизм	Необходимо по возможности конкретизировать характеристики группы: “одна группа – один тест”	Целевая группа: русскоязычные дети 7-16 лет с предполагаемыми нарушениями лексического доступа в результате локализованного поражения мозга
Определение параметров, значимых для дизайна теста	Важно: точность / скорость / точность и скорость Дополнительно: название объектов / действий / объектов и действий	Учитываются как накопленные данные по фактическим нарушениям у сходных целевых групп, так и модель лексического доступа, принятая в качестве рабочей и позволяющая предположить ожидаемые типы нарушений	Чаще всего нарушаются: точность и скорость называния; возможна количественная оценка степени нарушения Лингвистические параметры, наиболее характерные для большинства нарушений лексического доступа: лексическая частотность, возраст усвоения, слоговая и фонемная длина (Tsaparina, Bonin & Méot 2011) Параметры, значимые в младшей возрастной группе: количество фонологических соседей (Arutiunian & Lopukhina 2020) При поражении сенсомоторных зон: физическое взаимодействие с объектом (BOI), возможность управлять объектом при помощи рук (Miklashevsky 2017)
Поиск экспериментально выделенных, подтвержденных нормативов (при наличии)	Большие данные, в т.ч. лингвистические корпуса: объем, тип источника, наличие разметки Экспериментальные данные: объем выборки, метод эксперимента, статистическая значимость	При отсутствии корпусных или экспериментальных данных требуется предварительное нормирование.	Частотность, возраст усвоения, слоговая и фонемная длина: StimulStat (Slioussar & Chernova. 2018) Сенсомоторные параметры: Miklashevsky 2017
Определение зависимых и независимых переменных на основе потребностей группы (см. Этап 1)	При выборе нескольких переменных: возможная корреляция, маскирующие эффекты (например, возраст усвоения и частотность)	Как и на предыдущих этапах, необходимо опираться на ранее проведенные исследования и лингвистические данные.	Взаимодействие между возрастом усвоения и лексической частотностью: необходимо установить первичный источник наблюдаемых эффектов

При разработке подобного теста необходимо учитывать следующие факторы.

1. Нейроанатомические и нейрофизиологические особенности клинически диагностированного дефицита.

2. Психологические, социальные, этнические и лингвистические характеристики исследуемой группы (возраст, уровень образования, возможный билингвизм).

3. Экспериментально полученные параметры стимулов, релевантные для испытуемых с учетом вышеперечисленных факторов.

4. Психометрические характеристики.

Автоматизированная процедура настройки и проведения позволит минимизировать внешнее воздействие, а соблюдение перечисленных выше принципов – получить максимально информативные данные. Соответствующий этим требованиям тест на называние изображений – один из наиболее традиционных инструментов нейропсихологии – сохранит значимость в ряду других диагностических и исследовательских методик XXI века.

Благодарности и финансирование

Авторы статьи выражают благодарность рецензентам за сделанные замечания, которые помогли в работе над статьей. Статья подготовлена в рамках проекта № 050738–0–000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Acknowledgements and funding

The authors of the article express their gratitude to the reviewers for their comments, which helped in the work on the article. This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050738–0–000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Веракса А.Н., Алмазова О.В., Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А. Диагностика развития речи в старшем дошкольном возрасте: батарея нейропсихологических методик и нормы [Электронный ресурс] // *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т.10. № 3. С. 256–282. https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2021_n3/Veraksa_et_al (дата обращения: 09.06.2023). [Veraksa, Aleksandr N., Olga V. Almazova, Ekaterina S. Oshchepkova, Darya A. Bukhalenkova. 2021. Diagnostika razvitiya rechi v starshem doshkol'nom vozraste: batareya neiropsikhologicheskikh metodik i normy (Diagnostics of speech development in senior preschool age: A complex of neuropsychological techniques and norms). *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* 10 (3). 256–282. (In Russ.). (https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2021_n3/Veraksa_et_al) (accessed 9 June 2023)]. <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100313>
- Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. [Glozman, Zhanna M., Anna Yu. Potanina & Aleksandra Y. Soboleva. 2008. *Neiropsikhologicheskaya diagnostika v doshkol'nom vozraste* (Neuropsychological diagnostics in preschool age). 2nd edn. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)].
- Драгой О.В., Крабис А.В., Толкачева В.А., Буклина С.Б. Русский интраоперационный тест на называние: стандартизированный инструмент для картирования функции называния существительных и глаголов во время нейрохирургических операций в сознании // *Российский журнал когнитивной науки*. 2016. Т. 3. № 4. С. 4–25. [Dragoy, Olga, Anna Chrabaszcz, Valeria Tolkacheva & Svetlana Buklina. 2016. Russian

- intraoperative naming test: A standardized tool to map noun and verb production during awake neurosurgeries. *The Russian Journal of Cognitive Science* 3 (4). 4–25. (In Russ.).
- Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 1969. [Luria, Alexander R. 1969. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh mozga* (Higher cortical functions and their disturbances in local brain lesions). 2nd edn. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).]
- Марковская И.Ф. Задержка психического развития (клинико-нейропсихологическая диагностика). М.: Научное объединение «Компенс-центр», 1993. [Markovskaya, Inessa F. 1993. *Zaderzhka psikhicheskogo razvitiya (kliniko-neiropsikhologicheskaya diagnostika)* (Mental retardation (clinical and neuropsychological diagnostics)). Moscow: Nauchnoe ob"edinenie "Kompens-tsentr" Publ. (In Russ.).]
- Нейропсихологическая диагностика. Классические стимульные материалы / сост. Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. М.: Генезис, 2010. [Balashova, Elena Yu. & Mariya S. Kovyazina (eds.). 2010. *Neiropsikhologicheskaya diagnostika. Klassicheskie stimul'nye materialy* (Neuropsychological diagnostics. Classical incentive materials). Moscow: Genезis Publ. (In Russ.).]
- Фотекова Т.А., Ахутина Т.В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ, 2002. [Fotekova, Tatyana A. & Tatyana V. Akhutina. 2002. *Diagnostika rechevykh narushenii shkol'nikov s ispol'zovaniem neiropsikhologicheskikh metodov: Posobie dlya logopedov i psikhologov* (Diagnostics of speech disorders of schoolchildren using neuropsychological methods: A guide for speech therapists and psychologists). Moscow: ARKTI Publ. (In Russ.).]
- Цветкова Л.С., Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Методика оценки речи при афазии. М.: Издательство МГУ, 1981. [Tsvetkova, Lyubov S., Tatyana V. Akhutina & Nataliya M. Pylaeva. 1981. *Metodika otsenki rechi pri afazii* (Methods of speech assessment in aphasia). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).]
- Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика* / сост. А.А., Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 350–388. [Evans, Vyvyan. 2015. Conceptual vs. inter-lexical polysemy: An LCCM theory account. In Andrei A. Kibrik, Aleksei D. Koshelev (comps. and eds.); Alexander V. Kravchenko, Yuliya V. Mazurova, Olga V. Fedorova (eds.), *Language and Thought: Contemporary Cognitive Linguistics*, 350–388. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. (In Russ.).]
- Akinina, Yulia, Svetlana Maljutina, Maria Ivanova, Ekaterina Iskra, Elena Mannova & Olga Dragoy. 2014. Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods* 47 (3). 691–707. <https://doi.org/10.3758/s13428-014-0492-9>
- Araújo, Susana, Alexandra Reis, Karl Magnus Petersson & Luís Fátisca. 2015. Rapid automatized naming and reading performance: A meta-analysis. *Journal of Educational Psychology* 107 (3). 868–883. <https://doi.org/10.1037/edu0000006>
- Ardila, Alfredo. 2007. Toward the development of a cross-linguistic naming test. *Archives of Clinical Neuropsychology* 22 (3). 297–307. <https://doi.org/10.1016/j.acn.2007.01.016>
- Arutiunian, Vardan & Anastasiya Lopukhina. 2020. The effects of phonological neighborhood density in childhood word production and recognition in Russian are opposite to English. *Journal of Child Language* 47 (6). 1244–1262. <https://doi.org/10.1017/S0305000920000112>

- Alekseeva, Maria, Andriy Myachykov, Beatriz Bermudez-Margaretto & Yury Shtyrov. 2022. Neurophysiological correlates of automatic integration of voice and gender information during grammatical processing. *Scientific Reports* 12 (1). 1–11. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-14478-2>
- Alexeeva, Svetlana, Natalia Slioussar & Daria Chernova. 2018. StimulStat: A lexical database for Russian. *Behavior Research Methods* 50 (6). 2305–2315. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0994-3>
- Beeson, Pelagie M., Audrey L. Holland & Laura L. Murray. 2007. Naming famous people: An examination of tip-of-the-tongue phenomena in aphasia and Alzheimer's disease. *Aphasiology* 11 (4–5). 323–336. <https://doi.org/10.1080/02687039708248474>
- Bortnik, Kirsty E., Kyle Brauer Boone, Johnny Wen, Po Lu, Maura Mitrushina, Jill Razani & Teresa Maury. 2013. Survey results regarding use of the Boston Naming Test: Houston, we have a problem. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology* 35 (8). 857–866. <https://doi.org/10.1080/13803395.2013.826182>
- Brodeur, Mathieu B., Emmanuelle Dionne-Dostie, Tina Montreuil & Martin Lepage. 2010. The bank of standardized stimuli (BOSS), a new set of 480 normative photos of objects to be used as visual stimuli in cognitive research. *PLoS ONE* 5 (5). <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0010773> (accessed 9 June 2023). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0010773>
- Cattell, James McKeen. 1886. The time it takes to see and name objects. *Mind* 11 (41). 63–65. <https://doi.org/10.1093/mind/os-xi.41.63>
- Caramazza, Alfonso, Stefano Anzellotti, Lukas Strnad & Angelika Lingnau. 2014. Embodied cognition and mirror neurons: A critical assessment. *Annual Review of Neuroscience* 37 (1). 1–15. <https://doi.org/10.1146/annurev-neuro-071013-013950>
- Cruice, Madeline N., Linda E. Worrall & Louise M.H. Hickson. 2000. Boston Naming Test results for healthy older Australians: A longitudinal and cross-sectional study. *Aphasiology* 14 (2). 143–155. <https://doi.org/10.1080/026870300401522>
- Eloi, Janelle M., Jennifer Lee, Erica N. Pollock, Fadi M. Tayim, Matthew J. Holcomb, Rayna B. Hirst, Carly Tocco, Stephanie J. Towns, Jonathan D. Lichtenstein & Robert M. Roth. 2021. Boston Naming Test: Lose the noose. *Archives of Clinical Neuropsychology* 36 (5). 1465–1472. <https://doi.org/10.1093/arclin/acab017>
- Elsherif, Mahmoud, Emma Preece & Jonathan C. Catling. 2023. Age-of-acquisition effects: A literature review. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition* 49 (5). 812–847. <https://doi.org/10.1037/xlm0001215>
- Fairs, Amie, Amandine Michelas, Sophie Dufour & Kristof Strijkers. 2021. The same ultra-rapid parallel brain dynamics underpin the production and perception of speech. *Cerebral Cortex Communications* 2 (3). <https://academic.oup.com/cercorcomms/article/2/3/tgab040/6295983?login=true> (accessed 14 June 2023). <https://doi.org/10.1093/texcom/tgab040>
- Feng, Chen, Markus F. Damian & Qingqing Qu. 2021. Parallel processing of semantics and phonology in spoken production: Evidence from blocked cyclic picture naming and EEG. *Journal of Cognitive Neuroscience* 33 (4). 725–738. https://doi.org/10.1162/jocn_a_01675
- German, Diane J. 2015. *Test of Word Finding*. 3rd edn. Austin, TX: Pro-ED, Inc.
- Georgiou, Eliza Eleni-Zacharoula, Savvina Prapiadou, Vasileios Thomopoulos, Maria Skondra, Marina Charalampopoulou, Asimina Pachi, Alexandra Anagnostopoulou, Theofanis Vorvolakos, Robert Perneczky, Antonios Politis & Panagiotis Alexopoulos. 2022. Naming ability assessment in neurocognitive disorders: A clinician's perspective. *BMC Psychiatry* 22 (1). <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-022-04486-x> (accessed 14 June 2023). <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04486-x>

- Grigoriev, Andrei & Ivan Oshhepkov. 2013. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables. *Behavior Research Methods* 45 (4). 1208–1217. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0319-0>
- Harry, Alexandra & Simon F. Crowe. 2014. Is the Boston Naming Test still fit for purpose? *The Clinical Neuropsychologist* 28 (3). 486–504. <https://doi.org/10.1080/13854046.2014.892155>
- Heikkola, Leena Maria, Ekaterina Kuzmina & Bård Uri Jensen. 2021. Predictors of object naming in aphasia: Does cognitive control mediate the effects of psycholinguistic variables? *Aphasiology* 36 (11). 1275–1292. <https://doi.org/10.1080/02687038.2021.1950607>
- Indefrey, Peter & Willem J. M. Levelt. 2004. The spatial and temporal signatures of word production components. *Cognition* 92 (1–2). 101–144. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2002.06.001>
- Ivanova, Maria V., Yulia S. Akinina, Olga A. Soloukhina, Ekaterina V. Iskra, Olga V. Buivolova, Anna V. Chrabaszcz, Ekaterina A. Stupina, Maria V. Khudyakova, Tatiana V. Akhutina & Olga Dragoy. 2021. The Russian Aphasia Test: The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian. *PLoS One* 16 (11). <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0258946> (accessed 11 June 2023). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258946>
- James, Deborah G.H., Wendy A. Ferguson & Andrew Butcher. 2016. Assessing children’s speech using picture-naming: The influence of differing phonological variables on some speech outcomes. *International Journal of Speech-Language Pathology* 18 (4). 364–377. <https://doi.org/10.3109/17549507.2015.1101159>
- Jarret, Julien, Perrine Ferré, Georges Chedid, Christophe Bedetti, Arnaud Bore, Yves Joannette, Isabelle Rouleau & Simona Maria Brambati. 2022. Functional Network and structural connections involved in picture naming. *Brain and Language* 231. <https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/handle/1866/26691> (accessed 11 June 2023). <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2022.105146>
- Kerr, Emilia, Bissera Ivanova & Kristof Strijkers. 2022. *Lexical access in speech production*. <https://psyarxiv.com/83xzn/> (accessed 14 June 2023). <https://doi.org/10.31234/osf.io/83xzn>
- Lakoff, George. 1990. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics* 1 (1). 39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>
- Levelt Willem J.M., Roelofs Ardi & Meyer Antje S. 1999. A theory of lexical access in speech production. *Behavioral and Brain Sciences* 22 (1). 1–38, 38–75. <https://doi.org/10.1017/s0140525x99001776> PMID: 11301520
- Li, Leon, Andrés Buxó-Lugo, Cassandra L. Jacobs & L. Robert Slevc. 2023. *Are lexical representations graded or discrete?* <https://psyarxiv.com/jxhuk/> (accessed 12 June 2023). <https://doi.org/10.31234/osf.io/jxhuk>
- MacWhinney, Brian. 2000. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. 3rd edition. New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781315805641>
- Macoir Joël, Chagnon Andréanne, Hudon Carol, Lavoie Monica, Wilson Maximiliano A. 2021. TDQ-30-A new color picture-naming test for the diagnostic of mild anomia: Validation and normative data in Quebec french adults and elderly. *Arch Clin Neuropsychol* 36 (2). 267–280. <https://doi.org/10.1093/arclin/acz048> PMID: 31792492
- Martielli, Tammy Mandernach & Lynn Bennett Blackburn. 2015. When a funnel becomes a martini glass: Adolescent performance on the Boston Naming Test. *Child Neuropsychology* 22 (4). 1–13. <https://doi.org/10.1080/09297049.2015.1014899>
- Miklashevsky, Alex. 2017. Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: Modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables. *Journal of Psycholinguistic Research* 47 (3). 641–661. <https://doi.org/10.1007/s10936-017-9548-1>

- Newman, Rochelle S., Diane J. German & Jennifer R. Jagielko. 2017. Influence of lexical factors on word-finding accuracy, error patterns, and substitution types. *Communication Disorders Quarterly* 39 (2). 356–366. <https://doi.org/10.1177/1525740117712205>
- Perret, Cyril & Patrick Bonin. 2018. Which variables should be controlled for to investigate picture naming in adults? A Bayesian meta-analysis. *Behavior Research Methods* 51 (6). 2533–2545. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1100-1>
- Petilli, Marco A., Fritz Günther & Marco Marelli. 2022. The Flickr frequency norms: What 17 years of images tagged online tell us about lexical processing. *Behavior Research Methods*. <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-022-02031-y> (accessed 12 June 2023). <https://doi.org/10.3758/s13428-022-02031-y>
- Reifegerste, Jana, Antje S. Meyer, Pienie Zwitserlood & Michael T. Ullman. 2021. Aging affects steaks more than knives: Evidence that the processing of words related to motor skills is relatively spared in aging. *Brain and Language* 218. 104941. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2021.104941>
- Kiefer, Markus & Friedemann Pulvermüller. 2012. Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions. *Cortex* 48 (7). 805–825. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2011.04.006>
- Rofes, Adrià, Vânia De Aguiar & Gabriele Miceli. 2015. A minimal standardization setting for language mapping tests: An Italian example. *Neurological Sciences* 36 (7). 1113–1119. <https://doi.org/10.1007/s10072-015-2192-3>
- Schmitter-Edgecombe, Maureen, M. Vesneski & D.W.R. Jones. 2000. Aging and word-finding: A comparison of spontaneous and constrained naming tests. *Archives of Clinical Neuropsychology* 15 (6). 479–493. <https://doi.org/10.1093/arclin/15.6.479>
- Snodgrass, Joan G. & Mary Vanderwart. 1980. A standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, image agreement, familiarity, and visual complexity. *Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory* 6 (2). 174–215. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.6.2.174>
- Snyder, Kathryn M., Kiefer J. Forseth, Cristian Donos, Patrick S. Rollo, Simon Fischer-Baum, Joshua Breier & Nitin Tandon. 2023. Critical role of the ventral temporal lobe in naming. *Epilepsia* 64 (5). 1200–1213. <https://doi.org/10.1111/epi.17555>
- Sulastri, Augustina, Margaretha S.S. Utami, Marijtje Jongsma, Marc Hendriks & Gilles van Luitelaar. 2018. The Indonesian Boston Naming Test: Normative data among healthy adults and effects of age and education on naming ability. *International Journal of Science and Research* 8 (11). 134–139. <https://doi.org/10.21275/ART20202307>
- Tsaparina, Diana, Patrick Bonin & Alain Méot. 2011. Russian norms for name agreement, image agreement for the colorized version of the Snodgrass and Vanderwart pictures and age of acquisition, conceptual familiarity, and imageability scores for modal object names. *Behavior Research Methods* 43 (4). 1085–1099. <https://doi.org/10.3758/s13428-011-0121-9>
- Ward, Emma, Sonia Brownsett, Katie McMahon, Gesa Hartwigsen, Matteo Mascelloni & Greig Ian de Zubicaray. 2022. Online transcranial magnetic stimulation reveals differential effects of transitivity in left inferior parietal cortex but not premotor cortex during action naming. *Neuropsychologia* 174 (3). 108339. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2022.108339>

Словари / Dictionaries

- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [Lyashevskaya, Olga N. & Sergei A. Sharov. 2009. Chastotnyi slovar' sovremennogo

russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) (Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)]

Article history:

Received: 15 June 2023

Accepted: 20 August 2023

Сведения об авторах:

Ольга Игоревна МОРКОВИНА – кандидат филологических наук, преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник лаборатории диагностики и развития когнитивных функций НИИ развития мозга РУДН. Ее исследовательские интересы включают нейро- и психолингвистику, экспериментальные методы изучения языка, изучение концептуальной метафоры, лингвопоэтику, когнитивную поэтику.

e-mail: olga.altukhova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-9528-9450>

Луиза Нахидовна ГИШКАЕВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия. Область её исследований – сравнительно-сопоставительное исследование языков и культур, национально-культурное своеобразие функционирования языков, дискурс-анализ, анализ медиатекста, культурная семантика, межкультурная коммуникация. Она автор более 70 публикаций, среди которых – статьи, научные доклады, главы монографий.

e-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7627-5375>

Анастасия Андреевна ШАРАПКОВА – кандидат филологических наук, преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией диагностики и развития когнитивных функций НИИ развития мозга РУДН. Ее исследовательские интересы включают когнитивные исследования языка, изучение мифологии как культурного и когнитивного феномена, академический английский. Она является автором и соавтором многочисленных публикаций, включающих главы в международных коллективных монографиях и статьи в отечественных и зарубежных журналах, включая *Вопросы когнитивной лингвистики*, *Научный диалог*, *Fachsprache*, *Terminologija*, *Jezikoslovlje* и др.

e-mail: warapkova@mail.ru, sharapkova_aa@pfur.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5378-2729>

Bionotes:

Olga I. MORKOVINA holds a PhD in Philology and is a lecturer of the English Department of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics at Lomonosov Moscow State University, and a researcher at the RUDN Laboratory of Diagnostics and Advancing Cognitive Functions of the Research Institute for Brain Development and Peak Performance. Her research interests include neuro- and psycholinguistics, experimental methods of language learning, the study of conceptual metaphor, linguopoetics, and cognitive poetics.

e-mail: olga.altukhova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-9528-9450>

Luiza N. Gishkaeva holds a Ph.D. in Philology and is Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology at RUDN University (Moscow, Russia). The areas of her research include comparative study of languages and cultures, cultural specificity of the functioning of languages, discourse analysis, media text analysis, cultural semantics, and intercultural communication. She has authored and co-authored more than 70 publications, including articles, scientific reports, and book chapters.

e-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7627-5375>

Anastasia A. SHARAPKOVA holds a PhD in Philology and is a Lecturer of the English Department of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University. She is Head of the RUDN Laboratory of Diagnostics and Advancing Cognitive Functions at the Research Institute for Brain Development and Peak Performance. Her research interests include cognitive linguistics, the study of mythology as a cultural and cognitive phenomenon, and academic English. She is the author and co-author of numerous publications, including book chapters and articles in Russian and international journals, such as *Issues of Cognitive Linguistics*, *Nauchnyi Dialog (Scientific Dialogue)*, *Terminologija*, *Jezikoslavlje*, among others.

e-mail: warapkova@mail.ru, sharapkova_aa@pfur.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5378-2729>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35124>
EDN: TMCAJL

Book Review / Рецензия

**Review of Eda Derhemi and Christopher Moseley (eds.). 2023.
Endangered Languages in the 21st Century.
London: Routledge**

Fariz ALNIZAR

Nahdlatul Ulama University of Indonesia, Jakarta, Indonesia
 fariz@unusia.ac.id

For citation:

Alnizar, Fariz. 2023. Review of Eda Derhemi and Christopher Moseley (eds.). 2023. *Endangered Languages in the 21st Century*. London: Routledge. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 745–749. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35124>

Рецензия на книгу:

Eda Derhemi, Christopher Moseley (eds.). 2023. *Endangered Languages in the 21st Century*. London: Routledge

Фариз АЛНИЗАР

Индонезийский университет Нахдлатул Улама, Джакарта, Индонезия
 fariz@unusia.ac.id

Для цитирования:

Alnizar F. Review of Eda Derhemi and Christopher Moseley (eds.). 2023. *Endangered Languages in the 21st Century*. London: Routledge. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 745–749. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35124>

The book “Endangered Languages in the 21st Century” offers research on endangered languages in the contemporary world, the challenges that still need to be addressed, the work that remains to be done, and the methods and practices that have come to characterize efforts to revive and maintain disadvantaged indigenous languages around the world. With contributions from scholars across the field, the book provides fresh data and insights into this crucial, yet relatively young, field of linguistics. While recognizing the unprecedented threat of language loss, the studies primarily focus on cases that exhibit resilience and explore pathways towards

© Fariz Alnizar, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

sustainable progress. The articles also serve as a tribute to the 25 years of work by the Foundation for Endangered Languages (FEL) and as a farewell gift to FEL's founder and quarter-century chair, Nick Ostler.

Scholars delve into endangered languages globally, examining factors contributing to their endangerment and efforts to preserve them. Nettle and Romaine (2000) depict their disappearance from the world, while Tsunoda (2004) provides a comprehensive overview of endangerment, covering degrees, definitions, causes, speakers, and documentation methods. Harrison (2008) focuses on the profound question of what is lost when a language dies, emphasizing the invaluable knowledge embedded within their structures and vocabularies. He showcases the dwindling number of speakers and the irreversible loss of cultural heritage, practical knowledge of nature, and insights into the human mind. This work appeals to linguists, anthropologists, and general readers, highlighting the pressing issue of language death and humanity's vast knowledge.

The authors in this book bring forth new data and cutting-edge research on endangered languages, allowing readers to develop a comprehensive understanding of the state of these languages. They explore effective methods and practices for revitalizing and preserving marginalized languages, including strategies for revitalization, language education, documentation, and collaboration with indigenous language communities. Moreover, the book also serves as a celebration and acknowledgement of the role played by FEL and its founder, Nick Ostler. The authors recognize the importance of this foundation in raising awareness and taking action to protect and promote endangered languages.

The book “Endangered Languages in the 21st Century” is a comprehensive collection of chapters that celebrates the resilience and progress of endangered languages in the contemporary world. Motivated by the departure of Nicholas Ostler, the founder of the organization dedicated to language preservation, and the 25th anniversary of the organization's work, this book offers a wide-ranging snapshot of the state of endangered languages, historical background, revival efforts, and the challenges that lie ahead. It also investigates unexplored geographical areas and presents comparative narratives. With an optimistic and realistic approach, the book aims to provide hope and inspiration for the sustainable progress of endangered languages.

Chapter 1 of the book, sets the tone for the entire volume by highlighting the surprising resilience of endangered Australian languages. The author, Michael Walsh, challenges the notion of their inevitable demise by showcasing creative ventures and the availability of post-secondary education in these languages. Through case studies, Walsh demonstrates the dissonance between predictions of language loss and the reality on the ground, offering hope for the future of Australian languages.

Chapter 2, discusses the establishment of an organization dedicated to language preservation. The chapter focuses on Nicholas Ostler's vision and perseverance, which led to the formation of this organization. It highlights the enthusiastic

response to Ostler's proposal and the subsequent establishment of the organization, emphasizing the need for such initiatives to counter the neglect of endangered languages.

Chapter 3 provides an overview of the current state of endangered languages in various regions of the world. It acknowledges the unprecedented threat of language loss but focuses on the efforts being made to revive and maintain disadvantaged indigenous languages. The chapter explores the methods and practices that have emerged in these revitalization efforts, shedding light on the challenges faced by language preservation initiatives.

Chapter 4 delves into unexplored geographical areas where linguistic endangerment has rarely been comprehensively studied. It presents new comparative narratives that shed light on the endangered languages in these regions. By examining the historical background and current status of these languages, the chapter contributes to a deeper understanding of the challenges and opportunities for language resilience in these areas.

Chapter 5 emphasizes the significance of language preservation efforts in the face of the unprecedented threat of language loss. It highlights the importance of language diversity and its role in shaping cultural identity. The chapter also discusses the challenges faced by language preservation initiatives, including the lack of resources, the need for community involvement, and the importance of political will.

Chapter 6 focuses on empirical studies of sustainable language maintenance and use. It highlights the advances made in overcoming challenges and the best practices that have emerged. The chapter presents case studies that illustrate the success of language revival programs, the challenges of maintaining momentum, and the need for leadership and codification.

Chapter 7 pays tribute to Nicholas Ostler's contributions to the field of language preservation. It highlights his vision, perseverance, and dedication to the cause of language diversity and also explores Ostler's linguistic interests and his role in the development of corpus linguistics. It emphasizes the importance of Ostler's legacy and the need to continue his work.

The book concludes with Chapter 8, summarizing the key themes and contributions of the chapters. It emphasizes the importance of language diversity and the need for sustained efforts to preserve endangered languages. The conclusion also highlights the progress that has been made in language revitalization efforts and the challenges that lie ahead. The chapter offers hope and inspiration for the sustainable progress of endangered languages.

This book offers a comprehensive coverage of the current state of endangered languages, providing readers with a deep understanding of the historical background, revival efforts, and the challenges that lie ahead. The book goes beyond the well-explored regions and delves into unexplored geographical areas, presenting comparative narratives that offer a wide-ranging snapshot of the state of endangered languages in the contemporary world.

One of the strengths of the book is its optimistic and realistic approach to the

issue of language endangerment. While acknowledging the unprecedented threat of language loss, the book primarily focuses on the efforts being made to revive and maintain disadvantaged indigenous languages. It highlights the resilience of communities and their determination to preserve their linguistic heritage. By emphasizing these positive aspects, the book offers hope and inspiration for the sustainable progress of endangered languages.

The contributions in the book come from experts in the field of language preservation, including linguists, anthropologists, and educators. They provide well-researched and valuable insights into the challenges and opportunities for language resilience. Their diverse perspectives enrich the book and contribute to a comprehensive understanding of the multifaceted nature of language preservation.

Furthermore, this book emphasizes the importance of community involvement in language preservation efforts. It recognizes that language revitalization is most effective when it is driven by the community itself. The book highlights the need for sustained efforts and the crucial role of political will in supporting language preservation initiatives. It underscores the significance of empowering local communities to take ownership of their languages and cultures.

However, one limitation of the book is its limited geographical coverage. While it provides a comprehensive analysis of the state of endangered languages in regions such as Australia, Central Asia, Northern Africa, and Brazil, it neglects other regions of the world where language endangerment is a significant issue. A broader geographic scope would have made the book more inclusive and representative of the global challenges faced by endangered languages. Another aspect that could be taken into consideration refers to the diversity of perspectives presented in the book. While the contributions come from experts in the field, it would have been beneficial to include perspectives from speakers of endangered languages and community leaders actively involved in language preservation efforts. Their insights would have added a firsthand and culturally nuanced dimension to the book's discourse. Additionally, the book lacks a comprehensive discussion on funding for language preservation efforts. While it acknowledges the need for sustained efforts, it does not delve into the financial resources required to support these initiatives. A more thorough exploration of funding mechanisms and strategies could have provided practical guidance for those involved in language revitalization projects. Lastly, the book could have further explored the role of technology in language preservation efforts. While it recognizes the importance of media and communications networks in enabling communication in the mother tongue, it does not extensively discuss the use of technology, such as digital platforms and language-learning applications, in supporting language revitalization. This aspect could have been expanded upon to showcase innovative approaches in the field.

In conclusion, the book offers a comprehensive overview of the state of endangered languages, shedding light on their challenges and revival efforts. It takes an optimistic and realistic approach, providing valuable insights from experts in the field. It gives an informative and thought-provoking resource for researchers,

activists, and individuals interested in the preservation of endangered languages. This book will be informative for researchers, instructors, and specialists in the field of endangered languages. It can also be useful for university students at the graduate or undergraduate level, as well as language activists. Through its pages, readers can gain an elaborative understanding of the challenges faced by endangered languages in the modern era and the efforts being made to preserve and revitalize them.

REFERENCES

- Harrison, K. David. 2008. *When Languages Die: The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
- Nettle, Daniel & Suzanne Romaine. 2000. *Vanishing Voices: The Extinction of the World's Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Tsunoda, Tasaku. 2004. *Language Endangerment and Language Revitalization*. Berlin: De Gruyter Mouton.

Revier history:

Received: 01 July 2023

Accepted: 15 August 2023

Bionote:

Fariz ALNIZAR, PhD, is Associate Professor at the Faculty of Islam Nusantara, Nahdlatul Ulama University of Indonesia, Jakarta, Indonesia. He graduated from the Doctoral Program of Humanities Sciences, Faculty of Cultural Sciences, Universitas Gadjah Mada. His research interests include language, religious issues and “linguistic violence”. He has published a number of papers, columns and essays in print and online scientific journal and national media.

e-mail: fariz@unusia.ac.id

<https://orcid.org/0000-0003-4085-5057>

Сведения об авторе:

Фариз АЛНИЗАР имеет степень PhD и является доцентом факультета ислама Индонезийского университета Нахдлатул Улама (Джакарта, Индонезия). Он закончил докторантуру в области гуманитарных наук при факультете культурологии Университета Гаджа Мада. Занимается исследованием языка и вопросов религиоведения, в частности проблем «языкового насилия». Автор ряда публикаций в научных журналах и СМИ.

e-mail: fariz@unusia.ac.id

<https://orcid.org/0000-0003-4085-5057>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35725>

EDN: TJLRFY

Book Review / Рецензия

**Review of Mel'čuk, Igor. 2023. *General Phraseology Theory and Practice*. Amsterdam/Philadelphia:
John Benjamins**

Marina L. NOVIKOVA

RUDN University, Moscow, Russia

 novikova-ml@rudn.ru

For citation:

Novikova, Marina L. 2023. Review of Mel'čuk, Igor. 2023. *General Phraseology Theory and Practice*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 750–757. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35725>

Рецензия на книгу:

**Mel'čuk, Igor. *General phraseology theory and practice*.
Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2023.**

М.Л. НОВИКОВА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 novikova-ml@rudn.ru

Для цитирования:

Novikova M.L. Review of Mel'čuk, Igor. 2023. *General Phraseology Theory and Practice*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. V. 27. № 3. P. 750–757. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35725>

A new book titled *General phraseology theory and practice* by the world-famous linguist Igor Mel'čuk has just been released. Igor Mel'čuk's name needs no introduction to the readers who are interested in modern linguistics throughout his prolific academic career spanning over six decades. He has published over 400 works in Russian, English, French and a couple of other–languages and developed the *Meaning-text theory* (Mel'čuk 1974, 1989, 2016, Mel'čuk

© Marina L. Novikova, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

& Milicevic 2020 among many others)¹ formalizing the algebraic approach to describing language models. A student of the renowned Soviet linguist Reformatskiy, he has also been at the forefront of mathematical linguistics and participated in the development of the first machine translation system in the USSR back in the 1950s. He has carried the interest for this multidisciplinary field over to the twenty-first century.

The ideas regarding the necessity to research and classify linguistic phenomena in a precise and rigorous manner had emerged in the late nineteenth century, with interest in collocations expressed by such famous Russian scholars as Potebnya, Sreznevsky, Fortunatov, and Shakhmatov as well as such foreign linguists as Bally and Sweet. In the 1950s and 1960s, phraseology was developed within the structuralist paradigm, while the languages of the ethnic groups of the USSR as well as Germanic and Romance languages were studied within the structural-semantic paradigm. At that time questions of idiomaticity were raised, which led to the creation of criteria for distinguishing units of phraseology.

General Phraseology: Theory and Practice [GTP] is not his first step in establishing a general model of phraseology – the author made a significant contribution to the development of this branch of linguistics, starting in 1960 and has since then continued working in that area, publishing some milestone works, such as *Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics* (1995), *Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes* (2015) and *Clichés and Pragmatemes* (2020).

The decision to focus on phraseology, which, as Mel'čuk points out, is one of his favourite fields, came after his successful attempts to create the conceptual apparatus for linguistic morphology in 1982 and 2000 as well as the conceptual apparatus for semantics and syntax published in 2015 and 2021, respectively. In his interviews he emphasized the ever-present need to move forward, and never be idle: back in 2019 he said that the GTP book had already been in the making and he was waiting for the publishing house to greenlight it. The monograph under review consists of 11 chapters, each of which, in terms of its scope, can be treated as a standalone and complete monographic study.

The relevance and significance of the monograph are explained by the author who emphasizes that there have been many studies dedicated to phraseology, both theoretical and descriptive; however, its originality lies in being aimed at introducing a system of formal concepts necessary for describing phrasemes. According to Mel'čuk's definition, a phraseme is a multi-word expression that carries a specific meaning and cannot be constructed from individual words according to the general language rules.

Making generalizations regarding phraseology is a daunting task, taking into consideration the sheer number of tokens, which greatly exceeds any other previously described levels and subsystems by orders of magnitude. According to

¹ See also the Special Issue of the *Russian Journal of Linguistics* 2022 (4), Ivanova & Larina (2022) among others.

the author's estimates, the total number of phrasemes in a widely spoken language amounts to more than 5 million. The author remarks that "there are tons and tons and tons of texts on phraseology – theoretical and descriptive, which have discussed and continue discussing whatever one can imagine about phrasemes". Yet, he believes that "no work sets out to introduce a system of formal notions needed for a description of phrasemes» (p. 8).

According to the author's theory, the most important criteria for phraseological units are stability, reproducibility, integrity, and idiomaticity, with stability being a measure of combinability limitation. He argues against the ideas of Chomsky's generative grammar, saying that speakers of a language do not generate sentences when they speak, "generate" used in its mathematical sense, but merely produce them for a given meaning that they want to express. While at first glance Mel'čuk's ideas may seem highly philosophical, he, according to his own words, has never been interested in philosophy for the sake of philosophy, pointing out its impracticality. Focussing purely on the language, he also makes a distinction between philology and linguistics, stating that the former is primarily interested in texts. He also believes that phrasemes should be considered exclusively from a synthetic perspective, i.e., from meaning to text.

The book in question presents a multifaceted research, the scale and fundamentality of which are evident. This is demonstrated by the broad spectrum of the issues discussed, the development and application of various methodological approaches in the study of phraseology. The sizable work (280 pages) includes an Introduction, 11 chapters, the author's afterword, a comprehensive bibliography, and appendices. The book is captivating and can be read almost "in one breath." Behind the apparent stylistic ease, however, lie complex theoretical issues that the author systematically and methodically discusses using verbal illustrations, excellently structured and designed figures, formulas, diagrams, contemporary materials, classic quotations, and author's notes related to contemporary names and realities.

Before we proceed to the overview of the content and structure of the book per se, it is necessary to note a remarkable detail: Mel'čuk's students emphasize the memorability of the knowledge he transmitted to them as well as his bright and approachable personality and his great sense of humour, which allows him to talk about complex matters in an accessible way. These traits of the author's character are evident to the reader from the very beginning.

Speaking of the narrative, the author focuses on the practical aspects and engages the reader with his discourse right away, breaking the structural conventions and remarking that prefaces are rarely read, which has led him to naming the first part *Introduction* instead, outlining the terminology and providing bright and vivid examples.

The author's style is thorough and detailed as well as highly analytical. In his own words, rationalism has always been his inherent trait. Therefore, he allocates his linguistic resources in an efficient way with his text containing a high density

of significant information. He also defines the scope of the research, noting that his goal is to establish a formal description of phrasemes from a synchronic perspective, excluding any diachronic consideration, which aligns with his view of the role of linguistics in the modern scientific paradigm.

The emphasis on the formal properties of phrasemes and the proposal of a consistent template for their description demonstrate a systematic and methodological approach of the author. Being a polyglot, the author mainly relies on the languages that he has mastered to the level of highest proficiency, i.e., Russian, which is his mother tongue, as well as English and French. However, he does not limit himself to those languages and also cites examples in Spanish, which he studied at Moscow State University, Italian, Greek, Polish and other languages. Furthermore, he does not stop at the Indo-European language family, using such languages as Mandarin Chinese and Japanese, which serves to prove the universal character and applicability of his theory.

Having outlined the concept and importance of phraseology, in Chapter 1 “Phraseology as a linguistic discipline”, the author proceeds to explain the primary task of phraseology, which is “to systematically describe and exhaustively register in a lexicon the phrasemes of a given language”. He advocates for a strictly deductive approach to the construction of definitions, focusing on prototypical cases.

The object of Mel’čuk’s research per se determines its interdisciplinary character, which leads to the need of using terms from such areas as lexicology, syntax, semantics, etc. Mel’čuk divides phrasemes into two categories – non-compositional phrasemes such as idioms and *nominemes*, which are treated as lexical units and thus have their own entries, and compositional phrasemes such as collocations and clichés, which are not treated as lexical units, being instead described in the lexical entries of their bases and lexical anchors.

Chapter 2 “The notion of phraseme” continues the exploration of the notion of phraseme, focusing on the central concepts of constrained selection and compositionality. It is also worth noting that the long-term character of the author’s research prompted him to update his terminology, e.g., replacing the term *restricted* with *constrained*. By illustrating the difference between free selection and constrained selection, the author establishes a clear definition of phrasemes as phrases in which the selection of lexical units is not independent, but interdependent or constrained. The choice of such vivid and emotion-evoking examples as *I am pulling [your] leg* or *Greasy Corner* (a town in Arkansas), serves to clearly demonstrate these concepts to the reader. The author erroneously describes the latter as a town in Arizona on page 41: *To produce a multilexemic geographical name, such as New Mexico, Candy Kitchen (a village in the USA, New Mexico) or Greasy Corner (a town in the USA, Arizona)*, but in no way does that have any impact on the experience of the reader and the overall accuracy of the research.

Further, the focus is divided among the three families of phrasemes – morphemic, lexemic, and syntactic phrasemes; for example, the word *forget* is

composed of *for-* and *-get'*, but its meaning doesn't derive directly from these components. Similarly, the examples *Chicagoan* and *New-Yorker* show how different morphemic structures can be used to denote a person living in a particular city. The German circumfixes *ge-...-t* and *ge-...-en*, used to form past participles, also fall under this category (p. 53).

The second category, lexemic phrasemes, includes what is traditionally defined as idioms, and is more familiar to language learners with such examples as *kick the bucket* or *the mountain gave birth to a mouse*. Through the exploration of these categories, the author aims to achieve a deeper understanding of how meaning is constructed in languages, acknowledging that this process can occur at various levels and does not necessarily adhere to a simple compositional logic.

Chapter 3 “Lexemic phrasemes and their typology” (p. 56) delves deeper into the classification and understanding of lexemic phrasemes, defined by the author as complex linguistic signs with all their components being lexemes. He further details a typology of lexemic phrasemes, distinguishing between semantic-lexemic and conceptual-lexemic phrasemes and examining how free and constrained transitions between conceptual and semantic representations yield different types of phrasemes. The chapter concludes with a discussion of degenerate lexemes, a subset of lexemic phrasemes. The author develops an intricate typology for these, including quasi-lexemes, deviant lexemes, unilexemes, and quasi-unilexemes.

The artistic deformation of idioms is an intriguing linguistic phenomenon often employed in literary texts and informal conversation. By manipulating well-known idioms, speakers can generate novel expressions, enriching their speech with humour, irony, or emphasis. For example, the idiom *cast pearls before swine* could be creatively modified to *cast pearls before students*, changing the meaning to suggest that students are unable to appreciate valuable information or wisdom (p. 86).

The chapter explains that syntactic transformations such as passivization or relativization depend heavily on the meaning embedded within an idiom or a collocation. For instance, in such idioms as *'kick the bucket'*, the speaker's starting semantic choice precludes the possibility of such operations – it is not possible to try to passivize or relativize *'bucket'* in this idiom as it lacks an independent semantic value.

Chapters 4 “Idioms-1 – The theory” and 5 “Idioms-2 – Lexicographic description of three Russian idioms” discuss the application of the proposed theoretical model to the description of specific idioms, offering practical insights into the nature of idiomatic expressions. Mel'čuk chooses three Russian idioms – *užas kakoj* [X (Σ)], *čto za* [X], and *anjutiny glazki* as examples, explaining their complexity and provides an in-depth analysis of their structure, meaning, and usage.

The detailed exploration of the Russian idiom *užas kakoj* with the meaning of ‘extremely’, is particularly insightful. Mel'čuk identifies it as a non-compositional lexemic phraseme, emphasizing its function in intensifying both positive and negative connotations. The author also distinguishes the idiom from other related

expressions, providing a clearer understanding of the unique syntactic and semantic properties of each of them.

In Chapter 6 “Collocations” (p. 128), the author examines the notion of collocation, one of the key concepts in phraseology. He starts by defining a collocation and its components, setting the ground for further discussions. The chapter then progresses to elaborate on the properties of a collocation, covering its compositionality, complex lexemic components, the concept of degenerate lexemes, and the feature of syntactically discontinuous collocations. It also deals with the lexicographic description of collocations, presenting a detailed method for documenting and describing both semantically and syntactically motivated collocations.

Chapter 7 “Nominemes” (p. 152) explores the conceptual world of nominemes, a term defined as a non-compositional conceptual-lexemic phraseme, a multilexemic proper name, or a label identifying a unique individual referent without contributing any additional meaning. He emphasizes this point with such examples as *Leo Tolstoy*, the *Rolling Stones*, and the *Blue Nile*, which do not tell us anything about the entities they refer to other than their names. Mel’čuk highlights the distinct quality of nominemes due to which they can often include meaningful lexemes or are composed of them. However, he emphasizes that this does not give the nomineme a meaning. For instance, the nomineme “Big River” does not provide any information about the river other than its name. Any perceived meaning is, according to his words, a result of “inner form” or “semantic etymology.” (p. 153).

In Chapter 8 “Clichés” (p. 157), the author examines various types of clichés, introducing such terms as ‘termeme’, ‘formuleme’ and ‘sentenceme’. Focusing on the latter, it is worth noting that sentencemes often express general observations, advice, or wisdom, and as such, they may be frequently used in both spoken and written discourse. However, they are not just well-established sentences; rather, they represent a generic situation or a class of situations, serving as a kind of template that can be filled with specific content in actual use.

Further, in Chapter 9 “Pragmatemes” (p. 175), Mel’čuk examines pragmatemes, which include not only complex signs but also single lexemes in a given communicative situation. Unlike lexemic phrasemes, the lexemic expression of a pragmateme is determined by the context or the situation of its use. For instance, a ‘no parking’ sign is a compositional phraseme. which is constrained by the situation of its use making it a pragmateme, which can be signalative, clausative and have unique prosodic features.

Chapter 10 “Morphemic phrasemes” (p. 182) presents a comprehensive exploration of the concept of ‘morphemic phraseme’, exploring these phrasemes from various perspectives and classifying them into two major categories – semantic-morphemic phrasemes and conceptual-morphemic phrasemes. The former category is further divided into morphemic idioms and morphemic collocations.

Chapter 11 “Syntactic phrasemes” (p. 200) focuses on syntactic idioms. The author proceeds to draw distinctions between syntactic idioms and collocations, syntactic idioms and clichés, as well as syntactic idioms and proverbs.

To conclude the review, it should be noted that one of the merits of the monograph under review is its brilliant language and style of presentation as well as the accuracy and clarity of formulations presented by the author. While establishing thoroughly described intricate systems and following a strict logic, he manages to guide the readers through a clearly-structured text. Without any doubt, the *General Phraseology: Theory and Practice* presents a substantial and fundamental research of language in general and phraseology in particular. While there is no doubt the book will be valuable for academics, the author also managed to convey his ideas in a well-structured way that will make it accessible to the general public interested in linguistics. Academia should undoubtedly be congratulated on the publication of the remarkable and fundamental book by a prominent modern linguist Igor Mel’čuk.

REFERENCES

- Ivanova, Svetlana & Tatiana Larina. 2022. “Meaning \Leftrightarrow Text” Theory and the linguistic universe of Igor Mel’čuk. *Russian Journal of Linguistics* 26 (4). 857–880. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32635>
- Mel’chuk, Igor. 1974. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley “SMYSL \Leftrightarrow TEKST”* [Outline of a “Meaning \Leftrightarrow Text” Linguistic Model Theory]. Moskva: Shkola “Yazyki russkoykul’tury”. (In Russ).
- Mel’čuk, Igor. 1995. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, André Schenk & Rob Schreuder (eds.), *Idioms. Structural and psychological perspectives*, 167–232. Hillsdale, N.J. – Hove: Lawrence Erlbaum Associates.
- Mel’chuk, Igor. 2016. *Language: From Meaning to Text*. Moscow / Boston: Academic Studies Press.
- Mel’čuk, Igor. 2012. Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology* 3. 31–56. <https://doi.org/10.1515/phras-2012-0003>
- Mel’čuk, Igor. 2015. Clichés, an understudied subclass of phrasemes. *Yearbook of Phraseology* 6. 55–86. <https://doi.org/10.1515/phras-2015-0005>
- Mel’chuk, Igor. 2016. *Language: From Meaning to Text*. Moscow / Boston: Academic Studies Press.
- Mel’čuk, Igor. 2020. Clichés and pragmatemes. *Neophilologica* 32. 9–20. <https://doi.org/10.31261/NEO.2020.32.01>
- Mel’čuk, Igor & Jasmina Milicevic. 2020. *An Advanced Introduction to Semantics: A Meaning-Text Approach*. Cambridge: Cambridge university Press.

Revier history:

Received: 21 August 2023

Accepted: 01 September 2023

Bionote:

Marina L. NOVIKOVA is Doctor Habil. in Philology, Professor of the Department of Russian Language and Cultural Studies at the Russian Language Institute, RUDN University, and a member of the Editorial Board of *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Her research interests include linguistic poetics, fictional text studies, semiotic and semantic modeling, language as a semiosphere and cognitive studies.

e-mail: novikova-ml@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4673-067X>

Сведения об авторе:

НОВИКОВА Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии института русского языка РУДН им. П. Лумумбы, член редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» / “*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*”. Сфера ее научных интересов включает лингвистическую поэтику, художественный текст, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосферу и когнитивистику.

e-mail: novikova-ml@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4673-067X>

ЮБИЛЯРЫ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА

К 85-летию со дня рождения

«Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Она хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. <...> языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках», – эта мысль Светланы Григорьевны Тер-Минасовой, высказанная ею в книге «Язык и межкультурная коммуникация» (2000), на долгие годы определила направление ее собственного научного поиска, а также исследований ее учеников, последователей и единомышленников.

25 августа 2023 г. Светлане Григорьевне исполнилось 85 лет. Она по-прежнему активна, окружена коллегами, выступает на конференциях, пишет научные труды, стихи и мемуары. Ее творческий настрой и энергия не знают себе равных. Трудно вообразить человека, достижения которого столь значительны.

Отправной точкой профессионального становления Светланы Григорьевны стало окончание МГУ в 1961 г., с последующей работой на кафедре английского языка филологического факультета того же университета, которой заведовала О.С. Ахманова. Под ее руководством в 1970 г. Светлана Григорьевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Синтез продуктивных и полупродуктивных словосочетаний и вопрос о логике языка». Свидетельством научной зрелости стала докторская диссертация «Синтагматика функциональных стилей», защищенная в 1982 г.

В 1983 г. С. Г. Тер-Минасова стала заведующей кафедрой иностранных языков МГУ, а в 1988 г. возглавила открытый по ее инициативе факультет иностранных языков МГУ, который в 2005 г. был переименован в Факультет иностранных языков и регионоведения.

Новым словом в российском образовании стало инициированное С. Г. Тер-Минасовой в 1996 г. введение в российских вузах учебной специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Как позднее вспоминала Светлана Григорьевна, «в момент абсолютного триумфа технического прогресса и относительного торжества политических побед обнаружилось одно препятствие на пути к всеобщему братству – барьер языковой. <...> Неожиданно преподаватели иностранных языков оказались в центре общественного внимания: нетерпеливые легионы желающих преодолеть языковой барьер требовали немедленных результатов: все хотели путешествовать, общаться с иностранцами для дела (бизнеса), удовольствия, знакомства с иным, странным миром. <...> В этой обстановке факультет иностранных языков оказался “на переднем крае” внезапно открывшегося фронта». Изучение и преподавание межкультурной коммуникации стало глотком свежего воздуха, источником вдохновения для многих исследователей и широкого народного интереса к этому предмету. Было разработано множество новых учебных курсов, хлынул поток учебников, научных работ, конференций. Светлана Григорьевна занимала и продолжает занимать ведущее место в популяризации дисциплины, в том числе выступая с лекциями по телевидению, в вузах и школах страны, открывая многочисленным слушателям секреты межкультурного общения.

С.Г. Тер-Минасова также стала президентом-основателем Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ) и почетным президентом-основателем Национального объединения преподавателей английского языка (НАПАЯз/NATE/TESOL Russia). С 2019 г. она является Президентом факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Энтузиазм С.Г. Тер-Минасовой, ее неутомимость, самоотверженность и неустанный труд были отмечены званиями и наградами: она Заслуженный профессор МГУ, лауреат Ломоносовской премии за педагогическую деятельность, награждена орденом Дружбы, Почетной грамотой Президента Российской Федерации, медалью преподобного Сергия Радонежского I степени и многими другими знаками отличия.

Благодаря удивительной доброжелательности, обаянию, простоте в общении, умению увлечь и вести за собой, Светлана Григорьевна смогла установить многочисленные межкультурные связи. Зарубежные коллеги высоко ценят ее научную и просветительскую деятельность. Она отмечена многими наградами и премиями в Великобритании, США, Армении, Грузии, Китае, Японии и других странах.

С.Г. Тер-Минасова подготовила 68 кандидатов и докторов наук. Она автор более 200 научных работ, в том числе 10 монографий и многократно

переиздававшихся учебных пособий «Язык и межкультурная коммуникация», и «Война и мир языков и культур». Не только лингвисты, но и широкая общественность с огромным интересом читают ее книгу мемуаров «Записки динозавра», опубликованную в 2015 г. издательством «Слово».

Дорогая Светлана Григорьевна! Наш журнал поздравляет Вас с этим ярким юбилеем. Ваша жизнь – это пример того, как талант, упорство и любовь к науке приводят к удивительным открытиям и достижениям, открывая новые горизонты и меняя наши представления о мире и о себе. Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых блестящих идей, успешных исследований и радости общения с единомышленниками!

Редколлегия журнала